

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 336.71

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕДОВЕРИЯ К РЫНКУ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

А.А. Воронов

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются некоторые особенности финансового поведения потребителей банковских услуг в условиях экономического кризиса конца 2008 – начала 2009 года.

Ключевые слова: финансовое поведение, доверие, экономический кризис, экономическая социология.

Financial Behaviour of Saratov Population in the Conditions of Banking Crisis

A.A. Voronov

The article examines some features of financial behaviour of banking services consumers in the conditions of economic crisis of 2008–2009.

Key words: financial behaviour, trust, economic crisis, economic sociologi.

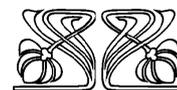
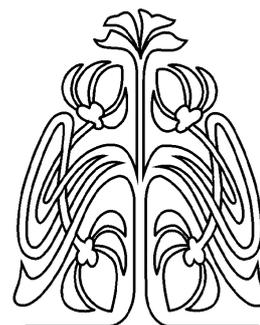
В настоящее время финансовое поведение населения на рынке банковских услуг является предметом изучения различных общественных наук, в частности, экономической теории, экономической психологии, экономической социологии, каждая из которых использует свои теоретические подходы и методы исследования.

В свою очередь, тема финансового поведения как социального феномена стала разрабатываться учеными еще на рубеже XIX–XX столетий (теории социального действия М. Вебера и Т. Парсонса, социальных изменений и социального поля П. Штомпки, коммуникативного действия Ю. Хабермаса, рационального выбора Дж. Коулмана, сетевого подхода Х. Уайта и М. Гранноветера и др.). Социологи рассматривают финансовое поведение как сложную структуру, включающую в себя такие виды, как потребление, сбережение, страхование, инвестирование, заёмно-долговое поведение.

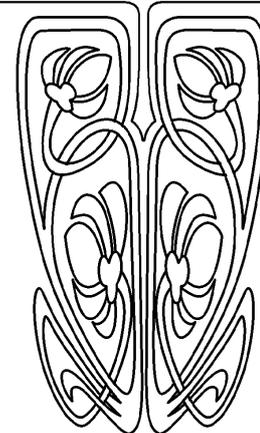
В России интерес социологов к изучению финансового поведения граждан проявился в 90-х гг. XX в. с началом экономических реформ в стране. Одной из первых изучением финансового поведения населения в России начала заниматься исследовательская группа ЦИРКОН, которая в 1994–1995 гг. исследовала механизмы массового инвестиционного поведения, а с 2000 г. начала реализацию проекта мониторинга финансовой активности населения России. Регулярные замеры финансового поведения населения также осуществляются Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Целью большинства подобных исследований является определение инвестиционного потенциала населения, предпочитаемых форм хранения денежных средств и мотивов вложения денег в те или иные активы. Ряд исследователей (В.В. Радаев, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина) занимались разработкой концептуальной базы долгового и кредитного поведения населения.

Одним из главных экономических агентов, оказывающих финансовые услуги населению, в современном обществе являются банки.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Они организуют денежный оборот и кредитные отношения, предлагают населению рублевые и валютные депозиты, текущие счета, пластиковые карты, дорожные чеки, акции и векселя, кредиты, депозитарные услуги, обмен валют и многое другое.

Традиционно наибольшим спросом со стороны населения пользуются кредитные, валютно-обменные услуги банков и срочные вклады. Измерение динамики объема именно этих банковских операций отражает, на наш взгляд, степень, характер и особенности финансовой активности населения в тот или иной период времени. Необходимо отметить, что в условиях благоприятного финансового климата, наблюдавшегося в нашей стране в период с 2000 по 2008 г., на рынке банковских услуг превалировали банковские кредиты населению, что было связано с ростом доходов и объемом потребления со стороны населения. Менее распространены среди населения были сберегательные установки, хотя объем депозитов населения в банках неизменно увеличивался на протяжении всего указанного промежутка времени. На фоне укрепления рубля доля валютно-обменных операций была относительно незначительной. Ситуация резко изменилась в конце 2008 г., когда последствия мирового финансового кризиса нанесли удар по банковской системе России. При этом особенно пострадали небольшие региональные банки, не обладающие необходимым запасом ликвидности и не имеющие поддержку со стороны правительственных структур.

В частности, в Саратове в сложной ситуации оказался один из региональных банков, обслуживавший крупнейший областной вуз: по причине отсутствия наличных средств им были нарушены сроки выплаты стипендий и зарплат студентам и сотрудникам университета. Это, в свою очередь, спровоцировало панику не только среди вкладчиков данного банка, но и в целом среди населения г. Саратова. С сентября 2008 г. из банков Саратова происходил массовый отток вкладов физических лиц: в сентябре он составил 300 млн рублей, за семь дней октября – 124 млн рублей, а только за один день, 8 октября, отток составил те же 124 млн рублей. При этом снятие вкладов из банков и хранение их дома всегда экономически невыгодно для вкладчиков. Деньги обесцениваются инфляцией и создается потенциальная угроза их потери в случае воровства, пожара и т.п.

Одновременно многие банки активно повысили процентные ставки по вкладам, ввели вклады с поощрительными подарками, с розыгрышами призов. Кроме того, осенью 2008 г. Госдумой РФ был принят законопроект, согласно которому уровень государственного страхового возмещения банковских вкладов повысился с 400 до 700 тысяч рублей.

Несмотря на это, недостаточная информированность, финансовая неграмотность населения,

ложные слухи о финансовой нестабильности отдельных кредитных организаций спровоцировали на саратовском банковском рынке ситуацию, когда большинство вкладчиков решили забрать вложенные средства практически одновременно. В результате досрочного изъятия средств понесли убытки все: вкладчики потеряли проценты по вкладам, а банки должны были привлекать дополнительные средства под высокие проценты с целью удовлетворения всех заявок. Кроме того, вследствие оттока средств банки вынуждены были ужесточить требования к заемщикам или вовсе сворачивать кредитные программы. Все это практически парализовало рынок кредитования физических лиц и спровоцировало очередную вспышку валютно-обменных операций.

Подобная дестабилизация финансовой ситуации во многом носила искусственный характер, поскольку объективных финансовых причин для кризиса в большинстве регионов России и, в частности, на рынке банковских услуг Саратова в тот период не было. Отметим, что в Саратовской области продолжало действовать 35 филиалов иногородних банков, 12 самостоятельных кредитных организаций, имеющих 27 филиалов, а также широко разветвленная сеть Сбербанка. При этом все региональные кредитные организации, за исключением Поволжского немецкого банка, являлись финансово устойчивыми, выполняли установленные Банком России нормативы деятельности и показывали нормальные темпы роста основных показателей. Кроме того, саратовские банки не привлекали иностранный капитал и не являлись активными игроками на фондовом рынке.

В этих условиях кризис на рынке банковских услуг в Саратове в конце 2008 г., по сути, представлял собой не кризис ликвидности, а кризис доверия к банкам со стороны населения. Именно доверие представляет собой тот фундамент, на котором стоит банковский сектор любой страны. Не случайно в последние годы в России в качестве одной из стратегических целей реформирования банковской системы указывалось «восстановление и укрепление доверия к российской банковской системе со стороны инвесторов, в том числе иностранных, и вкладчиков, в первую очередь населения»¹.

Заметим, что в основе определения доверия лежат такие понятия, как непредсказуемость, неопределенность и риск². С социологической точки зрения доверие к посредническим организациям, каковыми являются банки, можно рассматривать как веру в бесперебойное функционирование экономической системы³. Специфика доверия к банкам состоит в том, что они создают и распространяют информацию, которая не может быть точно проверена воспринимателями ее людьми в силу отсутствия у них необходимого опыта и недостатка данных. Суть доверия в данном случае заключается в

том, что люди обменивают реальные ценности на не обладающие этими характеристиками обещания возможной выгоды. При этом банки подвержены постоянному влиянию противоречивых требований, вызванных различными ролевыми идентичностями.

Так, с одной стороны, банк имеет определенные обязательства по отношению к клиентам, но в то же время он может быть заинтересован в том, чтобы не сообщать им о своих финансовых трудностях, чтобы предотвратить массовое изъятие вкладов и свое банкротство. По-прежнему, находясь в ситуации неопределенности, клиенты вырабатывают различные стратегии преодоления возможного риска.

При этом можно вести речь о четырех основных стратегиях в финансовом поведении населения. Первый способ – ограничение участия в посреднических организациях. В данном случае население предпочитает вкладывать средства, например, в недвижимость, делать крупные покупки или хранить деньги в наличной валюте на руках.

Снижение чувствительности к нарушению доверия может быть достигнуто также путем распределения риска. Клиенты могут выбирать как различные формы сбережений или типы вкладов, так и различные банки.

В качестве третьего способа можно выделить персонализацию посреднических отношений путем включения их в социальные отношения. Она может проявляться в том, что определяющим при выборе банка становится факт знакомства с кем-то из сотрудников банка или личное к ним отношение. Так, например, управляющий банком может стать харизматической личностью, по отношению к которой и будет проявляться доверие.

Четвертая стратегия – контракт, с помощью которого клиенты могут контролировать поведение тех, кто действует по их поручению. Несмотря на то, что эта стратегия представляется наиболее разумной при построении отношений с банком, она не является успешной, так как выполнение контрактов не гарантируется.

В качестве факторов, способствующих укреплению доверия населения к банкам как финансовым агентам, можно выделить репутацию, исполнение и презентацию⁴. Репутация напрямую связана с прошлым опытом. Банки как конкретные организации существовали вокруг нас какое-то время. Поэтому нам могут быть известны все случаи нарушения или подтверждения доверия с их стороны. При этом существует одна важная характеристика, которая влияет на оценку репутации – это последовательность и целостность прошлых поступков, которая делает ситуацию взаимодействия предсказуемой. В силу того, что в России большинство банков существуют не более 10 лет, в более выгодной ситуации оказываются бывшие государственные банки, имеющие долгую историю существования.

С другой стороны, стабильность, выражающаяся в том, что банк продолжил функционирование после кризиса 1998 г., в некоторой степени может служить заменой продолжительности взаимодействия и также влияет на формирование положительной репутации банка.

Исполнение представляет собой события настоящего, непосредственно получаемые результаты. Этот фактор рассматривается в качестве менее надежного, чем репутация, так как он не позволяет определить поведение и поступок как типичный, характерный. Если доверие основывается только на оценке текущих событий, оно сопровождается большим риском. Исполнение банками своих функций тесно связано с ожиданиями технической компетентности. Так как мы имеем дело со сложным социальным объектом, при его оценке необходимо привлечение специального знания. В то же время суждения о технической компетентности могут строиться также на основании личного опыта взаимодействия с банком. Если клиента не устраивает то, что банк периодически отказывает в выплате наличных со счета, на основании этого он может сделать вывод о его финансовой несостоятельности.

К фактору презентации относятся некоторые внешние качества объекта доверия, на основании которых делаются выводы о его надежности. Данный фактор в большей степени оказывает эмоциональное воздействие. В отношении банков это качества, проявляющиеся через сотрудников, в основном непосредственно работающих с клиентами, а также через внешний вид помещений. Сюда мы можем отнести и рекламное воздействие, которое в самом начале развития банковской системы являлось практически единственным способом демонстрации качества банковских услуг и надежности банка клиентам, не обладающим специальным знанием и не имеющим возможности получить информацию относительно репутации вновь созданных банков.

Проведенный анализ финансового поведения населения на рынке банковских услуг позволяет утверждать, что это комплекс сознательных и иррациональных действий и поступков людей в финансовой сфере. В условиях экономической нестабильности важнейшим фактором, определяющим финансовое поведение населения, становится надежность банковской системы и степень доверия к ней со стороны граждан. В свою очередь, значение рынка банковских услуг для современного общества выходит далеко за рамки собственно денежных и кредитных отношений, банки выступают в роли института, стоящего наравне с государством и рынком.

Примечания

¹ *Герасценко В.В.* Стратегические цели дальнейшего реформирования банковской системы и текущая ситуация

в банковской сфере // Вестн. Финансовой академии. 2001. № 3(19). С. 8.

² См. подробнее об этом: *Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge, 1999.*

³ См. подробнее об этом: *Веселов Ю.В., Капусткина Е.В., Минина В.Н. Экономика и социология доверия. СПб., 2004. С. 79.*

⁴ См.: *Sztompka P. Op. cit. P. 71.*

УДК 316:347

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б.Р. Могилевич

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: mogilevich@sgu.ru

В статье рассматривается социологический аспект исследований основных концептов межкультурной коммуникации в эпоху глобализации. Представлены модель формирования межкультурной толерантности. Даны характеристики межкультурной специфики конфликтов и стереотипов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, конфликт, глобализация.

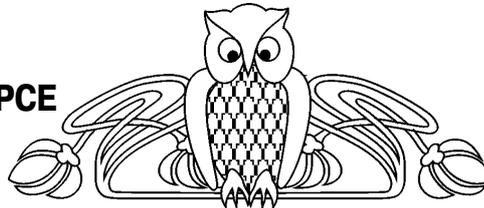
The Main Concepts of Intercultural Communication from the Point of View of Sociological Research

B.R. Mogilevich

The article deals with the sociological research of intercultural communication concepts. The model of formation of the intercultural tolerance is given. The concepts of stereotype and conflict are defined from the intercultural point of view.

Key words: intercultural communication, conflict, globalization.

Глобализация всех сторон человеческой жизнедеятельности, характеризующая современное состояние общества, представляет собой утверждение нового этапа в развитии социальных связей в общемировом масштабе. Наступление глобализации обусловлено множеством причин – промышленной и электронной революциями, формированием общего рынка труда и сбыта товаров, миграцией населения в планетарном масштабе, невиданным раньше расширением международных контактов. Человечество переживает социальные трансформации во всех сферах своей жизнедеятельности, проявляющиеся в возникновении единого информационного и экономического пространства, взаимодействии культур, сломе привычных стереотипов поведения, изменении морально-ценностных норм, образовательных и профессиональных стандартов. Глобализация влияет как на целые государства и народы, так и на индивиды, обуславливая необходимость для каждого человека осознать глобальные изменения и иметь возможности для успешной социализации в новых условиях.

Глобализация противоречива и многоаспектна и, вследствие этого, обладает позитивными и негативными характеристиками, влияющими на жизнь людей. Положительный аспект заключается в создании и функционировании новых средств связи и передвижения, облегчении доступа к инновациям, знаниям и культурным, научным и экономическим достижениям, открытости границ, осознании людьми своего единства и ценностей свободы, изменении качества их жизни.

Существующие риски глобализации проявляются прежде всего в унификации стиля жизни представителей разных социокультурных сообществ, исчезновении локального своеобразия, поляризации неравенства населения. Глобальные тенденции общемирового развития требуют осмысления проблем межкультурной коммуникации представителей разных культур и социумов.

Расширение международных социокультурных контактов сопровождается, с одной стороны, стремлением к контакту с другими культурами и установлению равноправных отношений между индивидами, группами и государствами. С другой стороны, возрастает неприятие «чужих» социокультурных ценностей, утверждение «своего» как приоритетного, самого лучшего и достойного подражания. Нередко происходит переоценка ценностей своей культуры, вплоть до ее отрицания и признания «чужих» социокультурных установок в качестве образцов. Основные концепты межкультурной коммуникации: «свой» – «чужой», «конфликт», «толерантность», «стереотип» получают новое содержание, обусловленное появлением феномена глобальной культуры как одного из важнейших результатов глобализации.

Межкультурная коммуникация осуществляется в процессе взаимодействия глобальной и локальной культур, между «открытым» сообществом индивидов и фундаментальными социокультурными установками. Глобализация представляет собой, по сути, новый этап взаимодействия социальных общностей как характеристику современного развития социальной коммуникации. Межкультурная коммуникация занимает одно из центральных мест при изучении и оценке современного состояния человеческого общества,

в банковской сфере // Вестн. Финансовой академии. 2001. № 3(19). С. 8.

² См. подробнее об этом: *Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge, 1999.*

³ См. подробнее об этом: *Веселов Ю.В., Капусткина Е.В., Минина В.Н. Экономика и социология доверия. СПб., 2004. С. 79.*

⁴ См.: *Sztompka P. Op. cit. P. 71.*

УДК 316:347

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАКУРСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б.Р. Могилевич

Саратовский государственный университет,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: mogilevich@sgu.ru

В статье рассматривается социологический аспект исследований основных концептов межкультурной коммуникации в эпоху глобализации. Представлены модель формирования межкультурной толерантности. Даны характеристики межкультурной специфики конфликтов и стереотипов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, конфликт, глобализация.

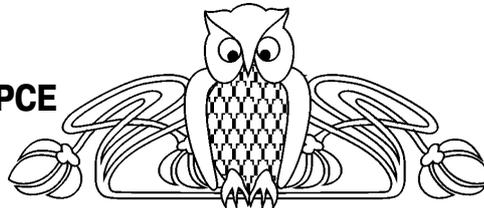
The Main Concepts of Intercultural Communication from the Point of View of Sociological Research

B.R. Mogilevich

The article deals with the sociological research of intercultural communication concepts. The model of formation of the intercultural tolerance is given. The concepts of stereotype and conflict are defined from the intercultural point of view.

Key words: intercultural communication, conflict, globalization.

Глобализация всех сторон человеческой жизнедеятельности, характеризующая современное состояние общества, представляет собой утверждение нового этапа в развитии социальных связей в общемировом масштабе. Наступление глобализации обусловлено множеством причин – промышленной и электронной революциями, формированием общего рынка труда и сбыта товаров, миграцией населения в планетарном масштабе, невиданным раньше расширением международных контактов. Человечество переживает социальные трансформации во всех сферах своей жизнедеятельности, проявляющиеся в возникновении единого информационного и экономического пространства, взаимодействии культур, сломе привычных стереотипов поведения, изменении морально-ценностных норм, образовательных и профессиональных стандартов. Глобализация влияет как на целые государства и народы, так и на индивиды, обуславливая необходимость для каждого человека осознать глобальные изменения и иметь возможности для успешной социализации в новых условиях.

Глобализация противоречива и многоаспектна и, вследствие этого, обладает позитивными и негативными характеристиками, влияющими на жизнь людей. Положительный аспект заключается в создании и функционировании новых средств связи и передвижения, облегчении доступа к инновациям, знаниям и культурным, научным и экономическим достижениям, открытости границ, осознании людьми своего единства и ценностей свободы, изменении качества их жизни.

Существующие риски глобализации проявляются прежде всего в унификации стиля жизни представителей разных социокультурных сообществ, исчезновении локального своеобразия, поляризации неравенства населения. Глобальные тенденции общемирового развития требуют осмысления проблем межкультурной коммуникации представителей разных культур и социумов.

Расширение международных социокультурных контактов сопровождается, с одной стороны, стремлением к контакту с другими культурами и установлению равноправных отношений между индивидами, группами и государствами. С другой стороны, возрастает неприятие «чужих» социокультурных ценностей, утверждение «своего» как приоритетного, самого лучшего и достойного подражания. Нередко происходит переоценка ценностей своей культуры, вплоть до ее отрицания и признания «чужих» социокультурных установок в качестве образцов. Основные концепты межкультурной коммуникации: «свой» – «чужой», «конфликт», «толерантность», «стереотип» получают новое содержание, обусловленное появлением феномена глобальной культуры как одного из важнейших результатов глобализации.

Межкультурная коммуникация осуществляется в процессе взаимодействия глобальной и локальной культур, между «открытым» сообществом индивидов и фундаментальными социокультурными установками. Глобализация представляет собой, по сути, новый этап взаимодействия социальных общностей как характеристику современного развития социальной коммуникации. Межкультурная коммуникация занимает одно из центральных мест при изучении и оценке современного состояния человеческого общества,

когда особенно важно определить оптимальные границы между глобализацией и сохранением социокультурного плюрализма, между террором и толерантностью. В процессе межкультурной коммуникации происходит осознание коммуникантами социальных норм «чужой» культуры, что создает условия для успешной социализации и аккультурации, способствующих развитию современной, открытой к сотрудничеству и созиданию мультикультурной личности.

Рассмотрение проблем межкультурной коммуникации в системе социологических исследований позволяет наиболее глубоко и всесторонне определить тенденции взаимодействия различных социальных групп – от индивида до государства – представителей разных культур, так как коммуникативные аспекты человеческой деятельности представляют собой различные аспекты социальной коммуникации, обеспечивающей существование и развитие человеческих отношений в процессе передачи информации. Осознание значимости межкультурной коммуникации как неперемного условия определения своего достойного места в глобальном мире жизненно важно для России в настоящее время, когда страна еще не полностью освободилась от наследия прошлого и испытывает многочисленные риски, вызванные глобализацией. Преодоление старых стереотипов, внедрение толерантности в социальную ткань, уточнение самоидентификации всех слоев российского общества невозможно без межкультурной коммуникации как социального механизма преодоления противоречий между глобальными и локальными аспектами человеческой жизнедеятельности в современном мире. Исследование межкультурной коммуникации в социологическом ракурсе обеспечивает теоретическое обоснование, анализ и определение оптимальных путей нахождения взаимопонимания и взаимодействия всех членов планетарного мира наций.

Конец XX века характеризуется кардинальным изменением природы конфликтов, так как глобализация и электронные средства связи способствуют как единству, так и многообразию окружающего мира, что часто проявляется в конфликте идентичностей в контексте конфессиональной и цивилизационной принадлежности. Прежняя конфликтологическая парадигма не может адекватно интерпретировать новые социокультурные тенденции, новая же находится в стадии разработки и характеризуется новыми взглядами на механизмы разрешения конфликтов. Концепция С. Хантингтона, основанная на идее солидарности по цивилизационной принадлежности в виде ценностных, социокультурных и политических разногласий при изменении культурных ориентиров разных социальных групп и перемещении ценностных принципов из одной группы в другую, может служить одним из путей решения проблем межкультурной коммуникации¹.

В этой связи большое значение приобретает методология иерархии и типизации социокультурных норм различных цивилизаций и прогрессивных факторов, определяющих становление и развитие демократических институтов. Взаимосвязность и взаимообусловленность мультикультурного мира наций привели к появлению понятия цивилизационного самосознания, характеризующегося неоднозначностью и сложностью. Социальное и территориальное единство поддерживает его изнутри, но углубляет противоречия между цивилизациями, особенно ярко появляясь при миграции и межкультурном непонимании. Конфликтологическая парадигма «травмы» П. Штомпки объявляет природу конфликтов в ракурсе насильственного изменения ценностных норм и гибели цивилизаций².

Представляет интерес точка зрения изменения поведенческих норм, в результате которых народы теряют чувство самоуважения. Современная картина мира характеризуется тем, что к уже существующим территориальным конфликтам добавились мировоззренческие противоречия, проявляющиеся через информационные и пропагандистские войны, затрудняющие или препятствующие процессу межкультурной коммуникации. Все межкультурные конфликты действуют на микроуровне (конфликты повседневности, основанные на стереотипах); мидиуровне (межэтнические конфликты межгруппового и межгосударственного уровней, корнями которых является несовпадение социокультурных и идеологических стандартов); макроуровне – конфликты идеологий на межгосударственном и межцивилизационном уровне, отражающие несовпадение интересов национальных финансово-экономических и политических элит.

Основным конфликтом настоящего времени является конфликт двух ценностных систем – современной (новой) и традиционной (закрытой)³, проявляющийся в противостоянии глобалистов и антиглобалистов. Российский конфликт между «западниками» и «почвенниками» также превратился в социокультурное противостояние сторонников интеграции России в глобальный мир и желаний других найти «свой» вектор развития.

Современный период характеризуется появлением множества механизмов разрешения конфликтов, органично связанных с коммуникативными процессами. Так, движение к демократическим преобразованиям всегда начинается с межкультурного диалога. Недаром глава Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу объявил 2008 год – «Годом межкультурного диалога», для которого характерны обусловленность национальными традициями коммуникантов и доминирующими архетипами, принятыми в партнерских социокультурных системах. Теория «диалогического персонализма» М. Бубера рассматривает средства полноценной реализации личности⁴. Диалогичность как способ разрешения конфликтов представляет собой диа-

лектическую взаимосвязь открытости социума, его стремления к взаимодействию и субъективных качеств каждого индивида, характеризующих его способность к межкультурному взаимодействию и независимому, демократическому мышлению. Полифункциональность демократического диалога обусловлена его когнитивностью, интенциональностью, прагматичностью и прогностичностью, которые проявляются в открытости коммуникантов друг другу в контексте их интенциональности и понимания проблемы.

Рациональный дискурс диалога включает также взаимообеспечение и владение информацией и имеет своей основой «дискурсивную этику» Ю. Хабермаса. Несомненно, что межкультурная коммуникация определяется конструктивностью, взаимоприемлемостью взглядов и ориентированностью на перспективу. Онтологическое разнообразие современных конфликтов, тем не менее, объясняется недостатком диалогичности, что особенно ярко проявляется при межкультурной коммуникации. Дискурсивные нормы определяют типологию современных диалогов, которые выступают в следующих видах: социально-партнерском (взаимное равноправие коммуникантов во всех аспектах); социально-толерантном (демократическое взаимное стремление к диалогу и компромиссу); оппозиционном (демократическое наличие альтернативы); манипулятивным (ориентация на управление, вплоть до агрессии). Совершенно очевидно, что в настоящее время наблюдается распространение манипулятивных диалогов в конфронтационных формах, не приводящих к достижению согласия и обеспечению эффективной коммуникации.

Социокультурная ситуация как современности, так и всего периода существования человечества представляет собой процесс противостояния идентичностей, характеризующийся актуализацией стремления индивидов к унификации и отождествлению со «своей» культурой, а с другой стороны, тенденцией к уникальности и обособленности от «чужого». Концепт «свой» – «чужой» проявляется на всех уровнях социокультурного взаимодействия любого социума в разных контекстах. В процессе межкультурной коммуникации каждая идентичность привносит свои специфические параметры и точки зрения на определение значимости «своего» и «чужого».

Носители разных культур в процессе социальной коммуникации существуют не только

в материальном мире объективной действительности, но и в мире социальных взаимоотношений, составными частями которого являются морально-ценностные нормы, традиции, обычаи, язык, профессиональная принадлежность. Толерантность как концепт, обладающий междисциплинарным статусом, включает в себя открытость новому, уверенность в своих силах, умение признавать значимость иного, участие в конкуренции. Проблема толерантности затрагивает всех членов мирового социума, характеризующегося огромным спектром противоречивых и сложных явлений материальной и духовной жизни, и является составной частью процессов социальной и межкультурной коммуникации.

Правомерно выделить различные стадии изучения толерантности с учетом того, что социологический аспект толерантности характеризуется наличием нравственно-личностных установок как актуализации сознательной и индивидуальной мотивации в виде осознанной, осмысленной жизненной позиции, предполагающей ответственность социума и индивида за свои действия в каждой конкретной ситуации. Многомерность феномена толерантности отражена в наличии ее границ, обусловленных параметрами утраты идентичности снижения порога сопротивляемости, особенностями личностных характеристик коммуникантов. Многоаспектность и социальная значимость толерантности дает возможность создать модель межкультурной толерантности («интерес – понимание – уважение»), наиболее полно коррелирующую с процессами межкультурного диалогового взаимодействия.

Рассматривая проблему с точки зрения сопряжения действий социальных и психологических механизмов в контексте личностно-ориентированного подхода, представляем модель формирования мотивации толерантности, начинающейся с интереса к «чужому», «чужой» группе, «чужому» государству, «чужой» культуре (таблица).

Предложенная модель толерантности подтверждает, что успешное взаимодействие культур и социумов не означает унификации или монополии позиций какой-либо стороны. Межкультурное взаимодействие обеспечивается взаимной толерантностью, взаимной ответственностью, приоритетом диалогичности и компромисса как взаимоприемлемых механизмов разрешения конфликтов всех типов и подтверждает междис-

Социокультурная модель формирования толерантности в процессе межкультурной коммуникации

Уровни восприятия	Факторы	Социально-психологические механизмы	Стадии формирования толерантности	Этапы межкультурной коммуникации
Эмоциональный	Привлекательность	Эмпатия	Интерес	Признание
Когнитивный	Признание ценностей культуры	Идентификация, рефлексия	Понимание	Адаптация
Поведенческий	Взаимное сотрудничество	Децентрация	Уважение	Интеграция

циплинарный статус межкультурной коммуникации, ее значимость как составного компонента социологического знания.

Концепт «толерантность» предполагает диалектическое существование «интолерантности», характеризующейся неприятием и враждебностью к всему «чужому». Негативные эмоции, характеризующие враждебность, неприятие, проявляются в презрении, отвращении, гневе, агрессии и свидетельствуют о неспособности вести диалог, идти на компромиссы. Предлагается модель интолерантности в контексте межкультурной коммуникации: «эгоцентризм – неприятие – враждебность», согласно которой «свой» воспринимается как главный, единственно возможный самый лучший, а «чужой» не имеет право на существование и заслуживает только негативного отношения.

Процесс межкультурной коммуникации, интегрируя оппозицию «свой» – «чужой», включает стереотипизацию как механизм регуляции, социализации и аккультурации индивидов. Стереотипы как гносеологические константы возникают в тех ситуациях, когда индивиды, социальные группы и государства дают социальные, идеологические, культурологические и нравственные оценки явлений объективной действительности в контексте своих социальных норм⁵. Особого внимания заслуживает когнитивный характер стереотипов как обобщенный понимания индивидом социально обусловленной окружающей действительности. Усвоение индивидами стереотипов происходит в процессе социальной коммуникации. Межкультурная коммуникация как аспект социальной коммуникации предполагает учет национального характера коммуникантов.

В настоящее время понятие национального характера заменено на национальный стереотип, а национальное своеобразие – национальной идентичностью. Национальный характер и национальное своеобразие характеризуют объективность существования нации, тогда как национальный стереотип и национальное своеобразие акцентируют отличие нации от других, а нация воплощена в индивиде, в группе и в государстве. Следовательно, данный ракурс рассмотрения феномена нации означает исследование «изнутри» в контексте национального своеобразия, осуществления национальной принадлежности, национального отношения к «чужим», что особенно важно для осуществления успешной межкультурной коммуникации. Национальный стереотип определяет способ жизнедеятельности индивидов в социуме, опираясь на язык и проявляясь в национальном дискурсе как мировоззрение.

Возникающие национальные стереотипы представляют собой упрощенный, стандартизированный образ, усваиваемый в готовом виде, и обусловлены социокультурной мотивацией индивидов⁶. Базовым является то, что более всего

релевантно социуму в данный период его развития. Становление и развитие национальных стереотипов в контексте национальной идентичности связаны с динамикой функционирования языка, проявляющегося и как его основной компонент, и как результат развития.

Особый интерес вызывают исследования И.А. Стернина относительно понятия «коммуникативного сознания». Он считает, что этот феномен представляет собой совокупность знаний правил и стереотипов вербальной и невербальной коммуникации индивидов, упорядочивающих коммуникативное поведение в ракурсе нормативности. Эти нормы – «прескрипции» выступают в виде предписаний, запрещений и объяснений. Коммуникативное сознание как научный концепт носит междисциплинарный характер и только еще становится объектом исследования социологии, социолингвистики, этнолингвистики, культурологи и, в последнее время, межкультурной коммуникации⁷.

Понятие «регулятивного кода», введенное Г.Д. Ласуэллом, отражает взаимное коррелирование поведения индивидов в процессе социальной коммуникации с изменениями стереотипов. Социокультурные факторы влияют на возникновение и функционирование стереотипизированной лексики как «упаковочного материала», облегчающего процесс коммуникации.

Особого внимания заслуживает точка зрения В.Г. Костомарова, который разграничивал «языковые стандарты» и «штампы» как проявление стереотипов. Стереотипные образы представителей разных культур включают и такие понятия, как «комплиментарность» и «знаменатель дружелюбности», характеризующие толерантное отношение коммуникантов друг к другу.

Таким образом, проблема стереотипов, особенно в контексте межкультурной коммуникации, характеризуется двумя подходами: стереотип – это когнитивная социально обусловленная функция индивида, что способствует успеху коммуникации; стереотип – механизм манипуляции, препятствующий полноценной коммуникации и ведущий к конфликтам. Стереотипы с их позитивным и негативным содержанием обусловлены социокультурным и историческим состоянием социума. В ракурсе межкультурной коммуникации они представляют собой коммуникативное сознание индивидов – носителей разных культур и языков, реализующихся в специфических и универсальных прескрипциях в социокультурном и политическом аспектах.

Примечания

- ¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ² См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 12.

- ³ См.: *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
- ⁴ См.: *Бубер М.* Я и Ты. М., 1993.
- ⁵ См.: *Lipmann W.* Public Opinion. N.Y., 1945. С. 35.
- ⁶ См.: *Кон И.С.* К проблеме национального характера // История и психология / Под общ. ред. Б.Д. Поршнева. М., 1968. С. 122–159.
- ⁷ См.: *Стернин И.А.* Язык и национальное сознание // Логос. 2005. № 4(49). С. 140–155.

УДК 338.22

ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е.А. Федулова

Череповецкий государственный университет,
кафедра мировой экономики
E-mail: fedulova@chsu.ru

В статье рассматривается малый бизнес как один из важнейших элементов, влияющих на устойчивость экономики и политической ситуации в стране. Приведены данные о количестве российских малых предприятий и структуре малого бизнеса. Перечислены основные барьеры на пути развития малого предпринимательства. В настоящее время со стороны государства разрабатывается и совершенствуется программа поддержки малого бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, регулирование, рыночная экономика.

The Support of Small Business Development in Russia in a Modern Period

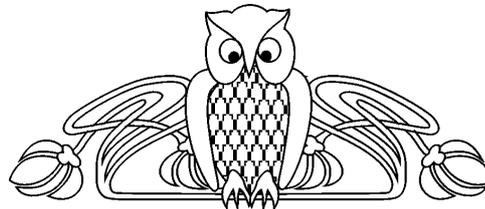
E.A. Fedulova

In the article the small business is considered like one of the most important elements influencing on the steadiness of economics and political situation in the country. The data about the amount of small Russian enterprises and the structure of small business are given here. The basic barriers on the way of development of the small business are enumerated in the article. At present the program of support of the small business is worked out and improved on the government's part.

Key words: small business, regulation, market economy.

Малый бизнес затрагивает все сферы политической и социально-экономической жизни современной России и является одним из важных и необходимых элементов рыночной экономики. Высокая приспособляемость и массовый охват малыми предприятиями (МП) практически всех сфер внутреннего рынка обеспечивают устойчивость развития экономики многих стран современного мира, а также способствуют стабилизации политической обстановки.

Малый бизнес выполняет важную политическую и социальную функции, обеспечивая занятость населения. Количество владельцев только малых предприятий и их наемных работников является существенной качественной характеристикой любой страны с развитой рыночной экономикой. В условиях становления рыночной экономики малый бизнес ведет к насыщению товарного рынка, развитию конкуренции, структурной пере-

стройке производства. Массовое развитие сектора малого бизнеса позволяет накопить за короткое время средства для устойчивого развития других отраслей, дает возможность сделать мощный сдвиг в социально-экономическом развитии.

В российском обществе в условиях реформирования экономики возникла необходимость формировать малый бизнес на качественно новой основе. Вложение средств в малый бизнес весьма эффективно. В официальных правительственных документах государственная помощь малому бизнесу признается одним из важнейших направлений экономической реформы. Решение задач малого предпринимательства возможно при условии научного анализа и организации социально ориентированной деятельности малых предприятий, и именно при полной поддержке и помощи со стороны всех государственных систем, в том числе законодательной, исполнительной и судебной.

Бум малого бизнеса в России пришелся на первую половину 90-х годов, достигнув своего пика в 1995 г., когда насчитывалось 877,3 тыс. МП, на которых трудилось 8,5 млн человек (почти 12% занятых в экономике)¹. В дальнейшем число МП не увеличивалось, а в отдельные годы – сокращалось. На 1 января 2002 г. в России было 843 тыс. МП, а в 2005 г. их насчитывалось 890,6 тыс., чей вклад в ВВП составил 9,5%. Достаточно стабильной остается численность занятых индивидуальной деятельностью – около 4 млн.

Структура малого бизнеса на сегодняшний день такова: 13% – производство, 13 – строительство, 3 – наукоемкие технологии и инновации, 2 – здравоохранение, 2 – юридические компании, остальное – общепит и розничная торговля².

В нормально развивающейся рыночной экономике малый бизнес занимает достойное место и выполняет ряд важных функций. Перед Россией, совершившей переход от плана к рынку, стоит нелегкая задача: как можно быстрее развить данный сектор. Но пока становление малого бизнеса сталкивается с проблемами как на уровне всей страны, так и в регионах.

- ³ См.: *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
- ⁴ См.: *Бубер М.* Я и Ты. М., 1993.
- ⁵ См.: *Lipmann W.* Public Opinion. N.Y., 1945. С. 35.
- ⁶ См.: *Кон И.С.* К проблеме национального характера // История и психология / Под общ. ред. Б.Д. Поршнева. М., 1968. С. 122–159.
- ⁷ См.: *Стернин И.А.* Язык и национальное сознание // Логос. 2005. № 4(49). С. 140–155.

УДК 338.22

ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е.А. Федулова

Череповецкий государственный университет,
кафедра мировой экономики
E-mail: fedulova@chsu.ru

В статье рассматривается малый бизнес как один из важнейших элементов, влияющих на устойчивость экономики и политической ситуации в стране. Приведены данные о количестве российских малых предприятий и структуре малого бизнеса. Перечислены основные барьеры на пути развития малого предпринимательства. В настоящее время со стороны государства разрабатывается и совершенствуется программа поддержки малого бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, регулирование, рыночная экономика.

The Support of Small Business Development in Russia in a Modern Period

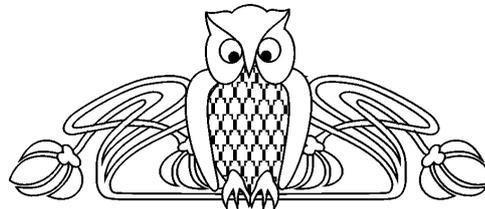
Е.А. Fedulova

In the article the small business is considered like one of the most important elements influencing on the steadiness of economics and political situation in the country. The data about the amount of small Russian enterprises and the structure of small business are given here. The basic barriers on the way of development of the small business are enumerated in the article. At present the program of support of the small business is worked out and improved on the government's part.

Key words: small business, regulation, market economy.

Малый бизнес затрагивает все сферы политической и социально-экономической жизни современной России и является одним из важных и необходимых элементов рыночной экономики. Высокая приспособляемость и массовый охват малыми предприятиями (МП) практически всех сфер внутреннего рынка обеспечивают устойчивость развития экономики многих стран современного мира, а также способствуют стабилизации политической обстановки.

Малый бизнес выполняет важную политическую и социальную функции, обеспечивая занятость населения. Количество владельцев только малых предприятий и их наемных работников является существенной качественной характеристикой любой страны с развитой рыночной экономикой. В условиях становления рыночной экономики малый бизнес ведет к насыщению товарного рынка, развитию конкуренции, структурной пере-

стройке производства. Массовое развитие сектора малого бизнеса позволяет накопить за короткое время средства для устойчивого развития других отраслей, дает возможность сделать мощный сдвиг в социально-экономическом развитии.

В российском обществе в условиях реформирования экономики возникла необходимость формировать малый бизнес на качественно новой основе. Вложение средств в малый бизнес весьма эффективно. В официальных правительственных документах государственная помощь малому бизнесу признается одним из важнейших направлений экономической реформы. Решение задач малого предпринимательства возможно при условии научного анализа и организации социально ориентированной деятельности малых предприятий, и именно при полной поддержке и помощи со стороны всех государственных систем, в том числе законодательной, исполнительной и судебной.

Бум малого бизнеса в России пришелся на первую половину 90-х годов, достигнув своего пика в 1995 г., когда насчитывалось 877,3 тыс. МП, на которых трудилось 8,5 млн человек (почти 12% занятых в экономике)¹. В дальнейшем число МП не увеличивалось, а в отдельные годы – сокращалось. На 1 января 2002 г. в России было 843 тыс. МП, а в 2005 г. их насчитывалось 890,6 тыс., чей вклад в ВВП составил 9,5%. Достаточно стабильной остается численность занятых индивидуальной деятельностью – около 4 млн.

Структура малого бизнеса на сегодняшний день такова: 13% – производство, 13 – строительство, 3 – наукоемкие технологии и инновации, 2 – здравоохранение, 2 – юридические компании, остальное – общепит и розничная торговля².

В нормально развивающейся рыночной экономике малый бизнес занимает достойное место и выполняет ряд важных функций. Перед Россией, совершившей переход от плана к рынку, стоит нелегкая задача: как можно быстрее развить данный сектор. Но пока становление малого бизнеса сталкивается с проблемами как на уровне всей страны, так и в регионах.

На сегодняшний день доля малого бизнеса в ВВП России не превышает 12%, что в расчете на 1000 человек населения страны приходится в среднем лишь около 6 малых предприятий, тогда как в государствах ЕС – не менее 30. Приведенные данные свидетельствуют об имеющемся большом потенциале развития малого бизнеса, о возможности и необходимости принятия со стороны государства мер для дальнейшего улучшения условий их деятельности³.

Перед тем, как определить направления поддержки малого бизнеса, проведем анализ основных барьеров на пути развития малого предпринимательства. Прежде всего, это:

- неустойчивый и незавершенный характер законодательной базы, регулирующей деятельность МП;
- несовершенство структуры органов управления, на которые возложено регулирование малого бизнеса, что определяет недостаточную координацию действий по его государственной поддержке;
- отсутствие стимулирующей налоговой политики и инвестиционной помощи;
- низкая платежеспособность, уменьшение спроса на продукцию;
- проблемы лицензирования отдельных видов деятельности;
- рост арендных платежей;
- потеря производственного помещения;
- вымогательство, попытки отнять или ликвидировать бизнес;
- трудности в организации сбыта.

Кроме того, серьезной преградой является сложность в получении кредитов. На 1 января 2006 г. 752 российских банка предоставили кредиты малому бизнесу на 123 млрд руб.⁴. При этом потребности малого бизнеса оцениваются в 750 млрд руб. Выданные кредиты составляют только 6% от всего объема финансирования малого бизнеса⁵. Причинами, по которым малые предприятия не имеют возможности обратиться за кредитами, являются следующие: завышенные требования к залому, высокая величина минимального кредита, сложность процедуры оформления кредита, высокие ставки за пользование заемными средствами, отсутствие доступной филиальной сети банков.

Остается нерешенной проблема борьбы с коррупцией. В 2005 г. непроизводственные издержки малых предприятий составили 8,5% от выручки, а в 2006 г. – уже 9,6%.

Очень «большая» тема – право подключения к энергообъектам. Чтобы открыть свое предприятие, нужно заплатить огромные деньги: за киловатт – 1,5 тыс. евро. Еще сами должны провести линии, передать их сетевым компаниям на баланс и оплатить за них 24%-ный налог на прибыль⁶.

Одна из проблем развития малого бизнеса в России – появление крупного монополиста или

предприятия, которое поддерживает администрация региона. Возникает вопрос: зачем нужен таким «монстрам» малый бизнес? Например, на данном этапе неконкурентоспособность нашего автопрома объясняется тем, что он работает замкнуто. В развитых странах головное предприятие определяет необходимую ему продукцию и «бросает клич» – кто сделает лучше эту продукцию? Проводится конкурс между малыми предприятиями: главный критерий – низкая себестоимость конечной продукции. Вокруг только одной «Тойоты» работает 30 тыс. таких предприятий! А вокруг КамАЗа пока только 150. Для России открыта дорога в ВТО, поэтому, если наши крупные предприятия не поймут, насколько важно создать вокруг себя группы малых и средних предприятий, они будут вынуждены просто освободить место другим, по большей части иностранным компаниям.

Следующая проблема для малого бизнеса – процедура регистрации предприятия. Этот процесс требует оформления большого количества документов и в совокупности занимает срок от одного до трех месяцев. Большинство платежей, связанных с регистрацией, устанавливается в зависимости от размера минимальной зарплаты, и, значит, с ее повышением увеличивается. Местные органы власти периодически осуществляют разного рода перерегистрации, что, с одной стороны, затрудняет работу малого бизнеса, а с другой – является способом дополнительного изъятия у них средств⁷.

Еще одна проблема – избыточное количество контролирующих органов и дублирование их функций. Контрольно-ревизионные функции осуществляют несколько десятков различных органов, которые требуют предоставления одних и тех же документов, вместо того, чтобы организовать обмен информацией между собой и осуществлять комплексные обследования. С малых предприятий копии учредительных документов стали запрашивать не только регистрирующие, но и другие организации.

Развитие малого бизнеса сдерживается некоторыми действиями местных органов власти. Так, региональные органы власти путем введения местных ограничений создают многочисленные препятствия для выхода на рынок новых малых предприятий. Это проявляется при распределении находящихся в ведении органов власти ограниченных ресурсов; в ущемлении прав одних предприятий, либо предоставлении эксклюзивных прав и индивидуальных льгот при кредитовании и субсидировании другим; в возложении на хозяйствующие субъекты (занимающие доминирующее положение на рынке) отдельных функций государственного управления и контроля. Сложившуюся ситуацию в регионах характеризуют следующие черты: недостаточная степень конкуренции, нежелание органов исполнительной власти вовлекать ресурсы (прежде всего недвижимость) в хозяйственный оборот, преимущественное

предоставление недвижимости и оборудования на условиях краткосрочной аренды.

Реализация комплекса мероприятий по поддержке малого предпринимательства начата Министерством экономического развития и торговли РФ еще в 2005 г., для чего в федеральном бюджете было предусмотрено 1,5 млрд руб. В настоящий момент для преодоления барьеров развития малого бизнеса в России продолжается разработка различных программ и проектов поддержки малого бизнеса. По словам президента общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» Сергея Борисова, в проекте закона о малом бизнесе определены следующие критерии: коллективы до 15 человек будут считаться микропредприятиями, 15–100 – малыми, 100–250 – средними⁸. Уже третий год работает федеральная программа поддержки малого предпринимательства. В 2007 г. на нее выделено 3,8 млрд руб. (в 2006 г. – 2 млрд руб.). Деньги идут на поддержку развивающегося бизнеса через субсидирование процентных ставок по кредитам. Регионы работают по такой же схеме: бизнесмены убеждают местные власти в необходимости создания и развития какой-либо компании, те выделяют определенную сумму денег, и ровно столько же в виде гранта бизнесмену дает федеральный фонд при Минэкономразвития (МЭРТ). Но, например, в Чечне, Дагестане и Северной Осетии схема другая: МЭРТ выделяет 70%, а 30% идет из местного бюджета. Второе направление – инфраструктура: строительство площадок, на которых можно начинать свое дело. В настоящее время ожидается постройка 60 бизнес-инкубаторов, к 2009 г. – 300 (бизнес-инкубатор представляет собой помещение, адаптированное для ведения бизнеса, сдается на 3 года по минимальным расценкам).

Главной задачей государственного регулирования малого бизнеса в России является решение проблем на федеральном и региональном уровнях. Федеральный уровень предусматривает следующие задачи:

- стратегическое планирование поддержки малого предпринимательства;
- предотвращение коррупции и ухода малого бизнеса в теневую экономику;
- формирование федеральной нормативно-правовой базы поддержки малого бизнеса;
- совершенствование системы финансовой поддержки, освоение новых кредитно-инвестиционных механизмов (микрокредитования, инвестиционных конкурсов);
- создание системы информационного обеспечения малого предпринимательства;
- подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров для малого предпринимательства;
- надежность статистической информации о секторе малого бизнеса.

Наиболее важными видами поддержки развития малого бизнеса являются предоставление

налоговых льгот, упрощение и стабильность систем налогообложения, а также решение проблемы дорогостоящей аренды за счет создания специального фонда помещений (сдача данных помещений малым предприятиям на особых условиях, гарантирование им приоритетного права на последующую покупку этих площадей).

На сегодняшний день розничным банком Группы ВТБ создана программа кредитования малого бизнеса «ВТБ 24»⁹. Данная программа является одной из самых популярных и востребованных среди предпринимателей. По итогам 9 месяцев 2007 г. количество заемщиков – субъектов малого бизнеса – превысило 16 тыс., а кредитный портфель банка малому бизнесу составил 1,5 млрд долларов. Основные принципы этой программы – индивидуальный подход, удобство и оперативность. Программа «ВТБ 24» предлагает два вида кредитов: микрокредиты и кредиты на развитие бизнеса. Микрокредиты предоставляются в рублях, долларах США или евро, предполагают финансирование в объемах до 850 тыс. руб. Такие кредиты выдаются на срок до двух лет, кредитная заявка рассматривается всего 1–3 дня, залоговое обеспечение не требуется. Этот вид кредита, как правило, интересен в случае нехватки у предприятия оборотных средств. Если необходимо более объемное финансирование, программа «ВТБ 24» предлагает кредиты на развитие бизнеса суммой до 5 млн долларов США. Особенность такого вида кредитования в том, что средства могут предоставляться как в форме разового кредита, так и виде кредитной линии, овердрафта или банковской гарантии. Уникальность программы состоит в том, что банк оценивает реальное состояние бизнеса клиента. Если оно подтверждает кредитоспособность заемщика, то клиенту в короткие сроки предоставляется кредит. Эксперты банка не только проконсультируют клиента, но и помогут подготовить всю необходимую для принятия решения финансовую документацию, не требуя от заемщика составления бизнес-плана.

Более того, появляется и другая альтернатива кредитования малого бизнеса – микрофинансовые организации (МФО)¹⁰. Это кредитно-потребительские кооперативы, всевозможные потребительские общества, специализированные микрофинансовые банки и фонды, т.е. некоммерческие общества граждан – «кассы взаимопомощи» с большим числом пайщиков (от 50 до 2 тыс. человек). Подобные объединения организовываются либо по территориальному принципу (сельские кооперативы), либо по профессиональному – кооперативы юристов, врачей или фермеров. Возникает вопрос – откуда МФО берут деньги для выдачи займов? Или это собственные средства членов кооператива, или кооператив финансирует банк, или он существует за счет зарубежных или местных грантов. Наряду с положительными сторонами такой альтернативы кредитования малого бизнеса, есть и свои

минусы. Процентные ставки по микрофинансовым займам очень высоки даже по сравнению со стандартными, нельготными банковскими схемами для малого бизнеса. В МФО в основном обращаются бизнесмены, которых банки классифицировали как «проблемных и ненадежных», «старт-апы» (начинающие с нуля), недолго существующие организации, организации с недостаточной положительной отчетностью или нехваткой каких-либо документов.

В программе поддержки экспортно-ориентированного малого бизнеса предполагается выделение финансирования тем компаниям, которые могут и хотят производить экспортно-ориентированную продукцию. В рамках этой программы важна поддержка по таким направлениям, как:

- финансовая помощь в сертификации продукции по международным нормам, так как это часто является обязательным требованием при экспорте;

- компенсация затрат (до двух третей) на участие в выставках предприятий за рубежом;

- субсидирование процентной ставки по кредитам внешнеэкономических сделок.

В числе мероприятий по поддержке малого предпринимательства предполагается создание венчурных фондов, которые будут заниматься прямым инвестированием в малые инновационные предприятия на ранней стадии их развития¹¹. Отношения государства и фирм в сфере венчурного инвестирования должны быть основаны на партнерстве. В случае возникновения такого партнерства необходимо четко определить риски обеих сторон. Средства федерального бюджета должны выступать в роли катализатора развития фонда. Государство выделяет до 50% фонда, остальные средства поступают от частных инвесторов.

Таким образом, сейчас в России малый бизнес развивается не благодаря, а вопреки нынешней экономической политике, преодолевая ее барьеры. Становление малого бизнеса проис-

ходит в жестком противостоянии бюрократическим структурам, в преодолении сложившейся структуры экономики, особенностью которой является преобладание крупных предприятий. Это в свою очередь приводит к диктату олигархов; над рыночными механизмами господствует иерархия; предпринимательскую инициативу «губит» незащищенность от разносторонних произволов.

Государством все же предпринимаются определенные шаги по поддержке развития малого бизнеса, утверждаются федеральные и региональные программы поддержки малого предпринимательства, налаживаются межрегиональные и международные контакты в этой сфере. Тем не менее для улучшения ситуации в малом бизнесе требуются дополнительные меры. Речь идет о совершенствовании, и главное, исполнении законодательства о малом бизнесе, о снижении налогового бремени, о ликвидации бюрократических и коррупционных барьеров. Недостатки государственной политики по этим направлениям не только сдерживают развитие малого бизнеса, но и вынуждают предпринимателей уходить в «теневой» сектор экономики.

Примечания

- 1 Человек и труд. 2007. № 9. С. 66.
- 2 Аргументы и факты. 2007. № 10. С. 12.
- 3 Проблемы теории и практики управления. 2004. № 4. С. 104.
- 4 Экономика и жизнь. 2007. Апрель. № 13. С. 37.
- 5 Аргументы и факты. 2007. № 10. С. 12–13.
- 6 Там же. С. 13.
- 7 Проблемы теории и практики управления. 2004. № 2. С. 114.
- 8 Аргументы и факты. 2007. № 10. С. 12.
- 9 Там же. № 44. С. 11.
- 10 Там же. № 33. С. 16.
- 11 Экономист. 2006. № 12. С. 90.

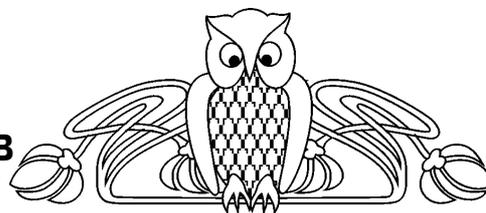
УДК 316.3/4

МЕНТАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ В КУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ КАЗАХСТАНЦЕВ

А.Н. Тесленко

Институт управления (г. Астана),
кафедра социально-гуманитарных дисциплин
E-mail: teslan@rambler.ru

Понятие «социализация» как научная категория широко используется в социальных науках. В данной же статье рассматриваются особенности культурной социализации казахстанской молодежи, исходя из исторически сложившихся ментальных архетипов. Опира-

ясь на социокультурный подход, автор анализирует структуру ценностей в разных культурах. В статье показана дилемма Восток–Запад в массовом сознании казахстанцев, особенности их цивилизационной идентификации. Маргинальность сознания и менталитета – вот главная характеристика современного Казахстана и его молодежи.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, ментальные архетипы, цивилизация, культура, культурная социализация, социокультурная среда.

минусы. Процентные ставки по микрофинансовым займам очень высоки даже по сравнению со стандартными, нельготными банковскими схемами для малого бизнеса. В МФО в основном обращаются бизнесмены, которых банки классифицировали как «проблемных и ненадежных», «старт-апы» (начинающие с нуля), недолго существующие организации, организации с недостаточной положительной отчетностью или нехваткой каких-либо документов.

В программе поддержки экспортно-ориентированного малого бизнеса предполагается выделение финансирования тем компаниям, которые могут и хотят производить экспортно-ориентированную продукцию. В рамках этой программы важна поддержка по таким направлениям, как:

- финансовая помощь в сертификации продукции по международным нормам, так как это часто является обязательным требованием при экспорте;

- компенсация затрат (до двух третей) на участие в выставках предприятий за рубежом;

- субсидирование процентной ставки по кредитам внешнеэкономических сделок.

В числе мероприятий по поддержке малого предпринимательства предполагается создание венчурных фондов, которые будут заниматься прямым инвестированием в малые инновационные предприятия на ранней стадии их развития¹¹. Отношения государства и фирм в сфере венчурного инвестирования должны быть основаны на партнерстве. В случае возникновения такого партнерства необходимо четко определить риски обеих сторон. Средства федерального бюджета должны выступать в роли катализатора развития фонда. Государство выделяет до 50% фонда, остальные средства поступают от частных инвесторов.

Таким образом, сейчас в России малый бизнес развивается не благодаря, а вопреки нынешней экономической политике, преодолевая ее барьеры. Становление малого бизнеса проис-

ходит в жестком противостоянии бюрократическим структурам, в преодолении сложившейся структуры экономики, особенностью которой является преобладание крупных предприятий. Это в свою очередь приводит к диктату олигархов; над рыночными механизмами господствует иерархия; предпринимательскую инициативу «губит» незащищенность от разносторонних произволов.

Государством все же предпринимаются определенные шаги по поддержке развития малого бизнеса, утверждаются федеральные и региональные программы поддержки малого предпринимательства, налаживаются межрегиональные и международные контакты в этой сфере. Тем не менее для улучшения ситуации в малом бизнесе требуются дополнительные меры. Речь идет о совершенствовании, и главное, исполнении законодательства о малом бизнесе, о снижении налогового бремени, о ликвидации бюрократических и коррупционных барьеров. Недостатки государственной политики по этим направлениям не только сдерживают развитие малого бизнеса, но и вынуждают предпринимателей уходить в «теневой» сектор экономики.

Примечания

- 1 Человек и труд. 2007. № 9. С. 66.
- 2 Аргументы и факты. 2007. № 10. С. 12.
- 3 Проблемы теории и практики управления. 2004. № 4. С. 104.
- 4 Экономика и жизнь. 2007. Апрель. № 13. С. 37.
- 5 Аргументы и факты. 2007. № 10. С. 12–13.
- 6 Там же. С. 13.
- 7 Проблемы теории и практики управления. 2004. № 2. С. 114.
- 8 Аргументы и факты. 2007. № 10. С. 12.
- 9 Там же. № 44. С. 11.
- 10 Там же. № 33. С. 16.
- 11 Экономист. 2006. № 12. С. 90.

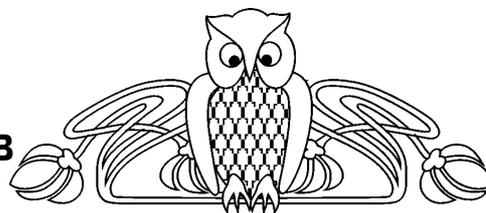
УДК 316.3/4

МЕНТАЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ В КУЛЬТУРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ КАЗАХСТАНЦЕВ

А.Н. Тесленко

Институт управления (г. Астана),
кафедра социально-гуманитарных дисциплин
E-mail: teslan@rambler.ru

Понятие «социализация» как научная категория широко используется в социальных науках. В данной же статье рассматриваются особенности культурной социализации казахстанской молодежи, исходя из исторически сложившихся ментальных архетипов. Опира-

ясь на социокультурный подход, автор анализирует структуру ценностей в разных культурах. В статье показана дилемма Восток–Запад в массовом сознании казахстанцев, особенности их цивилизационной идентификации. Маргинальность сознания и менталитета – вот главная характеристика современного Казахстана и его молодежи.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, ментальные архетипы, цивилизация, культура, культурная социализация, социокультурная среда.

Mental Archaic Types in Cultural Socialization of Kazakhstan's youth

A.N. Teslenko

«Socialization» term as category has a wide using in social sciences. The author has examined cultural socialization of Kazakhstan's youth according to historical formed mental archaic types. Based on social & cultural concepts he analyzed a structure of values in different cultures: Western, Eastern, Turkish and Muslim ones. In this article dilemma «East & West» on mass consciousness of Kazakhstan people, specific of their cultural identification are showed. Marginalization of consciousness and mentality are the main characteristic of modern Kazakhstan and its youth.

Key words: mentality, mental archaic type, civilization, culture, cultural socialization, social and cultural environment.

Народы, как и люди, имеют свой характер, свою судьбу, свою культуру. Обычно термин «культура» рассматривается в широком смысле как совокупность способов и приемов человеческой деятельности (как материальной, так и духовной), объективированных в предметных, материальных носителях (средствах труда, знаках) и передаваемых последующим поколениям, а в узком – как просвещенность, образованность, начитанность, гуманизм. По нашему мнению, более точным является определение Н. Смелзера: «Культура – система ценностей, представлений о жизни, общих для людей, связанных общностью определенного образа жизни».

В современной науке представлено множество подходов, которые не исключают друг друга, а реализуют разные планы рассмотрения. Так, *социокультурный подход* в литературе последнего времени трактуется как процесс взаимодействия социального и культуры, т.е. понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. В названном процессе изучаются три структурных компонента: значения, ценности и нормы, а также конкретные действия, с помощью которых объективизируются и социализируются названные значения, ценности и нормы. В идеальном варианте речь идет о социальном пространстве, в котором творит социальный субъект. Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия: человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности. Важно отметить, что для прогнозирования поведения человека как представителя определенной социокультурной среды необходимо изучить влияние всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать как полноценному члену общества. Под *социокультурной средой* мы будем понимать конкретно-исторический организм, характеризующийся определенным типом культуры, со сложившейся системой ценностей.

Социокультурный подход опирается на учение о ценностях (аксиологию) и обусловлен объективной связью человека с культурой как системой ценностей. На передний план выступают идеи развития личности через присвоение общекультурных ценностей и понимания природы и человека как величайших ценностей, желание жить в гармонии с окружающим миром в соответствии с его законами. В известном смысле можно сказать, что ценность выражает способ существования личности. Причем разные ценности имеют для нее различное значение и с этим связана *иерархия ценностей*. Ощущение целостности творимого человеком мира порождает ценностную триаду «истина – добро – красота», реализуемую в плодах его деятельности (в науке, искусстве, морали), в культуре. Однако массовая культура, «общество потребления» несут мозаичное сознание, представление о нормальном как наиболее часто встречающемся в конформном типе поведения. В современных условиях глобализации и интернационализации в недрах любой культуры содержатся элементы как собственно культуры, так и элементы цивилизации и массовой культуры, а способ социальной регуляции поведения является одним из отличительных признаков (табл. 1).

В рамках социокультурной организации осуществляется установление и поддержание определенной упорядоченности во взаимодействии людей для удовлетворения их индивидуальных и в особенности групповых интересов и потребностей, снятия противоречий и напряжений, возникающих при совместном общежитии, определения общих целей социальной активности и критериев оценки результатов деятельности. В зависимости от уровня социокультурного развития общества, его социально-функциональной стратифицированности, преобладания экстенсивных или интенсивных технологий в различных видах социальной практики, в социокультурной регуляции могут складываться разнообразные композиции конвенциональных и институциональных механизмов упорядочения форм коллективной жизнедеятельности с разной степенью доминирования тех или иных *ментальных архетипов*.

Категория «менталитет» в контексте философии культуры, в свете теории П. Сорокина о социокультурных суперсистемах и социокультурной теории истории А. Ахиезера, рассматриваемая как некий фактор культурной реальности общества, есть своеобразная взаимосвязь между миром сознания и социальными взаимосвязями, формами общежития. Менталитет – это устойчивый культурный субстрат, который является глубинным уровнем коллективного сознания определенной общности людей и преобразовывает хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений в упорядоченную картину мира; это скрытый феномен культуросмысловой реальности общества, который воспринимается людьми как само собой разумеющийся; это основной идентификацион-

Таблица 1

Признаки социокультурных составляющих

Социокультурная среда			
Признаки	Культура	Цивилизация	Массовая культура
Механизм регуляции поведения	Ценностные ориентации	Цели, возникающие в социальных системах	Конформные реакции
Способ социальной ориентации	Внутренний мир	Порядок внешнего мира	Включенность в массовую аудиторию
Структура личности	Иерархия ценностей	Система знаний	Мозаичная структура сознания
Модель социализации	Воспитание	Социоинженерия	Информирование
Результат социализации	Субъект ответственного поведения	Подсистема целеустремленной системы	Жертва обстоятельств
Единица поведения	Поступок	Отдельная функция	Движение
Цель развития	Самореализация личности	Совершенствование конструкции	Создание имиджа (соответственно стандарту)
Ведущий тип взаимоотношений между людьми	Взаимоуважение	Взаимоуправление	Взаимоиспользование

ный и консолидирующий фактор, сохраняющий, с одной стороны, целостность системы культурных координат в пределах данной общности, а с другой – разнообразие ценностей.

В своем современном контексте, например, индоевропейские архетипы, исследованные известным историком Ж. Дюмезилем, разворачиваются как результат переплетения трех революций: технологической, демографической и революции возросших притязаний. С его точки зрения, факт утилизации древнего культурного опыта постоянно будоражит наше сознание. Воспринимая менталитет в качестве ядра, основы, условия и гаранта самобытности отдельной культуры, в качестве «завета» предков потомкам, выделяются два структурных компонента:

1) *базовый*, или универсальный, или, используя терминологию Ж. Дюби, «темницы постоянного времени», к которому следует отнести черты, свойства, характерные для данной социокультурной общности на протяжении всей истории ее существования;

2) *периферийный*, или «социальный отклик» (по И. Мостовой), под которым необходимо понимать реакцию определенной социокультурной общности на те или иные крупные события, отличающийся длительностью исторического существования на некотором социокультурном пространстве.

Такой подход к структуре менталитета дает возможность понять объективность сосуществования «тезиса – антитезиса» в менталитете любого народа, в частности, восточной, западной и мусульманской культур как уникальных ценностно-смысловых систем (табл. 2).

С позиции культурной антропологии культура и цивилизация представляют разные стороны общества, которые не следует противопоставлять, а следует сопоставлять в рамках целого. Таким целым является не общество вообще, а его

конкретно-историческая национальная форма. Запад и Восток, особенно его мусульманская часть, дают культуре и цивилизации разные оценки и по-разному толкуют их соотношение. Даже при одном уровне социально-политического, экономического и технологического развития одни народы в качестве цели стремятся быть цивилизованными, а другие – культурными. *Для Востока культура – цель, цивилизация – средство. Запад, напротив, в качестве цели ставит цивилизацию, а культуру считает средством, или даже предпосылкой перехода к ней.*

С этой позиции актуальной является проблема социокультурной идентификации Казахстана, находящегося на стыке цивилизаций. С одной стороны, Казахстан традиционно относят к *тюркской протоцивилизации* (т.е. не сложившаяся до конца как цивилизация), не создавшей своих единых цивилизационных ценностей, если не считать некоторые элементы воинственной культуры и экспансионистские ценности; с другой – это мусульманская страна, но без жесткой религиозной регламентации социального поведения.

Таким образом, если западные и восточные цивилизации обладают устойчивым комплексом признаков, то протоцивилизации как бы колеблются от цикла к циклу. *Цикл* – это период между одним существенным изменением (парадигмой) и другим, между одной ценностно-смысловой перестройкой и другой. Они как люди вольны в своем выборе, а это приводит, с одной стороны, к значительной нестабильности, к значительным колебаниям в развитии данной цивилизации. Если мы посмотрим на циклы развития Казахстана, то Казахстан, как часть тюркской протоцивилизации, развивается предсказуемо. Последние его циклы развития равны по продолжительности: монгольский период (от начала XIII в. до середины XV в.), послемонгольский период (примерно 240–270 лет), казахское ханство (до

Таблица 2

Структура ценностей в разных культурах

Культура		
Западная	Восточная	Мусульманская
<i>Имеют первостепенное значение</i>		
Индивидуальность Уровень в структуре власти Мужественность Деньги (богатство) Пунктуальность Первенство Спасение, помощь Активность, настойчивость Уважение к молодежи Цвет кожи (национальность) Равенство полов Человеческое достоинство Эффективность, качество Религия Образование Непосредственность	Материнство Уровень в структуре власти Мужественность Мошь государства Мир Скромность Коллективная ответственность Карма Уважение старших Гостеприимство Сохранение среды Авторитаризм Патернализм Патриотизм	Уровень в структуре власти Мужественность Коллективная ответственность Уважение старших Патриотизм Религия Авторитаризм
<i>Имеет второстепенное значение</i>		
Материнство/ женственность Патриотизм Авторитаризм	Уважение к молодежи Равенство полов Человеческое достоинство Образование Непосредственность	Материнство Мошь государства Деньги (богатство) Скромность Спасение, помощь Активность, настойчивость Уважение к молодежи Цвет кожи (национальность) Человеческое достоинство Образование Непосредственность
<i>Имеет третьестепенное значение</i>		
Мошь государства Мир Сохранение среды	Индивидуальность Деньги (богатство) Пунктуальность Активность, настойчивость Эффективность, качество	Пунктуальность Эффективность, качество
<i>Несущественные</i>		
Скромность Коллективная ответственность Уважение старших Гостеприимство	Спасение, помощь Первенство	Индивидуальность Мир Карма Первенство Сохранение среды Равенство полов

начала XVIII в., т.е. еще 240–270 лет), в составе Российской империи (тоже 270 лет). Начинающийся с момента независимости новый цикл во многом зависит от прогнозируемой учеными в 2011–2017 гг. с пиком примерно в 2014 г. глобальной встряски, или *бифуркации*, которая может окончиться для разных стран по-разному. Народы тех стран, регионов и цивилизаций, которые будут приведены их культурными, политическими, экономическими элитами в состояние адекватности (сознательной кризисоустойчивости), смогут в будущем получить в данной ситуации достойное место на Земле. А те политические элиты, которые

окажутся в культурно-политическом тупике, вовлекут свои страны в полосу несчастья, в полосу больших проблем.

Вопрос цивилизации – это вопрос идентичности, а идентичность есть соотнесение себя с другими. В Казахстане эти процессы не завершены. Цивилизационно Казахстан, основанный на межэтнической конфессиональной и этнолингвистической общности, всегда принадлежал к тюркско-мусульманскому миру, культурно – русско-советской общности. В цивилизационном плане всегда важную роль играл казахский язык, сформировавшийся на базе тюркского языка, вы-

ступавшего в качестве универсального средства религиозной и культурной идентификации всей исламской цивилизации. В культурном плане русский язык – это не только язык межнационального общения, но и глобальный коммуникационный канал, позволяющий Казахстану не затеряться в цивилизационной картине мира.

Между тем Казахстан является этнократическим государством, строящимся в системе *государствообразующего этноса*. Французские исследователи CNRS считают, что в Казахстане гражданское общество строится по принципу не социальных групп, а этнических, т.е. получается некая пирамида, где наверху находятся этнические казахи, в руках которых вся государственная власть и крупные финансовые структуры; в самом низу находятся тоже этнические казахи, но лишённые всего и проживающие в депрессивных, малодоступных регионах, а мелкий и средний бизнес занимают в основном представители разных этнических меньшинств. И еще один промежуточный слой – это русский этнос. При официальной риторике о *евразийстве* как универсальном интеграционном процессе в повседневной практике на всех уровнях общественной жизни происходит, в терминологии англо-американских исследователей (М. Брилл, С. Каминс), *казахизация* – процесс доминирования титулярной этнической группы в Казахстане, то есть казахов, на сцене общественной жизни страны. В условиях мультикультурности, или мультицивилизационности, свойственной Казахстану, это приведет к возрастанию трений на социокультурной почве.

По данным социологических исследований, казахский язык для большинства казахов является вторым, только *этническим языком*. Всего лишь около 37% казахов могут разговаривать, писать и думать на казахском. По стандартам ООН, родным

языком является тот, на котором человек думает, пишет и говорит. В связи с этим для многих людей, особенно русскоязычных казахов, казахский не является родным. Таким образом, языковой фактор не есть способ идентификации, тем более казахский язык не может быть инструментом интеграции и строительства гражданской нации.

Примерно такая же ситуация складывается в плане религиозной идентификации. С точки зрения национальной традиции быть мусульманином, значит принадлежать к коренному населению региона. Традиционно не мусульманин не может считаться казахом. Однако большинство казахов не отличаются сильными религиозными устоями, в то же время они не видят себя и путь своего развития без отождествления с исламской культурой и мусульманским миром. Сегодня в процессе геокультурной экспансии Европы, а точнее англо-американской культуры, государство старается как можно быстрее привести свое общество под стандарты и дух западной демократии, взращенной на христианской культуре протестантского реформизма. В этих условиях складывается парадоксальная ситуация в сфере культурной социализации.

Дилемма «Восток–Запад» в массовом сознании казахстанцев предполагает, что «европейщина» – это соблюдение прав и свобод, диктатура закона, свободный труд, гуманное отношение к женщине, технический прогресс, а в термин «азиатчина» вкладывается негативный смысл. Но в своем реальном поведении рядовой казахстанец уподобляется человеку, который говорит: «Я иду в душ, хочу смыть с себя азиатчину!», при этом он моет только голову, чуть-чуть моется, поскольку эта «грязь» ему приятна, он привык к ней. Маргинальность сознания и менталитета – вот главная характеристика современного Казахстана.

УДК 316. 334. 52

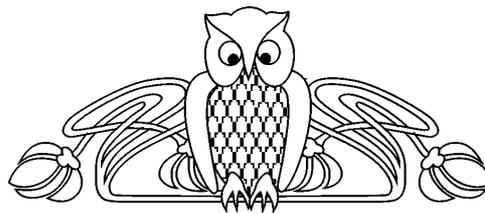
МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.П. Букин

Пензенский государственный университет,
кафедра государственного и муниципального управления
E-mail: gmu_08@mail.ru

Проблемы молодежи на региональном рынке труда рассмотрены на основе исследования, проведенного в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях. Представлен социологический портрет работающей молодежи, сферы деятельности, трудовая мотивация, ее востребованность по полученной специальности, отношение молодых людей к безработице и экономической нестабильности.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, регион.

Young Adults on Labor Market: Regional Aspect

V.P. Bukin

Young adults' problems are examined on the basis of scientific research taken place in Republic of Mordovia, Russia and Penza and Ulyanovsk regions. The article represents young adults' sociological portrait, sphere their social activity, labour motivation, their requirement at the labour market according to their

ступавшего в качестве универсального средства религиозной и культурной идентификации всей исламской цивилизации. В культурном плане русский язык – это не только язык межнационального общения, но и глобальный коммуникационный канал, позволяющий Казахстану не затеряться в цивилизационной картине мира.

Между тем Казахстан является этнократическим государством, строящимся в системе *государствообразующего этноса*. Французские исследователи CNRS считают, что в Казахстане гражданское общество строится по принципу не социальных групп, а этнических, т.е. получается некая пирамида, где наверху находятся этнические казахи, в руках которых вся государственная власть и крупные финансовые структуры; в самом низу находятся тоже этнические казахи, но лишённые всего и проживающие в депрессивных, малодоступных регионах, а мелкий и средний бизнес занимают в основном представители разных этнических меньшинств. И еще один промежуточный слой – это русский этнос. При официальной риторике о *евразийстве* как универсальном интеграционном процессе в повседневной практике на всех уровнях общественной жизни происходит, в терминологии англо-американских исследователей (М. Брилл, С. Каминс), *казахизация* – процесс доминирования титулярной этнической группы в Казахстане, то есть казахов, на сцене общественной жизни страны. В условиях мультикультурности, или мультицивилизационности, свойственной Казахстану, это приведет к возрастанию трений на социокультурной почве.

По данным социологических исследований, казахский язык для большинства казахов является вторым, только *этническим языком*. Всего лишь около 37% казахов могут разговаривать, писать и думать на казахском. По стандартам ООН, родным

языком является тот, на котором человек думает, пишет и говорит. В связи с этим для многих людей, особенно русскоязычных казахов, казахский не является родным. Таким образом, языковой фактор не есть способ идентификации, тем более казахский язык не может быть инструментом интеграции и строительства гражданской нации.

Примерно такая же ситуация складывается в плане религиозной идентификации. С точки зрения национальной традиции быть мусульманином, значит принадлежать к коренному населению региона. Традиционно не мусульманин не может считаться казахом. Однако большинство казахов не отличаются сильными религиозными устоями, в то же время они не видят себя и путь своего развития без отождествления с исламской культурой и мусульманским миром. Сегодня в процессе геокультурной экспансии Европы, а точнее англо-американской культуры, государство старается как можно быстрее привести свое общество под стандарты и дух западной демократии, взращенной на христианской культуре протестантского реформизма. В этих условиях складывается парадоксальная ситуация в сфере культурной социализации.

Дилемма «Восток–Запад» в массовом сознании казахстанцев предполагает, что «европейщина» – это соблюдение прав и свобод, диктатура закона, свободный труд, гуманное отношение к женщине, технический прогресс, а в термин «азиатчина» вкладывается негативный смысл. Но в своем реальном поведении рядовой казахстанец уподобляется человеку, который говорит: «Я иду в душ, хочу смыть с себя азиатчину!», при этом он моет только голову, чуть-чуть моется, поскольку эта «грязь» ему приятна, он привык к ней. Маргинальность сознания и менталитета – вот главная характеристика современного Казахстана.

УДК 316. 334. 52

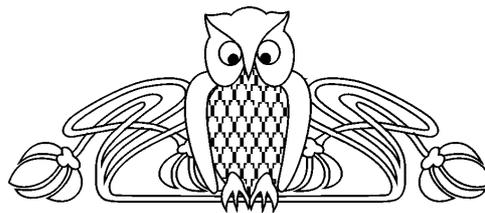
МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.П. Букин

Пензенский государственный университет,
кафедра государственного и муниципального управления
E-mail: gmu_08@mail.ru

Проблемы молодежи на региональном рынке труда рассмотрены на основе исследования, проведенного в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях. Представлен социологический портрет работающей молодежи, сферы деятельности, трудовая мотивация, ее востребованность по полученной специальности, отношение молодых людей к безработице и экономической нестабильности.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, регион.

Young Adults on Labor Market: Regional Aspect

V.P. Bukin

Young adults' problems are examined on the basis of scientific research taken place in Republic of Mordovia, Russia and Penza and Ulyanovsk regions. The article represents young adults' sociological portrait, sphere their social activity, labour motivation, their requirement at the labour market according to their

qualification, their attitude towards unemployment and economic instability in the country.

Key words: young adults, labor market, region.

Труд и занятость были и остаются главными источниками общественного воспроизводства. С ними связано производство не только жизненных средств, но и самого человека, его духовных и физических сил. Важным показателем направленности воспроизводственных процессов выступает мотивация труда. В современной социологии она рассматривается как решающий фактор социальной эволюции¹.

Теоретические и прикладные разработки проблем занятости молодежи содержатся в трудах Н.В. Андреевской, Н.М. Блинова, Ю.А. Зубок, М.Н. Руткевича, Е.Г. Слуцкого, Э.Н. Фетисова, В.И. Чупрова. В современных условиях представляется важным дальнейшее углубленное исследование проблем занятости молодежи в условиях рынка, региональных особенностей занятости, факторов ее социального регулирования².

Проблема занятости молодежи имеет следующие наиболее существенные проявления – это противоречия:

- между провозглашенным правом на труд и реальным обеспечением этого права (де-юре – де-факто);
- численностью молодежи, находящейся на рынке труда и числом рабочих мест, которые она реально может занять (спрос – предложение);
- качеством молодежной рабочей силы и требованиями работодателей (низкая конкурентоспособность);
- системой образования и рынком труда (невостребованность полученного образования);
- весьма высокими притязаниями молодежи и реальными потребностями в их труде (завышенные притязания);
- рынком труда и рынком жилья для молодежи (есть работа – нет жилья) и др.

Каждое из этих противоречий имеет целый ряд конкретных выражений. И все они усилены современной кризисной социально-экономической ситуацией³.

Как показали социологические исследования безработной молодежи Пензенской области, проведенные с участием автора еще в 1997 г., 32% из них считают, что им уже все равно, где работать, лишь бы работать. В сельской местности были готовы идти на любую работу 42,9% молодых безработных, и это при том, что 73,2% опрошенных имели среднеспециальное, незаконченное высшее или высшее образование.

Безусловно, ситуация на региональном рынке труда за прошедшее время резко изменилась. Поэтому воспользуемся данными нашего социологического исследования «Российская молодежь в регионах “скромного” достатка. Каковы жизненные перспективы?».

Социологический портрет работающих респондентов (55,5% от общего числа опрошенных) характеризуется следующими показателями: 58,4% респондентов имеют высшее и незаконченное высшее; 30,1% – среднее специальное образование. Среди работающих 18,4% являются специалистами с высшим образованием; 8,7 – служащими из числа технического и обслуживающего персонала; 8,0 – квалифицированными рабочими; 6,1 – руководителями высшего и среднего звена; 4,2 – разнорабочими; 3,5 – предпринимателями; 2,6 – военнослужащими, сотрудниками правоохранительных органов и прокуратуры. Кроме того, являются пенсионерами по инвалидности, находятся в отпуске по уходу за ребенком – 1,8%, являются безработными – 3,0%.

При изучении сфер деятельности, которые больше всех привлекают молодежь, было выяснено, что в сфере образования трудятся 19,7% опрошенных, в торговле и общественном питании – 15,7; в сфере промышленного производства – 10,7; в сельском хозяйстве – 7,0; в строительстве, транспорте и связи – 12,3; жилищно-коммунальном хозяйстве – 3,0; в сфере управления – 5; науке, культуре, финансово-кредитных учреждениях – 10,1; других сферах – 16,5%.

Такое распределение отражает, во-первых, востребованность «сервисных» профессий и специальностей на региональном рынке труда (перетекание запросов из производственной в непродовольственную сферу); во-вторых, профессионально-трудоовую этику молодых россиян, характерную для постиндустриального общества, идеологией которого является общество досуга и различные формы нестандартных трудовых отношений.

В процессе изучения нестандартных форм занятости в Саратовской области⁴ нами было выяснены формы вторичной занятости, теньевые формы, трудовые миграции. Социологический анализ показал, что лишь 15,7% респондентов полагают, что человек не должен быть привязан к одному месту работы и совместительство может открыть новые перспективы. Для двух третей участников опроса это лишь источник дополнительного заработка. Более четверти опрошенных (28%) готовы заниматься временной работой.

Рассматривая указанные формы нестандартной занятости, можно сделать вывод, что они в основном связаны с работой в неформальном секторе экономики и в сфере услуг. Именно сектор услуг генерирует, как правило, нестандартные рабочие места, которые в первую очередь востребованы молодежью.

Для выяснения причин трудоустройства респондентов им был задан вопрос: «Что повлияло на Ваше решение пойти работать?» Из семи возможных вариантов ответов можно было отметить не более трех наиболее значимых для них мотивов.

Главной мотивацией трудовой деятельности для всех возрастных категорий молодежи является решение насущных жизненных потребностей –

стремление иметь материальную независимость. На это указали 66,3% респондентов (16–21 лет – 54,9; 22–26 лет – 71,3; 27–30 лет – 67,4%).

Необходимость содержать семью находится на втором месте при решении пойти работать – 38,0%. По мере увеличения возраста эта мотивация значительна (16–21 лет – 16,0%, 22–26 лет – 32,4% и 27–30 лет – 56,4%). Это прежде всего связано с тем, что наиболее оптимальным возрастом для вступления в брак является 22–26 лет и возраст родителей для рождения первого и второго ребенка в семье тоже от 22 до 30 лет.

На третьем месте находится один из высших мотивов самореализации личности – потребность в самоуважении и престижность быть работающим человеком (37,5%). Причем эта мотивация в самоутверждении наших респондентов имеет значительный рост от младшей до старшей возрастной категории (16–21 лет – 24,9; 22–26 лет – 39,4; 27–30 лет – 42,6%).

Далее идут мотивы, которые имеют незначительные различия для всех возрастов молодежи:

- интересная работа – 24,1%;
- желание «быть на людях», не хотелось сидеть дома – 20,0%;
- мнение родных, знакомых – 7,9%.

Рационально-прагматичное отношение к труду (труд как средство обретения материального достатка) свойственно большинству молодых людей, стремящихся стать материально независимыми и содержать семью. В то же время для многих респондентов труд – это механизм самореализации, самоутверждения, показатель взрослости и самостоятельности. Наконец, значительное число опрошенных воспринимает занятость как форму включения в коллективное общение и в процесс усвоения групповых социально-профессиональных ценностей. Для них рабочее место выступает психологически комфортной сферой.

50,3% опрошенных готовы «много работать и хорошо зарабатывать», 34,8% предпочитают иметь спокойную стабильную работу, обеспечивающую основные социальные гарантии. Иметь интересную работу независимо от заработка пред-

почитают 6,4% опрошенных. Примерно столько же (6,3%) придерживаются прямо противоположной позиции – не работать и не учиться, но иметь все, что хочется. Судя по ответам, мы имеем дело с элементами трудовой этики молодежи, близкой к трудовой этике современного западного общества в плане психологических установок, но далекой от идеологии постиндустриального общества в практической реализации этих установок.

В частности, профессиональное образование, полученное молодыми в исследуемых регионах, в значительной степени оказывается невостребованным. Между тем положение молодежи на рынке труда, ее продуктивная занятость в первую очередь зависит от того, насколько она востребована, т.е. выпускник работает по специальности, полученной в учебном заведении.

Наш анализ показывает, что по специальности, полученной в учебном заведении, работает только 42,4% опрошенных, по другой специальности – 40,4%, а 17,2% пока еще не имеют диплома об окончании учебного заведения.

Заметно здесь отличается от других возрастных категория 16–21 лет. Это связано с тем, что именно в этом возрасте молодежь обучается в учебных заведениях профессионального образования и не имеет диплома (50,7%), поэтому и работающих по специальности среди них всего 19,7%.

Таким образом, почти половина работающих респондентов трудятся не по своей специальности, что на региональном уровне отражает существующий дисбаланс рынка труда и рынка образовательных услуг. Вместе с тем есть основания полагать, что поведение молодежи на рынке труда зависит не только от состояния региональных систем образования и занятости.

Молодые люди указали на конкретные причины работы не по своей специальности, ответив на вопрос: «Если Вы не работаете по специальности, полученной в каком-либо учебном заведении (но имеете подготовку по какой-либо специальности), то почему?» Было предложено выбрать не более трех из семи возможных ответов. Ответы приведены в таблице.

Причины работы не по специальности, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Возрастные группы			
	16–21 лет	22–26 лет	27–30 лет	Выборка в целом
Нет никаких вакансий	12,9	37,8	29,7	27,8
Не престижно	5,5	9,4	18,8	11,6
Слишком малый заработок	13,8	38,2	47,8	34,6
Не берут без опыта работы	27,2	30,7	24,7	27,6
Нет необходимых перспектив продвижения по службе	4,9	11,3	13,6	10,3
Другое (укажите)	5,5	6,8	7,6	6,7
Еще не имею диплома об окончании учебного заведения	64,3	17,2	11,9	28,8

Как видим, 34,6% респондентов отметили, что главной причиной здесь является слишком малый заработок; 27,8 – отсутствие необходимых вакансий, 27,6% утверждают, что работодатели не принимают молодых специалистов из-за отсутствия у них опыта работы. 10,3% опрошенных убеждены, что, работая по специальности, они лишаются перспектив продвижения по службе. Только 11,6% респондентов признались, что полученная в профессиональном учебном заведении специальность для них не престижна. При этом разные возрастные категории указывают на разные причины работы не по специальности. Например, на отсутствие вакансий больше всех указывают респонденты в возрасте 22–26 лет – 37,8%, на не престижность работы и малый заработок – 27–30 лет (47,8 и 18,8% соответственно).

В целом причины такой ситуации в исследуемых регионах могут быть самые различные, но в совокупности они отражают весьма тревожную и необоснованную тенденцию, связанную с продолжающейся дискриминацией молодых людей на рынке труда.

Было изучено и мнение респондентов о том, какие проблемы на их взгляд являются наиболее важными и трудными для современной молодежи.

Из всех 16 проблем, которые были обозначены в анкете, самой главной, по оценке респондентов, является безработица. Она особо актуальна для старшей возрастной группы, где она волнует 70,7% респондентов. Незначительно меньше (68,3%) она волнует младшую группу. Актуальна она также для 63,2% опрошенных в средней возрастной группе.

Экономическая нестабильность как проблема для молодежи находится на третьем месте после

безработицы и преступности. Причем она по мере взросления начинается больше волновать все возрастные группы молодых людей. Она является важной и трудной для 44,8% респондентов в возрасте 16–21 лет, 51,8 – в возрасте 22–26 лет и 57,3% – в возрасте 27–30 лет.

Было также выяснено личное отношение опрошенных к двум проблемам – отсутствию рабочих мест на производстве и невозможности найти работу по душе.

Невозможность найти работу по душе приходится у опрошенных представителей молодого поколения на пятом месте после инфляции, преступности, пьянства и наркомании в обществе, жилищной проблемы. В представлениях разных возрастных групп она имеет тенденцию к снижению. Отсутствие рабочих мест на производстве в одинаковой мере волнует представителей младшей и средней возрастных групп (21,5 и 21,3% соответственно) и каждого четвертого опрошенного старшей группы (24,2%).

Примечания

- 1 См.: *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007. С. 39.
- 2 См.: *Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв.ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров.* М., 2008. С. 132.
- 3 См.: *Бужин В.П., Маркин В.В., Михнева С.Г., Найденова Л.И.* Занятость молодежи в регионе: проблемы и решения. Программно-аналитический проект. Пенза, 1996 С. 9.
- 4 См.: *Бужин В.П., Розеватов Г.А.* Нестандартная занятость в современных условиях // *Вестн. Поволж. академии гос. службы.* 2007. № 13. С. 110–112.

УДК 316.346.32–053.8(470.44)

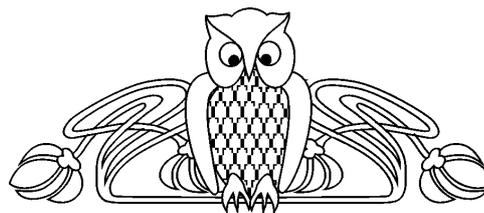
ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

О.А. Рагимова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра физиологических и клинических основ детства
E-mail: RagimovaOlga@yandex.ru.

Статья посвящена социологическому исследованию феномена социального здоровья молодежи. Анализируются динамика его изменения в трансформирующемся социуме в Саратовском регионе, дается сравнительная характеристика с другими регионами, определены факторы, влияющие на его формирование.

Ключевые слова: социальное здоровье, основания социального здоровья, подрастающее поколение, социальная адаптация, социальное самочувствие, самооценка здоровья.

Dynamics (Changes) of Social Health of Grow-up Generations

O. A. Ragimova

The clause is devoted to sociological research of a phenomenon of social health of youth. Dynamics of his changes in sozun in Saratov region is analyzed, the comparative characteristic with other regions is given, the factors of influence his formation are determined.

Key words: social health, the basis of social health, rising generation, social adaptation, social state of healf, self-estimation of health.

Как видим, 34,6% респондентов отметили, что главной причиной здесь является слишком малый заработок; 27,8 – отсутствие необходимых вакансий, 27,6% утверждают, что работодатели не принимают молодых специалистов из-за отсутствия у них опыта работы. 10,3% опрошенных убеждены, что, работая по специальности, они лишаются перспектив продвижения по службе. Только 11,6% респондентов признались, что полученная в профессиональном учебном заведении специальность для них не престижна. При этом разные возрастные категории указывают на разные причины работы не по специальности. Например, на отсутствие вакансий больше всех указывают респонденты в возрасте 22–26 лет – 37,8%, на не престижность работы и малый заработок – 27–30 лет (47,8 и 18,8% соответственно).

В целом причины такой ситуации в исследуемых регионах могут быть самые различные, но в совокупности они отражают весьма тревожную и необоснованную тенденцию, связанную с продолжающейся дискриминацией молодых людей на рынке труда.

Было изучено и мнение респондентов о том, какие проблемы на их взгляд являются наиболее важными и трудными для современной молодежи.

Из всех 16 проблем, которые были обозначены в анкете, самой главной, по оценке респондентов, является безработица. Она особо актуальна для старшей возрастной группы, где она волнует 70,7% респондентов. Незначительно меньше (68,3%) она волнует младшую группу. Актуальна она также для 63,2% опрошенных в средней возрастной группе.

Экономическая нестабильность как проблема для молодежи находится на третьем месте после

безработицы и преступности. Причем она по мере взросления начинается больше волновать все возрастные группы молодых людей. Она является важной и трудной для 44,8% респондентов в возрасте 16–21 лет, 51,8 – в возрасте 22–26 лет и 57,3% – в возрасте 27–30 лет.

Было также выяснено личное отношение опрошенных к двум проблемам – отсутствию рабочих мест на производстве и невозможности найти работу по душе.

Невозможность найти работу по душе приходится у опрошенных представителей молодого поколения на пятом месте после инфляции, преступности, пьянства и наркомании в обществе, жилищной проблемы. В представлениях разных возрастных групп она имеет тенденцию к снижению. Отсутствие рабочих мест на производстве в одинаковой мере волнует представителей младшей и средней возрастных групп (21,5 и 21,3% соответственно) и каждого четвертого опрошенного старшей группы (24,2%).

Примечания

- 1 См.: *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007. С. 39.
- 2 См.: *Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв.ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров.* М., 2008. С. 132.
- 3 См.: *Букин В.П., Маркин В.В., Михнева С.Г., Найденова Л.И.* Занятость молодежи в регионе: проблемы и решения. Программно-аналитический проект. Пенза, 1996 С. 9.
- 4 См.: *Букин В.П., Розеватов Г.А.* Нестандартная занятость в современных условиях // *Вестн. Поволж. академии гос. службы.* 2007. № 13. С. 110–112.

УДК 316.346.32–053.8(470.44)

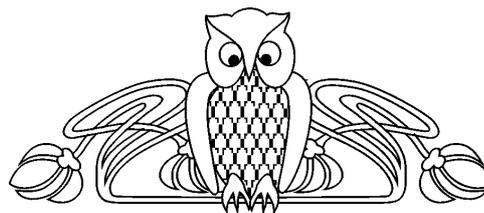
ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

О.А. Рагимова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра физиологических и клинических основ детства
E-mail: RagimovaOlga@yandex.ru.

Статья посвящена социологическому исследованию феномена социального здоровья молодежи. Анализируются динамика его изменения в трансформирующемся социуме в Саратовском регионе, дается сравнительная характеристика с другими регионами, определены факторы, влияющие на его формирование.

Ключевые слова: социальное здоровье, основания социального здоровья, подрастающее поколение, социальная адаптация, социальное самочувствие, самооценка здоровья.

Dynamics (Changes) of Social Health of Grow-up Generations

O. A. Ragimova

The clause is devoted to sociological research of a phenomenon of social health of youth. Dynamics of his changes in sozun in Saratov region is analyzed, the comparative characteristic with other regions is given, the factors of influence his formation are determined.

Key words: social health, the basis of social health, rising generation, social adaptation, social state of healf, self-estimation of health.

Социальные последствия трансформационных процессов, происходящих в нашем обществе, для молодежной среды многообразны. Здесь и трудности социализации, низкие стартовые возможности вхождения в рыночные отношения, снижение здоровья в процессе обучения в вузе и многое другое¹. Снижение качества здоровья несомненно отражается и на качестве обучения молодого поколения. Между тем здоровье молодого поколения является богатством нации, социальным капиталом, определяющим ближайшую и долгосрочную перспективу развития нашей страны.

Опираясь на разработанную авторскую концепцию², мы рассматриваем социальное здоровье как благополучие людей, проявляющееся в ценностях, атмосфере, отношениях и организации общества, что в целом обеспечивает общественное развитие. Многомерный подход к этой категории позволяет рассмотреть этот феномен через призму трех оснований: индивидуально-личностного, социального и социокультурного. Такой комплексный подход позволяет выявить не только общие закономерности его динамики на определенном отрезке исторического времени, но и определить возрастные, гендерные, региональные особенности социального здоровья различных групп и слоев российского общества. Такой новый концептуальный взгляд на эту проблему позволит дальше модернизировать стратегию государственной молодежной политики по формированию, сохранению и возвращению социального здоровья молодежи. Перед социологом стоит задача изучить не только общее для страны состояние оздоровительной деятельности государства и общества, но и ее характеристики на региональном уровне.

Концепция социального здоровья разработана на основе социокультурной концепции П. Сорокина³, используются системный и структурно-функциональные подходы. Социальное здоровье общества является мерой качества жизни и состояния структур социума, оно связано с социальным статусом. Главным признаком социального здоровья общества и его общностей становится способность воспроизводства полноценной личности в качестве субъекта общественного развития. Эта способность обусловлена многими факторами, как внешними, так и внутренними. К внутренним факторам относят наследственность, онтогенетические характеристики развивающейся личности (пол, возраст). К внешним – природные и социальные. Социальные факторы в трансформирующемся обществе становятся ведущими (экономические, политические, образовательные, культурные).

Мы рассматриваем социальное здоровье как систему связанных понятий в системе единого комплекса явлений в виде различных взаимозависимых составляющих, частей, оснований, уровней, разного рода индикаторов. Способность

личности становится субъектом общественного развития в нынешнем обществе в большой степени зависит от здоровья людей в масштабах социума. Может ли общество развиваться, если люди пребывают в состоянии нервных расстройств, психосоматизации, генетических нарушений, имеющих массовый характер. А общество само трансформируется. Социальное здоровье в таком социуме, особенно молодежи, является одной из важных составляющих его социальной активности, социального развития.

Таким образом, индивидуально-личностное основание социального здоровья тесно связано с понятием здоровья, а состояние здоровья становится его показателем, то есть социальное здоровье в трансформирующемся обществе определяется и здоровьем населения и общностей. Вторым важным показателем социального здоровья становятся социальная адаптация, социальное самочувствие, определяющие взаимодействие общности с социальной средой. Третьим компонентом остается социокультурный фактор, в котором проявляются традиции, нормы, ценности, обычаи, социокультурные практики по отношению к здоровью.

В эмпирическом исследовании были использованы следующие социологические методы: анкетирование, интервью, включенное наблюдение: анкета «Здоровье студента» (1999–2000 гг. № 125; 2004 г. № 239; 2005 г. № 104; «Место и ход вашей жизни»; совместное исследование СГУ и Института аграрных проблем РАН; 2005 г. № 300; «Здоровье студентов» и «Здоровье молодежи» 2006–2007 г. 700 респондентов.

В ходе исследований выявлено, что в 1999–2000 учебном году свое здоровье как «очень хорошее» оценили 1,3% опрошенных; как «хорошее» – 28% респондентов, «среднее» – 53%, «плохое» – 5%, остальные респонденты затруднились с ответом. На вопрос: «Делаете ли Вы сами что-нибудь для своего здоровья?» – положительно ответили 23% респондентов, «иногда» – 49%. Так, 21% студентов утверждают, что следуют определенному режиму дня и полноценно питаются. Каждый второй задумывается о своем здоровье, при этом для 41% из них поводом для размышления послужила собственная болезнь или в 23% также болезни других людей, в первую очередь родственников. У 15% опрошенных есть вредные привычки, такие как курение, прием алкоголя. Социально-экономические условия жизни этой группы были в основном около или чуть ниже прожиточного минимума.

В 2003–2004 учебном году опрашивались студенты первых-вторых курсов дневного отделения и студенты первых-третьих курсов заочного отделения. Оказалось, что за истекшие 2–3 года студенты стали чаще болеть, лечиться в больнице, больше пропускать занятий по болезни. Выявлен феномен быстрого утомления и перевозбуждения при достаточной нагрузке (контрольная работа,

зачеты, экзамены), часто встречались невротические реакции. Студенты в основном в это время оценили свое здоровье как среднее (60%).

К 2005 г. проблема здоровья остается актуальной. Так, 82% опрошенных считают, что «хорошо жить» – это прежде всего «хорошее здоровье членов семьи», для 43% респондентов – «уверенность в завтрашнем дне», для 45% – «желаемая профессия и должность». Молодежь считает, что здоровье у них ухудшается в основном в процессе обучения и каждый второй неудовлетворен своим физическим состоянием, а только 30% оказались им довольны. В это время базовые потребности студентов в целом неудовлетворены, остается низким качество жизни, однако каждый второй удовлетворен возможностью получить образование.

К 2006–2007 учебному году социальное здоровье продолжает модифицироваться. В основном отмечаются во всех основаниях положительные тенденции, за исключением роста хронических заболеваний, что, на наш взгляд, является «шлейфом» предыдущих социальных изменений в общественной жизни: модернизации института здравоохранения, стратификационными процессами в стране.

В 2006–2007 учебном году было опрошено 700 молодых людей 17–20 лет, среди них было 180 студентов педагогического института СГУ, а также квотно-случайная выборка по г. Саратову. Оказалось, что общая случайная, квотно-случайная и студенческая выборка 17–20 лет репрезентируют одни и те же изменения социального здоровья молодого поколения этого возраста. Данные в них почти не отличаются друг от друга. Были проведены также сравнительные исследования социального здоровья студентов в г. Ульяновске и г. Оренбурге (400 человек 17–20 лет).

Самооценка здоровья студентов в индивидуально-личностном основании оказалась выше у студентов г. Ульяновска и хуже г. Оренбурга по сравнению со студентами г. Саратова. Так, в г. Саратове на «очень хорошо» и «хорошо» оценили свое здоровье 53,8%, в г. Ульяновске 80% опрошенных, тогда как в г. Оренбурге только 37% респондентов. Эта же закономерность отмечается у студентов по наличию хронических заболеваний. Так, молодежь г. Ульяновска репрезентирует наличие хронических заболеваний только у 19% опрошенных, саратовские студенты – 22,7%; тогда как в г. Оренбурге 33% респондентов.

При оценке социальной активности молодежи в г. Саратове считает, что имеет очень высокую активность в 18,1% случаев, в Ульяновске – 20% и в Оренбурге – только 6%. Высокую активность в Саратове отмечают у себя 34,6%; в Ульяновске – 43% и только 25% респондентов в г. Оренбурге. Среднюю активность у себя отметили 40,2% студентов г. Саратова, 25% – Ульяновска и 59% – молодежи г. Оренбурга. В городе Оренбурге студенческая молодежь почти в 2 раза менее активна, чем в других городах.

Наиболее ярким показателем является социальное самочувствие молодого поколения, что проявляется в удовлетворенности жизнью. Удовлетворенность жизнью студенческой молодежи высокая и наибольшей она была в г. Ульяновске (удовлетворены 50%, а неудовлетворены только 3% опрошенных), в Саратове 46,1% респондентов удовлетворены жизнью и 2,2% нет. Тогда как в г. Оренбурге удовлетворен жизнью только каждый третий респондент (33%) и 4% неудовлетворены и 3% не ответили на этот вопрос.

Студентам предложили перечислить факторы, влияющие на здоровье. Они выделили следующие факторы: на первое место они поставили место проживания, так считают 37,3% респондентов, на втором – материальный достаток (24,1%) и только 16,7% опрошенных считают, что это образ жизни. При оценке образа жизни почти половина опрошенных студентов г. Ульяновска и г. Саратова считают, что ведут здоровый или очень здоровый образ жизни, тогда как в г. Оренбурге таких студентов в 2 раза меньше. Но понятие здорового образа жизни у молодежи очень фрагментарно, в основном сводится к отказу от вредных привычек и имеет две тенденции: одна медикалистическая (30%) – связана с помощью медицины, а другая – спортивно-оздоровительная.

Наши данные показали, что везде по России низкая культура здоровья, что приводит к здоровьеразрушающему поведению молодого поколения, корреляционный анализ подтвердил парадоксальную зависимость: чем здоровье лучше, тем у молодежи больше вредных привычек. Молодежь не задумывается о его разрушении, когда оно есть или пока еще не беспокоит. Там, где здоровье хуже (в г. Оренбурге), студенты констатируют только в 34% случаев наличие вредных привычек, в Ульяновске – у 41% опрошенных, тогда как у саратовских студентов в 43,5% случаев отмечается здоровьеразрушающее поведение.

Анализ основных факторов, влияющих на формирование социального здоровья, выявил прямую зависимость от дохода в семье и культурного капитала (образования) родителей. Оказалось, что социально-экономические показатели и культурный капитал самые высокие у родителей студентов г. Ульяновска и г. Саратова, а семьи молодых людей г. Оренбурга имели более низкий статус по этим показателям. Было выявлено влияние состояния здоровья на учебу у подрастающего поколения, что наиболее было заметно там, где здоровье было хуже. Так, студенты г. Оренбурга в 81% случаев считают, что эта зависимость существует, тогда как в г. Саратове и Ульяновске на это указывают соответственно 44,5% и 56% респондентов. Выявлена взаимосвязь и ухудшения социального здоровья за время учебы там, где оно ниже. Так, на вопрос: «Как Вы думаете, за время учебы в университете Ваше здоровье...» улучшилось – ответили 7,1% студентов в г. Саратове и 9% респондентов в г. Ульяновске и Оренбурге;

ухудшилось – считают 30,7% опрошенных в г. Саратове и практически столько же (31%) в г. Ульяновске, тогда как в Оренбурге таких студентов в 1,5 раза больше (49%).

На вопрос: «Как Вы думаете, есть ли необходимость в том, чтобы проблема здоровья детей и молодежи широко обсуждалась в стране?» – 33% опрошенных ответили, что совершенно уверены в этом; каждый десятый не очень уверен и затруднился с ответом. На вопрос: «Как Вы думаете, должно ли образование в России широко заниматься проблемами сохранения здоровья?» – 62% учащихся ответили утвердительно и 2% – нет. «Как Вы думаете, – спросили студентов, – необходимо ли увеличить объем знаний при преподавании дисциплин, связанных с сохранением здоровья?» Совершенно уверены в этом только 13% респондентов, каждый третий уверен в этом, а остальные сомневаются в этом или затруднились с ответом. На вопрос: «Используете ли Вы в своей повседневной жизни знания, которые Вы получили в университете о здоровье?» – 27% студентов ответили утвердительно, 26% – нет,

остальные считают «иногда». Можно сказать, что, несмотря на актуализацию этой проблемы, институт образования проводит недостаточную работу по формированию культуры здоровья. Вот почему необходимо радикально усилить работу по формированию социального здоровья молодежи в школах и вузах с тем, чтобы молодые люди более эффективно могли использовать знания, культурные практики для сохранения и восстановления как своего здоровья, так и здоровья своих будущих детей.

Примечания

- ¹ См.: Ивахненко Г., Голусова Ю. Современное студенчество: социологический портрет // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 110–112; Козина Г. Ю. Социологический анализ поведения студенческой молодежи в отношении здоровья и факторов ЗОЖ // Вестн. Тамбов. ун-та. 2007. Вып. 7(51). С. 282–287.
- ² См.: Рагимова О. А. Социальное здоровье молодого поколения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 120.
- ³ Там же. С. 119–121.

УДК 316.334: 379.8

ДОСУГ В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.В. Понукалина

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра экономики труда и управления персоналом
E-mail: okspo@list.ru

В статье рассматриваются теоретические подходы к исследованию досуга в условиях общества массового потребления; исследуются причины сближения и взаимопроникновения практик досуга и потребления горожан.

Ключевые слова: досуг, общество, потребление.

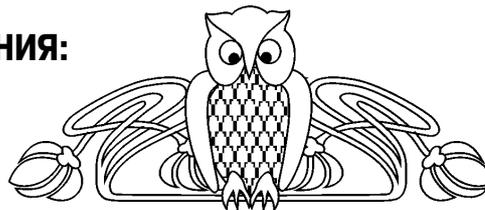
Leisure within Society of Mass Consumption: Approaches to Research

O.V. Ponukalina

In the article theoretical approaches to research of leisure in conditions of a society of mass consumption are considered. The reasons of association of leisure and consumption of the townspeople are investigated.

Key words: leisure, society, consumption.

Устойчивый интерес к социологическим и экономическим интерпретациям досуга оформился сравнительно недавно – появление первых, ставших уже классическими, работ, посвященных проблематике досуга, приходится на конец шестидесятых. Крупный теоретик досуга Дюмазедье (Dumazedier) в своих аналитических построениях,

представленных в работе «Sociology of Leisure», оптимистично заявляет, что «цивилизация досуга» уже наступила. А это значит, что современный досуг не является, как прежде, «приложением» к труду – отдыхом от него и подготовкой к нему. Самоценный, самодостаточный характер досуга сделал его независимой переменной. Автономизация досуга, изменение его ценностной структуры – свидетельство коренных преобразований в социокультурном пространстве, обуславливающих проникновение досуговых практик во все сферы повседневной жизни. Уже в последней трети прошлого века на новые тенденции горячо откликается бизнес – производство товаров и услуг для досуга становится одним из наиболее прибыльных видов экономической деятельности.

Потребность в систематизации досуговых исследований пробудила к жизни ряд классификаций, моделей, аналитик, направленных на идентификацию устойчивых полей исследовательского интереса. Среди наработок в области социологии досуга наибольший интерес представляют основные модели досуга по М. Каплану, подходы к изучению досуга по Л. Хейвуду, мотивационные

ухудшилось – считают 30,7% опрошенных в г. Саратове и практически столько же (31%) в г. Ульяновске, тогда как в Оренбурге таких студентов в 1,5 раза больше (49%).

На вопрос: «Как Вы думаете, есть ли необходимость в том, чтобы проблема здоровья детей и молодежи широко обсуждалась в стране?» – 33% опрошенных ответили, что совершенно уверены в этом; каждый десятый не очень уверен и затруднился с ответом. На вопрос: «Как Вы думаете, должно ли образование в России широко заниматься проблемами сохранения здоровья?» – 62% учащихся ответили утвердительно и 2% – нет. «Как Вы думаете, – спросили студентов, – необходимо ли увеличить объем знаний при преподавании дисциплин, связанных с сохранением здоровья?» Совершенно уверены в этом только 13% респондентов, каждый третий уверен в этом, а остальные сомневаются в этом или затруднились с ответом. На вопрос: «Используете ли Вы в своей повседневной жизни знания, которые Вы получили в университете о здоровье?» – 27% студентов ответили утвердительно, 26% – нет,

остальные считают «иногда». Можно сказать, что, несмотря на актуализацию этой проблемы, институт образования проводит недостаточную работу по формированию культуры здоровья. Вот почему необходимо радикально усилить работу по формированию социального здоровья молодежи в школах и вузах с тем, чтобы молодые люди более эффективно могли использовать знания, культурные практики для сохранения и восстановления как своего здоровья, так и здоровья своих будущих детей.

Примечания

- ¹ См.: Ивахненко Г., Голусова Ю. Современное студенчество: социологический портрет // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 110–112; Козина Г. Ю. Социологический анализ поведения студенческой молодежи в отношении здоровья и факторов ЗОЖ // Вестн. Тамбов. ун-та. 2007. Вып. 7(51). С. 282–287.
- ² См.: Рагимова О. А. Социальное здоровье молодого поколения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 120.
- ³ Там же. С. 119–121.

УДК 316.334: 379.8

ДОСУГ В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

О.В. Понукалина

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра экономики труда и управления персоналом
E-mail: okspo@list.ru

В статье рассматриваются теоретические подходы к исследованию досуга в условиях общества массового потребления; исследуются причины сближения и взаимопроникновения практик досуга и потребления горожан.

Ключевые слова: досуг, общество, потребление.

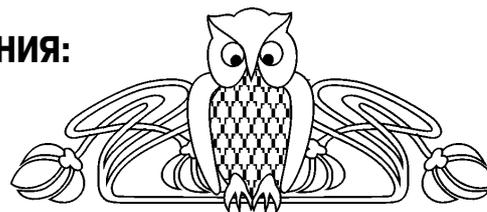
Leisure within Society of Mass Consumption: Approaches to Research

O.V. Ponukalina

In the article theoretical approaches to research of leisure in conditions of a society of mass consumption are considered. The reasons of association of leisure and consumption of the townspeople are investigated.

Key words: leisure, society, consumption.

Устойчивый интерес к социологическим и экономическим интерпретациям досуга оформился сравнительно недавно – появление первых, ставших уже классическими, работ, посвященных проблематике досуга, приходится на конец шестидесятых. Крупный теоретик досуга Дюмазедье (Dumazedier) в своих аналитических построениях,

представленных в работе «Sociology of Leisure», оптимистично заявляет, что «цивилизация досуга» уже наступила. А это значит, что современный досуг не является, как прежде, «приложением» к труду – отдыхом от него и подготовкой к нему. Самоценный, самодостаточный характер досуга сделал его независимой переменной. Автономизация досуга, изменение его ценностной структуры – свидетельство коренных преобразований в социокультурном пространстве, обуславливающих проникновение досуговых практик во все сферы повседневной жизни. Уже в последней трети прошлого века на новые тенденции горячо откликается бизнес – производство товаров и услуг для досуга становится одним из наиболее прибыльных видов экономической деятельности.

Потребность в систематизации досуговых исследований пробудила к жизни ряд классификаций, моделей, аналитик, направленных на идентификацию устойчивых полей исследовательского интереса. Среди наработок в области социологии досуга наибольший интерес представляют основные модели досуга по М. Каплану, подходы к изучению досуга по Л. Хейвуду, мотивационные

модели досуга Дж. Келли, взаимосвязь досуга и работы по М. Каплану, более современное исследование стилей и форм досуга Р. Стеббинсона.

Можно проследить, как значение понятия «досуг» менялось с течением времени. В словаре В. Даля досуг определяется в известном значении – свободное, незанятое времени (гулянки, гулячая пора, простор от дела), а также как умение или добрые качества. По Далю, досужливый – это мало занятой, часто свободный, а досужий – умеющий, способный к делу, ловкий. В современном словаре С.И. Ожегова второе значение у слова «досужий» исчезло, зато появилось негативное значение («Досужие мысли появляются от безделья»). Подобные изменения в смыслах и значениях употребляемых нами понятий показывают глубинные культурные сдвиги и трансформации, потерю понимания того, как «творческий характер культуры противостоит расчетливости цивилизации, духовный труд – физическому труду, как праздник – будням, досуг – работе, свобода – необходимости, как связаны досуг и умение, как они важны для социума и культуры»¹.

В конце 40-х гг. прошлого столетия Й. Хейзинга показал, что общая тенденция изучения досуга отличается формализмом, сепарацией его от других сфер человеческой активности и общего социального контекста, что обусловлено вспомогательным, вторичным положением по отношению к труду².

В Советской России феномен свободного времени привлекал к себе внимание ученых различных областей науки в связи с «общественной стоимостью» воспроизводства рабочей силы. Выдвигалась «проблема создания необходимых условий для рационального использования трудящимися свободного времени, организации содержательного и полезного досуга»³. В результате сложившееся представление о том, что досуг вторичен по отношению к работе, долгое время оставалось очень устойчивым. Советский период привнес в общественное сознание ощущение того, что повседневная жизнь людей, их быт – это просто придаток производства. Однако не все так однозначно и советские социологи признавали тот факт, что от того, какими благами цивилизации люди могут пользоваться в быту и как они ими пользуются, зависят в конечном счете характер, направление и темпы экономического развития, общественного прогресса в целом.

Российская социальная наука небогата широкими исследовательскими программами и концептуальными открытиями в отношении досуга. Изучение сферы досуга часто входило в контекст более широких исследований образа жизни, бюджетов времени. Изучение свободного времени в семидесятые-восьмидесятые годы носило в основном социально-статистический характер, с началом же перестройки исследования острых социальных проблем – расслоения общества, безработицы, катастроф, крушения

привычных институциональных практик – прочно занимают центральное место на страницах солидных социологических журналов. Долгое время социологии досуга отводилась периферия научного интереса.

На сегодняшний день среди отечественных исследований досуга следует отметить работы Г. Зборовского, Т. Киселёвой, А. Маршака, Г. Орлова, С. Струмилина, Н. Хренова, Т. Черняевой. Свободное время как социологическая категория анализируется Б. Грушиным, Л. Гордоном, В. Патрушевым. Исследования этого плана традиционно ведутся в контексте изучения распределения свободного времени (школа В.Д. Патрушева). Методология исследования досуга – предмет научного рассмотрения Б. Мосалёва. Определение механизмов использования свободного времени, рассмотрение особенностей досуговой деятельности в зависимости от возраста и доходов представлено в работах И. Бутенко, Л. Михайловой.

В течение последних десятилетий социология досуга претерпевала несомненные изменения под влиянием смены общетеоретических парадигм. В этом ракурсе менялись акценты целевых установок исследований бюджетов времени: от анализа процессов, свидетельствующих о сдвигах в сторону постиндустриализма, многие исследователи переходят к качественному изучению деятельности, распределенной во времени, снижая компоненту репрезентативных статистик расходов времени. Эта область исследований в рамках качественной методологии приобретает принципиально иное содержание и начинает сближаться с культурологической тематикой.

Тем не менее на сегодняшний день необходимость методологической, теоретической и эмпирической разработки проблематики досуга и свободного времени становится все более острой. Этому способствуют процессы экономической интеграции и социокультурные трансформации. Изучение досуга – это не столько исследование физического пространства, определенное времени или полученной свободы. Это, скорее, ориентация на то, что означают свобода, выбор, гибкость, самоопределение в рамках данной социальной формации. Это анализ производства и воспроизводства социокультурных ресурсов. Это усиление внимания к сложившимся социальным практикам в пространстве досуга и выявление новых, возникающих уже в киберпространстве.

На сегодняшний день сфера досуга требует серьезных эмпирических исследований. В фокусе внимания социальных исследователей могут оказываться различные проблематики, связанные с досугом, например модели проведения досуга, анализ предпочтений в проведении свободного времени, социальная стратификация и досуг, связь досуга с важнейшими социальными институтами, феноменология и экзистенция, досуг и идентичность, специфика потребления услуг досуговых сервисов. С нашей точки зрения, актуальным

становится исследование досуга в связи со становлением российского общества потребления.

По мере развития российского общества и с ростом значимости культуры, ценность свободного времени в сознании граждан возрастает. Как справедливо отмечает Г. Зборовский, этот процесс весьма противоречив, на него оказывают влияние различные факторы. Особенно заметно воздействие рыночных отношений и деятельности людей, связанных с их внедрением в жизнь российского социума. Происходит актуализация, с одной стороны, предпринимательских, с другой – потребительских ценностей⁴.

Следует отметить, что досуг предполагает осознанный выбор значимых альтернатив из множества возможных видов активности. Если в трудовой деятельности недопустимы импровизации, спонтанность, эмоциональность, то досуговая деятельность, напротив, строится на импульсивности, самопроизвольности, экспрессивности, непредсказуемости. В досуговых формах не только преобладают игровые элементы, но и сам досуг зиждется на законах построения игры, перерастая, таким образом, в игровую социальный феномен.

Досуговая деятельность не регламентирована нормами производства, но детерминирована социальными, культурными и экономическими условиями жизни. Она обусловлена, с одной стороны, уровнем культурного развития самой личности, что проявляется в системе запросов и целевых установок, а с другой – теми возможностями, которые общество предоставляет человеку для реализации его интересов. Возможности раскрываются в системе условий, или, точнее, организационных форм, обеспечивающих осуществление разных типов досуговой деятельности.

Вот тут то и возникает ограничение свободы выбора, или, точнее, «иллюзия выбора». Именно производство товаров и услуг, ориентированных на свободное время, стало одной из первых, наиболее прибыльных форм бизнеса и предпринимательства в нашей стране. И даже в условиях экономического кризиса эта сфера все равно продолжала успешно развиваться. Данные процессы отражают общую закономерность, которая проявилась во всем мире – в развитых странах в XX столетии наступил «рекреационный бум», выразившийся в стремительном росте индустрии отдыха. Как отрасль экономики, досуговые и рекреационные услуги переместились за короткий исторический этап с малозначительного места на одно из первых по важности и прибыльности.

Ночные клубы и игорный бизнес, игровые автоматы и компьютерные игры, туристические и коммерческие поездки за рубеж и шоу-бизнес – вот далеко не полный перечень тех форм предпринимательства, которые активно зарождаются и развиваются в России, начиная с 80–90 гг. XX столетия. После рабочего дня человека ожидают автоматизированные развлечения, вызывающие стереотипные реакции и, по сути, не оставляю-

щие большой свободы. В. Яковлев отмечал по этому поводу: «Свобода стандартизированного, шаблонного досуга – мнимая свобода! Вместо обогащения культурой она лишь продолжает и усугубляет процесс обезличивания»⁵. Задача разумной культурной политики заключается в том, чтобы связать «потребительский террор», рост производства и повышение уровня индивидуальных потребностей, в том числе и в досуге.

В досуге реализуются множество функций, среди которых можно выделить две основные – восстановление сил человека и его духовное и физическое развитие. В соответствии с функциональной направленностью досуга учреждения сферы культуры и досуга можно дифференцировать на культурно-развлекательные и культурно-просветительные. К культурно-просветительным относятся услуги музеев, библиотек, театров: через эти учреждения удовлетворяются потребности в интеллектуальном и духовном развитии человека. Большая часть таких услуг предоставляется в основном государственными учреждениями.

Развлекательные услуги априори лишены глубокого интеллектуального содержания и смысла. С точки зрения социальных исследователей «их положительное влияние для социума заключается не в привлечении к духовному развитию, а в отвлечении от антикультурных проявлений – таких как пьянство и наркотики, или деструктивных психологических изменений, которые могут вызвать социальная заброшенность, скука, депрессия»⁶. Индустрия досуга, ориентированная на развлечения, дает возможность человеку отвлечься от рутинной повседневности, получить заряд положительных эмоций и ощущений; услуги индустрии досуга широко рекламируются в СМИ, как правило, стоят дорого и приносят доход ее строителям.

Потребление играет важную роль в нашей действительности, и многие современные западные страны часто называют обществом потребления. В России сегодня активно внедряется новая модель существования, ориентированная на потребление. В массовое сознание россиян успешно встраиваются ценности общества массового потребления с помощью рекламы, СМИ, моды, брендинга. Потребление становится элементом повседневной жизни, способным по-новому структурировать общество, объединять или разъединять индивидов.

Средства массовой информации становятся главной силой, формирующей представления людей о действительности. Презентируя то, что покупается и приносит максимальную прибыль, СМИ тем самым превозносят личное потребление в качестве главной цели существования современного человека. Как отмечают исследователи, «в иллюзорном мире телевидения никто не работает, кроме полицейских и преступников. Это мир потребления без производства. Капиталистическая

культура и телевизионная культура идеально подходят друг другу, потому что и та, и другая во главу угла ставят доход... Если учитывать, что население России менее критично, менее опытно в восприятии и анализе информации, и России во многом свойственна инерция доверия к СМИ, то становится очевидным духовная уязвимость ее населения...»⁷.

Общество потребления – это совокупность общественных отношений, в которых ключевое место играет индивидуальное потребление, опосредованное рынком. В отличие от высоко-развитых стран мира общество потребления формируется в России в виде оазисов в кризисном социальном пространстве. Лишь меньшинство населения имеет возможность жить в них. Большинство же находится в виртуальном обществе потребления, которое можно наблюдать с помощью телевидения, разнообразной рекламы, в магазинах и на улицах, к которому можно стремиться, но в которое нет шансов войти⁸.

«Говоря об обществе потребления, мы имеем в виду нечто большее, чем банальный тезис о том, что все члены этого общества «потребляют»; все люди, более того, все живые существа «потребляют» с незапамятных времен... Способ, которым сегодняшнее общество «формирует» своих членов, – пишет З. Бауман, – диктует в первую очередь обязанность играть роль потребителей»⁹.

Разумеется, в любом обществе индивидуальное потребление составляет наряду с производством его базис. Но лишь на определенном этапе развития индивидуальное потребление подвергается глубокой институционализации и превращается в ключевой фактор экономического развития страны. С одной стороны, оно все глубже опосредуется институтом рынка, а с другой – существование рынка, относительно независимого от индивидуального потребления, невозможно. Ни одна страна не может быть исчерпывающе описана как общество потребления¹⁰.

Потребительский бум приходится на тот период, когда многие западные страны переживают новый этап своего развития, называемый постсовременность или постмодерн. До сих пор ведутся острые научные дискуссии как относительно названия данного периода развития (постиндустриальное общество (А. Турен, Д. Белл), посткапиталистическое общество (Р. Дарендорф), пострыночное общество (П. Друкер)), так и правомерности утверждения о конце эпохи модерна. Однако при всем многообразии лексического оформления, суть одна – современные западные страны, достигнув пика своего индустриального роста и материального изобилия, вступают в новый период развития, характеризующийся определенными особенностями. Часто главной определяющей чертой постмодернизма называют потребление.

В обществе постмодерна имеет место бесконечное умножение товаров и услуг, благодаря

чему человек оказывается в большей степени не в среде себе подобных, а в поле объектов. Создается новая реальность, в которой ключевой формой деятельности выступает потребление. Выделим некоторые характерные особенности общества постмодерна, подмеченные различными авторами, и прокомментируем их с точки зрения нашего исследовательского интереса:

– *снижение роли материального производства и ускорение развития сферы услуг*. Так, например, индустрии туризма и досуга становятся одними из прибыльных сфер деятельности и вложения капитала;

– *изменение характера потребления – индивидуализация потребления как одного из способов самовыражения и проявления индивидуальности, возрастание роли символической функции потребления*. На сегодняшний день потребление услуг досуговых сервисов выступает и как способ построения своей идентичности, и как средство подтверждения своей статусной принадлежности;

– *возрастание роли сервисного класса и специалистов – профессионалов*. Одним из ключевых моментов в выборе услуг того или иного досугового сервиса является качество обслуживания. Борьба за потребителя вынуждает работодателей постоянно поддерживать и усиливать профессиональный уровень персонала, вводить так называемые «стандарты обращения к клиенту», шаблоны «работы с возражениями» и «отстройки от конкурентов». Именно по поводу сервиса обслуживания Ж. Бодрийяр отмечал: «... эта “лучезарная” забота, это “теплое окружение” не имеют на самом деле ничего непосредственного, потому что они произведены институционально... Было бы удивительно, если бы не проявилась в самой тотальности заботы ее экономическая и социальная истина»¹¹. По сути дела «система заботы является системой производства – производства коммуникации, человеческого смысла услуг»;

– *становление нового опыта досуга под влиянием идеологии «принудительного потребления»*¹². Все чаще выбор досуга обуславливается не истинными потребностями индивида, а влиянием досуговых сервисов, непринужденно навязывающих свои предложения с помощью рекламы, акценте на «имиджевых» составляющих услуг, их символической ценности.

Наиболее характерная особенность постмодерна – изменение характера потребления, его функций и социального значения, – все чаще оказывается в центре внимания социальных исследователей. Этот феномен социальной реальности формирует новую отрасль социологии – социологию потребления. Потребительство с позиций модернистского и постмодернистского подходов рассматривают З. Бауман, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, Т. Веблен, Дж. Ритцер.

Таким образом, в данной статье нами очерчены концептуальные рамки исследования досуга в обществе массового потребления.

Досуг является одной из жизненно важных сфер существования человека, где обретается потенциальная возможность всестороннего личностного развития за рамками жестко детерминированных производственных и сервисных процессов. Становление идеологии общества потребления в сегодняшней России существенным образом повлияло на сферу досуга. Досуговая активность индивидов вне контекста потребления услуг или товаров для отдыха и досуга сводится до минимума; и наоборот, потребление в сфере досуга преобладает над другими сферами человеческой деятельности. С одной стороны, происходит увеличение объемов потребления услуг досуговых сервисов жителями больших городов, с другой стороны все больше горожан значительную часть своего досуга тратят на потребление. Самодеятельность индивида в свободное время сведена к минимуму, крайне ограничены возможности непредвзятой оценки выбора предложений со стороны индустрии досуга; в эпоху заполняющей все рекламы для творческого досуга не остается места, социальное пространство и время заполняются практиками потребительства.

УДК 316.74:378

ПОКАЗАТЕЛИ И КРИТЕРИИ ИЗМЕРЕНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет,
кафедра социальной информатики
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье рассмотрены актуальные вопросы перехода высшей школы Российской Федерации на двухуровневую систему обучения, в центре которой находится проблема качества образования.

Ключевые слова: качество образования, критерии измерения качества образования, показатели измерения качества образования.

Indexes and Measure Criterions Quality of Sociological Education

I.G. Malinsky

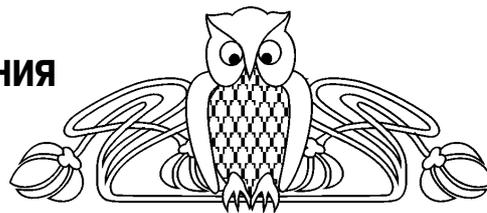
The article covers present-day topic – the transit of Russian Federation higher school to the two-tier system. The central problem of the two-tier system is the quality of education.

Key words: quality of education, criterions of quality of education measure, indexes of quality of education measure.

Переход российской высшей школы на двухуровневую систему подготовки специалистов выдвигает на первый план проблему качества образования. Качество лежит в основе развития общеевропейского пространства высшего об-

Примечания

- 1 Культурно-досуговая сфера Москвы в оценках населения. М., 2006. С. 11.
- 2 Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.
- 3 Пича В. Культура досуга. Киев, 1990. С. 5.
- 4 Зборовский Г.Е. Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи // Социс. 2006. № 12. С. 61.
- 5 Яковлев В. Социальное время. Ростов н/Д, 1980. С. 28.
- 6 Культурно-досуговая сфера... С. 6.
- 7 Там же. С. 14.
- 8 Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. №2. С. 3–40.
- 9 Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 115–116.
- 10 Ильин В.И. Указ. соч. С. 3, 4.
- 11 Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 207.
- 12 Фаулер Б. Пьер Бурдьё и теория культуры: критический анализ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 1999. № 3.

разования и именно этому вопросу уделяется особое внимание. В соответствии с принципом институциональной автономии ответственность за обеспечение качества лежит на каждом из вузов, что является основой формирования национальных систем по обеспечению качества, которые должны включать:

- 1) определение обязанностей участвующих органов и учреждений;
- 2) оценивание образовательных программ и вузов, включая внутреннюю и внешнюю оценку, участие студентов, публикацию результатов проведенной экспертизы;
- 3) создание системы аккредитации, аттестации и сопоставимых процедур оценки качества;
- 4) развитие международного партнерства и сотрудничества, создание национальной информационной сети по проблемам образования.

Разработка проблемы качества высшего образования на европейском уровне предполагает создание набора согласованных стандартов, процедур и руководящих принципов обеспечения качества, исследование способов создания адекватной со-

Досуг является одной из жизненно важных сфер существования человека, где обретается потенциальная возможность всестороннего личностного развития за рамками жестко детерминированных производственных и сервисных процессов. Становление идеологии общества потребления в сегментальной России существенным образом повлияло на сферу досуга. Досуговая активность индивидов вне контекста потребления услуг или товаров для отдыха и досуга сводится до минимума; и наоборот, потребление в сфере досуга преобладает над другими сферами человеческой деятельности. С одной стороны, происходит увеличение объемов потребления услуг досуговых сервисов жителями больших городов, с другой стороны все больше горожан значительную часть своего досуга тратят на потребление. Самодеятельность индивида в свободное время сведена к минимуму, крайне ограничены возможности непредвзятой оценки выбора предложений со стороны индустрии досуга; в эпоху заполняющей все рекламы для творческого досуга не остается места, социальное пространство и время заполняются практиками потребительства.

УДК 316.74:378

ПОКАЗАТЕЛИ И КРИТЕРИИ ИЗМЕРЕНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И.Г. Малинский

Саратовский государственный университет,
кафедра социальной информатики
E-mail: mig@info.sgu.ru

В статье рассмотрены актуальные вопросы перехода высшей школы Российской Федерации на двухуровневую систему обучения, в центре которой находится проблема качества образования.

Ключевые слова: качество образования, критерии измерения качества образования, показатели измерения качества образования.

Indexes and Measure Criterions Quality of Sociological Education

I.G. Malinsky

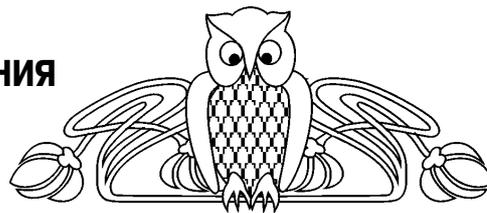
The article covers present-day topic – the transit of Russian Federation higher school to the two-tier system. The central problem of the two-tier system is the quality of education.

Key words: quality of education, criterions of quality of education measure, indexes of quality of education measure.

Переход российской высшей школы на двухуровневую систему подготовки специалистов выдвигает на первый план проблему качества образования. Качество лежит в основе развития общеевропейского пространства высшего об-

Примечания

- 1 Культурно-досуговая сфера Москвы в оценках населения. М., 2006. С. 11.
- 2 Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.
- 3 Пича В. Культура досуга. Киев, 1990. С. 5.
- 4 Зборовский Г.Е. Социология досуга и социология культуры: поиск взаимосвязи // Социс. 2006. № 12. С. 61.
- 5 Яковлев В. Социальное время. Ростов н/Д, 1980. С. 28.
- 6 Культурно-досуговая сфера... С. 6.
- 7 Там же. С. 14.
- 8 Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. №2. С. 3–40.
- 9 Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 115–116.
- 10 Ильин В.И. Указ. соч. С. 3, 4.
- 11 Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 207.
- 12 Фаулер Б. Пьер Бурдьё и теория культуры: критический анализ // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 1999. № 3.

разования и именно этому вопросу уделяется особое внимание. В соответствии с принципом институциональной автономии ответственность за обеспечение качества лежит на каждом из вузов, что является основой формирования национальных систем по обеспечению качества, которые должны включать:

- 1) определение обязанностей участвующих органов и учреждений;
- 2) оценивание образовательных программ и вузов, включая внутреннюю и внешнюю оценку, участие студентов, публикацию результатов проведенной экспертизы;
- 3) создание системы аккредитации, аттестации и сопоставимых процедур оценки качества;
- 4) развитие международного партнерства и сотрудничества, создание национальной информационной сети по проблемам образования.

Разработка проблемы качества высшего образования на европейском уровне предполагает создание набора согласованных стандартов, процедур и руководящих принципов обеспечения качества, исследование способов создания адекватной со-

гласованной системы проверки качества и аккредитации агентств и организаций, участвующих в оценке качества высшего образования.

Оценка качества призвана охватить преподавание, исследовательскую работу, руководство и управление, соотношение между традицией и новаторством, академической направленностью и экономической релевантностью, способностью удовлетворить потребности учащихся. Другими словами, контроль качества превращается в неотъемлемую часть вузовской культуры.

Проблема измерения качества образования весьма сложная. В западноевропейских странах основными подходами к процессу оценивания, используемыми как во внешней, так и во внутренней системах качества, являются показатели эффективности (performance indicators) и экспертные проверки (peer review).

В системе высшего образования России более развита внешняя оценка качества, ориентированная на стандарты и показатели эффективности. Основными элементами этой системы являются стандартизация и процедуры лицензирования, аттестации и аккредитации, а также комплексное оценивание образовательных учреждений в целом и отдельных специальностей на основе рейтинговой системы. Все эти процедуры включают проведение внутренней проверки. Показатели государственной аккредитации в РФ разделены на две части: 1) показатели, определяющие статус учебного заведения по типу (статус «высшее учебное заведение»); 2) показатели, используемые для определения вида высшего учебного заведения (институт, академия, университет). Аккредитации, как правило, здесь предшествуют периодические процедуры лицензирования, самоаттестации и аттестации, занимающие длительный период времени. Спецификой российской системы оценки качества подготовки выпускников (как и в других странах СНГ) является оценка соответствия качества образования требованиям государственных образовательных стандартов по четырем циклам дисциплин: гуманитарные и социально-экономические дисциплины; естественно-научные и математические; общепрофессиональные; специальные.

В настоящее время в Российской Федерации утверждены следующие показатели, на основе которых проводится государственная аккредитация вузов:

1) спектр реализуемых основных образовательных программ (реализуемые образовательные программы и контингент студентов по профилям подготовки);

2) возможность продолжения образования по программам послевузовского и дополнительного профессионального образования (реализация программ послевузовского профессионального образования (аспирантура, докторантура), контингент аспирантов и (или) докторантов, соискателей

ученой степени кандидата и (или) доктора наук; диссертационные советы; реализация образовательных программ, профессиональной переподготовки и (или) повышения квалификации кадров);

3) научные исследования (спектр наук, в рамках которых выполняются научные исследования; объем финансирования и результативность научных исследований);

4) научно-методическая работа (изданные монографии; изданные учебники и учебные пособия с грифами государственных органов управления образованием, других государственных органов исполнительной власти, учебно-методических объединений);

5) качественный состав научно-педагогических кадров (преподаватели с учеными степенями и (или) званиями; преподаватели – доктора наук и (или) профессора). Следует отметить, что приказом Министерства образования РФ от 8 ноября 2000 г. этот показатель дополнен еще одним существенным критерием: процент преподавателей, работающих в вузе на полную ставку (штатные преподаватели).

В вузах России инструментом контроля над качеством образования служат госстандарты. Они содержат требования к уровню подготовки абитуриентов, наиболее общие требования к образовательным программам, а также требования к обязательному минимуму их содержания. Основные образовательные программы включают базисные учебные планы, примерные программы учебных дисциплин, программы учебных и производственных практик. Содержание основных образовательных программ высшей школы считается одним из ключевых показателей качества образования: ведь только анализ содержательной составляющей подготовки позволяет сделать обоснованное заключение о целостности и преемственности образовательных программ; отсутствие фрагментарности и дробности учебных дисциплин; о наличии развитой циклической структуры как основы построения разнообразных образовательных центров. Содержание обучения дает однозначное представление о сбалансированности образовательной и профессиональной, фундаментальной и практической составляющих; наличии и соотношении федерального и национальных (региональных) компонентов, а также курсов по выбору и разветвленной системы специализаций¹.

Еще раз повторимся, что главный принцип Болонской декларации – качество обучения, это самое важное, что должны обеспечить все вузы, участвующие в данном процессе. Отсюда каждый вуз должен иметь конкретную программу достижения соответствующего уровня качества образования. Работает в этом направлении и Саратовский университет.

Первоочередная задача – это повышение эффективности учебно-методической работы,

что предполагает решение целого ряда более конкретных вопросов. Сюда можно отнести дальнейшую работу над улучшением содержания учебных программ и планов, повышения мастерства каждого из преподавателей, налаживание постоянного и эффективного контроля за всем ходом учебного процесса. Это достигается совершенствованием организации учебного процесса (введением единой диспетчерской службы, повышением уровня посещаемости занятий студентами и т.д.) и предполагает активизацию работы учебно-методической комиссии университета, а также учебно-методических комиссий на всех факультетах. С их деятельностью должен быть непосредственно связан контроль за осуществлением учебного процесса.

В Саратовском университете разработана политика в области качества, направленная на обеспечение качества образовательных услуг и научной продукции, гарантированно соответствующих всем законодательным нормам и ожиданиям заинтересованных сторон². Особо следует отметить тот факт, что приказом ректора СГУ от 3.04.2007 г. (приказ № 195-В) создано Управление обеспечения качеством (УОК).

Программными целями его деятельности являются следующие:

- реализация политики руководства университета в области качества (степень соответствия присущих характеристик требованиям) и совершенствование системы управления качеством;
- содействие подразделениям университета в обеспечении и совершенствовании качества их деятельности.

С момента своего создания УОК стремится реализовать следующие задачи:

- 1) проводить анализ состояния системы менеджмента качества и осуществлять подготовку отчетов о ее функционировании;
- 2) разрабатывать документацию системы менеджмента качества;
- 3) осуществлять подготовку мероприятий и организационно-распорядительных документов в области качества и обеспечивать контроль их выполнения;

4) обеспечивать организацию обучения руководителей и персонала основам управления качеством³.

Руководители управления ставят также задачу методического и информационного обеспечения работы подразделений университета в системе менеджмента качества. Важное значение придается подготовке системы менеджмента качества (система менеджмента для руководства и управления организацией применительно к качеству) и созданию условий для проведения ее сертификации.

В настоящее время УОК подготовлен комплекс документов, составляющих основу системы менеджмента качества. В декабре 2008 г. проведен внутренний аудит, в котором приняли участие преподаватели различных структурных подразделений СГУ (от социологического факультета – зам. декана по учебной работе И.А. Карелина участвовала в проверке географического факультета и Д.В. Покатов в качестве руководителя аудиторской группы принимал участие в проверке экономического факультета и факультета КНИИТ).

В 2007 г. было организовано обучение представителей структурных подразделений СГУ по программе «Управление качеством» на базе Московского государственного института электроники и математики (МИЭМ). От социологического факультета данный курс прошел Д.В. Покатов. В октябре 2008 г. обучение по данному направлению было продолжено и ему был выдан диплом Европейского центра качества.

Естественно, что это лишь начало большой и многогранной работы по обеспечению качества образования в высшей школе и нужны систематические мероприятия по углублению данного процесса.

Примечания

- ¹ См.: Качество социологического образования: проблемы и пути решения. М., 2007. С. 58.
- ² Приказ ректора Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского от 25.12.2008 г. № 721-В.
- ³ <http://www.sgu.ru>

УДК 316.752

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ВОЕННООБЯЗАННЫХ ЗАПАСА СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

Г.И. Тычков

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: TychkovGI@mail.ru

В статье анализируется влияние отдельных ценностных ориентаций военнообязанных запаса на мобилизационную готовность Вооруженных сил РФ.

Ключевые слова: военнообязанный, ценности, мобилизационная готовность.

System of Values of the Reservists of the modern Russian Federation Armed

G.I. Tychkov

The influence of some systems of values of the reservists on the mobilization readiness of the Russian Federation Armed.

Key words: military obliged, values, mobilization activity.

Россия будет сильной страной, с армией, готовой защитить Россию и ее союзников, национальные интересы страны и ее граждан.

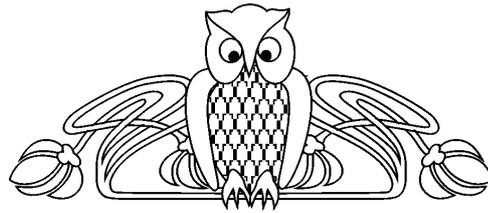
В.В. Путин

Роль Вооруженных сил РФ в жизни общества (в глобальном, региональном и внутригосударственном масштабах) была всегда высока. Ведь в руках военных находится самая большая сила, при помощи которой можно не только принудить к определенному поведению все общество, но и уничтожить жизнь на планете.

До начала 1990-х гг. исследования, связанные с армией, находились под запретом. В «Советском энциклопедическом словаре», «Военном энциклопедическом словаре» и других изданиях даже нет понятий «военный», «военнослужащий», «военнообязанный». Лишь в словаре В. Даля указывается: «военный – человек, служащий в войске», подчеркивается глубинная связь понятия «военный» с войной как особым явлением¹.

После снятия завесы таинственности и запрета с армии многие ученые современности начинают изучать и анализировать состояние дел в Российской армии, исполнение гражданами Российской Федерации воинской обязанности.

В последние годы заметно вырос интерес исследователей к военно-социальной проблематике. Особое внимание учёных привлекают социально-экономические аспекты реформирования армии, проблемы взаимоотношений армии с обществом, взаимосвязи армии с политикой и государственной властью.

Признавая высокую значимость работ, касающихся армии, необходимо заметить, что комплексные социологические исследования, связанные с изучением ценностных ориентаций военнообязанных запаса, факторов, определяющих их социальную активность, их ценностные ориентации, встречаются довольно редко.

Военнообязанный запаса (гражданин, пребывающий в запасе) – гражданин РФ мужского или женского пола, состоящий или обязанный состоять на воинском учете и зачисленный в запас².

Военнообязанные различаются по множеству признаков, начиная от признаков воинского учета, возраста, состава офицерского или рядового и т.д. и самое главное, на наш взгляд, по своему социальному положению, занимаемому в обществе. Военнообязанным является токарь и банкир, руководитель крупного предприятия и безработный, восемнадцатилетний студент и гражданин, прибывший из мест лишения свободы. Все члены нашего общества, при достижении восемнадцатилетнего возраста независимо от пола и своего социального статуса, становятся военнообязанными.

Исследованиям данной категории общества на Западе посвящаются фундаментальные труды, например: «Эволюция военной общности», «Осознанная роль военного», «Корпоративный дух у военных» и др. В Германии исследование гражданско-военных отношений составляет одно из важнейших направлений работы трех крупных научных центров бундесвера³.

Чем примечательна данная категория членов общества, кроме своей многочисленности и разнообразия? Почему необходимо ее изучать и исследовать?

В случае возникновения угрозы государству со стороны внешнего противника основная нагрузка по защите страны ляжет на плечи военнообязанных. Именно они будут призваны по мобилизации и направлены на защиту страны. С давних времен под мобилизацией понимается переход армии с мирного на военное положение. Обеспечение выполнения мобилизационных мероприятий также ложится на плечи военнообязанных запаса, привлекаемых в состав аппарата усиления военного комиссариата.

Аппарат усиления военного комиссариата создается в мирное время и предназначен для обеспечения оповещения, призыва и отправки мобилизационных ресурсов в Вооруженные силы Российской Федерации, другие войска, воинские

формирования и органы, специальные формирования⁴.

Многочисленные исследования подтверждают выводы о том, что армия сегодня в большей степени занята решением задач самосохранения и выживания, нежели выполнением возложенных на неё обществом и государством функций. Кризисное состояние общества в целом привело к серьёзному ухудшению материально-технического и финансового обеспечения армии.

Отсутствие механизмов реализации принятых в последнее время многочисленных правовых актов, определяющих статус военнообязанного, государственно-правовая неурегулированность многих вопросов военного строительства, нерешительность и неопределенность в осуществлении военной реформы превращают армию в институт повышенного риска, а военнообязанных – в потенциально конфликтную, неуправляемую категорию населения, недовольную процессом реформирования в стране.

Под воздействием негативных факторов наряду со слабой социальной защищенностью военнообязанных происходит их ценностная переориентация, идет процесс переоценки нравственных ценностей военной службы. Мотив «защитить Отечество» и ради этой цели «выполнять свой долг» всё больше вытесняется перспективой достижения любой ценой высокого материального положения. В настоящее время влияние ценностных ориентаций военнообязанных на мобилизационную готовность Вооруженных сил невозможно переоценить.

Современная социально-экономическая практика ставит множество проблем, связанных с проведением мобилизационных мероприятий в Вооруженных силах РФ. В конечном счете именно человек-гражданин, пребывающий в запасе (военнообязанный), его интересы, потребности и ценностные ориентации, правовое и материальное положение, повышение его социальной роли в обществе оказываются решающим фактором в проведении мобилизации.

В современном обществе духовные регуляторы социальной жизни имеют разнообразные конкретные формы, идеалы, социальные установки, нормы, принципы поведения, непосредственные мотивы конкретных действий, поступков.

В каком отношении находятся эти ценности сегодня? Какие ценности разрушаются, а какие остаются? Как происходят и насколько предопределены эти процессы? Означает ли это, что рушится мир ценностей вообще, или речь идет о временных явлениях? Ради чего живут сегодня люди в России? Сегодня можно с полным основанием говорить о конфликте ценностей в массовом сознании и в жизни общества. Сегодня рушатся ценности, которые еще вчера казались стабильными, так как исчезают социальные гарантии, растут экономические катаклизмы⁵.

В отечественной литературе утвердилось мнение, в соответствии с которым под ценностными ориентациями понимается относительно устойчивое, социально обусловленное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели и средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности⁶.

Можно выделить ряд ценностей, наиболее ярко характеризующих военнообязанных, их отношение к обществу, в котором они живут, и в том числе их отношение к исполнению воинской обязанности:

– гражданственность – высшие проявления гражданственности заключаются в том, чтобы быть патриотом, любить свое Отечество, всегда стремиться к его возвышению, к тому, чтобы граждане страны жили свободно и достойно;

– духовность – формирование духовной культуры, духовный мир человека – это социальная деятельность людей, направленная на сознание, усвоение, сохранение и распространение культурных ценностей общества;

– экономические (по Э. Дюркгейму) – стремление человека к достижению определенного уровня жизни.

Если наличие двух первых ценностей способствует развитию разносторонней гармоничной личности общества, способствует повышению уровня мобилизационной готовности Вооруженных сил, то преобладание третьей составляющей ценностных ориентаций военнообязанных ведет к снижению их социальной активности, направляет вектор их устремлений к достижению высокого материального благосостояния любой ценой, затмевая и гражданственность, и духовность.

В последние годы в России появились многие возможности финансового самоутверждения личности, где не требуется высокий уровень образования. Для части военнообязанных эти пути достаточно привлекательны, хотя они не ведут к настоящему успеху, а усиливают ощущение духовной пустоты и бессмысленности жизни, временности всего происходящего.

Анализ ценностных ориентаций военнообязанных запаса, проводимый в течение длительного времени, показал их значительное влияние на мобилизационную готовность Вооруженных сил РФ. Был вскрыт ряд латентных проблем, существующих в Российской армии на современном этапе социально-экономического развития нашего общества.

Социологические исследования, проводимые автором на протяжении последних лет, показали, что продолжается процесс трансформации ценностных ориентаций военнообязанных, проявляющийся в снижении их социальной активности. Количество военнообязанных, прибывающих в военные комиссариаты, по вызову военного комиссара, для работы в составе аппарата усиления военного комиссариата в

настоящее время, не достигает необходимого количества.

Низкий процент явки военнообязанных в военные комиссариаты свидетельствует об отсутствии желания у военнообязанных работать в составе аппарата усиления военных комиссариатов для обеспечения исполнения гражданами Российской Федерации и организациями воинской и военно-транспортной обязанностей, с целью гарантированного проведения мобилизации людских и транспортных ресурсов.

Вследствие несовершенства существующей правовой базы военные комиссариаты вынуждены привлекать для работы в составе аппарата усиления военного комиссариата граждан, не предназначенных для этих целей, а только тех, кого удастся оповестить. В действующих нормативно-правовых актах не предусмотрена ни ответственность гражданина за уклонение от работы в составе аппарата усиления военного комиссариата, ни ответственность руководителей организаций за действия, направленные на создание условий, препятствующих гражданам исполнять воинскую обязанность.

Материальное стимулирование военнообязанных, применяемое государством с 2005 г. и направленное для достижения этих целей, является недостаточным и не в состоянии решить проблемы по снижению социальной активности военнообязанных, накопившиеся в стране за предыдущие десятилетия.

Решение существующих проблем невозможно без их всестороннего анализа и изучения, и не случайно в последнее время значительно вырос интерес к вопросам повышения качества планирования и комплектования войск мобилизационными людскими ресурсами со стороны ученых и руководителей-практиков. В современных социально-экономических условиях необходимо изменить подходы к обеспечению исполнения воинской обязанности военнообязанными запаса.

В первую очередь необходимо привлечь внимание общественного сознания и науки к существующим проблемам, направить все силы нашего общества на формирование ценностных ориентаций военнообязанных запаса способству-

ющих повышению мобилизационной готовности наших Вооруженных сил. Важнейшей задачей для всех органов власти следует считать поддержание высокой мобилизационной готовности Российской армии.

Изменение существующего положения в Российской армии нам представляется путем комплексного подхода, заключающегося в совершенствовании нормативно-правовой базы и улучшении имеющейся системы материального стимулирования военнообязанных запаса, привлечения для работы в составе аппарата усиления военного комиссариата.

В современном обществе необходимо одновременное духовное возрождение и всестороннее просвещение его членов, воспитание у военнообязанных чувства гражданственности, нужно в обществе поднять престиж военной службы, уважение к человеку в погонах. Речь идет о воспитании человека с высокими патриотическими, морально-психологическими, нравственными и духовными качествами.

Каждый из нас должен почувствовать великую ответственность за судьбу государства и ясно понять, что благополучие нации зависит от нас самих, от нашей самоотверженности, организованности, готовности к самопожертвованию ради своей Родины. Мы должны не по Конституции РФ, а на практике обеспечить службу в Вооруженных силах Российской Федерации почетной обязанностью.

Примечания

- 1 См.: *Серебрянников В.В.* Военные в «гражданском» обществе // Социс. М., 1995. № 6.
- 2 См.: Словарь терминов и понятий, используемых в мобилизационной подготовке и мобилизации Вооруженных сил Российской Федерации. М., 2004.
- 3 См.: *Серебрянников В.В.* Указ. соч.
- 4 См.: Словарь терминов и понятий...
- 5 См.: Социология молодежи: Учебник / Отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996. С. 79.
- 6 См.: *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986; Социология молодежи. С. 52.

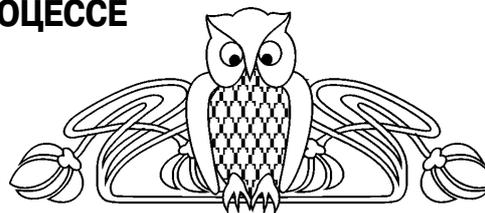
Слово молодым социологам

УДК [364–785.14:355.257.3] (470.44)

БЕЗОПАСНОСТЬ ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В ГРАЖДАНСКУЮ СРЕДУ

Р.В. Рыбаков

Саратовский государственный университет,
кафедра регионоведения
E-mail: rever2@mail.ru

В статье рассматривается проблема безопасности офицеров запаса в гражданской среде с точки зрения успешности адаптации этих людей к новым условиям жизни. Дается социологическая характеристика некоторых процессов интеграции офицеров запаса и их семей в новую для них реальность.

Ключевые слова: безопасность, офицеры запаса, интеграция.

Former Army Officers' Security in Their Integrating into Civil Environment

R.V. Rybakov

In the article the problem of the former army officers' security is reviewed from the perspective of the successfulness in their adapting to the new life conditions. The sociological characteristic is given to the process of the former army officers and their family integration in the new present-day reality.

Key words: security, retired officer, integration.

«Безопасность человека – это когда ребёнок не умирает, болезнь не распространяется, этнические распри не выходят из-под контроля, женщины не насилюют, бедняк не голодает, диссиденту не заставляют молчать, человеческий дух не подавляют»¹¹. Данное объяснение в большей степени является точным, характеризуя физическую безопасность людей. Что же касается социального аспекта безопасности, то здесь о нём нужно вспоминать в сочетании с более тривиальными, такими как: жизненный уровень, духовная сфера, различные виды социальной мотивации. Все эти стороны безопасности людей определяют их финансовое, семейное, социальное благополучие, духовное состояние и мировоззрение. Но, к сожалению, на современном этапе развития нашей страны некоторые аспекты безопасности не всегда оказываются реализованными в полной мере отдельными гражданами. Среди таких людей сегодня оказались и офицеры запаса.

В современных условиях развития российского общества бывшие военнослужащие находятся в ситуации противоречия между армейской субкультурой и ценностями гражданской жизни. Прошлые представления о себе, своих правах и обязанностях, должном и дозволенном, как и прежние стереотипы поведения, живут внутри уволенного военнослужащего и представляют

для него ценность. Адаптация к новым условиям жизни превращается в сложный процесс.

Принятие новых для них норм и требований гражданской жизни, освоение новых социальных ролей, восприятие себя и окружающей действительности, а самое главное – выработка нового способа поведения подчас становится труднопреодолимым препятствием для вхождения в новую жизнь.

Само увольнение из армии – это сложный психологический процесс, преодоление которого ложится на плечи не только военнослужащего, но и близких ему людей. В данном случае образ жизни приходится менять не только военному. Многие офицерские семьи проживают вдали от населённых пунктов, в так называемых военных городках. Они же, в свою очередь, являются замкнутым экономическим, социальным и психологическим пространством, где жизненный уклад определяется решением сверху. При увольнении из армии решением этих проблем им придётся заниматься самостоятельно. Поэтому процесс увольнения из армии вместе с военнослужащим переживают и члены его семьи. Их поддержка является одной из главных составляющих успешного разрешения данного вопроса.

Служба в армии отбирает у человека очень много времени, иногда его совсем не остаётся на личную жизнь. Постоянная готовность в любой момент времени заступить на дежурство, нести ответственность за выполнение задач забирает много сил и энергии, а иногда надолго отрывает от семьи. Дисциплина, самоотверженность, ответственность – эти качества вырабатываются в этих людях годами, но человек – не машина, и у него тоже есть свой предел.

Увольняясь из армии, офицеры запаса встречаются лицом к лицу с новой для них средой жизнедеятельности. Несмотря на то, что сегодня в стране созданы специальные структуры, отвечающие за успешную адаптацию бывших военнослужащих в гражданской жизни, большинство офицеров запаса самостоятельно решают вопросы интеграции в гражданскую среду. И здесь им необходимо найти в себе силы и перестроиться на новый лад, не сорваться, начать жизнь с «нового листа». Офицерам запаса приходится вырабаты-

вать новую стратегию образа жизни, адаптировать себя и своих близких к окружающей действительности. В создавшейся ситуации вопрос социальной безопасности офицеров запаса встает наиболее остро.

Положение бывшего кадрового военнослужащего, оказавшегося на рынке труда, качественно отличается от положения гражданского специалиста, который, потеряв работу на одном предприятии, ищет ее в другом месте, ничего не меняя в своей повседневной жизни, ее бытовом обустройстве. Офицер запаса не может полностью посвятить себя только поиску работы, так как после увольнения из армии он вынужден заново планировать свою жизнь, налаживать новые контакты, решать большое количество сразу свалившихся на него и его семью проблем².

В то же время бывшему военнослужащему, возможно, предстоит пережить немало мучительных эмоциональных перегрузок, стрессов и психических срывов, периодов, связанных с временной потерей веры в себя, свои силы и возможности. Это проявления так называемого переходного состояния психики. Обойти этот период жизни стороной практически невозможно, поэтому необходимо быть готовым к различным стрессовым ситуациям. Только пережив это состояние, преодолев психологическую ломку, можно выйти на новые качественные изменения в самом себе, отвечающие новым условиям жизнедеятельности, и обрести стабильное внутреннее состояние.

Одной из основных проблем является информационная и методическая неподготовленность военнослужащих к действиям на рынке труда, грамотному поиску подходящей работы или профиля переподготовки. Как правило, бывшим военнослужащим труднее ориентироваться в мире гражданских профессий и источниках информации о них, адекватно соотносить свои возможности с требованиями различных видов труда, строить отношения с работниками службы занятости и кадровых органов.

В связи с этим государственные структуры, призванные отвечать за успешную адаптацию бывших военнослужащих и их семей, стали проводить работу с воинскими частями и военными комиссариатами. Суть работы связана с получением информации об офицерском составе, желающем покинуть ряды Вооруженных сил РФ в ближайшее время, а также предоставление информации будущим соискателям о наличии соответствующих центров занятости в регионе их проживания. Наличие информации О военнослужащих, желающих уволиться, позволяет службам занятости своевременно начать работу с этими людьми и по возможности после увольнения из армии предоставить им новое место работы, которое будет удовлетворять их потребностям.

И даже после того, как бывший военнослужащий узнает о существовании центров занятости, одна из трудностей будет носить полностью субъ-

ективный характер, и связана она с определенными стереотипами мышления и психологическими установками кадровых военнослужащих. Во время службы в армии их профессиональная психология складывается в условиях гарантированной занятости, назначения на должность и перевода с одной должности на другую только в соответствии с решением вышестоящего руководства. У них не только нет опыта действий при потере работы, но часто неадекватным оказывается и эмоциональное отношение к этой ситуации. Бывшему военнослужащему порою неудобно переступить порог биржи труда, отдела кадров предприятия. Эти люди не привыкли быть в роли просителя, они боятся пренебрежительного, унижительного отказа, стесняются предлагать себя как специалистов, рекламировать свои профессиональные возможности. Для офицеров запаса не всегда понятна логика отношений на рынке труда, где работодатель, руководитель предприятия заинтересован нанять нужного ему специалиста, купить его профессиональные способности не в той мере, в какой специалист хочет их продать.

Социальная безопасность в условиях Вооруженных сил отражает полноту и степень реализации важнейших социальных прав и гарантий различных категорий военнослужащих и членов их семей, позволяющих им удовлетворить необходимые материальные и духовные потребности, компенсирующих ограничения и лишения военной службы.

Исходя из этого, степень реализации гарантий, прав, льгот и свобод для кадровых военнослужащих, уволенных в запас, и их семей определяется:

во-первых, уровнем их обеспеченности материальными и духовными благами, всеми предусмотренными льготами, компенсирующими трудности и лишения, испытанные за время военной службы;

во-вторых, наличием нормальных социально-бытовых условий для проживания, трудоустройства, гарантированного свободного времени, возможностью заниматься самообразованием, воспитанием детей, повышением своего культурного уровня;

в-третьих, защитой от произвола чиновников, несправедливости, грубости и иных посягательств на их честь и личное достоинство.

Социальная безопасность заключается не только в наличии конституционных прав, но и морального удовлетворения своих потребностей, в том числе и материального благосостояния. Стремления обрести душевное благополучие, получить материальный достаток не всегда совпадают с реальной действительностью.

Во время проведения социологического исследования в городе Энгельсе Саратовской области по поводу изучения адаптации офицеров запаса в гражданской жизни были опрошены 100 респондентов методом анкетирования по

многоступенчатой кратно-стратифицированной выборке. В результате было установлено, что только 19,4% респондентов точно знают, как будут проводить время на «гражданке», 46,9% – не определились и лишь собираются начать заниматься этим вопросом, 16,7% – надеются попробовать себя в разных сферах. К сожалению, желания не всегда совпадают с возможностями. Большинство офицеров запаса находят применение своим навыкам и способностям в охранных структурах, где средний заработок составляет около 5000 рублей. Лишь только старший офицерский состав (и то не всегда) занимает на гражданской службе высокие должности (например, начальник службы безопасности). Остальные же могут устроиться на должности с менее высоким материальным достатком. Такое положение дел связано в первую очередь с представлением работодателей о бывших военнослужащих, как о сотрудниках, способных и подготовленных защищать и оберегать. А во-вторых, большинство уволенных – это люди в возрасте 45 лет, люди в таком возрасте мало востребованы на рынке труда. В таком случае они либо довольствуются существующей заработной платой, плюс пенсия, либо стремятся начать собственное дело, что, в свою очередь, тоже является достаточно сложно.

Офицеры запаса, имеющие за плечами диплом командного училища или академии, устраиваясь на работу на «гражданке», в большинстве случаев оказываются в промышленной сфере или силовых структурах. Устроиться туда им помогают друзья или бывшие сослуживцы. Это ещё раз подтверждает слова С.С. Соловьёва о том, что офицеры «образуют специфическую социально-профессиональную группу, отличающуюся высокой организованностью, развитыми корпоративными связями и особым характером отношений с органами государственной власти»³. Они, оказываясь «вне армии и флота, по-прежнему воспринимают мир, мыслят, чувствуют себя как представители особой касты»⁴ и, что самое главное, не забывают друг друга. Несмотря на то, что большая часть бывших военных нашла применение своим силам на гражданских специальностях, и на новом месте работы они стали зарабатывать больше, в сравнении с зарплатой, получаемой на военной службе, многие из них имеют материальные затруднения. Уровень жизни офицеров запаса практически не изменился, и денег хватает только на предметы первой необходимости. Лишь некоторая часть, от числа нашедших работу, полностью удовлетворены своим заработком, а следовательно, и работой. Многие из числа бывших военнослужащих считают, что они получают недостаточно, чтобы содержать свою семью. Почти половина семей офицеров запаса проживает в ведомственных квартирах, полученных в годы службы в армии.

Некоторые трудности могут возникнуть у офицера запаса в системе взаимоотношений с окружающими его людьми как при поиске работы, так и при вхождении в трудовой коллектив. Для этого есть определенные предпосылки⁵. Практика показывает, что бывшим военнослужащим не всегда хватает гибкости, уступчивости в общении с окружающими. Прямота и жесткость их суждений порою вызывает удивление, непонимание. Нередко сказываются неоправданная боязнь уронить свой престиж, стремление отстоять его любой ценой, бескомпромиссность в спорах, особенно на политические темы.

Надо быть готовым к наличию у людей, далеких от армии, явно предвзятых, а то и утрированных представлений о личностных качествах и профессиональных возможностях военного человека. В некоторых коллективах может доминировать мнение, что офицеру свойственны консерватизм, однообразие в поведении и мышлении, отсутствие творческих решений, способность жить только по приказу и работать лишь в обществе мужчин, стремление все делать в угоду начальству и ради собственной карьеры без учета мнения и интересов других людей и т.д.⁶

Как правило, такое предвзятое отношение к людям в погонах создаёт субъективные препятствия для успешной реализации своих возможностей в гражданской среде бывшим военнослужащим.

И как результат, в условиях, когда бывшие военнослужащие не могут обеспечить свою семью всем необходимым, возникает вопрос об их социальной и экономической безопасности.

Основным признаком обеспечения социальной безопасности человека в армейских условиях по сравнению с гражданской жизнью выступает сильная корпоративная связь между людьми в погонах (что, с одной стороны, препятствует массовому самоуправству местных органов и отдельных должностных лиц, а с другой – позволяет оказывать друг другу моральную поддержку), а также возможность использования органов военного управления, военной юстиции и прокуратуры, средств массовой информации при посягательствах на основные права и гарантии военнослужащих.

Социальная безопасность граждан, уволенных с действительной военной службы в запас и отставку, с одной стороны, заключается в наиболее полной реализации социальных прав и свобод, предоставленных Конституцией и законами всем гражданам Российской Федерации, а с другой – в реализации специальных прав и гарантий, предоставляемых за многолетнюю и добросовестную службу в Вооруженных силах, связанную с большими физическими и психологическими нагрузками, риском для жизни и здоровья, сложными социально-бытовыми условиями для жизни семей и т.п.

Именно вторая сторона социальной безопасности кадровых военнослужащих, уволенных с

военной службы, чаще всего выступает объектом ограничений и посягательств со стороны местных властей, других ведомств.

Офицеры запаса – это одна из тех категорий граждан, которые в годы своей службы отвечали за безопасность Родины, и имеют право на поддержку государства и общества. Ведь именно эти люди в случае всеобщей мобилизации окажутся в первых рядах защитников Родины. В сложившихся условиях социальной незащищенности бывшие военнослужащие вынуждены искать выход из ситуации своими силами, самостоятельно заботиться о собственной безопасности любыми способами, не всегда соответствующими интересам общества. Не стоит забывать, что на сегодняшний день этих людей достаточно много, и если не оказать им поддержку сейчас, то завтра это могут сделать другие структуры, более заинтересованные в таких людях!

УДК 316.334:37

СОЦИАЛЬНО-ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УНИВЕРСИТЕТА В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Н.Г. Коновалова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: Darinushka7@rambler.ru

В статье анализируется функциональная роль университета как вершины образовательного пространства в региональном сообществе с позиций современных инновационных преобразований, обучающих технологий. Обозначаются некоторые проблемы, связанные с реформированием образования и процессами глобализации и регионализации, и основные пути их разрешения.

Ключевые слова: эвристическое образование, университет, региональное сообщество, инновационные технологии.

The Social and Eurastic Function in a Regional Society

N.G. Konovalova

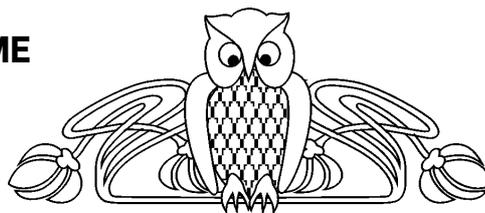
This article is about the functional role of the university as the top of the education hierarchy in the regions. From the perspective of modern innovative transformations of training technologies analyses are made. Some problems connected with the reforming formation and processes of either globalization and local initiatives occur. This also happens to the main ways of their permission too.

Key words: heuristic formation, university region, innovative technologies.

Особая роль в реформировании современной отечественной системы образования отводится университетам. Именно им традиционно принадлежит особая миссия в культурной, научной и образовательной жизни общества. В условиях российской транзитивности университеты

Примечания

- ¹ Кузнецов В.Н. Социология безопасности: теоретико-методологические основы и проблемы развития // Научный альманах высоких гуманитарных технологий. 2003. № 5 (15). С.9.
- ² См.: Плещеев В.В. Проблемы социальной адаптации бывших военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 336.
- ³ Соловьёв С.С. Менталитет российского офицера: вызовы XXI века // Научный альманах высоких гуманитарных технологий. 2003. № 5 (15). С.94.
- ⁴ Там же. С.99.
- ⁵ См.: Тюрина О. Социальная адаптация военнослужащих // Человеческие ресурсы. 2006. №2. С. 18.
- ⁶ См.: Обертенюк В.Г. Адаптационные стратегии поведения увольняющихся и уволенных военнослужащих в современных российских условиях // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 20.

поставлены перед проблемой саморефлексии. Осуществление ее возможно лишь через призму эвристических ценностей, которые задают направления ближайших и отдаленных реформаций. Университеты, как и образовательная система в целом, столкнулись с объективными трудностями. Это и изменение государственной образовательной политики, выразившееся в сокращении государственного финансирования, изменения в самой образовательной практике, вызванные внедрением новых информационных технологий и смещением центра тяжести в образовательной деятельности в сторону самообразования, познавательной активности.

Актуализация эвристического образования предполагает переход от репродукции готовых знаний к обучению поиску информации. Это предъявляет новые требования к личностному и профессиональному развитию индивида, требует от современного человека таких качеств, как инициативность, изобретательность, предприимчивость, способность быстро и безошибочно принимать решения, что невозможно без умения работать творчески, самостоятельно. Преподавание должно прореагировать на изменяющиеся условия развитием творческих способностей учащихся и воспитанием активной личности.

военной службы, чаще всего выступает объектом ограничений и посягательств со стороны местных властей, других ведомств.

Офицеры запаса – это одна из тех категорий граждан, которые в годы своей службы отвечали за безопасность Родины, и имеют право на поддержку государства и общества. Ведь именно эти люди в случае всеобщей мобилизации окажутся в первых рядах защитников Родины. В сложившихся условиях социальной незащищённости бывшие военнослужащие вынуждены искать выход из ситуации своими силами, самостоятельно заботиться о собственной безопасности любыми способами, не всегда соответствующими интересам общества. Не стоит забывать, что на сегодняшний день этих людей достаточно много, и если не оказать им поддержку сейчас, то завтра это могут сделать другие структуры, более заинтересованные в таких людях!

УДК 316.334:37

СОЦИАЛЬНО-ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ УНИВЕРСИТЕТА В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Н.Г. Коновалова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: Darinushka7@rambler.ru

В статье анализируется функциональная роль университета как вершины образовательного пространства в региональном сообществе с позиций современных инновационных преобразований, обучающих технологий. Обозначаются некоторые проблемы, связанные с реформированием образования и процессами глобализации и регионализации, и основные пути их разрешения.

Ключевые слова: эвристическое образование, университет, региональное сообщество, инновационные технологии.

The Social and Eurastic Function in a Regional Society

N.G. Konovalova

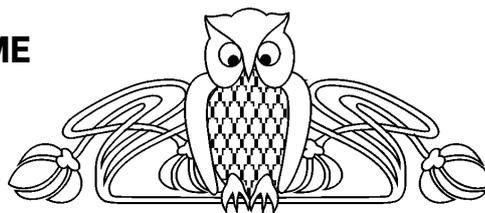
This article is about the functional role of the university as the top of the education hierarchy in the regions. From the perspective of modern innovative transformations of training technologies analyses are made. Some problems connected with the reforming formation and processes of either globalization and local initiatives occur. This also happens to the main ways of their permission too.

Key words: heuristic formation, university region, innovative technologies.

Особая роль в реформировании современной отечественной системы образования отводится университетам. Именно им традиционно принадлежит особая миссия в культурной, научной и образовательной жизни общества. В условиях российской транзитивности университеты

Примечания

- ¹ Кузнецов В.Н. Социология безопасности: теоретико-методологические основы и проблемы развития // Научный альманах высоких гуманитарных технологий. 2003. № 5 (15). С.9.
- ² См.: Плещеев В.В. Проблемы социальной адаптации бывших военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 2. С. 336.
- ³ Соловьёв С.С. Менталитет российского офицера: вызовы XXI века // Научный альманах высоких гуманитарных технологий. 2003. № 5 (15). С.94.
- ⁴ Там же. С.99.
- ⁵ См.: Тюрина О. Социальная адаптация военнослужащих // Человеческие ресурсы. 2006. №2. С. 18.
- ⁶ См.: Обертенюк В.Г. Адаптационные стратегии поведения увольняющихся и уволенных военнослужащих в современных российских условиях // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 20.

поставлены перед проблемой саморефлексии. Осуществление ее возможно лишь через призму эвристических ценностей, которые задают направления ближайших и отдаленных реформаций. Университеты, как и образовательная система в целом, столкнулись с объективными трудностями. Это и изменение государственной образовательной политики, выразившееся в сокращении государственного финансирования, изменения в самой образовательной практике, вызванные внедрением новых информационных технологий и смещением центра тяжести в образовательной деятельности в сторону самообразования, познавательной активности.

Актуализация эвристического образования предполагает переход от репродукции готовых знаний к обучению поиску информации. Это предъявляет новые требования к личностному и профессиональному развитию индивида, требует от современного человека таких качеств, как инициативность, изобретательность, предприимчивость, способность быстро и безошибочно принимать решения, что невозможно без умения работать творчески, самостоятельно. Преподавание должно прореагировать на изменяющиеся условия развитием творческих способностей учащихся и воспитанием активной личности.

Эвристика как термин происходит от греческого «*heurésko*» – отыскиваю, открываю. В настоящее время используется несколько значений этого термина. Чаще всего под ним понимают приемы решения проблемных (творческих, нестандартных, креативных) задач в условиях неопределенности, которые обычно противопоставляются формальным методам решения, опирающимся, например, на точные математические алгоритмы¹. Эвристический (в данном случае это употребляемое имя прилагательное) означает «обеспечивающий открытие». Исходя из этого эвристика – это интуитивный творческий способ поведения, помогающий достижению цели и принятию решения в условиях неопределенности или дефицита информации. Она обозначает наиболее общие методологические принципы (правила) достижения целей.

Наряду с этим существует понятие «эвристические методы». В литературе под эвристическими методами понимаются различные процедуры, направленные на сокращение перебора вариантов. Различные авторы по-разному характеризуют количество существующих эвристических методов². Они позволяют находить решения даже в очень сложных, непредвиденных ситуациях. В данном ракурсе этому понятию близок термин «эвристические алгоритмы», под которым можно понимать набор способов получения работоспособного, но не всегда оптимального решения творческой задачи, возникшей, например, из-за неразработанности конкретной теории, неполноты или недостоверности исходных данных. Это словно маршрут к обозначенной цели. И, наконец, можно выделить эвристическую (творческую) педагогику, которая представляет собой совокупность инновационных методов обучения. Ее прообразом считаются беседы Сократа, в которых он при помощи вопросов и возражений помогал собеседнику самому прийти к правильным выводам, получать новое (для собеседника) знание. В отличие от традиционной педагогики, которая направлена, скорее, на усвоение и воспроизводство готовых знаний без развития познавательных и творческих способностей, в эвристической педагогике научные законы, формулы, правила и истины открываются и вырабатываются самими учащимися под руководством педагога. Моделирование творческой деятельности на учебном материале подготавливает учащихся к решению «настоящих» творческих задач, развивает познавательные способности и исследовательские навыки.

В условиях реформирования высшего образования, его диверсификации неизбежно возникает конфликт между принципами и ценностями университетского образования и новыми, эвристическими социокультурными явлениями. В современной России нарастающей мировой глобализации образовательного процесса в определенной степени противостоят процессы сохранения

российского образовательного пространства и его регионализации. Университеты во многом утратили свою монополию на академическое образование и обучение, на научно-исследовательскую деятельность. Построение нового поколения стандартов двухуровневого университетского образования – насущная задача для провинциальных университетов, региональных по форме, но российских по содержанию. Это связано с возрастающей потребностью в фундаментальных знаниях в области естественных, точных, гуманитарных и общественных наук для подготовки прикладных профессионалов высокого уровня. В этом состоит сущность универсализации и гуманитаризации высшего профессионального образования, определяющая роль регионального университета.

Важной объединяющей миссией регионального университета является организация коллективной работы по современному эвристическому информационному обеспечению образовательных, научных и культурных учреждений (вузовско-академические компьютерные сети, дистанционное обучение, приобщение к мировым информационным ресурсам, электронные каталоги, цифровые библиотеки и сонотеки, центры электронной информации т.д.).

Не менее важным направлением деятельности регионального университета является дальнейшее развитие и укрепление творческих связей высшего образования с фундаментальной наукой, содержательная интеграция вузовских и академических учреждений: каждый педагог – ученый и каждый ученый – педагог. Главная цель – эффективное использование мощного интеллектуального и материального потенциала для подготовки востребованных на рынке труда специалистов.

Следующим вектором деятельности университета является более осязаемое влияние на все образовательные учреждения территории, прежде всего на общеобразовательные школы. Университеты имеют, как правило, широко разветвленные сети высшего профессионального образования в своем регионе. Узлы этой сети – легитимные филиалы и представительства – выступают точками присутствия, опорными центрами влияния на школу, проводниками внедрения в общее образование новых информационных технологий, отбора и специальной подготовки талантливых детей из удаленных, социально ущемленных районов для продолжения обучения в вузе.

У школы более широкие задачи, чем подготовка выпускников в вуз. В условиях демографического кризиса и уменьшения количества детей возникает задача своевременного вмешательства вуза в учебный процесс уже в начальной школе, с целью подготовки учащихся, способных освоить университетские программы. Здесь могли бы эффективно проявить себя учебные университетские округа, на территории которых всякая образова-

тельная деятельность университета была бы узаконена, разумеется, в соответствии с программой, утвержденной региональной властью.

Немаловажным направлением деятельности регионального университета является его инициатива и организаторские усилия, направленные на решение проблем общественного развития территории в контексте политических и социальных преобразований в стране. Процесс реформирования общества ставит новые социально-политические задачи, решение которых требует привлечения гуманитарного и общественного научного потенциала университетов. Кроме университетов, некому больше построить интеллектуальную плотину на пути искажений социальной жизни региона, возможных националистических, псевдодемократических или авторитарных устремлений. Региональные университеты могут и должны формировать общественное мнение, способствующее развитию и совершенствованию социального партнерства в стране и в регионе.

Важной задачей является проблема управления, а точнее, проблема координации вузовской деятельности в рамках региона (Советы ректоров), а сегодня – в рамках федеральных округов (федеральные отделения Союза ректоров России). Здесь, по крайней мере, два аспекта для размышлений: приближение в регионах федеральных учебных заведений по вертикали власти к центру и наделение федеральных отделений Союза ректоров России узаконенными полномочиями, позволяющими более оперативно и точно решать проблемы совер-

шенствования опережающей подготовки кадров в интересах региона и страны в целом.

Регионализация образования способствует перемещению основной тяжести социально-экономических проблем из центра в регионы; стремлению субъектов Российской Федерации к самостоятельности; оптимизации социальной и территориальной мобильности населения; подготовке кадров, ориентированных на решение новых региональных, политических, экономических и социальных задач (национальное согласие, политическое устройство, социальный мониторинг, экология и энергосбережение, биотехнологии и т.д.) эвристическими методами. В этих условиях университеты позволяют реализовать общественную потребность в региональном центре кристаллизации научных и общественных идей, в открытой демократической площадке, в точке притяжения для учебных и научных учреждений, стремящихся к единению. Реализация этих и других аспектов возрастания роли региональных университетов в региональном пространстве позволит им более эффективно способствовать модернизации и трансформации регионального сообщества в соответствии с современными вызовами времени.

Примечания

- 1 См.: *Стаффорд Б.* Мозг фирмы, М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 58–59.
- 2 См.: *Джонс Дж. К.* Методы проектирования, М.: Мир, 1986. С. 325–326.

УДК [659:351.9](470+571)

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ПСИХОЛОГИЮ ПОТРЕБИТЕЛЯ

А.Е. Сабуров

Поволжская академия госслужбы,
специалист-эксперт управления
Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области
E-mail: sybex@list.ru

В данной статье автор рассматривает проблемы, не нашедшие своего отражения в новом законе о рекламе. Предлагаются варианты усиления контроля за рекламной деятельностью.

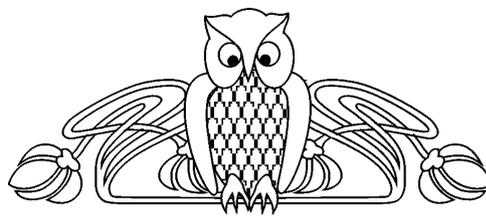
Ключевые слова: реклама, потребитель, психология, бизнес.

The 'ADS' Influence on Consumer's Psychology

A.E. Saburov

In the article author investigate some problems, which is not reflected in new law of publicity. Also author propose variants of intensification of control from the publicity.

Key words: adverstisement, consumer, psychology, business.

Отличительной чертой современной рекламы, представляющей собой одну из мощнейших отраслей рыночной экономики и исключительно важный атрибут общественной жизни, является то, что из информационного средства она превратилась в эффективное средство формирования сознания и образа жизни общества.

Реклама используется как средство мощного идеологического воздействия на сознание людей, на систему их этических, идеологических и политических ценностей. В силу этого механизм действия рекламы рассматривается не только в рамках социопсихологии рекламного бизнеса, но и психологии потребителя.

Несмотря на то, что психология потребителя «родилась» из рекламной практики, круг исследуемых ею проблем стал сегодня значительно шире. Объясняется это не только умножением и дифференциацией социальных функций самой рекламы, но и тем, что результаты исследований

тельная деятельность университета была бы узаконена, разумеется, в соответствии с программой, утвержденной региональной властью.

Немаловажным направлением деятельности регионального университета является его инициатива и организаторские усилия, направленные на решение проблем общественного развития территории в контексте политических и социальных преобразований в стране. Процесс реформирования общества ставит новые социально-политические задачи, решение которых требует привлечения гуманитарного и общественного научного потенциала университетов. Кроме университетов, некому больше построить интеллектуальную плотину на пути искажений социальной жизни региона, возможных националистических, псевдодемократических или авторитарных устремлений. Региональные университеты могут и должны формировать общественное мнение, способствующее развитию и совершенствованию социального партнерства в стране и в регионе.

Важной задачей является проблема управления, а точнее, проблема координации вузовской деятельности в рамках региона (Советы ректоров), а сегодня – в рамках федеральных округов (федеральные отделения Союза ректоров России). Здесь, по крайней мере, два аспекта для размышлений: приближение в регионах федеральных учебных заведений по вертикали власти к центру и наделение федеральных отделений Союза ректоров России узаконенными полномочиями, позволяющими более оперативно и точно решать проблемы совер-

шенствования опережающей подготовки кадров в интересах региона и страны в целом.

Регионализация образования способствует перемещению основной тяжести социально-экономических проблем из центра в регионы; стремлению субъектов Российской Федерации к самостоятельности; оптимизации социальной и территориальной мобильности населения; подготовке кадров, ориентированных на решение новых региональных, политических, экономических и социальных задач (национальное согласие, политическое устройство, социальный мониторинг, экология и энергосбережение, биотехнологии и т.д.) эвристическими методами. В этих условиях университеты позволяют реализовать общественную потребность в региональном центре кристаллизации научных и общественных идей, в открытой демократической площадке, в точке притяжения для учебных и научных учреждений, стремящихся к единению. Реализация этих и других аспектов возрастания роли региональных университетов в региональном пространстве позволит им более эффективно способствовать модернизации и трансформации регионального сообщества в соответствии с современными вызовами времени.

Примечания

- 1 См.: *Стаффорд Б.* Мозг фирмы, М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 58–59.
- 2 См.: *Джонс Дж. К.* Методы проектирования, М.: Мир, 1986. С. 325–326.

УДК [659:351.9](470+571)

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ПСИХОЛОГИЮ ПОТРЕБИТЕЛЯ

А.Е. Сабуров

Поволжская академия госслужбы,
специалист-эксперт управления
Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области
E-mail: sybex@list.ru

В данной статье автор рассматривает проблемы, не нашедшие своего отражения в новом законе о рекламе. Предлагаются варианты усиления контроля за рекламной деятельностью.

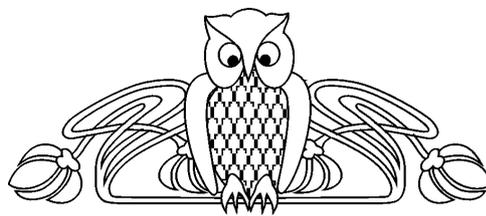
Ключевые слова: реклама, потребитель, психология, бизнес.

The 'ADS' Influence on Consumer's Psychology

A.E. Saburov

In the article author investigate some problems, which is not reflected in new law of publicity. Also author propose variants of intensification of control from the publicity.

Key words: adverstisment, consumer, psychology, business.

Отличительной чертой современной рекламы, представляющей собой одну из мощнейших отраслей рыночной экономики и исключительно важный атрибут общественной жизни, является то, что из информационного средства она превратилась в эффективное средство формирования сознания и образа жизни общества.

Реклама используется как средство мощного идеологического воздействия на сознание людей, на систему их этических, идеологических и политических ценностей. В силу этого механизм действия рекламы рассматривается не только в рамках социопсихологии рекламного бизнеса, но и психологии потребителя.

Несмотря на то, что психология потребителя «родилась» из рекламной практики, круг исследуемых ею проблем стал сегодня значительно шире. Объясняется это не только умножением и дифференциацией социальных функций самой рекламы, но и тем, что результаты исследований

в этой области находят прикладное применение и в других сферах общественной жизни, а именно: в пропаганде, политике, практике управления и даже в педагогике.

Психология потребителя тесно связана с социопсихологией рекламы. Предметом психологии потребителя американские специалисты считают поведение потребителя, под которым понимают все действия индивида, предпринимаемые им «для приобретения и использования экономических благ и услуг, включая процессы принятия решений, которые предшествуют этим актам и определяют их»¹.

На наш взгляд, одной из главных социальных функций рекламы становится идеологическая, то есть формирование господствующей в обществе идеологии.

С этой точки зрения реклама выступает как средство идеологического воздействия. С.К. Роштин совершенно справедливо выделил два аспекта во взаимоотношениях рекламы и идеологии.

По его мнению, «первый – отражение в рекламе особенностей идеологического (и политического) климата в тот или иной исторический период, и второй – формирование и укрепление с помощью рекламы новых установок социального и идеологического характера. В первом случае реклама является как бы зеркалом господствующей идеологии, во втором – становится её активным орудием».

Роштин также утверждает, что «в зависимости от того, на какие социальные слои направлена реклама, она приобретает либо “демократический” характер, либо характер классового снобизма».

Смысл призывов рекламы “демократического” типа заключается в принципе: хочешь быть таким, как все, покупай наш товар. Классовый снобизм в рекламе находит выражение в призыве: покупай наш товар, если хочешь быть лучше, уважаемей других.

В США социально-классовая ориентация в рекламе носит более откровенный характер. При обращении к среднему классу реклама призывает сохранять признаки социальной принадлежности, при обращении к низшим слоям общества – приобрести символы среднего класса путём покупки тех или иных товаров. Чувство социального превосходства воспитывается и эксплуатируется с помощью специальных приёмов и подходов»².

Воспитание чувства социальной исключительности, элитаризма путём продуманной рекламы самых обычных предметов быта отражает процесс подмены реальных ценностей искусственно создаваемыми образами. «Теперь язык образов слышен повсюду, – пишет американский историк Д. Бурстин. – Повсюду он заменил язык идеалов. Если правильный образ может помочь избрать президента или продать автомашину, религию, сигареты, то почему он (образ) не может сделать саму Америку или

американский образ жизни товаром, продаваемым по всей Земле? Когда мы говорим о себе, наших сообществах, наших корпорациях, нашей нации, наших лидерах – мы говорим на языке образов. Это происходит в кабинете министра и на семинаре профессора, в рекламном агентстве и на уличном перекрёстке»³.

В 1965 г. была высказана идея «продавать» американский образ жизни так же, как продаётся любой товар. В книге «Стратегия убеждения» А. Мейерхофф предлагает создать специальное правительственное учреждение, укомплектованное специалистами рекламы, для организации внешней и внутренней пропаганды США, в частности, для «продажи» образа Америки⁴.

Бурстин также считает, что «язык образов» возник в жизни США как следствие утраты идеалов и моральной опустошённости. Образы не только заполняют пустоту, они выполняют определённую социальную, идеологическую и политическую роль.

Торговая реклама не только продаёт образы, стереотипы. Женщинам она обещает образ красоты и привлекательности, людям из низших слоёв – образ респектабельности, представителям среднего класса – образ светской элиты. Стать миллионером трудно, но побыть в «образе» миллионера, выкурив при случае дорогую сигару, доступно многим. Вместе с товарами продаются стереотипы любви, надежд, оптимизма и успеха в жизни.

В конечном счете реклама продаёт законченный «образ жизни», складывающийся из целой системы установок, систематически прививаемых покупателю через газеты, журналы, радио, телевидение, кинофильмы и афиши. В отдельных случаях дело доходит до прямой организации жизни потребителя.

Так, одна из американских фирм, специализировавшаяся на продаже коттеджей, предлагала покупателям комплексную сделку. По этой сделке можно было купить дом вместе с мебелью, посудой, бельём и друзьями. Дело в том, что фирма брала на себя обязательство познакомить потенциального покупателя дома с представителями местного общества, помочь ему вступить в соответствующие клубы и т.п. Подбор друзей и клубов, естественно, определяется стоимостью приобретённого дома, что должно было отражать социально-экономический статус покупателя⁵.

С середины 1980-х гг. методы торговой рекламы стали использоваться в политических интересах, появилась российская политическая реклама.

Рекламный бизнес занял прочное место в предвыборной борьбе кандидатов на государственные и политические посты – от местных органов власти до президента. Организаторами и главными исполнителями избирательных кампаний стали профессиональные «политические менеджеры», «имиджмейкеры» и рекламные

агентства, которые на чисто коммерческой основе берутся «продать» избирателям «образ» кандидата. Выражение «продать образ», вошедшее в повседневный язык Америки, стало входить и в наш, российский, повседневный язык.

Таким образом, на наш взгляд, рекламный бизнес и создаваемая им реклама из средства торговли в настоящее время превращается в орудие идеологического и политического воздействия на массы, средством манипуляции с психологией потребителя.

Реклама разработала своего рода психологические основы воздействия на людей. Теоретической основой рекламного дела в течение долгого времени служила экономическая наука.

Экономисты исходили из того, что потребитель хорошо знает свои потребности и соразмеряет их со своими доходами. Следовательно, главной и единственной детерминантой поведения потребителя считались его доход или заработок. Макроэкономический подход позволил учитывать результаты исследований статистической зависимости между покупательной способностью и доходами, с одной стороны, и социальными, возрастными и другими характеристиками отдельных групп населения – с другой.

Однако экономическая наука, даже подкреплённая социологией, не смогла разрешить тех реальных проблем, с которыми сталкиваются предприятия, их рекламные подразделения и агентства при реализации товаров. Усложнение функций рекламы в условиях обострения социальных противоречий настоятельно требует привлечения специалистов-психологов для решения задач рекламной практики.

Одним из первых профессиональных психологов, привлечённых к работе в рекламе, был родоначальник бихевиористского учения Дж. Уотсон. основополагающим в теории рекламы стал его тезис: постоянное повторение рекламных объявлений ведёт к формированию устойчивых «покупательных» привычек. Этот тезис и сегодня считается справедливым, хотя теперь уже признаются его ограниченность и зависимость от многих условий.

Выдающийся психолог К. Левин также сделал вклад в разработку теории и практики рекламы. В годы Второй мировой войны он участвовал в рекламной кампании с целью привить американцам вкус к мясным субпродуктам в связи с нехваткой мяса.

Устойчивый интерес рекламного бизнеса к возможностям использования психологической науки возник после Второй мировой войны. В развитии теории рекламы можно выделить два этапа. Для первого – конец 1940-х и 1950-е гг. – характерна неограниченная вера в возможности психологии, во втором – 1960-е гг. – наступило своего рода отрезвление. Представителям бизнеса стало ясно, что одной самодеятельности,

основанной на поверхностном знакомстве с психологией и привлечении отдельных специалистов, недостаточно: что для успеха необходимы глубокие всесторонние прикладные исследования, которые должны проводиться квалифицированными психологами. В результате критического переосмысления всего опыта применения психологии в рекламе был начат широкий научный поиск оптимального решения практических проблем.

При этом основное внимание уделялось исследованию мотивации потребителя с целью выявления тех мотивов, которые определяют предпочтение одних товаров другим. Методологической базой для исследований служила главным образом психоаналитическая теория. Все поступки потребителя рассматривались как результат влияния подсознательных мотивов, прежде всего сексуальных.

Поиски рекламных психологов-практиков были сосредоточены на разработке методов скрытого воздействия на подсознание покупателей. Именно в 1950-х гг. возникла идея использовать сублиминальное восприятие информации, предъявляемой на уровне ниже порога восприятий. Был изобретён, например, скоростной кинопроектор, позволяющий проецировать на экран изображение в течение лишь 1/3000 секунды. Изображение, которое заключалось в призывах: «Ешьте кукурузные хлопья!» и «Пейте кока-колу!», накладывалось каждые 5 секунд на кадры обычных кинофильмов.

Дж. Викари провёл в одном из кинотеатров эксперимент в течение шести недель. Невольными участниками эксперимента стали 45 тыс. кинозрителей⁶. В сенсационном сообщении об эксперименте утверждалось, что в результате воздействия продажа кукурузных хлопьев увеличилась на 57,7%, а кока-колы – на 18,1%. В дальнейшем эксперименты не подтвердили возможности восприятия информации, предъявляемой с такой скоростью.

До сих пор в США появляются популярные работы, утверждающие, что реклама активно использует скрытую символику, рассчитанную на возбуждение подсознательного уровня психики. Примеры можно найти в книге У.Б. Ки «Сублиминальное совращение», изданной в 1972 г.⁷. Например, если апельсин является символом молодой привлекательной женщины, то изображение мужчины, снимающего кожуру с апельсина, должно вызывать в подсознании человека картину раздевания женщины. Данная картина подсознательно ассоциируется с рекламируемым товаром, что обуславливает его привлекательность. Однако в большинстве случаев реклама использует эротические мотивы для создания вполне осознанных ассоциаций.

В психологической литературе проблема сублиминального восприятия рассматривается в контексте так называемой подсознательной

«перцептуальной защиты» против визуальных стимулов, несовместимых с теми или иными установками индивида.

Чаще всего эксперименты проводятся со «словами-табу», которые предъявляются испытуемому на подпороговом уровне либо незаметно включаются в невинный текст. Вопрос о том, исключаются ли такого рода стимулы из сознательного восприятия в результате «перцептуальной защиты», остаётся пока нерешённым; экспериментальные данные противоречивы.

В качестве вывода можно сказать, что на сегодняшний день влияние рекламы на общество продолжает возрастать и носит неконтролируемый характер.

Современное российское законодательство в сфере рекламы не способно определить степень влияния рекламы на потребителя и на его сознание, а также исключить негативное влияние рекламы на общество. Тем самым действия контролирующих органов за рекламной деятельностью являются не достаточно эффективными.

Таким образом, на наш взгляд, было бы

целесообразным привлекать к работе контролирующих органов за рекламной деятельностью социальные науки, а также использовать в их работе социопсихологические методы и практики.

Примечания

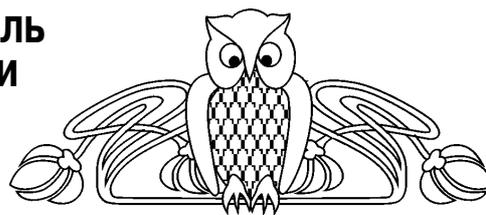
- ¹ Engel J.F., Kollat D.T., Blackwell R.D. Consumer Behavior. N.Y., 1968. P. 5.
- ² Роцин С.К. Реклама и психология потребителя // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 20.
- ³ Boorstin D.J. The Image. L., 1963. P. 188.
- ⁴ См.: Meyerhoff A.E. The Strategy of Persuasion. N.Y., 1965. P. 17.
- ⁵ См.: Роцин С.К. Указ. соч.
- ⁶ См.: Bachrach J.J. The Ethics of Tachistoscropy // Bull. Afom. Sei. 2000. Vol. 15.
- ⁷ См.: Key W.B. Subliminal Seduction. Englewood Cliffs, 1972. P. 47.

УДК 316.73

КУЛЬТУРА СПЕЦИАЛИСТА: ОСОЗНАННАЯ ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ СПОНТАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.И. Жукова

Педагогический институт Саратовского государственного университета, кафедра физиологических и клинических основ детства
E-mail: foxi443@mail.ru

В статье на основе результатов социологического исследования и данных статистики анализируются проблемы формирования культуры специалиста правоохранительных органов. При этом освоение культуры профессионалами милиции актуализируется спецификой профессии, заключающейся в присутствии принудительно-властного компонента их деятельности.

Ключевые слова: культура, специалист, коммуникация.

The Expert Culture: the Realized Purpose and Result of the Spontaneous Communications

E.I. Gukova

In the article on the basis of results of sociological research and the data of statistics the problems of the expert culture formation of law-enforcement machinery are analyzed. Thus the culture development by professionals of police is topical problem for the trade specificity consisting in the presence of a forcibly-power component of their activity.

Key words: culture, specialist, communication.

В социологии культуры можно встретить термины «уровень культуры», «здоровая культура», «культура группы», которые неявно содержат идею определенного масштаба, существующей высоты развитости, по отношению к которым оценивается «объект» культуры. Больше того, в недавнем прошлом при социологических заме-

рах в качестве эталона, с которым соизмерялись уровни культуры, брался рабочий класс, его культурные формы жизнедеятельности. Поскольку тогда существовал некий перечень доктринально, идеологически и организационно обеспечиваемых форм обязательного подтверждения социокультурной активности, то уровень культуры индивида или группы вычислялся довольно просто. Нужно было лишь зафиксировать показатели посещения политзанятий, различных кружков, субботников и т.п. и сравнить их с эталонной группой.

Отечественные социологи 70–80 гг. XX в. оставили немалый багаж таких сравнений, по которым можно судить не только об организационно-принудительном, но и добровольном следовании разных социальных групп к освоению ценностей культуры (Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневский, В.С. Цукерман, П.П. Великий, В.Г. Немировский, С.Н. Плотников и другие). Подобный подход используется и в западной социологии. Например, Р. Флорида сравнивал социокультурную активность творчески ориентированных специалистов, названных им креативным классом, с массовым слоем специалистов США¹.

В новое время, когда в России закрепился рыночный строй общественных отношений и

«перцептуальной защиты» против визуальных стимулов, несовместимых с теми или иными установками индивида.

Чаще всего эксперименты проводятся со «словами-табу», которые предъявляются испытуемому на подпороговом уровне либо незаметно включаются в невинный текст. Вопрос о том, исключаются ли такого рода стимулы из сознательного восприятия в результате «перцептуальной защиты», остаётся пока нерешённым; экспериментальные данные противоречивы.

В качестве вывода можно сказать, что на сегодняшний день влияние рекламы на общество продолжает возрастать и носит неконтролируемый характер.

Современное российское законодательство в сфере рекламы не способно определить степень влияния рекламы на потребителя и на его сознание, а также исключить негативное влияние рекламы на общество. Тем самым действия контролирующих органов за рекламной деятельностью являются не достаточно эффективными.

Таким образом, на наш взгляд, было бы

целесообразным привлекать к работе контролирующих органов за рекламной деятельностью социальные науки, а также использовать в их работе социопсихологические методы и практики.

Примечания

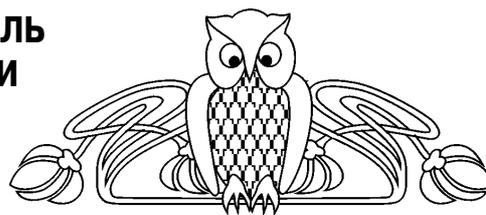
- ¹ Engel J.F., Kollat D.T., Blackwell R.D. Consumer Behavior. N.Y., 1968. P. 5.
- ² Роцин С.К. Реклама и психология потребителя // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 20.
- ³ Boorstin D.J. The Image. L., 1963. P. 188.
- ⁴ См.: Meyerhoff A.E. The Strategy of Persuasion. N.Y., 1965. P. 17.
- ⁵ См.: Роцин С.К. Указ. соч.
- ⁶ См.: Bachrach J.J. The Ethics of Tachistoscropy // Bull. Afom. Sei. 2000. Vol. 15.
- ⁷ См.: Key W.B. Subliminal Seduction. Englewood Cliffs, 1972. P. 47.

УДК 316.73

КУЛЬТУРА СПЕЦИАЛИСТА: ОСОЗНАННАЯ ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ СПОНТАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.И. Жукова

Педагогический институт Саратовского государственного университета, кафедра физиологических и клинических основ детства
E-mail: foxi443@mail.ru

В статье на основе результатов социологического исследования и данных статистики анализируются проблемы формирования культуры специалиста правоохранительных органов. При этом освоение культуры профессионалами милиции актуализируется спецификой профессии, заключающейся в присутствии принудительно-властного компонента их деятельности.

Ключевые слова: культура, специалист, коммуникация.

The Expert Culture: the Realized Purpose and Result of the Spontaneous Communications

E.I. Gukova

In the article on the basis of results of sociological research and the data of statistics the problems of the expert culture formation of law-enforcement machinery are analyzed. Thus the culture development by professionals of police is topical problem for the trade specificity consisting in the presence of a forcibly-power component of their activity.

Key words: culture, specialist, communication.

В социологии культуры можно встретить термины «уровень культуры», «здоровая культура», «культура группы», которые неявно содержат идею определенного масштаба, существующей высоты развитости, по отношению к которым оценивается «объект» культуры. Больше того, в недавнем прошлом при социологических заме-

рах в качестве эталона, с которым соизмерялись уровни культуры, брался рабочий класс, его культурные формы жизнедеятельности. Поскольку тогда существовал некий перечень доктринально, идеологически и организационно обеспечиваемых форм обязательного подтверждения социокультурной активности, то уровень культуры индивида или группы вычислялся довольно просто. Нужно было лишь зафиксировать показатели посещения политзанятий, различных кружков, субботников и т.п. и сравнить их с эталонной группой.

Отечественные социологи 70–80 гг. XX в. оставили немалый багаж таких сравнений, по которым можно судить не только об организационно-принудительном, но и добровольном следовании разных социальных групп к освоению ценностей культуры (Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневский, В.С. Цукерман, П.П. Великий, В.Г. Немировский, С.Н. Плотников и другие). Подобный подход используется и в западной социологии. Например, Р. Флорида сравнивал социокультурную активность творчески ориентированных специалистов, названных им креативным классом, с массовым слоем специалистов США¹.

В новое время, когда в России закрепился рыночный строй общественных отношений и

связей, также предприняты попытки выявления культурной дистанции между жителями столиц, провинциальных городов и сел². В качестве индикаторов взяты: посещение музеев, кинотеатров, ресторанов, чтение книг, наличие компьютера в семье, умение им пользоваться и другое. Еще более углубленные замеры, включающие индикаторы ценностных ориентаций, качества потребляемого духовного продукта, применяет ВЦИОМ. Подобные замеры дают некоторое представление о духовном облике группы. Считается, что и составляющие ее единицы обладают теми же признаками культуры, что верно лишь отчасти, поскольку как сама группа, так и ее единица являются конструктами, «легитимность» которых достигнута в дискурсивных практиках исследователей. В то же время социологов не оставляет мысль найти исследовательские средства, чтобы определенно сказать об индивидах – этот по-настоящему культурен, а тот – не совсем. В настоящей статье мы ставим цель указать на положенные самой культурой границы нашего дискурса в данном аспекте. Не будем повторять уставшую истину о том, что определений понятия культуры накопилось не одна сотня. Попытаемся обрисовать хотя бы схематично пространство, в которое вмещается культура индивида. Прежде всего следует обратить внимание на то, что современный человек, как правило, подготовлен к занятию профессиональным трудом (или делом, если речь идет о предпринимательстве, виды которого могут меняться и не иметь ничего общего с первоначально полученной профессией). Обладание неким набором знаний и навыков в рамках профессии является признаком культурного человека, познания которого в других областях могут быть и ограниченными. В то же время на знатока в ряде специальностей могут претендовать и дилетанты.

Жизнь изобилует фактами, когда в роли целителей, духовных наставников, специалистов по прогнозам погоды оказываются «случайные» люди, случайные потому, что они не прошли институционально установленного в данном обществе обучения, не владеют знаниями в полном объеме. Людей редкого озарения типа болгарской целительницы и предсказательницы Ванги мы не рассматриваем, так как они крайне редки. Их способности – предмет особого анализа и он ближе психологам.

Но можно ли утверждать, что, например, более искусный хирург более культурен того, что считается менее авторитетным врачом? Думается, нет. Подобное можно сказать и об инженере, рабочем-сталеваре или строителе. То есть они должны обладать еще чем-то. Как писал Томас Элиот, какие бы мы не взяли проявления культуры, в том числе деятельность художников-профессионалов, музыкантов, т.е. индивидов, прямо «делающих» культуру, ни одно

из подобных проявлений, каким бы совершенным оно ни было, само по себе, не сопряженное с другими, не делает никого культурным. «Но если, – отмечает этот автор, – ни одно из этих совершенных проявлений само по себе мы не считаем культурой, то тщетно ожидать, что найдется человек, обладающий всеми этими совершенствами сразу»³.

Т. Элиот приходит к выводу, что о культуре отдельного человека можно судить, если она не обособлена от культуры группы, а культура группы не абстрагирована от культуры общества в целом. Поэтому, возвращаясь к образу врача или другого специалиста, мы должны учесть степень связи его культуры с культурой социально-профессиональной группы, куда он входит, которую в то же время следует рассматривать в контексте культуры общества.

Человек как общественное существо многообразен в своих функциях и проявлениях. Самая общая первичная сущность его – это гомосапиенс. С учетом иных проявлений – он может быть и *homo-faber* и *homo-civilis* и т.д. В каждом случае подчеркивается духовная составляющая. Вот почему при выборе парадигмы культуры человека мы должны отвлечься от широко распространенного определения его как социобиологического существа и сосредоточиться только на духовной сущности. Развитие концептуальных основ духовности, преодолевающее преувеличение роли «низших» мотивов стимулов связано с именами К. Юнга, Э. Фромма, В. Франкла, К. Роджерса, А. Маслоу, Р. Ассаджолли и другими учеными, которых сближает понимание уникальности человека, выражающееся в его духовной сущности.

Известно, что многие из них, особенно Э. Фромм, критически относились как биоцентристской, так и социоцентристской позициям в понимании человека. Ведь человек не психическая машина для переработки биологического и социального. Имея природное, человек не часть природы, человеческое начинается как раз там, где кончается природное.

Видение человека, как существа духовного, глубоко разработано в работах В. Франкла «Доктор и душа», «Человек в поисках смысла». Уникальность человека автор видит в том, что он объективно обладает рядом устойчивых свойств. Среди них важнейшее – быть в любых случаях прежде всего духовным существом.

С учетом изложенных теоретических положений следует оценивать и культуру специалиста.

Мы исходим из того, что ключевыми характеристиками профессионала является деятельность на основе науки, знание технологий в своей области и служение, то есть следование морально санкционированным нормам, которые скорректированы под требования, предъявляемые большинством населения к соответствующей отрасли или сфере. Есть профессии, в которых

доминантами является знание «вещественных» технологий, а служение скорее связано с преданностью организации. В других сферах, как армия, медицина, образовательная и воспитательная системы, правоохранительные органы, в том числе милиция, моральные императивы деятельности играют первостепенную роль.

Основами этому служит объект взаимодействия – человек, контроль над которым и дисциплинирование требует особого подхода, предполагающего не подавление, а поддержку и развитие лучших качеств личности. Отсюда особые требования к профессионализму работников таких сфер и областей.

Степень овладения духовными ценностями специалистом (имеется в виду индивид, занимающийся профессионально в какой-то области материального или духовного производства или сервиса) можно рассматривать с позиции, во-первых, реализации его культурных ценностей. Они включают в себя потребность в специальных знаниях, художественно-эстетической деятельности, в общении, в творчестве, в развлечениях и др. Во-вторых, с позиции реализации смысла жизни, который включает доминирующие представления о необходимом и достаточном, чтобы совесть была чиста или было ощущение счастья. Выделяют несколько типов удовлетворения потребности в смысле жизни: созидательно-альтруистический, престижный, гедонистический, религиозный и другие⁴.

Можно предположить, что овладение человека культурой в каждой из отмеченных позиций будет складываться и как созидательная цель и как результат спонтанной коммуникации. Рассмотрим эту гипотезу на примере культуры работников милиции.

Прежде всего они стоят «на страже» такого порядка, который соответствует праву, а оно «никак не может обойтись без обращения к человеческой природе, когда изыскиваются конечные основы, на которые опираются устанавливаемые им нормы»⁵. В то же время каждому духу времени присущи определенная действующая мораль, мировоззрение, вера, вкус и стиль жизни⁶. Отсюда следует, что процессы взаимодействия кадров правоохранительных органов между собой с разными представителями населения всегда будут детерминированы принципами, господствующими в общем мышлении соответствующего времени. В настоящее время специфика мышления разных групп россиян связана с освобождением от всеохватывающего государственного контроля за их жизнью, что приобрело гипертрофированную форму, и что особенно проявлялось в первые годы переходного периода, когда неподчинение нормам права было обычным явлением; наиболее авантюрные индивиды демонстрировали не правовую свободу, а органы правопорядка находились в состоянии анемии. Рецидивы таких практик еще случаются, но в целом правовые механизмы сопротивления несправедливому или

насилованному действию (в том числе и государства) на личность уже отлажены. Но это только одна предпосылка реализации профессионализма работников милиции.

Другая связана с тем, что они должны понимать во всей полноте процесс формирования идентичности человека постсовременности, который складывается, во-первых, из определения человеком своего места на локальном уровне, т.е. социопрофессиональную, этническую, гражданскую принадлежность. В условиях постмодернизма изменился баланс между групповой и индивидуальной идентичностью, возросло чувство автономности и самобытности индивида. Отдельный человек может самостоятельно решать вопрос о смене профессии, гражданства, брачного партнера и т.д. Во-вторых, личная идентификация формирует принципиально новое мировоззрение мультикультурализма, признающего многообразие, взаимную открытость, плюрализм представлений о себе и других. Однако в этих новациях не все безоблачно: происходит замена межличностных связей, присущих общности, связями множественными, функциональными, глобального масштаба, что протекает неравномерно в разных социоструктурных и этнических средах.

Для новых культурных транснациональных образцов и символов наиболее открыты мобильные люди, живущие в демократической среде. Напротив, неприятие таких ценностей наблюдается в среде мигрантов, которые, живя в тесном соседстве с другой культурой, долго сохраняют этническую идентичность, испытывая свою изоляцию и отстраненность. Отмеченные выше обстоятельства (сложность взаимодействия с населением, которое становится все более «сложным») свидетельствуют в пользу того, что в профессионализме кадров милиции на первое место нужно поставить общую культуру, меру ее совпадения или несовпадения с высокими образцами культурных практик в социуме.

Именно в таком ключе при участии автора в 2007 г. организовано исследование работников милиции. Опрошено 182 работника городских и сельских районных отделов милиции Саратовской области (пропорционально: офицеры, сержанты, вольнонаемные). Среди офицеров выделена контрольная группа старших офицеров со стажем работы в органах милиции более 15 лет, которая в исследовательском проекте гипотетически наделялась наиболее высоким уровнем общей и профессиональной культуры. Начнем анализ с того, кто и с каким жизненным проектом приходит на службу в органы милиции. Обращает на себя внимание факт высокой доли тех, кто объясняет свой приход в милицию такими мотивами, как «престижно», «настоящая мужская работа» (68% – офицеры, 76% – сержанты и 55% – вольнонаемные). Несколько отличается группа вольнонаемных, 25% которых свой мотив объяснили словами «где-то надо работать».

Повышение профессионализма в рамках требований технологий осуществляется как в форме специальных занятий, заочной учебы в вузах, так и самостоятельно. Особенно интересно инициативное освоение профильной литературы (постоянно читают 44% офицеров, 33% сержантов, 35% вольнонаемных). Контрольная группа офицеров имеет высший показатель по обучению в подразделениях и самостоятельному освоению профильной литературы.

Более глубокое знание о мере совпадения культуры работников милиции с массовыми слоями населения дает сравнение с данными всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в начале 2007 г.⁷ Практически не отличаются такие оценки, как «никогда не может быть оправдано» употребление наркотиков, пьянство, уклонение

от службы в армии, беспризорность – разница в 4–6%. Более строго относятся работники милиции к даче/получению взятки (66%, по данным ВЦИОМ, 76% – респонденты милиции), аборту, гомосексуализму – показатели категоричности оценок у милиции выше на 10 процентных пунктов.

В то же время считают, что следует относиться снисходительно к проституции (7% населения, 21% – работники милиции); присвоению найденных денег (10% и 18%); деловой необязательности (3% и 6%).

Расширяет представление об актуальной культуре работников милиции сопоставление нашего исследования с аналогичными показателями, приведенными в статье В.Ф. Анурина «От Москвы до самых окраин (социальное неравенство: региональный разрез)»⁸ (табл. 1).

Таблица 1

Не посетили ни разу в течение последних трех месяцев, %

Учреждение	Выборка по стране	Работники милиции	Офицеры (контрольная группа)
Кино	92	61	25
Театр	88,5	90	16,7
Музеи	83	64,8	0
Спортзал	89	53	4,2
Ресторан	85	70	0

Как видно из приведенных цифр, общение с источниками культуры, использование досуговых учреждений у россиян довольно пассивно, тем не менее, отличие хотя и невелико, но все же складывается в пользу работников милиции, половина которых за три месяца была в спортзалах,

36% – в музеях, 40% – в кино, 30% – в ресторанах, хотя последнее (рестораны) нельзя однозначно оценивать в положительном смысле. Сравнение числа книг, прочитанных за последние три месяца респондентами в крупных городах, дает следующую картину (табл. 2).

Таблица 2

Количество прочитанных книг

Количество книг	Выборка по городам (в 900 тыс. чел. численностью)	Работники милиции	Офицеры (контрольная группа)
Одна	11	18,7	25
Две	12,8	28,0	29
Три	11,7	19,8	21
Четыре-шесть	13,5	17,0	13
Семь-девять	15,5	8,8	4

В целом можно сделать вывод, что респонденты – работники милиции отличаются более высокими показателями духовной деятельности по сравнению с населением. Причем больший стаж, что демонстрирует контрольная группа офицеров, коррелируется с лучшими результатами в освоении ценностей культуры.

При рассмотрении предпосылок и оснований культуры профессионала – работника милиции необходимо увязывать корпоративную культуру, присущую органам милиции как организации, и культуру личности отдельного работника. Первую следует рассматривать в терминах организационной

культуры, которая реализуется при выполнении внутрицеховых отношений, должностных функций отдельных подразделений, включая как процессуально строгие принципы взаимодействия с клиентами, так и неформальные, нерегламентированные практики селекции давления и контроля.

Культура личности работника милиции, который во взаимодействии с разными группами населения часто выступает как самоорганизующийся специалист, многие решения которого принимаются в отсутствие более высокого начальства, может рассматриваться в рамках теории культурного капитала. Он выступает в трех состояниях: инкорпорирован-

ном – это знания, умения, ценности, привычки, этические нормы, присвоенные человеком; объективированном – в виде оснащения техническими средствами и их использования; институционализированном – в форме квалификации, должности, подтвержденными нормативно оформленными гарантиями. Если объективированные и институционализированные признаки легко верифицируются, то набор качеств, характеризующих духовный мир профессионала, является достаточно расплывчатым и должен быть корректно сконструирован исследователем. При создании модели надлежащего общекультурного уровня профессионала-работника милиции вряд ли допустимы ориентиры на показатели некоей продвинутой группы. Хотя группа старших офицеров и демонстрирует по ряду показателей социокультурной дисциплины более высокие результаты, но и среди сержантов можно встретить большую долю серьезно увлеченных избранным хобби, активных читателей.

Специфика профессии работников милиции заключается в присутствии принудительно-властного компонента их деятельности, что вытекает из структуры многих законов и норм права, включающих не только запреты, но и санкции (кару) за неправомерное поведение. Профессионалы милиции – первая инстанция взаимодействия с нарушителями закона и прав других лиц. В то же время право динамично и тенденции его развития должны осмысливаться с опережением теми, кто его применяет. В текстах современных правовых систем широко применяются понятия этики «добрая совесть», «злой умысел», «добрые нравы», что свидетельствует о сближении нравственности и права, и что не может не учитываться на разных этапах взаимодействия профессионала милиции с представителями всех, в том числе деликвентных социоструктурных сред.

Понимание справедливости не только через соответствие поступков и деяний правовой норме, а посредством представления о том, что является хорошим, а что плохим в каждом конкретном случае далеко не простая задача взаимодействия с мультикультурными сообществами. Это очень важная аксеологическая черта общей культуры профессионалов милиции. И в то же время в методологическом аспекте – это водораздел, по которому проходит различие между ними в контексте человеческих качеств – знаний, умений, ценностей, привычек,

нравственных императивов, полученных ранее и постоянно подновляемых благодаря активному и непрерывному освоению культуры. Профессионал может иметь диплом, владеть технологиями, но при заниженной или ущербной общей культуре от его деятельности не будет эффекта, которого давно ждет наше общество, то есть консолидации всех социальных групп.

В статье артикулирована лишь количественная сторона освоения культуры профессионалами милиции. Можно предположить, что в разных профессиях органов милиции существует неодинаковая идентификация индивидов с организациями и самим правоохранительным институтом.

Пример общекультурной и профессиональной деятельности специалистов свидетельствует, что культура как осознанная цель больше формируется через требования профессии, а в коммуникативном процессе, в общении ей присуща фрагментарность, мозаичность, отсутствие системы, обоснованной повторяемости или прерывности, и тем не менее, оба поля духовной жизни не просто влияют на культуру профессионала, они взаимно обогащаются. Без деятельного участия в спонтанной коммуникации, без выхода за круг профессиональных знаний появляется то состояние, которое определяется термином «профессиональный кретинизм», со всеми вытекающими последствиями – отрицательным воздействием на других людей, уроном авторитета организаций и т.п.

Примечания

- 1 См.: *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. М., 2005. С. 421.
- 2 См.: *Анурин В.Ф.* От Москвы до самых до окраин (социальное неравенство: региональный разрез) // *Социология.* 2005. № 3–4. С. 232–252.
- 3 *Элиот Т.С.* Избранное. Т. I–II. Религия, культура, литература / Пер. с англ. М., 2004. С. 81.
- 4 См.: *Немировский В.Г.* Социология личности. Теория и опыт исследования. Красноярск, 1989.
- 5 *Batiffol H.* *Problems de base philosophie du droit.* Oxford, 1979. P. 8.
- 6 См.: *Право XX века: идеи и ценности.* М., 2001. С. 111.
- 7 Пресс-выпуск ВЦИОМ. М., 2007. № 633. С. 2–3.
- 8 *Анурин В.Ф.* Указ. соч. С. 232–252.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'+811162.1'42

ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР БИБЛЕЙСКОЙ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Н.М. Орлова

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра теории и истории языка
E-mail:nador2006@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с прецедентной значимостью и динамическим варьированием библейского текста в русской и европейской литературе на примере Ветхозаветной ситуации «Гибель Содома» и ее ключевых концептов.

Ключевые слова: прецедентный текст, библейский текст, динамический конструкт, концепт.

Dynamic Character of Biblical Precedent Text

N.M. Orlova

The article considers the problems of importance and dynamic variance of the Bible as precedent text in Russian and Western European literature as illustrated by the Old Testament story of Sodom destruction and its key concepts.

Key words: precedent text, biblical text, dynamic construct, concept.

Прецедентность библейского текста рассматривается нами как динамический конструкт, обладающий способностью воспроизводиться в бесконечно разнообразных вариантах. Прецедентная ситуация «Гибель Содома [и Гоморры]» – одна из самых значимых и трагических в Библейском тексте – и одна из наиболее освоенных русской и европейской литературой и культурой. Эта освоенность проявляется в первую очередь в том, что сигналом данной прецедентной ситуации (ПС) в различных дискурсах служит концепт 'содом', обладающий огромными когнитивными потенциалами, а слово-номинант концепта («содом») прочно вошло в русский язык, получило новые значения и оттенки значений, оно стало вершиной словообразовательного гнезда, используется в художественных текстах в индивидуально-авторском употреблении и т.д.

В русском языке в значении номинанта концепта произошли семантические сдвиги, и на первое место вышло значение «шум, беспорядок»; значение, восходящее непосредственно в библейской ПС и возникшее путем метонимического переноса (грех определенного рода, которому предавались жители Содома), сохранило свою концептуальную значимость, что отчетливо видно при анализе гнезда производных слова «содом» (содомский (грех), содомит, содомия и под.):

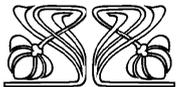
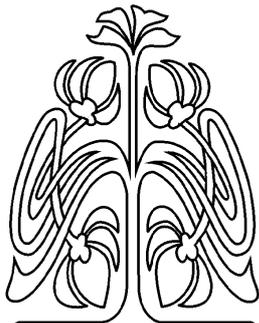
Содом. 1. Разг. Шум, беспорядок, суматоха. 2. Устар. Шумная, буйная толпа. Содом и Гоморра. а) о крайнем беспорядке, суматохе, шуме; б) о крайней безнравственности, распущенности, разврате, царящем где-л.

Содомить (и содомиться). Прост. Шуметь, кричать, ссориться, браниться.

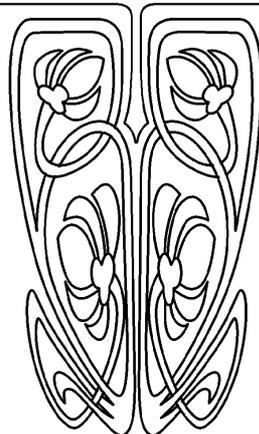
Содомский. Устар. Развратный, греховный. Содомский грех. Мужеложство.

Сходная картина наблюдается в украинском и белорусском языках:

Содом, содома. Разг. содом. Біля Наумишиної хати – содом. Вогонь обхопив стодолу, стіжки, перекинувся на хату (Коцюбинский).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Содом и гоморра: Доки балакаемо, уже може з Князівки содом та гоморру зробили (Головко).

При этом производные, как и в русском языке, сохраняют связь с наименованием греха и приводятся с пометой «медицинское».

Ср. в белорусском: Содом. Разг. Гармидар, вэрхал, садом. Но: содомизм, содомит, содомия – мед. садомизм, садамит, садамия.

Значение «шум, беспорядок» отмечается как основное и в этимологических словарях: содом – гвалт, суматоха; содом и гоморра – то же самое; содомить – шуметь, кричать (Фасмер); содом – шум, крик, гам, суматоха; шумная толпа (Преображенский), от греч. Σόδομα; но: содомия – разврат. Фасмер отмечает также сходное направление семантических изменений у русских библеизмов «вавилонское столпотворение» и «содом»; могут употребляться как синонимы: «Шум, гам, содом такой, что вся обитель сбежалась. Просто, матушка, как есть вавилонское языков смешение» (Мельников-Печерский. В лесах).

Таким образом, лексема «содом» вербализует как концептосферу «беспорядок» (ср. беспорядок, безнарядица, безалаберщина, беспутица, бестолковщина, бестолочь, неустройство, неурядица, ад (!), *содом*, разгром, столпотворение (вавилонское), светопреставление, кавардак, каша, путаница, кутерьма, пертурбация, катавасия, сутолока, базар, хаос и т.п.), так и концептосферу «грех, разврат».

В русской, особенно в диалектной, речи зафиксировано огромное количество употреблений слова «содом», его производных и устойчивых сочетаний и паремий, содержащих эту лексему. По данным словаря Даля, эти употребления не связаны с концептуальной основой «грех», т.е. непосредственно с библейской ПС, ср. Такой содом, что пыль столбом; Это не дом а содом; Уток-то на озере содом (=толпа, множество, тамбов., тульск.); За содомом гостей не останется поглотать и костей; Слышь, в кабаке содомат *как!* (= шумят); содомщик – затейщик ссор, сварливый орала (sic!).

Хотя текст Библии в достаточно подробном изложении данной ПС не отмечает шума, беспорядка, суматохи, сопутствовавших истреблению грешных городов, нет никакого сомнения, что ужас и страдания, охватившие жителей Содома, сопровождались криками и беспорядочными (и безнадежными) попытками к бегству и спасению. Греховный образ жизни обитателей Содома и Гоморры должен был сопровождаться шумом и беспорядком.

Как уже было отмечено, интертекстуальные связи текста русской литературы и библейского текста в использовании ПС «Гибель Содома (и Гоморры)» широки и разнообразны. Так, в языковой картине мира А.С. Пушкина Содом – это в первую очередь город, разрушенный за грехи (а точнее, за определенный грех!) его жителей. С Содомом сравнивается Кишинев: «Содом, ты знаешь, был отличен / Не только

вежливым грехом, / Но просвещением, пирами, / Гостеприимными домами» («Проклятый город Кишинев!..») <Из письма к Вигелю>, ср. также «Вигель здесь был и поехал в Содом-Кишинев» (из письма П.А. Вяземскому, 14 октября 1823 г.). Несмотря на то что выражение «греческий содом» толкуется в словаре языка Пушкина как «крайний беспорядок, суматоха», думается, что текст стихотворения «Раззевавшись от обедни, к Катакази еду в дом...» не оставляет сомнения в том, что поэт имел в виду не только шум, но и склонность к разнообразным грехам (ср. далее: «Если верить Моисею, Скотоложница умрет!»). Впрочем, в этом шутовском стихотворении речь идет также о Кишиневе. Интересно упоминание в пушкинском дискурсе о Лоте: «Я пью, как Лот содомский, и жалею, что не имею с собой ни одной дочки» (из письма тому же В.В. Вигелю) – поскольку в данном случае мы имеем интертекстуальную отсылку к ПС, последовавшей непосредственно за разрушением Содома и бегством Лота и его дочерей.

Обращение к прецедентному имени «Содом» находим в известных рассуждениях о красоте в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». С надрывом и отчаянием рассказывает Митя Карамазов Алеше, как довелось ему познать «страшную и ужасную» силу красоты, непонятным образом соединяющую «идеал Мадонны» с «идеалом содомским»: «В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». В значении «крайняя степень разврата» Содом упоминается Достоевским в «Дневнике писателя»: «В Саду же детки будут выскакивать прямо из земли... а не поступать девяти лет, когда еще играть хочется, на фабрики, ломая там спинную кость над станком, тупя ум перед подлой машиной, <...> утомляя и губя воображение перед бесчисленными рядами рожков газа, а нравственность – фабричным развратом, которого не знал Содом». В сходном употреблении «Содом и Гоморра»: «Что это? помилуйте, до чего безнравственность доходит: по ночам бегают, трубку курят... одна пьяная пришла. Содом и Гоморр! Содом и Гоморр!» (А.Писемский. Тысяча душ); «Ого! – подумал Ермий, – как время изменило обычаи. Верно, ныне совсем уже нет старого привета странным. Нет, теперь я уже ясно вижу, что поддался насмешке сатаны, что я был послан сюда не для пользы души моей, а для всецелой моей пагубы, как в Содом и Гоморру» (Н. Лесков. Скоморох Памфалон).

В других текстах русской классики находим обычное для современного словоупотребления значение «шум, беспорядок, суматоха»:

«А? Бунт? Ну так и жду содома» (А. Грибоедов).

«А надсмотрщикам сидеть Подле лавок и смотреть, Чтобы не было содому, Ни давежа, ни погрому» (П. Ершов).

«Еще у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто Содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снует <...>» (А. Островский).

В западноевропейских языках концепт «содом» сохранил более четкую связь с соответствующей библейской ПС, поэтому в толковании значения слова-имени концепта подчеркивается сема «грех, греховность», ср. в польском: *Sodoma i Gomora siedlisko występku, gniazdo rozpusty, niemoralności, grzechu, bezbożności*; в английском: *Sodom – a sinful wicked place*. Производные (*sodomy* и т.п.) также характеризуют один из тягчайших грехов.

Обратимся непосредственно к ситуации «Гибель Содома», которая подробно излагается в Книге Бытие; отсылка к этому сюжету содержится во многих Библейских текстах. Можно сказать, что данная ситуация является прецедентной в пределах самого Библейского текста, интертекстуальная связь осуществляется в Кн. Пророка Исаяи, Кн. Пророка Иеремии, Кн. Пророка Иезекииля, Кн. Пророка Амоса и др., а также в текстах Нового Завета (Евангелия от Марка, от Луки; Послание римлянам, Откровение Иоанна Богослова и др.). Как правило, прецедентное имя (ПИ) «Содом» используется как пример наказания, которое может постигнуть за те или иные грехи (ср: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли»).

«Неестественный разврат», упоминаемый, в частности, в Послании Римлянам, также прочно связан с «содомлянами». Такие имена и прецедентные ситуации дают основание считать композицию Библии «гипертекстовой», поскольку ее «составляющие» (Книги) и самоценны, и взаимосвязаны.

Современный автор, обращающийся к этому поистине неисчерпаемому ПИ, должен в первую очередь маркировать ситуацию таким образом, чтобы интерпретатор текста отчетливо осознавал, имеет ли он дело со словом «содом» (в значении «беспорядок» или «грех») либо с важнейшим концептом Библейского истока. Цикл стихов Инны Лиснянской «В пригороде Содома», без сомнения, является концептуально значимым для позднего периода ее творчества. Это цельный цикл, который может рассматриваться как поэма, он воспроизводится во многих изданиях и, что особенно существенно, дает название отдельному сборнику (2002). Заголовок – та часть текста, которая стоит в «абсолютно сильной позиции»; данный заголовок оживляет внутреннюю форму Библейского прецедентного имени и, таким образом, четко указывает на необходимость восприятия его во всей концептуальной полноте: если у Содома есть

«пригород», следовательно, речь идет не только о грехе и не о современном употреблении слова «содом», свойственном разговорной речи, а о **городе**, который может быть поэтически переосмыслен как «Содом», обо всей Библейской ПС, живущей в сознании современного автора и читателя, – о ситуации «Гибель Содома».

Рассматриваемая прецедентная ситуация реализуется в цикле «В пригороде Содома» несколькими концептуальными линиями. Можно заметить, что во многом эти линии сходны, однако в поэтическом дискурсе происходит их глубокое философское переосмысление, выражающееся в расширении соответствующих концептосфер, в сближении (удалении) некоторых понятий (концептов). Это проявляется не в прямом, а в косвенном (инвертированном) воспроизведении Библейского сюжета: «...место обитания лирической героини – московский пригород», а «сгоревший без пламени Содом» – и «новый Содом» на месте старого, и одновременно Содом библейский¹. Прослеживая аллегорические вариации библейского сюжета, мы не получаем ответа на вопрос, каким образом концептуальная картина мира, представленная в Библейском тексте, и концептосфера цикла-поэмы Инны Лиснянской соотносятся друг с другом. Библейский текст, будучи сверх-, гипертекстом, не может быть в полном объеме сопоставлен с любым современным светским текстом; тем не менее можно отметить те концептуальные линии и концептосферы, которые традиционно вычлняются в Библейском тексте и которые дали жизнь общезыковой лексеме «содом» во всем многообразии ее значений.

Основными концептуальными линиями (признаками) Библейской ПС «Гибель Содома» являются «грех», «пожар» (уничтожение), «непослушание», «ангелы», соответственно эти концепты наиболее значимы, и к ним обращается Библия в более поздних текстах. Концепт «непослушание» эксплицируется в ПС, находящейся «внутри» ситуации «Гибель Содома» (ПС «Жена Лота»). При сравнении когнитивно-библейской основы текста-первоисточника, т.е. самой Библии, и рассматриваемого поэтического цикла мы видим, что концептуальные линии отчасти совпадают (перекрещиваются); наблюдается также их неполное совпадение.

Прежде всего проанализируем «несовпадающие» линии. Концептуальный признак (смысловой квант) «непослушание», который может быть рассмотрен как самостоятельный концепт, объективированный в языке и чрезвычайно важный для религиозного дискурса, эксплицируется в Библейском тексте в предельно лаконично описанной прецедентной ситуации «Жена Лота»: «Когда же вывели их вон из города, то один из них сказал: спасай жизнь твою; не оглядывайся назад; и нигде не останавливайся на равнине сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть. Жена же Лотова оглянулась назад и обратилась в соляной столп».

В общеязыковом употреблении устойчивое сочетание «жена Лота» ассоциируется с неподвижностью, «окаменением» от неожиданности или ужаса. Этот поступок жены Лота в тексте Библии никак не мотивируется; такое отсутствие объяснений дало пищу для самых различных, в том числе опозитированных толкований причин ослушания. Достаточно вспомнить известное стихотворение Анны Ахматовой «Лотова жена» (1924 г.):

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

И далее:

Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Ослушание жены Лота как экспликация концепта «память» в той или иной степени вербализуется в современной поэзии, связанной с темой эмиграции – как память-ностальгия:

Там, где сторел Содом, едкие пятна окалины.
Отбушевавшее пламя зовет оглянуться назад.
В Мертвое море столпы соляные повалены,
Длинными льдинами, Арктикой белой лежат.
Жар застыл над горами, как северное сияние.
Пахнет дымом и серой, черным хлебом

и домом,

Но между домом и мною такое же расстояние,
Как между маревом Арктики

и красным дождем над Содомом.

(Елена Аксельрод. Там, где сторел Содом, едкие пятна окалины...).

Такие примеры весьма многочисленны.

Современный автор (интерпретатор) текста, строящий свое поведение на сознательном или неосознанном непослушании высшим силам, безусловно, не осознающий такое непослушание, как грех, сочувствует Лотовой жене и часто задается традиционным вопросом: Была ли жена Лота наказана соразмерно своей вине, и в чем состояла эта вина? Такое восприятие прецедентной ситуации претекста Библии присуще не только русской литературе. В исследовании Евы Яскулы. «“Kto to był?” Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu»² рассмотрены ее художественные интерпретации в творчестве известных поэтов, в том числе Анны Ахматовой. Из польских авторов, представленных в монографии, русскому читателю наиболее известны Юзеф Лободовский (Łobodowski) и особенно Вислава Шимборска (Wisława Szymborska). Текст Шимборской «Жена Лота» («Obejrzałam się podobno z ciekawości...») весь соткан из перечисления возможных причин, вынудивших Библейскую героиню оглянуться, в том числе абсолютно случайных:

Obejrzałam się bez własnej woli.

Tylko głaz obrócił się, warcząc pode mną.

Szczelina raptownie odcięła mi drogę.

Na brzegu dreptał chomik wspięty

na dwóch łapkach

Wówczas to oboje spojrzeliśmy wstecz.

(Обернулась отнюдь не по собственной воле.

Это камень, на который я наступила,

с грохотом

перевернулся у меня под ногой,

Это пропасть внезапно разверзлась

на пути у меня.

На краю стоял столбиком хомячок.

И тут мы оба взглянули назад...

(Пер.Л. Цывьяна)

У Юзефа Лободовского причины, заставившие Библейскую героиню оглянуться, обозначены в русле традиции XX в.: она «застыла в прекраснейший памятник любви» («Zastyła w najpiękniejszy pomnik miłości») к родне, к родному Содому.

В цикле Инны Лиснянской ставится вопрос о вине жены Лота, т.е. концепт «непослушание» в Библейском понимании в этом поэтическом дискурсе не эксплицируется. Все, что связано с ПС «Жена Лота», вербализовано в концептосфере «память» и отчасти – в концептосфере «грех». Связь ситуации «Жена Лота» с концептосферой «память» явно сближает цикл Лиснянской с текстом Ахматовой, поскольку тема «оглядки» на прошлое была для последней чрезвычайно важна: «библейский грех непослушания оборачивается трагедией верности»³. Именно так интерпретируется данная прецедентная ситуация Инной Лиснянской, концептуальное поле «память» представлено широко и разнообразно во многих стихах цикла: «По-настоящему *прошлому* верен камень – В *память* свою как человек влюблен. *Памяти* опыт, как всякий опыт, печален <...> Крошево дня вокруг *памятных* мест» («Птичья почта»); «Никак я не спалю *память* бедную мою <...> Но по городу Содому, где сторела вся родня, *Одинокая тоска* хуже камня у виска <...> Я разумом больна от *навязчивого сна*» («При Содомских воротах»); «Оглянувшись в *прошлое*, можно окаменеть, Как случилось совсем недавно с женою Лота <...> Да и где пограничная, собственно, полоса, Между тем, что *прошло*, и тем, что проходит мимо» («Где стена крепостная и где глашатая медь...»); «*Память* – горящая спичка в соломе» («В пригороде Содома»); «Я выдохнула *память*» («Вдали от Содома»); «Завывать над одной из плит, Где *содомский мой сон* зарыт» («Последний сон»); «Сердцу невдомек, Что оно меж *прошлым* и грядущим – Нервной вечности комок» («Меж прошлым и грядущим») и т.д. Кроме приведенных примеров прямой вербализации концепта «память», можно отметить, что все мотивы, так или иначе связанные с воспоминаниями лирической героини, эксплицируют данный концепт.

Что касается когнитивного признака «ужас», то это имманентный признак ситуации страшной кары, которая была обрушена на Содом. В Библейском тексте «ужас» не вербализован; в цикле «В пригороде Содома» концептосфера «ужас»

пересекается с концептосферой «пожар», накладывается на нее: людские *вопли* («Дым»), *ужасы* снятся; чтобы твой *ужас* не шел на убыль; Бог увидал, что пожар – не в науку, И заменил Он мгновенную муку *Трепетом* вечным («В пригороде Содома»).

Наблюдения над обращением к ПС «Гибель Содома» и функционированием концепта ‘содом’ в художественном тексте наводят на мысль о вольном обращении с текстом Священного писания. На этот вопрос автор пытается ответить в стихотворении-диалоге «Короткая переписка»: «Жизнь удлинилась, строку разогнав, Дыхание сократив. Более факта, ты полностью прав, Меня привлекает миф». Несомненно, реализация интертекстуальных связей с величайшим животворящим претекстом служит импульсом для создания новых творений во всех видах художественного творчества. Так, к рассматриваемой ПС, помимо поэтов, обращались художники: Альбрехт Дюрер «Лот и его дочери покидают обреченный Содом», Питер Пауль Рубенс «Лот с дочерьми покидает Содом» и «Бегство Лота из Содома», Гюстав Доре «Семья Лота покидает Содом» и др., – и в изобразительном искусстве доля «вымысла» также велика. Более того, многие точные «благочестивые», по выражению О. Николаевой, переложения текста Священного Писания (преимущественно поэтические), созданные «самыми благонамеренными мирянами и даже священниками и монахами», являются «абсолютно мертвыми», их отличает «специфический почерк рационализма ...»⁴

Концептуальная линия «ангелы» представлена в тексте Библии компонентами два Ангела, гости, люди, (те) мужи. Инна Лиснянская вводит в эту концептосферу такие компоненты, как падшие ангелы («Падшие ангелы в новом Содоме, Если не воры и не убийцы, – Сущие агнцы»); *серафим с обгорелой ключицей* (и с увечным пальцем) – вечное напоминание о трагедии Содома («В пригороде Содома»); *ангел в лиловом смоге*, стоящий на обочине автотрасс вместе с дьяволом в смокинге. «Триста ангелов», стерегущих сад Света, – текстообразующий концепт стихотворения «Четыре руки»: «*Крыльями светел сад* <...> Господи, твоя власть! Не гордый я человек, – Пусть делают *ангелы* обыск <...>. Не взвесить души одной и на *крылах* трехстах!» и т.д. При внешнем совпадении данной когнитивной линии, представленной в тексте Библии и в стихах Лиснянской, очевидно, что концептосферы «ангелы» почти не пересекаются: в Библии это именно те люди, «гости», на которых посягают погрязшие в разврате содомляне; поэт вкладывает в это понятие иное содержание (ангел = свет) и, безусловно, инвертирует всю ПС его (серафим, пострадавший от содомской катастрофы, ангел в смоге – аллюзия на содомский дым).

Начиная рассмотрение концептуальной линии «грех», можно предположить, что наложение концептосфер даст больше совпадений. Действительно, в цикле-поэме Инны Лиснян-

ской это понятие «уточняется», происходит осовременивание Библейского концепта. В Библии многократно говорится о том, что жители Содома были злыми (=грешными), творили зло (= предавались греху), Лот предлагал им не делать зла; содомляне же (все, от молодого до старого!) выражали желание познать гостей, приступали к Лоту и угрожали ему поступить с ним хуже, нежели с ними (с гостями), и, наконец, подошли, чтобы выломать дверь... (Быт. 19). Тот грех, который принято считать содомским, вполне отчетливо концептуализируется И. Лиснянской в стихотворении «Карнавал»: «В паре с бабой баба идет, А мужик идет с мужиком». При этом в концептуальной картине мира поэта с понятием «грех» соотносится пьянство («Не минуи мои ворота, заходи, я накормлю, Даже водкой напою <...> А Содом стоит на месте, хоть оброс железным мхом, Да стеклом из-под вина, не допитого до дна» – «При Сodomских воротах»), наркомания («В волосах серпантин цветет Наркотическим лепестком» – «Карнавал»), вообще многогрешие (упоминаются воры, убийцы – «В пригороде Содома», многогрешный Содом – «При Сodomских воротах»). Особое значение приобретает концепт ‘грех’ при обращении к прецедентной ситуации «Жена Лота». Поэт моделирует собственную ситуацию спасения из Содома: «Я была служанкой в доме Лота (Но об этом умолчал историк). Лот мне указал не на ворота, А на сточный выход через дворик». Как уже отмечалось, в этой точке происходит несовпадение представлений о грехе: «Неужели на семьдесят градусов поворот Головы неповинной – великое *ослушанье?*» («Где стена крепостная...») – и даже: «На кой мне ляд, однако, та страна, Иль град, где пошадил только Лота?» («Вдали от Содома»). Одновременно содомская (т.е. в целом греховная) ситуация проецируется на современность и, что особенно существенно, на жизнь и внутренний мир лирической героини, при этом обнаруживается актуальность данной ПС: «Разве лучше *сodomских грядущие* горожане? <...> Я *греховней* супруги Лотовой в тыщу раз» («Где стена крепостная и где глашатая медь...»); «Я *сodomских грешников грешней*» («Дым») и т.д. Иными словами, концепт ‘грех’ как ментальное образование шире, чем в Библейской ПС «Гибель Содома», и связан с мотивами личного греха, раскаяния и покаяния.

Наконец, содомских грешников постигает Библейская кара, эксплицированная в компонентах концептосфер «гибель» и – конкретно – «пожар»: Господь истребит сей город <...> и, наконец, И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли ... И посмотрел (Авраам) к Содому и Гоморре... и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи (Быт. 19, 13–28). Образы пожара, горения, дыма пронизывают весь цикл Лиснянской, они

не менее концептуально значимы, чем понятие «грех»: «никак я не спалю память бедную мою»; «не спалилась, а спаслась»; [в Содоме] «сгорела вся родня»; «след от праведника глубже, чем от гневного огня» («При Содомских воротах»); «где горит без пламени Содом» («Театр одного актера»); «Дым один шел впереди меня В неизвестность нынешнего дня»; «Только дым, отброшенный пожаром, Тенью стал и совестью моей» («Дым»); «Память – горящая спичка в соломе»; «Бог увидал, что пожар – не в науку» («В пригороде Содома»); «снаружи пламенем ползущим Пахнет почва...» («Меж прошлым и грядущим»). Эти образы актуализируются за счет пересечения с современными концептосферами («взрыв»: «Так разрушена Троя и взорвана Хиротима» («Где стена крепостная и где глашатая медь...»); «И пусть я еще посплю в убогой своей квартире В еще не взорванном мире» («Четыре руки»); «ты – один из пророков Той земли, чей Содом в одночасье взорван» («Правда»); «Будет в небе тебе салют, Будет память на черный день!» («Карнавал») и, что особенно существенно, путем включения в вербализацию концепта ‘пожар’ лексики, семантически связанной с пожаром в современном южном городе (экспликация индивидуально-авторской концептосферы): «За спиной полыхало море И земля пожаром нефтяным» («Дым»).

Как уже говорилось, прецедентная ситуация актуализируется в значительном количестве художественных текстов, в том числе прозаических, и служит для них важнейшим текстообразующим фактором. Рассмотрим основные когнитивные линии романов Руслана Киреева «Лот из Содома» и Бориса Литвинова «Она не узнала о своей смерти». Оба текста моделируют ПС «Гибель Содома» в двух уровнях: в реальной и в художественной действительности (у Р. Киреева это письма главного героя, содержащие вольное изложение библейской ситуации, у Б. Литвинова – рассказ о съемках фильма «Содом»).

У Р. Киреева. («Лот из Содома») границы библейской прецедентной ситуации расширены, текст Библии осовременен, что связано с художественными задачами автора, с размышлениями о том, как остаться честным в порочном кругу лжи, с общей стилистикой текста и ситуацией его создания. Ключевое слово, помогающее спроецировать библейскую ПС на современную ситуацию околонуточных интриг, – город (=«Содом»; ср. пригород Инны Лиснянской):

«– Что общего у вас с этим хлюстом?

– Богато чего, – сказал он с улыбкой.

– А именно? – Профессор хорошо понимал по-украински.

– В один час живемо, Алексей Алексеевич.

У одному мисти.

В одно то есть время... В одном городе.

– Это не делает чести ни мисту, ни часу. Ни вам тоже».

Далее: «Что заставляет вас играть в их подлые игры? Живете, как вы изволили выразиться, в одно время с ними? В одном городе?.. Пусть все вокруг – Содом и Гоморра, но будьте, в таком случае, Лотом».

И, наконец: «– Пока существует хоть один порядочный человек, надежда есть.

– Надежда на что? На то, что грешный город не будет истреблен? Или на то, что этот единственный праведник сумеет свою порядочность сохранить?»

Прецедентное имя «Лот» образует субконцептосферу «праведник» (*Благочестивец* – персонаж Саниных писем; *праведник*, Саня возвышался, как *чужестранец*, лица детей, общающихся с ним, сияли от любви и благоговения, *боготворимый* Саня и т.д.; отчество его – *Богданович*). Содержание библейского текста искажено, в частности, юный аспирант-праведник трагически погибает («Тщательно сличая письма с каноническим текстом ..., я не мог не видеть, как вольно обошелся с ними мой кумир»). Однако когнитивная матрица текста Руслана Киреева имеет общие ячейки с матрицей текста Библии, значительно отличается лишь вербализация общих концептосфер. Так, концептосфера «грех» эксплицируется широким кругом компонентов, однако слово-имя концепта употребляется крайне редко (грешный город). Ср. также: (дети должны) «видповидать за грехи взрослых» (т.е. ответить за грехи взрослых; а ргорос, важнейший признак речевой характеристики главного персонажа – Сани-Лота – обилие украинизмов) не относится непосредственно к моделированию библейской ПС. В то же время концептосфера «грех» не включает понятия собственно содомского греха, понятийный вектор указывает в большей степени на лживость (и развратность) современных мастеров интриги, вовлеченных в *Игру* (так у автора). В письме Сани, косвенно воспроизводящем библейскую ПС и содержащем аллюзии на современность, эта концептосфера включает такие элементы, как пьют, бузят, сквернословят, занимаются черт знает чем, грешный город, лагерь бездельников, вертеп интриганов, логово мошенников и т.п. В текстовых пластах, относящихся к современности, в концептосферу «грех» включается экспликация концепта ‘ложь’ и вербальные компоненты, связанные с развратом (ситуация соблазнения пожилым профессором одной из участниц *Игры*): похотливый самодержец, оскалился, плотоядно любуясь Тонечкой, позорная связь с когда-то могущественным старцем и т.д. Понятие «пожар» вербализуется во вставных текстах писем. Поскольку, как отмечалось выше, библейская ПС достаточно сильно искажена, и причиной пожара в грешном городе является извержение вулкана, часто упоминается сера и ее запах (одновременно важнейший признак концепта ‘ад’), огонь, очень страшный огонь, спалим все. Там же – в тексте писем – эксплицируется концептосфера «ангелы»

(гости) и «любовь» (аромат любви, возлюбленная и т.п.). Последняя связана с авторским истолкованием ситуации «Жена Лота»: в эту женщину влюблен один из жителей «грешного города».

В романе Б. Литвинова «Она не узнала о своей смерти» предпринята попытка воспроизведения Библейской прецедентной ситуации, ее художественного переосмысления и соотнесения с современностью. Герои книги, многие из которых погрязли в «новом содоме», – члены съемочной группы фильма «Содом». Концептосфера «грех» включает такие компоненты, как разврат, грязь, низменные инстинкты, порок, блуд, грязная похоть, скотоложство, гомосексуализм, безобразные, грязные люди, пьяные негодяи, воровать, насилловать, убивать и т.п., – иными словами, вербализация художественного концепта обнаруживает чрезвычайную близость к концепту Библейского истока, ср.: Эти трое были самыми известными в городе *смутьянами и безобразниками. Ничего святого* за душой у них не было <...>. Старшая (дочь) была похожа на мраморное изваяние. Она стояла, гордо поднимая голову и бесстрашно глядя на *избавленцев и негодяев* <...>. А в это время находившиеся в доме Лота с волнением вслушивались в крики *безобразных людей* <...>. Толпа начала заводиться на неистовство, *теряя остатки человеческого облика* <...>. Еще секунда – и *вакханалия крови и похоти* захлестнет город и погубит островок доброты и святости.

Обычно в современных текстах непослушание жены Лота толкуется весьма своеобразно (женщина имела любовную связь с содомлянином и с тоской обернулась на пылающий город), поэтому понятие о грехе супружеской измены, предательства включается в когнитивное поле «грех». Более того, в концептосферу «грех» автор включает компоненты, связанные с прецедентной ситуацией, следующей непосредственно за сожжением Содомы – «Лот и его дочери» (блуд, грех, ужасный грех, в котором погряз в конце жизни Лот, т.е. инцест в современном понимании). Заметим, что эта линия отнюдь не номинируется в Библии как грех, однако неопитское ее прочтение достаточно часто вызывает у современных авторов иные ассоциации, ср.: «А кто не слишком любит пролетарского писателя (Горького. – *Н.О.*) и потому не ставит его себе в пример, может вспомнить библейскую историю Лота и его дочерей, родивших от родного отца, что послужило началом целым племенам, – и ничего» (М. Чулаки. Примус).

В тексте вербализованы также концепты: 'ангелы' – три человека, ангелы, посланники Божии, гости, такие гости и др.; 'пожар' – предать огню, Содом должен сгореть, сожжение города, истребить Содом, трагическая развязка, кара небесная; Господь пролил над Содомом и Гоморрой дождь из огня, дождь огненный и т.д.; 'ужас' – ужас, были слышны страшные крики, ослепленные содомляне метались, страшная смерть.

Можно отметить, что концептуальная картина мира, нашедшая отражение в названных конструктах, достаточно близка к Библейской ККМ и несколько отличается от когнитивной матрицы романа Руслана Киреева (в частности, в последнем не представлена важнейшая для рассматриваемой ПС концептосфера «ужас»).

Наконец, концептосфера «жертва», относящаяся в первую очередь к ситуации предложения Лотом своих дочерей взамен гостей, дает представление о восприятии данной ситуации современным сознанием (принести в жертву, пожертвовать, жертвоприношение).

В начале текста заявлен концепт 'совесть', весьма важный для русского языкового сознания, для ряда художественных текстов, для Священного Писания в целом (в Библии номинант концепта встречается 32 раза) и т.д., однако не органичный для рассматриваемой прецедентной ситуации и слабо эксплицированный в романе в целом.

Концепт 'совесть', наряду с широко представленными концептополями 'ревность' (также кровосмесительного толка!) и 'ложь', относится к кругу понятий, за счет которых идет не только расширение, но и перекраивание Библейской концептосферы. Обращение к ним Б. Литвинова обусловлено потребностями драматического сюжета. Все дальнейшее поведение режиссера Радугина бессовестно, преисполнено лжи, греховно – и ведет к гибели главной героини.

Таким образом, Библейские прецедентные ситуации и вся концептосфера Библии являются мощным текстообразующим средством, способным организовывать тексты больших по объему прозаических произведений, микроконтексты в их составе, стихотворные тексты и их фрагменты.

Для прецедентной ситуации «Гибель Содомы [и Гоморры]» наиболее значимым представляется концепт «содом», имеющий достаточно сложную смысловую структуру и подвергшийся значительной семантической эволюции в процессе функционирования в русской языковой картине мира. Так, несмотря на то что многие Библейские концепты имеют изначально общий статус в европейских языках, в русском (и других восточнославянских) на первом месте среди лексических значений находится «шум, беспорядок, суматоха».

Дальнейший анализ когнитивной структуры Библейской прецедентной ситуации выявил наличие в ней нескольких основных наиболее значимых концептуальных линий и соответственно несколько пересекающихся концептосфер, служащих для репрезентации данной прецедентной ситуации («ангелы», «грех», «пожар», «непослушание», последняя относится к ПС внутри рассматриваемой нами – «Жена Лота»). Субституту концепта 'жена Лота' служит «соляной столп» – многомерный образ, вбирающий в себя смысловые кванты «неподвижность», «непослушание», «грех».

В XX в. русская и европейская словесность при обращении к ситуации «Жена Лота» делает акцент на выяснении причин непослушания Библейской героини. В ряде текстов в качестве причины указывается любовь к родному городу, нежелание его оставить и – напротив – желание сохранить его в памяти, что способствует выработке новой когнитивной линии «память» в сознании авторов и интерпретаторов текстовой информации. Весьма существенно, что в смысловой структуре концепта «Содом» проявляются положительные коннотации, ср. «красные башни родного Содома».

Наложение когнитивной матрицы Библейского текста на поэтические и прозаические тексты современных авторов демонстрирует как концептуальную общность основных когнитивных признаков этих текстов, так и значительное их

отличие. Творческие преобразования Библейской концептосферы позволяют говорить о Библейской прецедентности как о динамическом конструкте, неисчерпаемом источнике продуцирования новых репрезентаций традиционного концепта и рождения новых образов.

Примечания

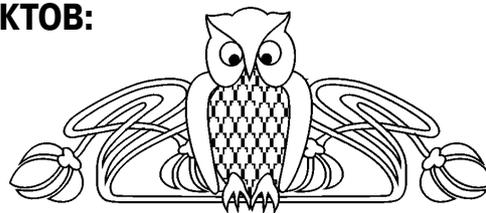
- 1 Полещук Д. Как дева юная, темна для невнимательного света // Новый мир. 2002. № 6. С. 176.
- 2 Jaskóła E. «Kto to był?» Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu. Katowice, 2006.
- 3 Кухней Л. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М., 1997. С. 61.
- 4 Николаева О. Православие и свобода. М., 2002. С. 262.

УДК 81'1

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАТУРФАКТОВ: ЭЛЕМЕНТЫ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА

Н.В. Крючкова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail:kruchkovav@yandex.ru

В статье рассматривается концептуализация натурфактов на примере одного из важнейших для русской культуры элементов природного ландшафта *берег*. Концептуализация подобных объектов – процесс, основывающийся на чувственном восприятии; вместе с тем, результаты такой концептуализации могут характеризоваться определенной лингвокультурной спецификой.

Ключевые слова: концепт, культура, дискурс, сознание, ландшафт.

Natural Objects Conceptualized in Language: Elements of Landscape

N.V. Kryuchkova

The article deals with language conceptualization of natural objects, as exemplified by Russian noun *biereg* (bank, shore, coast) – in Russian culture, one of the major elements in landscape. Conceptualization of such objects is based on sensory perception, whereas the results of conceptualization may have some linguistic and cultural peculiarities.

Key words: concept, culture, discourse, mentality, landscape.

Берег – один из базовых элементов русского природного ландшафта, а следовательно, связанный с этим объектом ментефакт имеет основание быть одним из древнейших концептов, прочно укоренившихся в национальной концептосфере, и относится к таким концептам, на основе которых осуществляется концептуализация различных явлений, в том числе и не относящихся к сфере натурфактов. Особенности концептуализации

берега как одного из важнейших для русской культуры элементов ландшафта представляют интерес и в связи с проблемами типологии и формирования ментефактов, поскольку *берег* является, по-видимому, достаточно репрезентативным для своей сферы ментальным образованием. Данная сфера может быть обозначена как класс ментефактов, возникших путем концептуального осмысления натурфактов как разновидности конкретных объектов.

Рассмотрим дискурсивное функционирование лексемы *берег*, позволяющее, на наш взгляд, судить о содержательном наполнении соответствующего концепта. В качестве материала для анализа использовались тексты Национального корпуса русского языка (с 1900 по 2007 г.); проанализировано около 400 контекстов. Внимание уделялось главным образом случаям переносного употребления лексемы *берег*. Как показывает анализ контекстов с лексемой *берег*, способы метафорического осмысления образа берега, отношений берега и водной стихии достаточно разнообразны.

Берег (вместе с рекой) в русской лингвокультуре воспринимается как знаковый элемент пространства. Об этом свидетельствует тот факт, что *берег* может выступать в качестве «заместителя» обозначения некоей области пространства, расположенной на берегу реки; этим объясняются метонимические обозначения типа «на берегах Невы»

В XX в. русская и европейская словесность при обращении к ситуации «Жена Лота» делает акцент на выяснении причин непослушания Библейской героини. В ряде текстов в качестве причины указывается любовь к родному городу, нежелание его оставить и – напротив – желание сохранить его в памяти, что способствует выработке новой когнитивной линии «память» в сознании авторов и интерпретаторов текстовой информации. Весьма существенно, что в смысловой структуре концепта «Содом» проявляются положительные коннотации, ср. «красные башни родного Содома».

Наложение когнитивной матрицы Библейского текста на поэтические и прозаические тексты современных авторов демонстрирует как концептуальную общность основных когнитивных признаков этих текстов, так и значительное их

отличие. Творческие преобразования Библейской концептосферы позволяют говорить о Библейской прецедентности как о динамическом конструкте, неисчерпаемом источнике продуцирования новых репрезентаций традиционного концепта и рождения новых образов.

Примечания

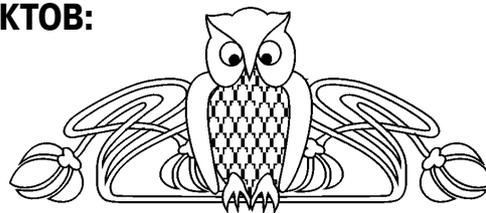
- ¹ *Полещук Д.* Как дева юная, темна для невнимательного света // Новый мир. 2002. № 6. С. 176.
- ² *Jaskóła E.* «Kto to był?» Żona Lota w poezji XX wieku, czyli rozbijanie stereotypu. Katowice, 2006.
- ³ *Кухней Л.* Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. М., 1997. С. 61.
- ⁴ *Николаева О.* Православие и свобода. М., 2002. С. 262.

УДК 81'1

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАТУРФАКТОВ: ЭЛЕМЕНТЫ ПРИРОДНОГО ЛАНДШАФТА

Н.В. Крючкова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики
E-mail:kruchkovav@yandex.ru

В статье рассматривается концептуализация натурфактов на примере одного из важнейших для русской культуры элементов природного ландшафта *берег*. Концептуализация подобных объектов – процесс, основывающийся на чувственном восприятии; вместе с тем, результаты такой концептуализации могут характеризоваться определенной лингвокультурной спецификой.

Ключевые слова: концепт, культура, дискурс, сознание, ландшафт.

Natural Objects Conceptualized in Language: Elements of Landscape

N.V. Kryuchkova

The article deals with language conceptualization of natural objects, as exemplified by Russian noun *biereg* (bank, shore, coast) – in Russian culture, one of the major elements in landscape. Conceptualization of such objects is based on sensory perception, whereas the results of conceptualization may have some linguistic and cultural peculiarities.

Key words: concept, culture, discourse, mentality, landscape.

Берег – один из базовых элементов русского природного ландшафта, а следовательно, связанный с этим объектом ментефакт имеет основание быть одним из древнейших концептов, прочно укоренившихся в национальной концептосфере, и относится к таким концептам, на основе которых осуществляется концептуализация различных явлений, в том числе и не относящихся к сфере натурфактов. Особенности концептуализации

берега как одного из важнейших для русской культуры элементов ландшафта представляют интерес и в связи с проблемами типологии и формирования ментефактов, поскольку *берег* является, по-видимому, достаточно репрезентативным для своей сферы ментальным образованием. Данная сфера может быть обозначена как класс ментефактов, возникших путем концептуального осмысления натурфактов как разновидности конкретных объектов.

Рассмотрим дискурсивное функционирование лексемы *берег*, позволяющее, на наш взгляд, судить о содержательном наполнении соответствующего концепта. В качестве материала для анализа использовались тексты Национального корпуса русского языка (с 1900 по 2007 г.); проанализировано около 400 контекстов. Внимание уделялось главным образом случаям переносного употребления лексемы *берег*. Как показывает анализ контекстов с лексемой *берег*, способы метафорического осмысления образа берега, отношений берега и водной стихии достаточно разнообразны.

Берег (вместе с рекой) в русской лингвокультуре воспринимается как знаковый элемент пространства. Об этом свидетельствует тот факт, что *берег* может выступать в качестве «заместителя» обозначения некоей области пространства, расположенной на берегу реки; этим объясняются метонимические обозначения типа «на берегах Невы»

вместо «в Санкт-Петербурге», «на берегах Сены» вместо «в Париже» или «во Франции» и под. Ср.: Будущее, во имя которого пролито столько крови и пота, не принесло на эти *берега* ни достатка, ни гармонии, ни умиротворения. Эта функция *берега* распространяется и на «мысленное» или виртуальное пространство, ср.: Гуляя как-то по нашим бескрайним сетям, привольно раскинувшись на *берегах* великой реки Интернет, нашел я на одном из серверов упоминание об очередном чемпионате мира среди антивирусов. *Берег* может символизировать личную (психологическую) сферу субъекта, как, например, в контекстах, где контакт с другим берегом выступает в качестве метафорического обозначения межличностного контакта: Если вы не хотите, чтобы кто-то был несчастным и одиноком на своем Острове – снаряжайте корабль к далеким *берегам*. Где искать Остров? Оглянитесь – их сколько угодно вокруг. Целый архипелаг!; (Козерог) – одиночка. Ему гораздо сложнее налаживать отношения с людьми, чем большинству других знаков зодиака. Поэтому алкоголь в случае с Козерогом может выступить в качестве мостика «на другие *берега*» – немного выпив на вечеринке, Козерог станет гораздо оживленнее.

Берег может репрезентировать как «свое», так и «чужое» пространство, однако чаще все же – «свое». Так, *берег* зачастую используется для обозначения родины: Родимый край, реку, *берег* любят не за красивые пейзажи. Этот аспект концептуализации берега как элемента природного ландшафта отражен в лексикографии, ср. значение выражения *родные берега* в «Русском семантическом словаре» – ‘перен.: родина, отчизна; высок.’.

Роль базовых элементов природного ландшафта, отмечающих «свое» и «чужое» пространство, отмечает В.В. Красных: «Пространственный код, кодирующий в том числе и представления о родной земле и о чужой стороне (стране), о мире живых и о мире мертвых, о границах между мирами, непосредственно связан с базовой оппозицией «свой – чужой», соотносимой с архетипами сознания»¹; такими границами в русской культуре являются, по мнению В.В. Красных, поле, лес, река, горы.

Как показывает анализ дискурсивного употребления, в русской лингвокультуре *берег* – также один из таких знаковых пространственных элементов, осознаваемым, по-видимому, не только как граница своего и чужого пространства, но и как репрезентирующий элемент, выполняющий замещающую функцию при указании на определенную область пространства («свою» или «чужую» его часть).

Значение образа берега как базового элемента родного пространства в русской лингвокультуре подтверждают и факты диалектной речи. Так, в традиционной русской культуре речные берега служат для обозначения «своего» пространства:

«образ родной стороны тесно связан с образом освоенного людьми пространства – им могут быть речные берега... обжитая «теснота», противопоставленная простору...»²; таким «освоенным» участкам пространства противопоставляются море и лес как не населяемое человеком и потому чуждое ему пространство.

Включаясь (в силу принадлежности к «своему» или «чужому») в личную сферу субъекта, ментефакт *берег* наделяется эмоционально-оценочными коннотациями. В следующем примере оставленный берег – та часть жизни человека, которая была для него счастливой: «Дай руку, далекий бостонский друг, и войдем в нашу молодость, на исчезнувший *берег* советской Атлантиды, когда каждый из нас был беззаботен, краснощек, любил и был любимым».

Возможная вовлеченность берега в личную сферу как репрезентирующего элемента своего или чужого пространства отражена в работе М.М. Бахтина «К философии поступка»³. По мысли М.М. Бахтина, в ценностную личную сферу может включаться любой объект, но для нас важно то, что для берега как знакового элемента ландшафта в русской лингвокультуре эта вовлеченность в круг «собственных» ценностных «ориентиров» человека возникает не только в системе отдельного художественного текста, но является устойчивой характеристикой принадлежности культуры и языка. Именно «нагруженность» образа берега ценностным компонентом и делает его лингвокультурным концептом.

Осознание берега как сферы «своего», «родного» пространства базируется и на противопоставлении берега как части суши, с одной стороны, и водной стихии, с другой. Водная стихия в таком противопоставлении выступает как нечто чуждое человеку, непредсказуемое и неуправляемое; в отличие от нее, берег представляется чем-то прочным, придающим уверенность и потому наделяется положительными коннотациями. Именно это направление концептуализации отражено, например, в следующем контексте: «Одновременное узнавание себя и закрепление знания о себе. Выстраивание из хаоса черновиков «канонического» корпуса текстов как сознательный отказ от одного и намеренная причастность к другому. В конечном счете должен выйти один, общий, по собственному образу и подобию, тело-текст». Еще можно сравнить это с отвоевыванием у Вечности, бескрайнего океана-без-берегов разрастающегося постепенно пространства суши, единственной родины для сочинителя. Переход сознания в зыбкую сферу сновидений, бессознательного соотносится с физическим действием «отчаливанием» от «твердого» берега: «Старухам снились сухие тревожные сны, которые слетали к ним уже не по первой очереди, но старухи о том не знали. Только ночами, отчалив от твердого *берега*, сносятся живые с мертвыми, – приходят к ним мертвые в плоти

и слове и спрашивают правду, чтобы передать ее дальше, тем, кого помнили они».

Важная часть концептуальных представлений, связанных с берегом как элементом природного ландшафта, – осознание берега как безопасного места, где человек чувствует себя уверенно и спокойно. Факт оторванности от берега, путешествие по бурному морю ассоциируются с опасной ситуацией, исход которой непредсказуем: А гроза приближалась. Россия, – немая и мертвая. Петербург, оторванный от нее, – как бы оторванный от *берега*, безумным кораблем мчался в туманы и в гибель.

Аспектом эмоциональной концептуализации берега как безопасной части пространства, противопоставленного непредсказуемой стихии, является и осознание берега как убежища, опоры. Ср., например, использование метафоры *берега* по отношению к радиостанции «Эхо Москвы» как последнему оплоту демократических СМИ: «Есть такой роман / после ядерной войны медленно движутся ветра / Австралия в войне не участвовала / южное полушарие еще цело / Австралия / последний *берег*. Мы недавно фильм смотрели по каналу ТВ-Центр / как умирает этот последний *берег* / Австралия. Понимаете / если началась ядерная война / если человечество уничтожено / то / как правило / не уцелеют и последние *берега*. Мы сейчас на последнем *берегу*. Как вы считаете / Наталья / вы человек грамотный / просвещенный / иностранными языками владеете / значит / много на эту тему читали / как вы думаете / в ситуации такой латентной диктатуры сколько шансов уцелеть у последнего *берега* / у «Эха Москвы»?» Источником метафоризации здесь также восприятие берега как части суши, дающей твердую опору и противопоставленной поэтому водной стихии, такой опоры не представляющей.

Вместе с тем образ берега моря в отдельных случаях ассоциируется и с отрицательными эмоциональными коннотациями, например: «Вслушиваясь в тишину, вдруг обнаруживаешь дальний плеск. Пробираешься навстречу ему. И вот идешь вдоль залива, сопровождаемый убаюкивающими вздохами прибоя. Море, спасающее от *тоски и скованности берега*». Здесь отрицательная эмоциональная оценочность подчеркнутого словосочетания является, по-видимому, следствием романтизации морского путешествия; представление о береге как о безопасном месте, о твердой опоре оборачивается в системе подобных романтических ценностей отрицательной стороной. Таким образом, концептуальные представления, связанные с одними и теми же чувственно-воспринимаемыми особенностями, могут наделяться различными эмоционально-оценочными коннотациями, вступая в различные ценностные оппозиции, вовлекаясь в различные концептуальные подсистемы в рамках одной лингвокультуры.

Наряду с физическим восприятием (наглядно-чувственным образом), основой и источником возникновения ряда аспектов содержания концепта *берег*, является и сценарий морского путешествия. Так, в ряде контекстов стремление достичь берега, путешествуя в реальном или воображаемом пространстве, соотносится с поиском смысла жизни или стремлением к цели как результату каких-либо конкретных действий или размышлений человека. Ср.: «<Его предостерегают> что поражение на выборах приведет к крушению репутации талантливого политика, сделает его судьбу похожей на судьбу другого известного патриота С. Бабурина, пустившегося на прошлых выборах в одиночное плавание, да так и не доплывшего до желанного *берега*; К какому *берегу* двинуться читателю? Как разобраться в потрясающем воображение огромном количестве книг и журналов, накопивавшихся на протяжении нескольких тысячелетий?»

Частью концептуальных представлений, связанных со сценарием морского путешествия и его компонентов (отправления и прибытия), является и то, что берег может метафорически осмысляться как исходная точка некоего пути, стадия, предшествующая началу каких-либо действий. Так, выражение «на берегу» означает ‘заранее, предварительно, до начала чего-либо’, ср.: «У нас, каким бы качественным фильм ни был, заработать на нем невозможно. Поэтому задача любого отечественного продюсера – как можно больше украсть «на *берегу*»; Я думаю / как раз уместно собраться / поговорить / я не говорю / чтобы принять какой-то кодекс избирательной чести / но просто договориться на *берегу* / давайте вести честно».

Концептуализация берега как отправной и конечной точки может быть связана не только со сценарием морского путешествия. В ряде контекстов достижение берега может метафорически ассоциироваться с выбором между двумя противоположностями, тогда исходным зрительным образом будет, вероятно, представление о двух берегах одной реки. Ср.: «Любая гражданская война – очень редко в чистом виде противостояние «красных» и «белых». Кого к какому *берегу* приберет, в чей строй поставит, определяется множеством случайных событий, личных обстоятельств, неожиданных встреч – и далеко не всегда происхождением, предыдущей биографией».

Метафорическое использование образа берега может основываться и на схематическом образе противоположных берегов реки; этот образ становится основой сравнения с ситуацией, для которой характерно противопоставление двух элементов (точек зрения, идеологических позиций): два берега реки осознаются как противоположности. Ср., например: «Писала, как всегда, одна против всех. На сей раз против эмигрантской прессы, не могшей простить Волошину отсутствия у него ненависти к советской власти». Человек

парадокса, Волошин заканчивал жизнь в тисках парадоксальной ситуации, когда за его общечеловеческое мировоззрение на него накатывались волны неприязни с обоих берегов; Не следует ли открыто высказаться по поводу идеологической пропасти, нас разделяющей? Наиболее чуткие люди противоположного берега... ведь уже явно ее почувствовали и отметили. Сходным представляется использование метафоры берега и в следующем примере, где ощущаемое участниками общения различие между ними (и, видимо, отсутствие взаимопонимания) описывается через пространственную разделенность – как нахождение на противоположных берегах широкой реки: «Виктор замаялся на пороге, точно застигнутый врасплох взыскующим нищим, роясь в карманах. Он не знал, какие слова можно прибавить к своему приветствию, какими еще поприветствовать человека, стоящего на другом берегу широкой реки. На лице его выразилось почти ребяческое смущение, точно он примеривался к гире, поднять которую ему было не под силу».

Наглядно-чувственный образ реки и ее берегов лежит в основе метафоризации и в тех случаях, когда два берега осознаются как границы чего-либо, поскольку зрительный образ берега как края суши у моря содержит лишь одну границу (второй берег моря находится вне поля зрения наблюдателя).

С берегами могут сравниваться жесткие ограничения, налагаемые нормативными документами, идеологией, общественными установлениями, подчиняющими себе течение жизни человека и т.п. Объединяет подобные употребление то, что такие границы, рамки зачастую осознаются как нечто отрицательное, ограничивающее свободу человека, препятствующее развитию, при этом лексема *берег* может получать соответствующие определения, ср.: «И пусть лодочка плыла-качалась в бетонных берегах идеологии – они стали видны только теперь, когда бетон облупился и потрескался»; «Развитие мари культуры в Приморье бьется о камни законодательного берега»; «Много огней и раньше и после манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, а огни еще далеко». Перенос образа реки и ее берегов на стихию и то, что ее ограничивает, может использоваться для описания оппозиции рационального и иррационального начал: «Тут мы выходим из берегов новой истории, из ее рационального дня и вступаем в мистическую ночь средневековья».

Образ берегов реки может лежать в основании метафорического обозначения границ, рамок чувств и эмоций; «безграничность» чувства выступает при этом как количественный показатель, ср.: «Марио, когда мы выходили на поклонны, подходил на авансцене к этой ложе и кланялся на аплодисменты Н.С. Хрущева. <...> ...море вызванной им любви не хотело входить ни в какие берега». Этот аспект концепта *берег* отражается

и в значении лексемы *безбрежный* (и ее производных) – «огромный, необъятный, беспредельный». В следующем контексте всеобъемлющая любовь ко всему сущему определяется как чувство «без берегов»: «Индийские философы выделяют два типа бхакти в зависимости от объекта поклонения и любви. Первый – любовь к абстрактному, бестелесному Богу – Абсолюту, а через него ко всему, что создано им и в чем он растворен. <...> Но такая “любовь без берегов” доступна далеко не каждому в силу ограниченности индивидуального развития».

Образ реки, спокойно текущей в своих берегах, может также метафорически осмысляться как нормальное течение жизни; так, выражение *войти в свои берега* означает ‘нормализоваться, вернуться к обычному спокойному состоянию’ (ср. разговорное «устаканиться»): «Он решил, что, пожалуй, стоит маленько расслабиться. Все потом войдет в свои берега. Есть в природе весна, есть разливы. <...> Мы потом славно все наладим...» В другом примере метафора берегов реки используется для обозначения разумного, рационального осмысления, и, возможно, ограничения, корректировки своего поведения, основанного на потакании природным инстинктам: «Месяц март, и хочется любви, очень сильной и конкретной. Пытаться быть аскетом не нужно, расслабьтесь и плывите по течению. Однако посматривайте на берега – мрачнеют они или становятся все больше похожими на райские кущи. В общем, разумеете, куда путь держите».

В подобных примерах основанием метафорического переноса становится концептуализация водной стихии как чего-то непредсказуемого, неуправляемого, не подчиняющегося правилам, нормам, воле человека, и берегов как налагающих ограничения на эту стихию с последующим противопоставлением таких стихийных проявлений и их «ограничителей». Ср.: «Что предприняли ваш главок и угрозыск на местах, чтобы криминальные волны не вышли из берегов?»

Итак, чувственный образ, составляющий основу ментефакта *берег*, неоднороден. Скорее следует говорить о двух разных образах: во-первых, два берега одной реки, а во-вторых, берег как край суши у моря (или океана); отличием второго образа от первого является отсутствие в поле зрения другого берега. Объективное восприятие этих двух образов как разных элементов ландшафта подтверждается и тем, что в иных лингвокультурах эти два разных элемента могут получать различное лексическое обозначение: например, в английском языке есть слова для обозначения берега моря (*coast, shore*), с одной стороны, и для обозначения берега реки (*bank*), с другой. Вместе с тем и образ берегов как границ реки, и образ берега как края суши у моря связываются с противопоставлением твердой земли и стихии, при этом вода символизирует неуправляемое, непредсказуемое, стихийное начало.

По-видимому, можно выделить три основных источника формирования ментефакта *берег*: 1) схематичное восприятие берега как фигуры на фоне ландшафта (два берега как противоположности или как границы стихии); 2) противопоставление берега как твердой суши и водной стихии (в этом случае исходной точкой метафоризации также выступает чувственное восприятие); 3) вовлеченность берега как элемента природного ландшафта в общественную практику людей (например, сценарий морского путешествия).

Содержание ментефактов, сложившихся на основе физически воспринимаемых свойств, по-видимому, должно быть сходным в разных культурах. Так, для английской лингвокультуры характерна концептуализация берега как репрезентативного элемента пространства и личной сферы человека, как безопасного и надежного места, как цели каких-то действий и проч. (ср.: *She'd given up and love had not visited her lonely shore in years; Where the wings of pain had dropped him, there had miraculously been infinite but unblinding light, a great strenuous joy that was somehow calm, like a crystal bowl that you do not drink out of, and now he had been floated back to the comfortable shore of his cool clean bed* и др. (примеры взяты из British National Corpus. <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>)). Однако воплощение физически воспринимаемых свойств объектов в лексических значениях и в метафорическом дискурсивном употреблении может зависеть и от некоторых специфических черт, свойственных отдельным лингвокультурам (в частности, в данном случае, поскольку речь идет о натурфактах, – от особенностей физического пространства, в рамках которого происходило формирование данной лингвокультуры). Так, сравнительный анализ дискурсивного функционирования лексем, номинирующих край суши у водоема, в русской и английской лингвокультурах показывает, что в русской культуре, в отличие от английской, развита концептуализация берегов как двух границ, «рамок» стихии, связанная со зрительным образом берегов как границ достаточно широкой реки: этот образ является характерной приметой русского ландшафта и не характерен для традиционного английского ландшафта.

Для обозначения ментального образования, репрезентированного в русском языке лексемой *берег*, мы оперировали термином ментефакт (а не концепт) как наиболее общим термином, применимым к различным типам ментальных образований. Следовало ли использовать по отношению к исследуемому ментальному образованию термин «концепт»? Это зависит, безусловно, от того, что понимать под концептом.

Как и ряд исследователей (в частности, В.И. Карасик), мы считаем важным выделить из ряда ментальных образований, являющихся еди-

ницами знания, памяти, ментального лексикона или единицами мыслительной деятельности, особый тип ментальных образований, имеющих особый статус и обладающих рядом специфических характеристик. Термин *концепт* мы используем именно по отношению к этому особому типу ментальных образований. Вслед за В.И. Карасиком⁴ мы считаем актуальным для концепта наличие культурной ценности. Кроме того, статус «концепта» предполагает, на наш взгляд, следующие признаки: наличие значительного количества текстов/контекстов, актуализирующих это понятие, его обсуждаемость, способность быть темой текста (или одной из таких тем).

Обладает ли анализируемый здесь ментефакт *берег* указанными признаками? По-видимому, не всеми. Можно говорить о том, что ментефакт *берег* обладает культурной ценностью, поскольку, как указывалось выше, выступая в русской лингвокультуре в качестве одного из важнейших репрезентативных элементов «своего» пространства (физического, ментального, психологического), этот ментефакт наделяется соответствующими эмоциональными и оценочными коннотациями, которые регулярно актуализируются в дискурсивном употреблении. Однако ментефакты подобного типа, по-видимому, не могут играть текстообразующую роль, становиться предметом обсуждения; в самом деле, сложно представить себе, чтобы текст или же его часть были посвящены экспликации содержания ментефакта *берег*. Ментефакт, связанный с конкретным объектом, в частности, натурфактом, может выполнять символическую функцию по отношению к тексту или его части; например, *берег* играет роль такого «символьного» концепта по отношению к тексту романа В. Набокова «Другие берега». Поэтому мы не считаем, что ментефакт *берег* обладает статусом концепта; возможно, отсутствие признака обсуждаемости и выполнение репрезентативной (символьной) функции по отношению к собственно концептам является характерным свойством всех ментефактов, репрезентирующих натурфакты (или, шире – конкретные объекты). Вместе с тем не следует исключать и того, что в художественном тексте подобные ментефакты могут приобретать черты концептов.

Примечания

- ¹ Красных В.В. «Свой» среди чужих: миф или реальность? М., 2003. С. 301.
- ² Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 108.
- ³ Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- ⁴ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

УДК 811.161/1'38

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛИЦИТНОСТИ: ИМПЛИЦИТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Е.В. Ермакова

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: neutro@inbox.ru

Имплицитность рассматривается в статье с нескольких точек зрения: в языке, в речи, в ироническом высказывании. Имплицитность делает высказывание полипропозитивным.

Ключевые слова: имплицитность, ирония, пропозиция, пресуппозиция, полипропозиционность, проекция, высказывание, контекст, дискурс, экзистенциальная пресуппозиция.

Implicitness as Multiple-Aspect Problem: Implicitness in Language and Speech

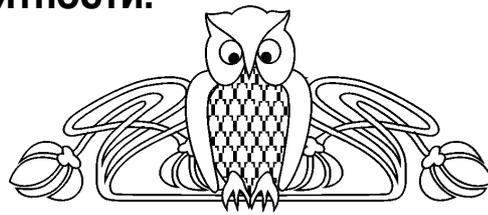
E.V. Ermakova

In the article implicitness is discussed as having several forms: implicitness as a phenomenon of language, implicitness in discourse, implicitness in an ironical utterance. Implicitness makes an utterance poly-propositional.

Key words: implicitness, irony, proposition, presupposition, poly-propositional, projection, utterance, context, discourse, existential presupposition.

Наличие в нашей речи таких слов, как *намекнул, подразумевает, имеет в виду, сокровенный смысл, неоднозначность* и т.д., свидетельствует о том, что любой говорящий на языке интуитивно ощущает и оценивает степень полноты/неполноты сообщения. Существует ряд языковых и речевых явлений, в связи с которыми принято говорить о «двуплановости», «подразумевании», «скрытых смыслах», «косвенности» (этим явлениям мы сознательно или бессознательно присваиваем статус «обладающих не прямо выраженным значением», при этом не всегда отдавая себе отчет в том, что такое «не прямо выраженное значение»). «Деление языковых значений (смыслов) на скрытые (имплицитные, неявные) и явные (эксплицитные) вызвано прежде всего стремлением подчеркнуть существование языковой возможности выражения смыслов различной степени экспликации. Можно говорить о достаточной условности этой дихотомии, о существовании шкалы переходности в выражении тех или иных значений»¹.

Продуктивным представляется предложенное А.В. Бондарко деление на системно-языковую и речевую имплицитность. Системно-языковая имплицитность «обусловлена особенностями системной организации значений в данном языке»². А.В. Бондарко системно-языковую имплицитность связывает со степенью актуализации семантики (а именно семантических понятийных

категорий, представляющих собой смысловые инварианты высокого уровня обобщения, – аспектуальность, темпоральность, модальность, персональность, локативность, посессивность и т.д.): «Имеется в виду прежде всего импликация, обусловленная семантической немаркированностью одного из членов привативной оппозиции в структуре грамматической категории»³. Говоря о системно-языковой имплицитности, А.В. Бондарко использует термин «значение» («содержание единиц, классов и категорий данного языка. Это содержание включено в языковую систему и отражает ее особенности») ⁴. По мнению ученого, имплицитность является одним из аспектов категоризации семантики, наряду с инвариантностью/вариативностью элементов семантического содержания, межкатегориальными связями и т.д.: «В самих языковых значениях заключена смысловая основа, сопряженная с интерпретационным компонентом как способом представления выражаемой семантики»⁵. Имплицитная семантика грамматических форм следующим образом описывается М.В. Никитиным: «Семантические системы разных языков на различных своих участках отличаются плотностью – разреженностью семантических средств. Как следствие, вещи и события изображаются с разной мерой экспликации, прорисовки. Это прежде всего относится к грамматическому строю языков. Развитая система видовых форм позволяет русскому языку основательно прорисовывать видовую характеристику глагольных действий <...> Однако русский язык менее “заботит” длительность действия. Одна и та же форма может выражать и обычное, и длительное действие, происходящее в данный момент»⁶.

Речевая (или, в классификации А.В. Бондарко, ситуативная) имплицитность «предполагает, что передается смысл, вытекающий из речевой ситуации и соответствующий ситуативной информации в ее связях со значениями, выраженными в данном высказывании языковыми средствами». Говоря о речевой имплицитности, логичнее использовать понятие имплицитный «смысл»: «Смысл представляет собой содержание, не связанное лишь с определенной единицей или системой единиц данного языка <...> Смысл опирается не только на языковые формы, но и на другие (невербальные) разновидности “носителей”»⁷.

«Компонентами речевого смысла, передаваемого говорящим (пишущим) и воспринимаемого адресатом, являются: 1) языковое содержание высказывания (целостного текста); 2) контекстуальная информация; 3) ситуативная информация; 4) энциклопедическая информация (“фоновые знания”); 5) прагматические элементы дискурса. Эти компоненты передаваемого/воспринимаемого смысла существенны для анализа соотношения эксплицитного/имплицитного»⁸.

Согласно классификации Б.Д. Хоумера и Дж. Т. Рэмзи, существуют три формы имплицитности: структурная, функциональная и процедурная. Структурная имплицитность обусловлена семантикой языка («нельзя использовать слово “холостяк”, не зная, что такое “неженатый” и “мужчина”»⁹). Функциональная имплицитность зависит от контекста и синонимична выводным пропозициям, которые имплицитно содержатся в базовой пропозиции. Процедурная имплицитность – это такая «информация (правило, теория, концепт и т.д.), которая имплицитно содержится в любой процедуре»¹⁰. Сюда относятся, например, некоторые врожденные знания, которыми обладают дети (например, некоторые навыки пространственно-временного ориентирования). Исследователи отмечают, что для экспликации процедурных знаний требуется обучение специальным процедурам экспликации, особым «концептам».

Как видим, приведенная классификация Б.Д. Хоумера и Дж. Т. Рэмзи коррелирует с предложенным А.В. Бондарко делением имплицитности на системно-языковую и речевую. В сущности, когда Б.Д. Хоумер и Дж. Т. Рэмзи говорят о структурной имплицитности, они имеют в виду именно системно-языковую имплицитность. Когда же исследователи обращаются к функциональной имплицитности, то становится понятным, что говорят они именно о речевой имплицитности, о выводном логически мотивированном смысле. Процедурная имплицитность (врожденное, интуитивное знание) находится в сфере интересов не столько лингвистов, сколько психологов.

Признавая, что имплицитность может считаться имманентным свойством языковой единицы¹¹, отметим, что лишь контекст способен сделать ощутимым имплицитное, лишь во «внутренней перспективе речевого ряда»¹² выявляется имплицитный потенциал языковой единицы: «значения не существуют сами по себе, но “содержатся” в словах и предложениях и не “извлекаются” из них, а “вычисляются” интерпретатором на основе свойств речи и ее контекста»¹³. Кроме того, «значение и смысл – это не отдельные содержательные объекты, а аспекты семантики как единого целого»¹⁴. Как имплицитный смысл, так и имплицитное значение реализуются в речи, лишь контекст способен оживить и сделать ощутимыми для сознания такие языковые и неязыковые системные связи единиц сообщения, которые вне

контекста остаются в латентном состоянии. Каким бы плодотворным и продуктивным ни было разделение имплицитности на языковую и речевую, не следует забывать об определенной условности этого деления, о тесной взаимосвязи языковых и речевых явлений, о речевой реализации языковой семантики.

Таким образом, мы подходим к двум определениям имплицитности. Первое определение: имплицитность – это имманентное свойство языковой единицы, связанное с вероятностью структуры неконечного множества признаков слова, реализуемое в контексте речевого сообщения.

Второе определение подчеркивает необходимость речевой реализации имплицитности. Поскольку имплицитный смысл речевого сообщения – это совокупный смысл, результат взаимодействия целого ряда факторов, сформулируем его следующим образом: имплицитность – это свойство речевого сообщения оживлять и делать ощутимыми для сознания такие связи единицы/единиц сообщения, которые в других ситуациях находятся в латентном состоянии, а также создавать такие связи, которых ранее единицы языка не имели.

Существование системных знаний о мире, которые выявляет лингвистическое наблюдение над функционированием языковой единицы, описывают А. Паивию и А. Бегг в «Психологии языка». Исследователи приводят примеры экспериментов по исследованию памяти, когда реакция-воспоминание на предложение «Индеец ранили» было «Индеец был ранен стрелой», а на предложение «Домохозяйка говорила с менеджером о выросших ценах на мясо» реакция-воспоминание было «Домохозяйка жаловалась менеджеру на то, что цены на мясо выросли»¹⁵. Как видим, в памяти сохранились истолкования предложений, и направление истолкований характерно: предложения оказались в «сфере притяжения» определенных типичных системных моделей-представлений, которые ранее сформировались в сознании участников эксперимента и которые эксплицитировались в контексте. Возвращаясь к нашему определению имплицитности, можем сказать, что были «оживлены» системные связи слов, которые присутствовали в сознании говорящих.

Базовой единицей при анализе речевой имплицитности является высказывание. Определенная смысловая неполнота присуща любому высказыванию, так как за ним стоит система пресуппозиций, служащих для реализации его коммуникативного смысла. Однако степень «смысловой неполноты» в разных высказываниях разная. Целесообразно, на наш взгляд, высказывания со смысловой неполнотой делить на два типа: 1) внутренне неполные высказывания (для восполнения их смысла необходимо выйти за рамки собственно высказывания, однако их

смысл полностью и однозначно восстановим) и 2) имплицитные высказывания (их можно было бы назвать высказываниями со «стратегической» имплицитностью, так как имплицитность в них носит характер «приема»).

Внутренне неполные высказывания строятся чаще всего с привлечением логической пресуппозиции («логическая пресуппозиция представляет собой операцию по установлению умозаключения между вербализованным и невербализованным звеньями»¹⁶). Приведем пример: «Подумав, он пошел к реке. В зареченской бригаде он не был лет десять, и если лодка на этой стороне, сейчас самое время заглянуть туда. Лодка была на другой стороне» (Ф. Абрамов). В данном примере невербализован вывод умозаключения – герою не придется заглянуть к зареченской бригаде.

Проанализируем другой пример: «Со своим мнением Бернштейн никогда не высказывал, но если спрашивали, то оказывалось, что оно, это мнение, есть. Поэтому многие предпочитали его не спрашивать» (Е. Евтушенко). С одной стороны, «опущена часть общего суждения, наличествует логическая неполнота»¹⁷: его не спрашивали, потому что у него было свое мнение на все. С другой стороны, высказывание раскрывается полностью лишь прагматической пресуппозицией (знанием ситуации общения: те, у кого есть свое мнение, часто высказывают точку зрения, противоположную общепринятой). В данном случае мы имеем дело с имплицитным высказыванием.

Л.В. Лисоченко приводит два примера высказывания, которые опираются на логическую пресуппозицию «утверждение, как следствие объективной и семантико-синтаксической связи». Мы рассмотрим их с другой точки зрения – как примеры внутренне неполного и имплицитного высказываний. Первый: «– У него мать осталась? – И еще сестра» (М. Булгаков). В данном примере «вербализованное утверждение одного объекта означает утверждение другого объекта»¹⁸, т.е. внутренняя неполнота однозначно восполняется логической пресуппозицией.

Второй: «– Щучий язык знаешь? – И ослиный тоже» (Н. Грибачев). По форме и типу логической пресуппозиции примеры похожи. Однако в данном высказывании полное восстановление смысла возможно лишь в случае учета экзистенциальной и прагматической пресуппозиций. Экзистенциальная пресуппозиция: не существует ни ослиного, ни щучьего языков. Прагматическая пресуппозиция: разговор о несуществующих языках не случаен. Собеседники явно что-то имеют в виду, говоря о несуществующих вещах. Пропозиция буквального смысла высказывания второго собеседника: я знаю щучий и ослиный языки. Возможное истолкование (проективная пропозиция, которая строится на основе экзистенциальной и прагматической пресуппозиций) для высказывания второго собеседника: ты осел, и я знаю твой язык. Как видим, высказывание полипропозитивно, оно

имеет пропозицию для буквального смысла и пропозицию для проективного переносного смысла. Мы имеем дело с имплицитным высказыванием со стратегической имплицитностью.

Итак, прагматическая пресуппозиция – неременное условие для того, чтобы высказывание стало полипропозитивным, т.е. для того, чтобы к основной пропозиции буквального смысла прибавилась проективная, выводимая на базе прагматической пресуппозиции. Это связано с тем, что учет ситуации общения – наиболее неоднозначный и трудновычисляемый фактор общения сам по себе. Отметим, что полипропозитивность в значении «полипропозитивность двойного смысла» следует отличать от ситуации наличия нескольких пропозиций в одном предложении: «Мультипропозитивный дискурс – это последовательность частей предложения (в предложениях, состоящих из нескольких пропозиций в многосоставном предложении (в предложении, состоящем из нескольких пропозиций))»¹⁹.

Показательным примером высказываний со стратегической имплицитностью, основанной на полипропозитивности, служат иронические высказывания. Это особое средство, разработанное языком: «Ирония – это тот случай, когда высказывание с положительной оценкой вступает в конфликт с дотекстовым предзнанием об объекте оценки или с постзнанием о нем, вытекающим из текста»²⁰.

Плодотворной представляется идея Дж. Лича об участии в создании иронии пресуппозиций двух типов: «эксцентричной» и «нормальной»²¹. Так, по наблюдениям исследователя, для высказывания «Его речь украшают и делают незабываемой для собеседника редкие паузы» «эксцентричной» пресуппозицией является следующая: «редкие паузы – это большое достоинство речи собеседника в диалоге; когда в диалоге все время говорит один человек, это хорошо». «Нормальная» пресуппозиция: «плохо, когда говорит только один человек без остановок и пауз. Тем самым он не дает высказать свое мнение собеседнику». Конфликт пресуппозиций, по мнению Дж. Лича, и создает иронический эффект.

Представляется, что как «эксцентричная», так и «нормальная» пресуппозиции Дж. Лича – это разновидности экзистенциальной пресуппозиции (знание об общем устройстве мира, о том, что может быть и чего не может быть в мире). Факт наличия конфликта между двумя экзистенциальными пресуппозициями – это уже прагматический компонент иронического высказывания (неслучайность конфликта оценивается как прагматическое «присутствие» воли автора иронического высказывания).

Наличие в ироническом высказывании (в более широком смысле, в любом юмористическом тексте) двух планов, двух пропозиций отмечают многие ученые. Дж. Серль, описывая ироническое высказывание, подчеркивает, что

значение иронического высказывания постигается тогда, «когда осмысливается значение предложения, а после этого – то значение, которое ему противоположно»²². Древнейшая из форм иронии, а именно трагическая ирония, литературоведами также описывается в категориях противостояния несуществующего (или существующего в воображении, подчас абсурдного), и реального, соответствующего известному. Так, Ф.Е. Бовен пишет о том, что ирония в драме – это результат того чувства противоречия, которое возникает у читателя в момент, когда он видит, что герой страдает от иллюзий²³. Отношение между буквальной и имплицитной пропозициями рассмотрены в работе Ю.Н. Варзониной утверждающего, что в иронии эти отношения носят характер контраста, а в метафоре – сходства²⁴.

Проанализируем с точки зрения полипропозитивности еще несколько иронических высказываний. «– Где ты был? – На рынке. – Что купил? – Свининки. – Сколько взяли? – Шерсти клочок. Еле ноги уволок» (С.Я. Маршак). Пропозиция буквального смысла высказываний волка: волк купил на рынке свинину. Проецируемая пропозиция, опирающаяся на прагматическую пресуппозицию (в ситуации покупки нельзя расплатиться клочком шерсти за что-либо): волк не покупал, а воровал, за что его преследовали. Другой пример: «Муж смуглой дамы с любезной улыбкой ... хватился за фуражку и поклонился с грацией, свойственной всем медведям и очень немногим людям» (Н.Г. Чернышевский). Пропозиция буквального смысла: муж смуглой дамы поклонился с грацией. Пропозиция проективного смысла, выводимого на основе экзистенциальной пресуппозиции «медведи неуклюжи»: «Муж смуглой дамы поклонился неуклюже».

Заключая сказанное, отметим, что в основе имплицитности лежит уникальный «навык» мозга к одновременному построению нескольких ментальных проекций (например, проекции пропозиции буквального смысла и проекции пропозиции возможного истолкования в высказывании, проекции основной ситуации текста и проекции возможного развития событий в тексте). Исследование имплицитности позволяет яснее представить себе когнитивные процессы в сознании и когнитивные возможности человека.

Примечания

- ¹ *Бабенко Л.Г.* Общие методы и механизмы выявления имплицитного содержания в языке и речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 8.
- ² *Бондарко А.В.* Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 24.
- ³ Там же. С. 34.
- ⁴ Там же. С. 23.
- ⁵ Там же. С. 23–24.
- ⁶ *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- ⁷ *Бондарко А.В.* Указ. соч. С. 23.
- ⁸ Там же. С. 24.
- ⁹ *Homer B.D., Ramsay J.T.* Making Implicit Explicit: the Role of Learning // Behavioral and Brain Sciences. 1999. № 22. (5). P. 770.
- ¹⁰ Там же. С. 770.
- ¹¹ *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. 4. С. 445.
- ¹² *Адмони В.Г.* Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
- ¹³ *Демьянков В.З.* О техниках понимания имплицитной речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 49.
- ¹⁴ *Бондарко А.В.* Указ. соч. С. 23.
- ¹⁵ *Paivio A., Begg A.* Psychology of Language. Prentice-Yall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1981.
- ¹⁶ *Лисоченко Л.В.* Высказывания с имплицитной семантикой (логические, языковые и прагматические аспекты). Ростов н/Д, 1992. С. 80.
- ¹⁷ Там же. С. 76.
- ¹⁸ Там же. С. 72.
- ¹⁹ Book Discussion Forum. Linguist. 2003. № 19 // www.linguist.org/issues/14/14-1734.html
- ²⁰ *Никитин М.В.* Указ. соч. С. 156.
- ²¹ *Leech G.* A Linguistic Guide to English Poetry. L., 1972. P. 175.
- ²² *Searle J.R.* Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 122.
- ²³ *Bowen F.E.* The Fountain of Tragedy // Irony and Self-Knowledge in the Creation of Tragedy. Zalzburg, 1973. P. 11.
- ²⁴ *Варзониной Ю.Н.* Коммуникативные акты с установкой на иронию. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1967. С. 9.

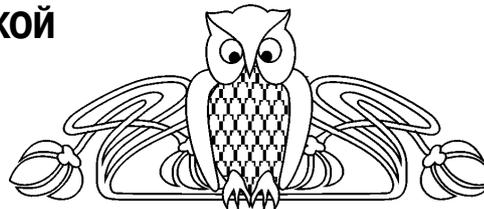

УДК 821.134.2(7/8).09+929

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ДОЖДЬ» В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н.В. Красовская

Саратовский государственный университет,
кафедра романской филологии
E-mail: Philology@sgu.ru

Культурный концепт «дождь» как единица национальной концептосферы и одна из «констант» латиноамериканской культуры сочетает в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие специфические признаки испаноязычной лингвокультуры Латинской Америки. Вербализованный в текстах художественных произведений, он приобретает некоторые особенности, выделяющие его из совокупности культурных концептов. В статье автор предлагает описание образной составляющей художественного концепта «дождь» на материале латиноамериканского романа «магического реализма» XX в.

Ключевые слова: культурный концепт, национальная концептосфера, испанский язык, литература Латинской Америки, магический реализм.

Some Peculiarities in the Meaning of the Concept «Rain» in Latin American Literature

N.V. Krasovskaya

Cultural concept «rain» as a unit of national sphere of concepts and a constant of Latin American culture, combines natural, geographical, everyday, religious, etc., characteristics of Hispanic linguistic culture of Latin America. When verbalized in fiction, it acquires certain peculiarities that distinguish it from other cultural concepts. The article describes the imagery of the cultural concept «rain» on the materials of Latin American XX century «magic realist» novel.

Key words: cultural concept, national sphere of concepts, Spanish language, Latin American literature, magic realism.

Картина мира у каждого народа имеет свои этноспецифические особенности; они отражаются в языке, его структуре, ассоциациях, оценках, в содержании и строении базовых концептов.

Любая культура может быть исследована и описана при помощи ключевых слов языка, обслуживающего данную культуру. Эти слова означают культурные концепты, представляющие ядерные ценности лингвокультурного сообщества.

В испаноязычной культуре Латинской Америки концепт «дождь» является одним из культурных концептов и по праву относится к категории «констант», т.е. «концептов, существующих постоянно, или, по крайней мере, очень долгое время как некий постоянный принцип культуры»¹. Концепт «дождь» есть результат многовекового познания и практического использования американским испаноязычным этносом реально существующего в природе явления «дождь».

Значимость и актуальность концепта «дождь» для латиноамериканских народов обусловлены прежде всего природно-климатическими условиями проживания этих народов и важностью данного атмосферного феномена для их практической и, в частности, сельскохозяйственной деятельности. Будучи единицей национальной концептосферы, концепт «дождь» сочетает в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие специфические особенности латиноамериканской испаноязычной лингвокультуры. Считается, что чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, исторический опыт, религиозная традиция, тем богаче концептосфера народа.

В современной когнитивной лингвистике в большинстве исследований фигурируют, как правило, концепты с логической доминантой и номинированные конкретной или абстрактной лексикой концепты. В то же время недостаточно изучена проблема культурного варьирования концептов с перцептивно-образным ядром. Такие концепты не так часто привлекают внимание исследователей, однако они не менее интересны в плане отражения в них лингвокультурной специфики. Особый интерес концепты такого типа могут, по нашему мнению, представлять в случае их вербализации в текстах художественных произведений. Здесь они обладают набором характеристик, явно выделяющих их из совокупности остальных культурных концептов.

Культурные концепты в текстах художественных произведений преломляются сквозь призму авторского мировоззрения, приобретая специфический ракурс. Писатели трансформируют функционирующий в лингвокультурном сообществе концепт, дополняют, актуализируют или варьируют те или иные его характеристики. По словам С.А. Аскольдова, художественный концепт есть «сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений». Это мыслительное образование, которое не имеет жестко детерминированной связи с реальной действительностью². Составляющие художественного концепта объединяются в единое общее представление благодаря авторским ассоциативным связям, внутренне присущим ему или сопутствующим, подразумевающимся, т.е. носящим адгерентный характер. Н.Ф. Алефиренко считает,

что художественная ценность таких концептов находится в прямой зависимости от адгерентно-ассоциативных механизмов их структурирования (культурных, исторических, фольклорных, психотэтических и т.п.)³. Художественный концепт всегда информативно и художественно богаче концепта-универсалии, являющегося общим для всех носителей языка ментальным конструктом, и ориентирован на эстетическую информацию.

Анализ работ ряда исследователей (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина и др.), признающих доминантное значение ценностного компонента концепта, позволил прийти к выводу о возможности рассмотрения художественных концептов как трехмерных образований, включающих предметно-образную, понятийную и ценностно-оценочную составляющие⁴.

Цель нашего исследования – выявление и описание некоторых особенностей образной составляющей художественного концепта «дождь» в испаноязычных прозаических произведениях. В качестве исследовательского материала путем сплошной выборки из произведений авторов «магического» реализма в латиноамериканской литературе XX в. (Miguel Angel Asturias, Gabriel Garcia Marquez, Mario Vargas Llosa, Juan Rulfo, Carlos Fuentes, Ernesto Sabato, Marcela Serrano и др.) нами были отобраны 220 текстовых фрагментов объективации концепта «дождь».

Наличие образного слоя – один из важнейших признаков концепта. С точки зрения Н.Ф. Алефиренко, образ – первичная форма концептного воплощения в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой концепт становится явлением и приобретает определенное оформление. В контексте языкового сознания он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений. Образная составляющая концепта – это все образные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые и т.п.) характеристики предметов, явлений, событий, отраженные в памяти носителей той или иной лингвокультуры⁵.

Образная составляющая художественного концепта «дождь» образует ядро данного концепта. Образ кодирует концепт в сознании человека и обеспечивает наиболее легкий доступ к его содержанию, составляя его наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть⁶. В отличие от понятийной составляющей, она неполностью поддается рефлексии, поскольку анализ образов, закрепленных в авторских текстах, неразрывно связан с мифологическим сознанием.

Образ дождя в корпусе исследуемых художественных текстов интерпретируется нами по зрительным, цветовым, вкусовым, тактильным, слуховым и обонятельным параметрам, связанным с восприятием через ощущение.

Визуальные характеристики

Образ дождя в латиноамериканской литературе часто воспринимается зрительно, когда персонаж произведения видит дождь, идущий на улице или за окном. В исследуемых текстах это действие в большинстве случаев передается глаголами «видеть» (*ver*) и «смотреть» (*mirar*), а также лексемами, относящимися к тому же лексико-семантическому полю и носящими уточняющий, оттеночный характер: наблюдать (*observar*), различать (*distinguir*), созерцать (*contemplar*), замечать (*percibir*), выявлять (*descubrir*) и т.п. В латиноамериканской художественной литературе визуальному восприятию этого атмосферного явления отводится особая роль, так как дождь способен производить на человека завораживающий, гипнотический эффект своей продолжительностью и монотонностью, лишая дара речи, или, наоборот, поражать взор внезапностью: «Contemplaron la lluvia en silencio durante un largo rato» (Asturias, p. 130)⁷. Кроме того, изображая героя, созерцающего дождь, автор передает его настроение, ход мыслей и чувств: «Miro la lluvia, feroz la lluvia en mi ventanal y por primera vez pienso que llegara el verano y yo sere una mujer enferma» (Serrano, p. 33). Дождь, идущий за окном, не может привлечь внимание, поэтому часто созерцание этого явления используется как предлог для паузы в нежелательной или наскучившей беседе с целью сменить тему или обдумать что-либо: «Ella me dirigió una mirada silenciosa, tan larga que temí que nuestra conversación acabara allí. Luego se volvió hacia la lluvia que golpeaba en los cristales» (Sabato, p. 197).

У большинства авторов процесс «видения» дождя приобретает эмоционально-негативные характеристики: это и отсутствие видимости, и раздражающая расплывчатость пейзажа, и вид, вызывающий грусть, скуку, беспокойство, отчаяние и даже внушающий ужас: «Su figura era botrosa como si entre ella y él se interpusiera la lluvia» (Rulfo, p. 44); «No era maldad sino miedo. Estaban aterrados con tanta lluvia» (Llosa, p. 77). Лишь в редких случаях созерцание этого погодного явления имеет эмоционально-положительную окраску: «Fulgor Sedano sintió el olor de la tierra y se asomó a ver cómo la lluvia desfloraba los surcos. Sus ojos pequeños se alegraron» (Rulfo, p. 29). Визуальный образ дождя в исследуемых текстовых фрагментах кодируется образами воды, капель, ручьев, струй, потоков, низвергающихся с неба, образами капель, скользящих по стеклу, рек воды, потопа, образами луж и пузырей: *agua, gotas, regueros, chorros, corrientes, cataratas, caídos del Cielo, gotas deslizando por los cristales, torrentes, borrasca, rios de agua, diluvio, charcos, burbujas*. Кроме того, зрительный образ дождя (*lluvia*) соотносится с некоторыми его синонимами, имеющими, помимо прочих, непосредственно визуальные различия: проливной дождь (*aguacero, lluvia torrencial*), ливень (*chaparron, chubasco*), короткий ливень (*nube de*

verano, turbion), частый дождь (*lluvia densa*), мелкий дождь (*lluvia menuda, calabobos, matapolvo*), слепой дождь (*lluvia con sol*), обложной дождь (*lluvia continua, duradera*), морозящий дождь (*llovizna*), дождь с ветром (*aguaviento*), дождь со снегом (*aguanieve, cellisca*) и т.п.

Цветовые характеристики

В анализируемом корпусе художественных текстов категория «цвет дождя» поражает воображение разнообразием оттенков данного атмосферного феномена. Как следует из обзора дефиниций, зафиксированных в толковых и энциклопедических словарях испанского языка, дождь – «атмосферные осадки, выпадающие в форме капель **воды**...». Однако, несмотря на восприятие воды обыденным сознанием как вещества, не имеющего цвета, латиноамериканские авторы используют для описания дождя иные цветовые ассоциации. Дождь предстает в общей палитре от темного (*pardo, oscuro*), черного, как ночь, как земля, как бархат (*luz de la noche, negro de tierra, negro como terciopelo*), до серебряного, платинового, опалового (*plateado, claridad de opalo, de plata, luminoso*), включающей также фиолетовый (*violaceo*), красный (*rojizo, rojo como el fuego, de escarlata*), желтоватый (*amarillento*), голубой (*azul*) и все оттенки серого (*tonos plomizos, color acero, gris oscuro, un manto de plomo, grisaceo opaco, tiniebla gris*). По результатам анализа именно серый цвет во всех его проявлениях, блестящий (исходя из физических свойств дождя как воды) или матовый (если дождь описывается как исключительно внешнее проявление, а человек позиционируется вне пределов его досягаемости), является доминирующим в создании образа дождя в исследуемых текстовых фрагментах. Серый, а также черный цвета способствуют созданию определенного настроения в повествовании, в большинстве случаев негативно влияя на эмоциональное состояние человека, вызывая у него грусть, апатию, тоску, тревогу, страх: «Aquel invierno llovio casi todos los días, lluvia negra. Ella empezó a temer que había venido a aquella ciudad a morir de frío, de miseria y de olvido» (Serrano, p. 89). Цветовизуальный образ дождя наиболее ярко реализуется в исследуемом корпусе текстов в образах серого и черного пространства (*espacio negro y gris*), серо-черной сферы (*esfera grisacea, negruzca*), серого мрака (*tiniebla gris*), тенью серого света (*sombra de luz gris*), свинцово-черной темноты (*oscuridad negra plomiza*), матового опалового сияния (*aureola satinada de opalo*) и т.п.

Слуховые характеристики

Звуковой образ дождя в выбранных для анализа фрагментах художественных текстов соотносится с образом общего шума, производимого данным природным явлением. Шум дождя воспринимается и репрезентируется художниками слова своеобразно и обладает различными оттенками и нюансами, в зависимости от вида дождя и его интенсивности, типа объекта, не-

посредственно на который оказывается физическое воздействие дождем, а также ситуативно-эмоционального контекста. Так, дождь может звучать монотонно, шикать, шептать, журчать, бормотать, производить неясный гул, издавать треск и хруст, шорох и шелест (*sonar monotono, el siseo de la lluvia, susurrar, murmurar, musitar, ruido sordo, rumor atareado, producir crujidos, estrepito, susurro*). Он стучит по крыше (*el rumor de la lluvia en los tejados*), бьется в стекла и о стены (*el golpear en los cristales; una onda gruesa chocando con las paredes*), выстукивает барабанную дробь, звонко шлепает и хлопает по лужам и листьям деревьев (*el repiqueteo de la lluvia en los charcos, el chapoteo en las hojas de los arboles*), бурлит и клокочет в водостоках (*los caños borbotaban, hacian espuma, rios de agua hirviendo*).

Шум дождя может оказывать на человека эмоционально-положительное воздействие, успокаивая его, усыпляя монотонным звуком, напоминающим стрекотание сверчков или тиканье часов, служит звуковым фоном для размеренного течения мысли или беседы, «песня воды» (*cancion del agua*) пробуждает приятные воспоминания, отгораживает от внешнего мира, создавая ощущение безопасности, уюта: «En el cuarto de Melquíades protegido por el ruido de la lluvia, por la sensación de ser invisible, encontré el reposo que no tuvo un solo instante de su vida anterior» (Marquez, p. 129); «Se levantaban, apagaban la luz. Sólo quedaba la luz de la noche, el siseo de la lluvia como un murmullo de grillos...» (Rulfo, p. 17).

Вместе с тем шумовые эффекты дождя способны вызывать у людей диаметрально противоположные эмоции: звук дождя мешает спать, резко будит, оглушает, воспринимается как град пуль или как рычание дикого зверя, вызывает ужас: «La lluvia les agarro dormidos. Pero estaban despiertos, oyendo los riendazos del cielo, la bravencia de los truenos. El agua entro a los ranchos, las mujeres, hasta dormidas le tenían miedo a la tempestad» (Asturias, p. 51). Примечательно, на наш взгляд, отождествление некоторыми авторами шума дождя с одной из форм проявления тишины, молчания: «Acostumbrado al ruido de la lluvia, que a los dos meses se convirtió en una forma nueva del silencio» (Marquez, p. 130).

Тактильные характеристики

Тактильный образ дождя в латиноамериканском романе XX в. по сравнению с его визуальными и звуковыми образными характеристиками представлен более однородно. Он репрезентируется только образным признаком физического воздействия холодом и/или холодной водой (сыростью, влажностью) различной степени интенсивности: *la lluvia fria, el agua fria, los primeros frios y lluvias, frios de humedad, humedo y helado*. При анализе текстовых фрагментов нами не было обнаружено ни одного упоминания о дожде, кодированного образом тепла, теплой воды. Такое единообразие в объективации осязательных пара-

метров данного атмосферного явления связано с природно-климатическими особенностями стран Латинской Америки, жители которых обычно говорят, что время у них измеряется дождями (*el tiempo medido por las lluvias*). Есть только два времени года: «сухой» сезон и сезон дождей, когда в течение нескольких дней и даже недель идут сильные ливни с порывистым ветром или обложные дожди. В зависимости от климатической зоны сезон дождей может сопровождаться холодами, которые приносят южный шквалистый ветер и ледяные порывы ветра с пампасов: «El viento del sur fue aumentando su intensidad a medida que llovía, trayendo ese frío cortante y seco» (Marquez, p. 75). Зимой, в сезон дождей, люди на несколько месяцев могут оказаться в изоляции («muchos de los cuales se hallan tan aislados, sobre todo en período de lluvias, que el único medio funcional de transporte es el aéreo» (Llosa, p. 51)), так как из-за непрерывных дождей и мокрого снега дороги делаются грязными и непроходимыми («Comenzaron los primeros días fríos, las lluvias y el barro» (Allende, p. 86)). Они вынуждены страдать от ледяного, мокрого ветра и холодного дождя, проводить сезон дождей в простудах и пневмониях («Pasaba la estación de las lluvias moquillando» (Allende, p.90)), дрожать от холода по ночам, когда промозглая сырость пробирает до костей («Aquel invierno llovía mucho, y por las noches temblaba de frío entre las sábanas de su cama, defendiéndose de la heladas con bolsas de agua caliente y chales de lana» (Serrano, p. 88)). Следствием такой специфики восприятия, обусловленной климатическим фактором, является эмоционально-негативный оттенок, присущий в большинстве случаев тактильному образу дождя: «Esteban se sintió oprimido. Odiaba esa ciudad mucho más de lo que recordaba, el tiempo medido por las lluvias, la vasta soledad» (Allende, p. 54). Эмоционально-положительную окраску осязательный образ дождя приобретает лишь в двух фрагментах текстов, где речь идет о дожде в раскаленной пустыне и дождях и холодах, несущих спасение от последствий летней засухи: «La frescura del aire y el rumor atareado de la lluvia me despertaron. Corri desnudo a recibirla. Declinaba la noche; bajo las nubes amarillas la tribu, no menos dichosa que yo, se ofrecía a los vivos aguaceros en una especie de éxtasis» (Borges, p. 4).

Характеристики, воспринимаемые обонянием

Дождь в произведениях латиноамериканских романистов, помимо звука и цвета, всегда наделяется запахом. Обонятельный образ дождя чаще всего соотносится с образными признаками свежести, прохлады, влажного воздуха: *la humedad fresca, limpia, la frescura del aire*. Запах дождя всегда сильный, насыщенный (*el aroma intenso, olores fuertes de la lluvia*), он заглушает все остальные ароматы или усиливает их, смешивая с влагой: «Todo, hasta el cielo azul que acababa de brotar del caos de las nubes, tenía un aire de juventud y de frescura; El perfume de la lluvia no podía ocultar

la escultura de esta tierra» (Fuentes, p. 51). Это и аромат влажной пыли, мокрой земли после дождя, запах полей с зарождающимися всходами маиса, густой аромат мокрого сада поросшего жасмином или тропического леса после внезапного ливня: «Hacia un viaje a la verdadera humedad en el olor a tierra limpia, a tierra buena» (Serrano, p. 90); «Después de la subita lluvia se sentía el intenso perfume a jazmín del país» (Fuentes, p. 51).

Запахи дождя заставляют человека дышать с удовольствием, полной грудью, пробуждают у него приятные эмоции и воспоминания: «Miraba caer las gotas iluminadas por los relámpagos, y cada que respiraba pensaba en ti» (Rulfo, p. 43). Дождь может восприниматься как стихийное бедствие, и тогда его запах приобретает эмоционально-отрицательный оттенок, ассоциируясь с духом сырости, затхлости, гниения: «Cuando llovía durante muchos días, se producía una pestilencia insostenible de la corrupción del agua» (Asturias, 18).

Вкусовые характеристики

Согласно результатам исследования, вкусовой образ дождя в корпусе текстов отсутствует, что, по нашему мнению, может быть обусловлено наивным восприятием воды как «прозрачной бесцветной жидкости, не имеющей запаха и вкуса», и переноса некоторых свойств воды-вещества на воду-стихию (в нашем случае – на дождь). Исключение составляет единственный пример объективации вкусового образного признака этого явления природы, когда запах дождя и мокрой земли становится для земледельца вкусом собственно дождя, которым он с удовольствием упивается: «Fulgor Sedano sintió el olor de la tierra y se asomó a ver cómo la lluvia desfloraba los surcos. Sus ojos pequeños se alegraron. Dio hasta tres bocanadas de aquel sabor y sonrió hasta enseñar los dientes» (Rulfo, p. 29).

В образной системе латиноамериканской прозы образ дождя, кроме непосредственных, предметно-образных форм отражения (визуальных, тактильных, слуховых и пр.), связан с целым рядом ассоциаций, на основе которых возникают метафорические образы, свидетельствующие о своеобразии индивидуально-авторского восприятия дождя. Так, метафорически дождь концептуализируется образами живого существа, враждебного существа, разрушения, возрождения, болезни, смерти, спасения, помехи/препятствия, блага, обилия/множества. Персонификация дождя репрезентируется его антропоморфными характеристиками. Дождь, подобно живому существу, может двигаться (*desplazarse*), входить и уходить (*salir, entrar*), внезапно появляться (*aparecer subitamente*), бежать (*correr*), торопиться (*apurarse*), падать (*caer*), быть сильным и слабым (*ser fuerte/debil*), издавать звуки (*producir sonidos, ruido*), молчать (*callar*), дышать (*respirar*), принимать решения (*tomar decisiones*), будить (*despertar*), прятать и находить (*esconder, hallar*), кормить (*alimentar*),

помогать (*ayudar*), он обладает чувственными и умственными способностями.

Часто в латиноамериканском романе дождь предстает в образе враждебного существа, и тогда он, подобно дикому зверю, рычит, царапается, срывается с цепи (*rugir; arañar; desencadenarse*); дождь испытывает приступы бешенства (*sentir ataques de rabia*), угрожает (*amenazar*), бьет (*golpear*), хлещет (*azotar*), ломает (*romper*), разрезает (*cortar*), ослепляет и оглушает (*cegar; ensordecer*), расправляется, ранит и побеждает (*castigar; herir; vencer*).

Образ обилия/множества коррелирует с одноименным когнитивным признаком концепта «дождь»: «Machójón agachó la cabeza para esconder la cara de aquella lluvia de insectos luminosos. Las luciérnagas le golpeaban su sombrero de petate» (Asturias, p. 41). Концептуальный признак «обилие/множество» был выделен нами на основе переносного значения лексемы «дождь» (*fig. Muchedumbre, abundancia momentanea e inesperada*: перен. скопление, множество, мгновенное и неожиданное обилие) по результатам анализа всех значений этой лексической единицы в корпусе толковых и энциклопедических словарей современного испанского языка, для последующего описания предметно-понятийного компонента данного концепта.

Образ дождя нередко ассоциируется с возрождением, спасением и в то же время с болезнью, смертью. Он может подарить жизнь, вернуть ее или спасти, но также подвергнуть жизнь риску или даже отнять ее: «La esperanza de que alguna vez caera una gota de lluvia que aliviara la opriente aspereza de ese valle» (Asturias, p. 135); «La colocación del ataúd e instalación de la lápida dio motivo a nuevas efusiones de sentimiento y dolor por su cruenta partida, cuando sobrevino una súbita lluvia, como si el cielo hubiera querido de pronto asociarse al duelo» (Llosa, p. 151).

Дождь воспринимается как благо для природы и человека, но он может нести ущерб, разрушение, хаос, препятствовать человеческой деятельности и выступать в образах помехи, разрушительной стихии: «Será cuando escampe. Mientras dure la lluvia, suspendemos toda clase de actividades» (Marquez, p. 127).

Кроме метафорических образов, образ дождя в латиноамериканском романе эксплуатируется авторами в виде традиционных символических об-

разов: плодородия, божественного благословения и кары небесной («Estaban aterrados con tanta lluvia y creyeron que con el sacrificio Dios aplazaría el fin del mundo» (Llosa, p. 77); «Las lluvias de otoño y primavera habían caído regularmente y las espigas anunciaban una prieta granazón» (Rulfo, p. 8)).

В заключение отметим, что художественный концепт «дождь» в произведениях латиноамериканских писателей XX в., работающих в направлении магического реализма, действительно, имеет четко выраженное образное содержание. Согласно результатам анализа текстовых фрагментов, в составе образного компонента данного концепта доминируют метафорические – визуальный и слуховой – образы, наиболее ярко отображающие богатство и оригинальность индивидуально-авторских представлений и ассоциаций; тактильный и обонятельный образы обладают более однородной репрезентацией; наименее выражен вкусовой образ концепта «дождь»; зафиксированы случаи воплощения образа дождя посредством традиционных мифологических и религиозных образов-символов.

Примечания

- 1 Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997. С. 19.
- 2 Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 268.
- 3 Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999. С. 58.
- 4 См.: Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2002.
- 5 Алефиренко Н.Ф. Указ.соч. С. 59.
- 6 Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. С. 26.
- 7 В статье примеры приводятся из следующих произведений латиноамериканских авторов: Allende I. La casa de los espíritus. Barcelona, 1999; Asturias M. Hombres de maíz. Madrid, 2003; Fuentes C. Instinto de Ines. Barcelona, 2002; Llosa M. Pantaleon y las visitadoras. Lima, 1982; Marquez G. Cien años de soledad. La Habana, 1986; Rulfo J. Pedro Paramo. Mexico, 1981; Sabato E. Sobre heroes y tumbas. Buenos Aires, 2001; Serrano M. Para que no me olvides. Santiago de Chile, 1996.

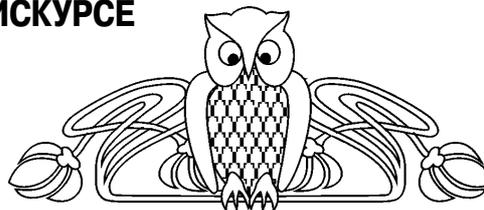

УДК 811.133.1'42(71)

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ВО ФРАНКО-КАНАДСКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Ю.В. Гуськова

Саратовский государственный университет,
кафедра романской филологии
E-mail: Philology@sgu.ru

Во франкоязычной Канаде популярны чат-интервью – общение пользователей Интернета в режиме реального времени. Это особый речевой жанр со свойственной ему коммуникативной стратегией. Цель общения в чат-интервью – обмен мнениями, эмоциональная оценка людей, событий, явлений. Анализ содержания высказываний спортсменов и спортивных болельщиков позволяет выявить ценностные доминанты данной социальной группы.

Ключевые слова: спортивный дискурс, чат-интервью, система ценностей.

System of Values in French-Canadian Sport Discourse

Yu.V. Guskova

Chat interviews as a form of online real-time communication are popular among Canadian Francophones. This speech genre has a strategy of its own – exchange of opinions, emotional assessment of events and people. Analyzing the content of sportsmen and sports fans' utterances helps to elucidate dominating values for this social group.

Key words: sport discourse, chat-interview, system of values.

Современная эпоха характеризуется возникновением новых форм коммуникации. В частности, одной из таких новых форм стал чат – общение группы людей в компьютерной сети в режиме реального времени. Своеобразной разновидностью чата является тематический чат, проходящий в форме интервью с известными личностями – актерами, певцами, спортсменами. В последние годы во франкоязычной Канаде популярны тематические чат-интервью¹, посвященные обмену мнениями с известными спортсменами, тренерами, менеджерами спортивных команд. И это неслучайно, поскольку популярность профессионального спорта и активного образа жизни постоянно растет. Заниматься спортом становится все более выгодно, престижно, интересно, полезно, патриотично. Спорт предоставляет человеку огромные возможности для самовыражения и самоутверждения. Для спортивных болельщиков, предпочитающих наблюдать за спортивными соревнованиями со стороны, важен их развлекательный и зрелищный характер. Это связано с тем, что спортивные зрелища обращены прежде всего к эмоциональной сфере человека². Воздействуя на зрителя, они способны вызвать сильные переживания, обусловленные соревновательностью, конфликтностью. Поддерживая спортсмена или

команду, зритель радуется успеху, переживает поражение, сравнивает противников, прогнозирует исход будущих соревнований, т.е. возникает потребность поделиться своими переживаниями. Речевые акты в рамках чат-интервью с деятелями спорта создают спортивный дискурс, включающий все компоненты институционального дискурса: 1) участники (в статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных отношениях); 2) хронотоп (прототипное место общения); 3) цели; 4) ценности; 5) стратегии, вытекающие из целей и ценностей; 6) материал; 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные тексты; 9) дискурсивные формулы³. Основная коммуникативная цель чат-интервью состоит в выражении участниками встречи своего отношения к приглашенному лицу, его карьере, успехам, неудачам и т.п. В стратегиях виртуальных встреч на первый план выступает не информация, а эмоциональная оценка и реакция на нее, поэтому такие чат-интервью можно охарактеризовать как оценочные. При этом поведение и оценки коммуникантов в той или иной мере обуславливаются ценностной системой культурной среды, через призму которой, в конечном итоге, и происходит оценивание личности и ее поступков.

Спорт как социокультурный феномен является частью системы ценностей – индивидуальных, групповых, национальных и общечеловеческих. Ценности представляют собой результат позитивной оценки внутреннего и внешнего мира, на которые ориентируются личность и общество в своей деятельности, и выражение его отношения к различным процессам окружающей действительности⁴. Оценка складывается из акта сравнения собственной оценки и рекомендаций к отбору того, что признается ценностью. Тот, кто оценивает, формулирует суждение о полезности или вредности, необходимости или ненужности того, что оценивается. Анализ специфики институционального общения дает возможность выявить ценностные доминанты конкретной социальной группы⁵, в частности, аудитории чат-интервью.

Участниками чат-интервью являются спортсмены, представляющие разные виды спорта: хоккей, тяжелая и легкая атлетика, велоспорт, настольный и большой теннис, спортивное и синхронное плавание, прыжки в воду, бокс, гольф, американский футбол, автогонки, дзюдо, а также бывшие спортсмены, ставшие тренерами и

спортивными комментаторами и журналистами, и, конечно, спортивные болельщики. В результате анализа 664-х ситуаций оценки в рамках чат-интервью можно сделать вывод о том, что в спортивном дискурсе франко-канадцев актуализируются следующие ценности.

Успех в конкурентной борьбе, достижение поставленной цели. Конкуренция – одна из основополагающих ценностей общества с рыночной экономикой. Конкурентная борьба заставляет человека приложить максимум усилий и достичь наилучших результатов на грани человеческих возможностей. Конкурентная борьба в профессиональной деятельности, в частности в профессиональном спорте, проявляется наиболее остро. В этом смысле спортивное состязание становится наивысшей точкой соперничества, в котором от спортсмена требуется наибольшая самоотдача, наилучший результат. Мерилом достижений становятся престижность соревнования, в котором участвуют спортсмены, занятие призового места, завоевание медали, установление рекорда. Заниматься профессиональным спортом имеет смысл только для того, чтобы побеждать, быть одним из лучших:

Éric Gagné: «J'espère que nous ne serons pas meilleurs deuxièmes, nous voulons être premiers. J'espère que les Expos seront meilleurs deuxièmes, mais je crois qu'une équipe de l'Ouest va prendre cette place».

Эрик Гане, бейсболист: «Надеюсь, что мы не станем лучшими вторыми, мы хотим стать первыми. Надеюсь, что Экспо станут лучшими вторыми, но думаю, что это место будет занято одной из западных команд».

Болельщики поздравляют и хвалят спортсменов, ободряют тех, кто не добился успеха, но продемонстрировал волю к победе. Поражение, «посредственные результаты», «провалы» – это наибольшее разочарование, которое может постигнуть спортсмена, тренера и болельщиков. Причинами поражения чаще всего признаются высокая степень конкуренции, недостаточная подготовленность к состязанию, низкая мотивация.

Патриотизм, национальное и групповое превосходство. Спортсмены часто представляют свою страну в международных соревнованиях. В современном мире в эпоху глобализации, когда происходит стирание национальных, экономических, культурных границ, нивелируются национальные признаки, людям особенно важно чувствовать себя частью общества как группы людей, имеющих ряд существенных отличий, выделяющих их на фоне других. Поэтому спортивная победа квебекского спортсмена – это победа всего Квебека и Канады, это уважение других спортсменов и других наций, это соперничество, гордость и восхищение болельщиков. Спортсмены стремятся победить зачастую не конкретных противников, а «американцев», «китайцев», «кубинцев», «русских» и т.д.:

Marc (ISS-BC): «Je te souhaite de... une bonne raclée a ce Sheika afin que tu aies le respect qui te revient chez les Américains...»

Болельщик: «Желаю тебе задать хорошую взбучку этому Шейка, чтобы американцы снова зауважали тебя...»

Прогнозирование будущего, вера в успех. Будучи ориентированными в будущее, франко-канадцы склонны не только обсуждать достигнутые спортивные результаты. Они верят в предстоящие победы и заранее хотят заглянуть в будущее, оценивают шансы на успех. Залогом успеха считают не спортивное везение, например, легкий график игр или удачный жребий, когда спортсмену выпадает состязаться с заведомо более слабым противником, а высокая степень подготовленности, упорные тренировки, настойчивость, стремление идти до конца. Прогнозирование тесно связано с уже достигнутыми результатами, которые служат основанием для оценки шансов на победу. Болельщики верят в победу, в то, что спортсмен станет лучшим, что в будущем результаты будут более высокими. Делаются прогнозы как на конкретное состязание, так и в целом на спортивный турнир, сезон. Особый интерес вызывает спортсмен, долгое время не выступавший на спортивной арене или перешедший в другую команду, и болельщики пытаются обосновать свои предсказания относительно его карьеры:

Claudeski: «Crois-tu qu'un jour Stéphane Ouellet pourrait revenir à la boxe active et se mettre à gagner de nouveau des combats?»

Éric Lucas: «Je crois que tout est possible. On a vu ce que Davie Hilton a fait comme retour. On sait que Stéphane Ouellet a du talent, il ne lui manque que le désir».

Болельщик: «Ты веришь, что когда-нибудь Стефан Уэле вернется в активный бокс и снова начнет побеждать в боях?»

Эрик Люка, боксер: «Думаю, все возможно. Мы уже видели возвращение Дэви Хилтона. Известно, что Стефан Уэле талантлив, не хватает только желаний».

Достижение материального благосостояния. Профессиональный спорт является источником дохода, особенно в таких видах спорта, как футбол, хоккей, теннис, автогонки. Спортивные успехи порой позволяют спортсмену стать миллионером. Величина дохода становится критерием успеха, символом достижения материальных благ. Иначе и не может быть в современном обществе потребления:

SALOMON2: «Bonjour, l'autre jour je vous ai vu avec votre belle maison et votre 4X4 BMW, est-ce qu'un athlète de votre niveau peut faire des revenus de joueur de hockey ? Et, si oui, tant mieux».

Болельщик: «Здравствуйтесь, я как-то раз видел вас рядом с красивым домом и джипом БМВ, действительно ли атлет вашего уровня может зарабатывать столько же, сколько хоккеисты? Если так, тем лучше».

Однако немаловажно, как были получены деньги, справедливо ли вознаграждение и его размер. Если спортсмен провел неудачный сезон, не добился успехов, но получил щедрый гонорар (до десятков миллионов долларов в год) за одно только свое известное имя, это вызывает насмешку и неодобрение. Гонорар должен быть вознаграждением за реально достигнутый результат, вклад в успех национальной или городской команды. Канадцы готовы считать справедливыми даже очень высокие гонорары, если они были получены действительно за спортивные достижения. Но иногда в профессиональном спорте деньги играют отрицательную роль. Так, неравные бюджеты спортивных команд иногда уничтожают само соревнование между ними, так как конкуренция становится невозможной. Деньги, сосредоточенные в одной команде или клубе, заведомо ставят других участников в невыгодное положение, делают результат соревнования предсказуемым, а само зрелище – неинтересным.

Одобрение со стороны окружающих, популярность. Жизнь спортсмена может быть, по мнению франко-канадцев, хорошим примером для подражания, в особенности для молодежи. Высоко ценятся те усилия, которые спортсмен прилагает для достижения результата, его упорство и настойчивость. Хороший спортсмен – популярная, известная личность. Его узнают на телеэкране, его фото украшает обложки иллюстрированных журналов. Популярность спортсмена способствует тому, что широкий круг людей открывает для себя данный вид спорта, молодежь приходит в спорт вслед за своим кумиром. Завершив карьеру в спорте, спортсмены часто становятся тренерами, и их известность играет не последнюю роль, ведь знаменитое имя тренера – бывшего спортсмена-чемпиона – притягивает молодежь:

Iemonce: «En tout cas, je pense que pour beaucoup de Québécois, tu représentes un modèle, tant au niveau sportif que social».

Болезьщик: «В любом случае, думаю, что для многих жителей Квебека ты являешься моделью, как в спортивном, как и в человеческом смысле».

Общение, контакт с окружающими. Спорт дает людям возможность общаться, и именно общение – одно из преимуществ карьеры спортсмена. Особенно это касается спортивных соревнований, когда множество атлетов из разных уголков мира встречаются в одном месте и могут познакомиться, обменяться мнениями, сравнить себя с другими, узнать об их привычках и традициях. Спортсмены находят удовольствие в том, чтобы разделить с коллегами и болельщиками радость участия в состязании, открытия новых городов и стран. А болельщики благодарны спортсменам за готовность поделиться впечатлениями, они хотят ощутить свою сопричастность к жизни спортсменов, знать больше о своих любимцах, и чат-интервью является удобной возможностью

для этого. Высоко ценятся простота в общении, доступность, ведь часто спортсмен – это звезда мирового масштаба. Для спортсменов также важно уметь наладить общение со спортсменами – коллегами по команде. От умения найти общий язык (причем иногда в прямом смысле!) зачастую зависит результат, именно командный дух может дать команде перевес в игре и обеспечить победу:

toctoc: «êtes-vous d'accord avec thérien qui dis que les gars ne jouent pas en équipe?»

Michel Blanchard: «Jouer en équipe est d'abord et avant tout une question d'amour. Vous avez les vétérans, vous avez les jeunes; vous avez les anglos, les francos. Et vous avez trois nouveaux gars derrière le banc... pas facile».

Болезьщик: «Вы согласны с мнением Терье-на, что ребята плохо играют командой?»

Мишель Бланшар, хоккейный тренер: «Игра в команде – это прежде всего вопрос любви. У вас есть ветераны, есть молодежь, англоязычные, франкоязычные. А на скамейке запасных три новичка... Нелегко».

Физические качества как необходимые элементы для достижения цели. Физические качества для спортсмена – решающее условие достижения главной цели – победы в состязании. Именно благодаря физическим качествам – силе, ловкости, гибкости, быстрой реакции, силе удара, способности держать удар, «задать взбучку» – спортсмен может выстоять в борьбе. В разных видах спорта ценятся различные качества: в боксе – сила удара, в автогонках и гимнастике – небольшой рост, в настольном теннисе – быстрота реакции, в прыжках в воду – гибкость, в хоккее – мощное телосложение и пр.:

Lotusme: «Nous savons tous que tes points fort sont la fréquence et la précision de tes coups. Quels sont ceux de Omar?»

Éric Lucas: «Sa force, c'est sa force de frappe. C'est quelqu'un de techniquement moyen mais qui cogne très dur».

Болезьщик: «Известно, что твои сильные стороны – это частота ударов и их точность. А что у Омара?»

Эрик Люка, боксер: «Его сила заключается в силе удара. Технически он довольно посредственный, но треснуть может сильно».

Умение преодолеть трудности. Спортсмен добивается успеха, испытывая трудности разного характера: стресс перед началом соревнования, неудачный жребий, трудный календарь соревнований, несправедливое судейство, усложняющиеся год от года требования, травмы, несчастные случаи, сложные погодные условия на тренировках и во время соревнований под открытым небом (жара, холод, дождь).

Gaspésien: «Félicitations pour votre beau travail. Comment avez vous dealer avec la chaleur et la pollution?»

Manon Jutras: «On a eu un bon camp d'entraînement une semaine avant Athènes. On s'est acclimaté à la chaleur et au décalage horaire. Le camp était à Annecy en Haute-Savoie».

Болельщик: «Поздравляю с отлично проделанной работой. Как вы справлялись с жарой и грязным воздухом?»

Манон Жютрас, гребля: «За неделю до Афин мы хорошо потренировались на базе. Мы привыкли к жаре и разнице в часовых поясах. База была в Анси, в Верхней Савоие».

Негативную роль приписывают также средствам массовой информации, которые своими комментариями нервнируют спортсменов и тренеров. Одним из характерных недостатков, который во многом объясняет неудачные выступления канадцев на международном уровне, они считают слабую финансовую поддержку спорта со стороны государства. Но главное для спортсмена – это борьба с самим собой, потому что карьера атлета требует постоянных жертв: изнуряющие тренировки, режим, диета, полное подчинение определенному ритму для достижения цели.

Семья, поддержка близких. Семья – это тот надежный фундамент, на котором строится успешная карьера спортсмена. Нередко дети начинают заниматься спортом, наблюдая пример родителей или старших детей. В дальнейшем родные оказывают атлетам необходимую моральную поддержку, «болея» во время соревнований, разделяя радость побед и горечь поражений. Именно родные люди способны утешить и ободрить, а их вера в лучшее придает спортсменам силы и уверенности, помогая преодолеть стресс:

РАТОФ: «Qui t'as aidé le plus quand tu étais dans le baseball mineur».

Éric Gagné: «Mon père. Parce qu'il a toujours été là pour m'aider et m'encourager. Mes parents ont toujours cru en moi, et ils ont toujours été positifs».

Болельщик: «Кто тебе больше всего помогал, когда ты был юниором?»

Эрик Гане, бейсболист: «Отец. Он был всегда рядом, помогал и подбадривал меня. Родители всегда верили в меня, были настроены позитивно».

Честность, откровенность, прямота – это стиль поведения франко-канадцев. Они честны с окружающими, не скрывают неприятное, оставаясь при этом вежливыми и корректными. Болельщики приветствуют откровенность спортсмена, признающего в своей слабости, в несовершенстве, порой в некомпетентности, и видят в этом проявление силы. Честность спортсмена может проявляться также в нежелании сотрудничать с сомнительными производителями медикаментов и пищевых добавок, рекламировать товары спортивного ассортимента некоторых фирм:

Туро: «Merci, pour votre réponse. Je suis moi-même handicapé sans être dans votre condition, croyez-vous que ces mêmes suppléments pourraient aider les gens qui ont des problèmes de dos?»

Chantal Petitclerc: «J'irai plutôt pour une approche globale: allez consulter des spécialistes et des nutritionnistes. Je ne me sens pas assez experte en la matière pour vous conseiller».

Болельщик: «Спасибо за ответ. Я сам инвалид, хотя мое состояние отличается от вашего, как вы думаете, эти же добавки могли бы помочь людям, у которых проблемы со спиной?»

Шанталь Периклер: «Я дала бы более общий совет: надо проконсультироваться с врачами и со специалистами по питанию. Не могу вам советовать, потому что сама я не большой эксперт в этой области».

Организаторский талант, способность стратегически мыслить, делать выбор, умение подготовить почву для победы, – необходимые качества и для спортсмена, выбирающего тактику предстоящего сражения, и тренера, подбирающего игроков для команды или для участия в турнире, и организаторов соревнований, чиновников, представителей спортивных федераций. Успех команды зависит от того, сумел ли тренер вовремя сделать замену в составе команды, освободиться от «мертвого груза»:

fan du ch: «J'ai beaucoup d'espoir quant à l'arrivée du nouveau directeur du recrutement en plus du travail colossal de M. Savard... connais-tu un peu le nouveau monsieur et est-ce lui qui a permis à Ottawa d'avoir de si bons choix dernièrement?»

Mathias Brunet: «Je ne le connaissais pas, mais j'imagine qu'il doit être très compétent, étant donné l'importance que Savard accorde aux choix au repêchage».

Болельщик: «Я связываю большие надежды с приходом нового директора по подбору игроков, вдобавок к колоссальной работе г-на Савара... Знаешь ли ты этого нового господина и то, что помогло ему в прошлом году в Оттаве сделать столь удачный выбор?»

Матиас Брюне, хоккеист: «Я не знаком с ним, но думаю, он очень компетентен, поскольку Савар придает такое большое значение подбору игроков».

Однако чересчур продуманная тактика может мешать индивидуальной конкуренции спортсменов и отрицательно сказываться на интриге соревнования, например, в автогонках, когда лидирующий в гонке пилот вынужден пропускать вперед себя товарища по команде. Интересно, что рациональный подход к подготовке к соревнованию не исключает определенного ритуала, которому спортсмены и их тренеры следуют из суверия.

Уважение к регламенту, к правилам. Франко-канадцам свойственно соблюдение правил поведения в различных сферах жизнедеятельности, включая спорт. Вот почему их интересует, какое правило считается наиболее важным в том или ином виде спорта, справедливо ли это правило, каким требованиям должен соответствовать спортсмен, каков его режим, как

работают судьи, каковы критерии оценки и т.д. Особое значение придается случаям применения допинга. Некоторые спортсмены готовы на все, чтобы победить, даже пренебречь запретом на использование фармакологических средств; это негативно сказывается на спортивном соревновании и осуждается:

Le Joker: «Craignez-vous que les sports en fauteuil roulant ne fassent pas exception en rapport au dopage?»

Chantal Petitclerc: «Les athlètes paralympiques ne sont ni meilleurs ni pires que les autres dans tous les domaines. Et effectivement, il y a eu des cas de dopage dans l'athlétisme paralympique. Malheureusement c'est un problème qui touche tous les athlètes».

Болельщик: «Не кажется ли вам, что спортсмены-параолимпийцы не являются исключением в смысле допинга?»

Шанталь Петиклер: «Спортсмены-параолимпийцы не лучше и не хуже других атлетов во всех смыслах. Действительно, есть случаи применения допинга в параолимпийских соревнованиях. К сожалению, это проблема всех спортсменов».

Этика межличностного общения, умение сглаживать негативные реакции, корректные отзывы о собеседнике и третьих лицах вызывают уважение участников чат-интервью. Высказывания не носят резкого характера, а, напротив, достаточно сдержанны, уклончивы. Болельщики интересуются манерой поведения спортсменов в повседневной жизни и во время спортивных турниров. Спортсмены-«звезды», казалось бы, могут позволить себе быть капризными. Однако они ведут себя скромно, поддерживая имидж «простых», «обычных» людей. Спортсмены часто хвалят своих соперников, благодарят тех, кто помог им в достижении спортивного результата – тренера, представителей спортивной федерации, болельщиков, журналистов. Редко делаются сравнения нескольких лиц – вероятно, из нежелания задеть их самолюбие. В чат-интервью умение избегать острых углов, даже при ответе на заданный в лоб вопрос, помогает создать общую атмосферу доброжелательности, позитива:

Туро: «Êtes-vous toujours au service de Loto-Québec?»

Chantal Petitclerc: «Oui, toujours. Et bien heureuse de l'être aussi parce que c'est une belle expérience et qu'ils ont toujours été très flexibles par rapport à mes horaires de compétition».

Болельщик: «Вы по-прежнему работаете на Лото-Квебек?»

Шанталь Петиклер: «Да, по-прежнему. И очень довольна этим, потому что это прекрасный опыт, и они всегда подстраивались под график моих соревнований».

Удовольствие от деятельности, моральное удовлетворение. Люди ищут и находят в спорте разного вида эмоциональное удовольствие – от процесса самосовершенствования, наблюдения за соревнованиями, от посещения разных стран, от жизни на пределе возможностей. Зрелищность

и непредсказуемость борьбы делают спортивное состязание напряженным, заставляют испытывать сильные эмоции:

jasonsky: «La performance serait diminuée, c'est certain, mais croyez-vous que le spectacle serait moins intéressant si les joueurs n'étaient pas dopés?»

Pierre Foglia: «Le spectacle ne serait pas du tout moins intéressant. Ce n'est pas la vitesse qui fait le spectacle, c'est la compétition. Les filles vont moins vite et c'est aussi un bon spectacle. C'est la lutte qui fait le spectacle, pas la vitesse. Au contraire, la vitesse est en train de tuer la course. Quand un peloton va trop vite, on ne peut s'en échapper».

Болельщик: «Достижения были бы менее значительными, это точно, но не думаете ли вы, что зрелище было бы менее интересным, если бы спортсмены не использовали допинг?»

Пьер Фоглиа, бегун: «Зрелище было бы не менее интересным. Зрелищность зависит не от скорости, а от состязания. Девушки бегут медленнее, но это тоже прекрасное зрелище. Борьба делает зрелище, а не скорость. Напротив, скорость убивает гонку. Когда спортсмены бегут слишком быстро, невозможно оторваться».

Спортсмены-профессионалы получают удовлетворение, выступая перед возможно большим числом зрителей: неинтересно выиграть матч на пустом стадионе. Возможность путешествовать, посещать разные страны, любоваться историческими памятниками, спортивными сооружениями, знакомство с местной кухней – тоже одно из преимуществ профессионального спорта.

Таким образом, анализ содержания высказываемых в рамках чат-интервью оценок выявляет следующие ценности:

- успех в конкурентной борьбе, достижение цели – 121 пример;
- удовольствие от деятельности, моральное удовлетворение – 90 примеров;
- прогнозирование будущего, вера в успех – 93 примера;
- моральные качества, этическое поведение – 86 примеров;
- физические качества как элементы достижения цели – 82 примера;
- организаторский талант – 80 примеров;
- умение преодолеть трудности – 79 примеров;
- патриотизм, национальное и групповое превосходство – 74 примера;
- общение, контакт с окружающими – 47 примеров;
- достижение материального благосостояния – 32 примера;
- одобрение со стороны окружающих, популярность – 30 примеров;
- уважение к регламенту, к правилам – 20 примеров;
- честность, открытость, прямота – 16 примеров;
- семья, взаимоотношения с близкими – 9 примеров.

Данные ценности можно представить в виде полевого образования, в центре которого находятся: успех в конкурентной борьбе, моральное удовлетворение, прогнозирование будущего, моральные качества, физические качества, организаторский талант, умение преодолеть трудности, патриотизм, а на периферии – общение с окружающими, достижение материального благосостояния, популярность, уважение к правилам, открытость, семья и близкие.

Примечания

¹ Гуськова Ю.В. Оценочные чат-интервью как особый речевой жанр // Коммуникативные и социокультурные проблемы романо-германского языкознания: Материа-

лы межвуз. науч. конф. 29 ноября 2006 г. Саратов, 2007. С. 208.

² Гуськова Ю.В. Объект оценки в спортивном дискурсе франко-канадцев // Проблемы канадоведения в российских исследованиях. Саратов, 2008. Вып. 2. С. 160.

³ Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2002.

⁴ Кожевникова Е.Н. Ценностные доминанты в молодежной субкультуре // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: Тез. докл. междунар. науч. конф. Волгоград, 2004. С. 55.

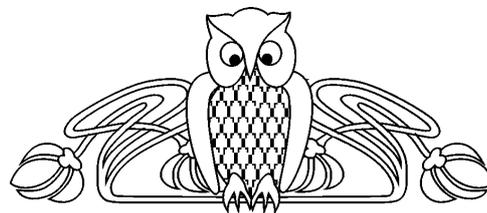
⁵ Бабаева Е.В. Функционирование концепта нормы в немецком рекламном дискурсе // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: Сб. науч. тр. Волгоград, 2003.

УДК 821.161.1–95.09

ПЕРВОЭЛЕМЕНТЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ЖУРНАЛА «ЗАВЕТЫ»

Н.В. Новикова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: novikovanv@mail.ru

Автором статьи предпринята попытка обозначить основополагающие элементы эстетической платформы литературно-общественного ежемесячника «Заветы» (1912–1914), издававшегося социалистами-революционерами во главе с В.М. Черновым. Созданию на страницах периодического издания целостной картины литературной эпохи начала 1910-х гг. способствовал литературный редактор и ведущий критик журнала Р.В. Иванов-Разумник. Прочтение им «текущей» литературы сквозь призму «духовной сущности» классического наследия имело концептуально значимый смысл.

Ключевые слова: журнал, литература начала 1910-х гг., Р.В. Иванов-Разумник, литературная критика, эстетическая платформа, новый реализм, модернизм, историко-литературная ретроспекция.

Aesthetic Program of «Zavety» Magazine

N.V. Novikova

The article outlines the basic elements of the aesthetic program of the magazine «Zavety» (1912–1914), published by socialist-revolutionaries under the leadership of V.M. Chernov. Its literary editor and leading critic, R.V. Ivanov-Razumnik, contributing much to the magazine's literary panorama of the early 1910-s, read contemporary literature through the traditional lens of 'spiritual essence'.

Key words: magazine, early 1910-s literature, R.V. Ivanov-Razumnik, literary criticism, aesthetic platform, new realism, modernism, historical-literary retrospect.

Общественно-литературный журнал «Заветы» (1912–1914) появился благодаря энергии крупнейшего деятеля эсеровской партии В.М. Чернова и предназначался в первую очередь

для читателя-единомышленника¹. Однако, как показала практика ведения ежемесячника, читателя иных убеждений он тоже привлекал – качественной литературой и критическими статьями. Сложилось так, что партийные заботы, бремя которых несла на себе публицистика, не довели над общеинтересным.

Художественно-беллетристический и литературно-критический отделы «Заветов» с осени 1912 г. создавались по большей части усилиями Р.В. Иванова-Разумника (1878–1946). Нас интересуют конкретные вопросы многосложной журнальной деятельности соредатора и проницательного оценщика литературных новинок. Как в периодическом издании была представлена «текущая» литература? Как соотносились в «Заветах» литература и критика? Каково в контексте журнала отношение Иванова-Разумника к литературной современности? Иными словами, какова реальная художественно-беллетристическая практика «Заветов» и как преломляется она в литературно-критическом обосновании, захватывающем множество других явлений новейшей литературы? Какие черты программности содержит в себе разумниковский взгляд на «текущее»? Поиски ответов на эти вопросы в конечном счёте призваны способствовать воссозданию объективного представления об отличительных особенностях литературного движения той поры.

Литература занимала значительное пространство «эсеровской» трибуны. «Заветы» по-настоящему могли удовлетворить вкус взы-

Данные ценности можно представить в виде полевого образования, в центре которого находятся: успех в конкурентной борьбе, моральное удовлетворение, прогнозирование будущего, моральные качества, физические качества, организаторский талант, умение преодолеть трудности, патриотизм, а на периферии – общение с окружающими, достижение материального благосостояния, популярность, уважение к правилам, открытость, семья и близкие.

Примечания

¹ Гуськова Ю.В. Оценочные чат-интервью как особый речевой жанр // Коммуникативные и социокультурные проблемы романо-германского языкознания: Материа-

лы межвуз. науч. конф. 29 ноября 2006 г. Саратов, 2007. С. 208.

² Гуськова Ю.В. Объект оценки в спортивном дискурсе франко-канадцев // Проблемы канадоведения в российских исследованиях. Саратов, 2008. Вып. 2. С. 160.

³ Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2002.

⁴ Кожевникова Е.Н. Ценностные доминанты в молодежной субкультуре // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: Тез. докл. междунар. науч. конф. Волгоград, 2004. С. 55.

⁵ Бабаева Е.В. Функционирование концепта нормы в немецком рекламном дискурсе // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: Сб. науч. тр. Волгоград, 2003.

УДК 821.161.1–95.09

ПЕРВОЭЛЕМЕНТЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ЖУРНАЛА «ЗАВЕТЫ»

Н.В. Новикова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: novikovanv@mail.ru

Автором статьи предпринята попытка обозначить основополагающие элементы эстетической платформы литературно-общественного ежемесячника «Заветы» (1912–1914), издававшегося социалистами-революционерами во главе с В.М. Черновым. Созданию на страницах периодического издания целостной картины литературной эпохи начала 1910-х гг. способствовал литературный редактор и ведущий критик журнала Р.В. Иванов-Разумник. Прочтение им «текущей» литературы сквозь призму «духовной сущности» классического наследия имело концептуально значимый смысл.

Ключевые слова: журнал, литература начала 1910-х гг., Р.В. Иванов-Разумник, литературная критика, эстетическая платформа, новый реализм, модернизм, историко-литературная ретроспекция.

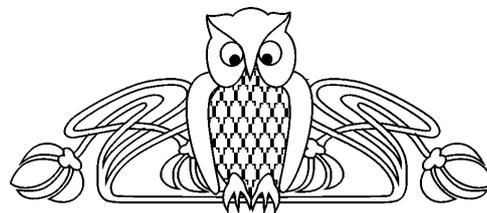
Aesthetic Program of «Zavety» Magazine

N.V. Novikova

The article outlines the basic elements of the aesthetic program of the magazine «Zavety» (1912–1914), published by socialist-revolutionaries under the leadership of V.M. Chernov. Its literary editor and leading critic, R.V. Ivanov-Razumnik, contributing much to the magazine's literary panorama of the early 1910-s, read contemporary literature through the traditional lens of 'spiritual essence'.

Key words: magazine, early 1910-s literature, R.V. Ivanov-Razumnik, literary criticism, aesthetic platform, new realism, modernism, historical-literary retrospect.

Общественно-литературный журнал «Заветы» (1912–1914) появился благодаря энергии крупнейшего деятеля эсеровской партии В.М. Чернова и предназначался в первую очередь

для читателя-единомышленника¹. Однако, как показала практика ведения ежемесячника, читателя иных убеждений он тоже привлекал – качественной литературой и критическими статьями. Сложилось так, что партийные заботы, бремя которых несла на себе публицистика, не довели над общеинтересным.

Художественно-беллетристический и литературно-критический отделы «Заветов» с осени 1912 г. создавались по большей части усилиями Р.В. Иванова-Разумника (1878–1946). Нас интересуют конкретные вопросы многосложной журнальной деятельности соредатора и проницательного оценщика литературных новинок. Как в периодическом издании была представлена «текущая» литература? Как соотносились в «Заветах» литература и критика? Каково в контексте журнала отношение Иванова-Разумника к литературной современности? Иными словами, какова реальная художественно-беллетристическая практика «Заветов» и как преломляется она в литературно-критическом обосновании, захватывающем множество других явлений новейшей литературы? Какие черты программности содержит в себе разумниковский взгляд на «текущее»? Поиски ответов на эти вопросы в конечном счёте призваны способствовать воссозданию объективного представления об отличительных особенностях литературного движения той поры.

Литература занимала значительное пространство «эсеровской» трибуны. «Заветы» по-настоящему могли удовлетворить вкус взы-

скательного читателя, предлагая ему произведения преимущественно талантливых авторов. Здесь печатали признанных художников слова: из прозаиков – М. Горького, И. Бунина, Л. Андреева, из поэтов – К. Бальмонта, Ф. Сологуба, Ю. Балтрушайтиса, А. Блока. «Заветовская» проза была представлена именами «новых» реалистов, успешных завоевать читателя (С. Сергеева-Ценского, Б. Зайцева, А. Ремизова, М. Пришвина, И. Шмелёва, А. Толстого), поэтов новой генерации, вызвавших немалый читательский интерес – акмеистов (Н. Гумилёва, А. Ахматову, С. Городецкому, М. Зенкевичу, О. Мандельштаму) и эгофутуриста И. Северянина, певцов деревни (Н. Клюева, П. Орешина, С. Клычкова). Особое внимание приковывал роман «То, чего не было», вышедший из-под пера В. Ропшина, который в 1909 г. не оставил равнодушных дебютной повестью «Конь бледный». Открытием журнала стали такие писатели, как Ив. Вольнов, Вяч. Шишков, К. Тренёв, Н. Никандров, О. Форш, Е. Замятин. Для читателя и исследователя наших дней, имеющего возможность судить о начинавших в 1910-е гг. не только по первым шагам, но и по их творческому пути, тогдашние новички – величины самого приметного ряда, по праву занявшие своё место в литературе XX в.

Иванов-Разумник, внимательно наблюдавший за потоком современной литературы и, как правило, безошибочно отличавший подлинные творческие достижения от мнимых, придавал огромное значение русской классике². В основе собственно разумниковских выступлений на страницах «Заветов» лежали историко-литературный и теоретико-литературный аспекты³. Отношение к классическому наследию как со стороны его нравственно-философской, нравственно-этической значимости, так и со стороны метода – романтического и реалистического, было одним из узловых вопросов литературной критики начала 1910-х гг. Приверженность критика к вечным ценностям, носительницей которых на все времена для него являлась русская классическая литература, была в высшей степени насущным и действенным критерием его суждений о литературной современности. Верой в непреходящее значение классического наследия обеспечивалось единство подхода к «текущей» литературе. Прочтение её Ивановым-Разумником через призму художнического опыта крупнейших русских писателей от статьи к статье обретало черты концептуальности.

«Героями» годовых обзоров, монографических очерков, творческих портретов, рецензий Иванова-Разумника стали произведения, вокруг которых разгорелись споры, в отдельных случаях доходившие до полемических баталий: повесть «Пятая язва» А. Ремизова и «Никон Староколенный» М. Пришвина, романы З. Гиппиус и Д. Мережковского, В. Ропшина («То, чего не было»), П. Карпова («Пламень»), А. Белого («Петербург»),

роман «Дальний край» и рассказы Б. Зайцева, рассказы и повести Горького и С. Сергеева-Ценского, стихотворные циклы и романы Ф. Сологуба, пьеса Л. Андреева «Профессор Сторицын», лирика А. Блока и его поэма «Роза и Крест», сборники стихотворений А. Ахматовой, И. Северянина и т.д. Порой Иванов-Разумник вносил критическую ноту в хор славословящих, зачастую поддерживал тех, кто оценен несправедливо или не избалован, а то и вовсе обойдён вниманием критики (Л. Добронравова, М. Моравскую, К. Эрберга, Ю. Верховского, В. Пяста). Критик по-своему опекал тех, кто, как Ив. Вольнов и Е. Замятин, ждал отклика на пробу пера, как Н. Клюев (возможно, и акмеисты) – «заветовского» резонанса на жадно поглощаемое читателем слово. Замечательно то, что столь разнохарактерный художественно-беллетристический материал Иванову-Разумнику удавалось ощущать как нечто целостное, как «вечно единую, вечно живую реку русской литературы», в которую «из разных литературных групп, от разных взаимно враждебных направлений стекаются подлинно связанные с жизнью произведения»⁴. Эта «связь с жизнью», по мысли Иванова-Разумника, унаследована от классики. «Живое» в противоположность «мёртвому», как он настойчиво повторял, и не даёт рассыпаться «храмине» современной литературы.

Строгий литературно-критический анализ большого числа новинок, проведённый Ивановым-Разумником под углом зрения истории и теории литературы, становился площадкой построения эстетической платформы «нового реализма». Источником плодотворного развития «нового реализма», по убеждению Иванова-Разумника, была нравственно-эстетическая традиция. И хотя возвращение к судьбоносным вопросам классики не было заслугой исключительно «Заветов», следует сказать, что в этом качестве литературная критика Иванова-Разумника в журнале органично сочеталась с собственно литературным материалом.

«Понятийное <...> осознание» «Заветами» нового реалистического течения как событие едва ли не единичного характера сравнительно недавно было отмечено В.А. Келдышем: «Примечательно, что именно в 1910-е годы была предпринята попытка оформить <...> творческие платформы: в товариществе “Книгоиздательство писателей в Москве”, образованном в 1912 году, и в петербургском журнале “Заветы” (его литературном отделе), начавшем выходить в том же году»⁵. «Попытка», развернувшаяся в рамках журнала отнюдь не эстетической ориентации, делает очевидной высокую «конкурентоспособность» важнейшего первоэлемента разумниковской литературно-критической системы. Сложившаяся в «Заветах» ситуация наглядно подтверждает перевес литературной «чаши» по сравнению с общественно-политической, идеологической и даёт нам право расценивать след, оставленный

«Заветами», не только и не столько по ведомству партийной печати.

Эстетическая «платформа» «Заветов» формировалась всем комплексом разножанровых литературно-критических выступлений Иванова-Разумника. основополагающий её пункт публицистически остро был намечен в первом же очерке критика – «Человек и культура». Соль «дорожных мыслей и впечатлений» заключалась в том, что А. Пушкин, Ф. Достоевский, Л. Толстой – провозвестники духовно-нравственной культуры, несопоставимой по силе с культурой западной «цивилизации», омещанивающейся Европы. Актуализация классических образов – явный или скрытый стержень более чем тридцати разумниковских разборов, опубликованных на страницах журнала «Заветы». Она оптимально подошла для первопродходческого осмысления «текущей» литературы и явилась его циклообразующим принципом. Ключом к адекватному пониманию литературных явлений становится в «заветовской» критике Иванова-Разумника индивидуально-авторская система понятий, генетически восходящая к художественной этике любимого им Л. Толстого и через него – А. Пушкина⁶. В концептуальных формулах («трагедия», «драма», «путь», «рождение человека», «вера» в жизнь, человека, русский народ, Россию), которыми оперирует критик при рассмотрении каждого произведения, запечатлены черты личностного отношения к их имманентной сути⁷.

Сосредоточенность Иванова-Разумника на новых тенденциях в развитии реализма никак не исключала его внимания к модернизму. Несмотря на то что искания модернистов простирались вдаль от «заветовских» приоритетов, сорентированных на вершины реалистического искусства, эти искания никоим образом не дискриминировались ни со стороны редакторов, ни со стороны критиков, начиная с Иванова-Разумника. В самом деле, он был чуток к краскам, не свойственным традиционно реалистическому ракурсу художественного изображения, обновившим и обогатившим реалистическую палитру в творчестве А. Ремизова, М. Пришвина, С. Сергеева-Ценского, Б. Зайцева, Л. Андреева. Он прозревал здоровое начало в поэзии И. Северянина, принял акмеистов, не разделяя их «теории», которая в основе своей первоначально показалась близка «верой в жизнь, верой в человека»⁸; несмотря на настораживающее «жеманство», оценил «несомненный художественный талант»⁹ А. Ахматовой; подчёркивая «чуждость» К. Эрбергу в главном – понимании «цели творчества», напечатал его стихотворный цикл «Ненависть-любовь» и вдумчивую статью о поэте¹⁰. Примеры такого рода можно продолжать.

Объяснить подобный «алогизм» Иванова-Разумника можно прежде всего тем, что он умел видеть «поверх барьеров», умел различать в общей массе пишущих по-настоящему

талантливых художников и стремился привлечь их к сотрудничеству с журналом, невзирая на их «теории» и творческие принципы, расходящиеся с его собственными. Такая особенность литературной политики «Заветов», существенно влияющая на их эстетический облик в целом, отмечена А. Лавровым¹¹. В задачу критика и литературного редактора входило не проведение водоразделов между художниками разных эстетических систем, а наведение мостов между ними. Стремление к синтезу становится визитной карточкой эстетической платформы «Заветов», а редакторская практика и критическое творчество Иванова-Разумника, наглядно демонстрирующие и пропагандирующие этот синтез, предваряют современные подходы к постижению литературы начала 1910-х гг.

Вместе с тем следует отметить, что порой суждениям Иванова-Разумника присуща излишняя категоричность, в отдельные моменты обнаруживается догматическое видение предмета. Так, его творческой критике, нацеленной на распознавание «философии» художника и произведения¹² и действительно предуготовленной для такой тонкой работы, не сразу далось истолкование поэтического мира А. Блока. Говоря о поэте, критик не был свободен от ограничивающей схемы. Иванов-Разумник, человек ярко выраженного общественного темперамента, посылал стрелы в лагерь «декадентов», которым, по его мнению, неведомо подлинное страдание, а значит – и подлинная любовь. «Каждый из нас распинается жизнью для того, чтобы воскреснуть душой: в этом сущность “трагедии”, – в который раз повторял критик излюбленную идею. – Но не каждого трагедия эта приводит к действенной любви, в которой одной лишь спасение от мирового “декадентства”, от заколдованного круга одиночества»¹³.

А между тем сам А. Блок, как свидетельствует ряд фактов, драматически мужественно воспринимал эпоху начала 1910-х гг. Это чувствуется и в его оценке «Заветов». Тяжёлое впечатление осталось у поэта от беллетристики первой книги журнала, поскольку она была «посвящена описаниям мучений человека – многообразных»¹⁴. Страстная тяга блоковского героя тех лет к «вочеловеченью», «рождению человека общественного», как нельзя лучше отвечавшая ожиданиям критика, в то время для него оказалась заслонена. Направив силы на отповедь «декадентскому», Иванов-Разумник прошёл мимо блоковских лирических дум о «звании человека»¹⁵. Однако ведь именно на страницах «Заветов» впервые были опубликованы лирические откровения А. Блока, ныне хрестоматийно известные: «Авиатор», «Сусальный ангел», «Повеселясь на буйном пире...», «Без слова мысль, волненье без названья...», «Миры летят, года летят, пустая...». Одно их присутствие в журнале объективно препятствовало «выпрямлению» лирического героя в угоду критической заданности.

Чутьё подвело Иванова-Разумника и в случае с Б. Зайцевым¹⁶. Критик увидел в писателе художника особой лирической складки, но непрерываемо звучало его мнение о том, что героям Б. Зайцева не суждено перерождение через страдание, как толстовским героям. Они не способны пережить трагедию, которая и делает человека человеком пусть даже на пороге смерти. Правда, такого рода ситуации в литературной критике «заветовца» были всё-таки исключениями из правил.

Формирование и формулирование Ивановым-Разумником эстетической платформы «Заветов», по-видимому, не завершилось, так как выход журнала был насильственно прерван. Но главное было сказано, и увенчивала его мысль о том, что литература достигла «периода расцвета». В противовес «плакальщикам» критик настойчиво доказывал: «Мы стоим теперь на гребне литературной волны»¹⁷. И себя он ощущал звеном цепи, связующим прошлое и будущее. По убеждению Иванова-Разумника, в определении глубины и точности критического «приговора» «судьёй» должна явиться «история литературы, и, вероятно, имя подлинного литературного “критика” своего времени сохранит в истории тот, чьи оценки не будут переоцениваться»¹⁸. История литературы подтвердила правильность подавляющего большинства оценок, которые Иванов-Разумник дал на страницах «Заветов» современной ему литературе.

Итак, у «Заветов» было своё лицо, единственное в своём роде. Художественно-беллетристический и литературно-критический «комплекс» «эсеровского» журнала рельефно, многопланово и вместе с тем целостно представлял литературную эпоху начала 1910-х гг. Впечатляющий её срез остался как этапное отражение протекавших в ней процессов. Одним из самых насущных факторов жизни создателями «Заветов» была прочувствована востребованность духовно-нравственного наследия русской классической литературы. Живым нервом эстетической программности журнала оказалась историко-литературная ретроспекция. Рассматривая под таким углом зрения явления «текущей» литературы, Иванов-Разумник давал, за редким исключением, убедительную их трактовку. Тем самым создавалось общее полотно, внутренние связи которого обеспечивались единством подхода и критериев. Доминирующую роль в формировании эстетической программы «Заветов», в придании им целостности играла позиция Иванова-Разумника.

Примечания

- ¹ См.: Новикова Н.В. Журнал «Заветы»: к истории создания, становления, рецепции // *Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков*: Сб. науч. тр. / Сост., отв. ред. проф. А.И. Ванюков. Саратов, 2008. Вып. II. С. 44–50.
- ² См.: Новикова Н.В. Программные литературно-критические выступления Иванова-Разумника в журна-

ле «Заветы» // *Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX–XXI веков*: Сб. науч. тр. / Сост., отв. ред. проф. А.И. Ванюков. Саратов, 2006. С. 87–94; *Она же*. Ф. Достоевский в нравственно-философском контексте литературной критики Р.В. Иванова-Разумника // *Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты*: В 2 т. Фольклор и литература: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста: Материалы X Виноградовских чтений 15–17 ноября 2007 г. / Ред.-сост. С.А. Джанумов. М., 2007. Т. II. С. 123–129; *Она же*. «Великие искания» Л. Толстого в литературно-критической интерпретации Р.В. Иванова-Разумника // *Русское литературоведение на современном этапе: Материалы VI Междунар. науч. конф.*: В 2 т. М., 2007. Т. I. С. 87–91; *Она же*. И.А. Гончаров: лично-творческое воплощение в трактовке Р.В. Иванова-Разумника // И.А. Гончаров. Материалы IV Междунар. науч. конф., посвящённой 195-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2008. С. 398–409; *Она же*. Ценности культуры в творческом сознании Р.В. Иванова-Разумника // *Вестн. МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. Филол. науки*. 2008. № 2. С. 65–71; *Она же*. Р.В. Иванов-Разумник о Л. Толстом (по страницам журнала «Заветы») // *Толстовский ежегодник – 2005*. М. (в печати).

- ³ См.: Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник – редактор и автор журнала «Заветы» (1912–1914) // *Литературно-критические выступления Р.В. Иванова-Разумника в журнале «Заветы»: Учеб. пособие для студ., обучающихся по напр. 031000 и спец. 031001 «Филология»* / Сост. Н.В. Новикова; Под ред. Е.П. Никитиной, И.А. Книгина. Саратов, 2007. С. 3–44.
- ⁴ *Иванов-Разумник*. Русская литература в 1912 году // *Заветы*. 1913. № 1. С. 56.
- ⁵ *Келдыш В.А.* Реализм и неореализм // *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов)*. М., 2001. Кн. 1. С. 269–270.
- ⁶ См.: Новикова Н.В. Концептуальные формулы цикла журнальных статей Р.В. Иванова-Разумника // *Вестн. МГОУ. Сер. Русская филология*. М., 2006. № 2(27). С. 239–248.
- ⁷ См.: Новикова Н.В. «Рождение человека» как «заветная» идея литературной критики Иванова-Разумника // *Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежных литературах: Материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–15 апреля 2006 г.* / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН, ВолГУ. Волгоград, 2006. С. 122–127.
- ⁸ См. редакционное введение к статье А. Долинина «Акмеизм» (*Заветы*. 1913. № 5. С. 153), а также: Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник – литературный редактор и критик журнала «Заветы» – о дебюте акмеистов // *Вестн. МГОУ. Сер. Русская филология*. 2007. № 2. М., С. 200–209.
- ⁹ *Иванов-Разумник*. Жеманницы («Чётки») Анны Ахматовой и «Печальное вино» Веры Инбер // *Заветы*. 1914. № 5. С. 51.
- ¹⁰ См.: Новикова Н.В. Поэт в журнале (Константин Эрберг в «Заветах») // *Междисциплинарные связи при изучении литературы*: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. А.А. Дем-

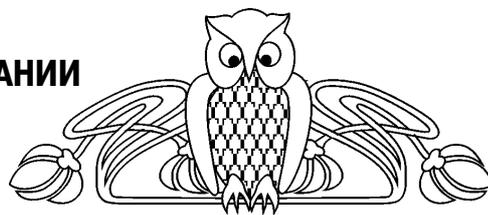
ченко. Саратов, 2006. С. 141–153; *Она же*. Стихотворный цикл Константина Эрберга «Ненависть-любовь» (опыт анализа) // Проблемы филологического образования: Сб. науч. тр. / Под ред. Т.В. Рыженковой, И.А. Тарасовой, А.Б. Щербакова. Саратов, 2006. С. 103–114.

- ¹¹ Лавров А. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 387.
- ¹² Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник о задачах литературной критики // Бочкарёвские чтения: Материалы XXX Зональной конф. литературоведов Поволжья, 6–8 апреля 2006 г. Самара, 2006. Т. 3. С. 232–245.
- ¹³ Иванов-Разумник. Роза и Крест (Поэзия Александра Блока) // Заветы. 1913. № 10. С. 122.

- ¹⁴ Блок А.А. Дневник // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. Запись от 3 мая 1912 г.
- ¹⁵ Иванову-Разумнику в большой мере удалось преодолеть «заветовский» подход к А. Блоку в книге 1919 г. издания «Александр Блок. Андрей Белый» и в дополненном её переиздании («Вершины», 1923).
- ¹⁶ Иванов-Разумник. Дальний край (О романе и рассказах Бориса Зайцева) // Заветы. 1913. № 6. С. 222–233.
- ¹⁷ Иванов-Разумник. Русская литература в 1913 году // Заветы. 1914. № 1. С. 87–88.
- ¹⁸ Иванов-Разумник. «Полемика» и «критика» // Заветы. 1913. № 5. С. 142 (курсив мой. – Н.Н.).

УДК821.161.1–311.6.09/19/+929 [Мережковский +Тынянов+Алданов]

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКУМЕНТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (МЕРЕЖКОВСКИЙ, ТЫНЯНОВ, АЛДАНОВ)

Т.И. Дронова

Саратовский государственный университет,
кафедра русской литературы XX века
E-mail: XXvek@info.sgu.ru

Статья посвящена осмыслению тенденции к «проблематизации» достоверности документа, наметившейся в отечественном художественно-историческом сознании первой трети XX в. (Д.С. Мережковский, Ю.Н. Тынянов, М.А. Алданов). Рефлексия данных авторов об ограниченности «правды» источника в силу его субъективного характера и текстовой (нарративной) структуры коррелирует с новаторским характером их историко-философских романов, воплотивших новое отношение к минувшему, сформировавшееся в полемике с позитивистски ориентированными учеными.

Ключевые слова: Мережковский, Тынянов, Алданов, документ, историко-философский роман, достоверность.

The Problem of Document Reliability in Historical-Aesthetic Consciousness in the First Part of the XX Century (Merezhkovsky, Tynyanov, Aldanov)

T.I. Dronova

The article traces the trend to «problematize» historical documents reliability that arose among Russian historical novelists in the first thirty years of the XX century. D.S. Merezhkovsky, Yu. N. Tynyanov and M.A. Aldanov's theoretical reflections on the limited nature of historical sources' «truth» is shown to correlate with the new quality of their writing in the genre of historical-philosophical novel, the genre that embodied their new attitude towards the past, the attitude developed in the polemics with positivist scholars.

Key words: Merezhkovsky, Tynyanov, Aldanov, document source, historical-philosophical novel, reliability.

Специфика исторического романа как тематической разновидности романного жанра состоит в

художественном осмыслении жизненной реальности, недоступной для непосредственного наблюдения. Выбор предмета изображения – прошлого, не существующего как наличная материальная и духовная субстанция, определяет особую роль текстов-посредников (исторических документов, научных концепций, фольклорных и литературных текстов, а также других видов искусства изображаемой эпохи) в процессе его постижения. Постановка вопроса о мере достоверности документа, о границах и формах художественно-исторического познания – необходимый этап в работе писателя, создающего романное повествование на материале далекого прошлого. Рефлексия авторов исторических произведений об отношении к документу не только приоткрывает их творческую лабораторию, но и фиксирует сдвиги, происходящие в художественно-историческом сознании эпохи, еще не ставшие объектом теоретического литературоведения.

Цель данной статьи – выявление тенденции к «проблематизации» достоверности документа, наметившейся в автометаописаниях и художественной практике Д.С. Мережковского, Ю.Н. Тынянова, М.А. Алданова.

Отказ от «презумпции достоверности» документа – результат переосмысления роли человеческого сознания в процессе исторического познания. Показательно, что «подрыв» статуса документа как «подлинного» свидетельства о прошлом ведется создателями философско-исторических повествований. Рефлексия о природе художественно-исторического познания – составная часть их эстетической и гносеологической позиций.

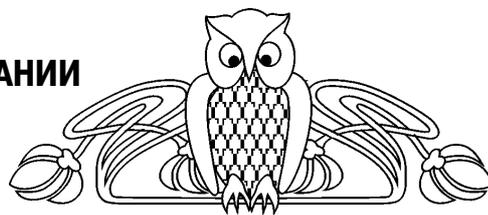
ченко. Саратов, 2006. С. 141–153; *Она же*. Стихотворный цикл Константина Эрберга «Ненависть-любовь» (опыт анализа) // Проблемы филологического образования: Сб. науч. тр. / Под ред. Т.В. Рыженковой, И.А. Тарасовой, А.Б. Щербакова. Саратов, 2006. С. 103–114.

- 11 Лавров А. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 387.
- 12 Новикова Н.В. Р.В. Иванов-Разумник о задачах литературной критики // Бочкарёвские чтения: Материалы XXX Зональной конф. литературоведов Поволжья, 6–8 апреля 2006 г. Самара, 2006. Т. 3. С. 232–245.
- 13 Иванов-Разумник. Роза и Крест (Поэзия Александра Блока) // Заветы. 1913. № 10. С. 122.

- 14 Блок А.А. Дневник // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. Запись от 3 мая 1912 г.
- 15 Иванову-Разумнику в большой мере удалось преодолеть «заветовский» подход к А. Блоку в книге 1919 г. издания «Александр Блок. Андрей Белый» и в дополненном её переиздании («Вершины», 1923).
- 16 Иванов-Разумник. Дальний край (О романе и рассказах Бориса Зайцева) // Заветы. 1913. № 6. С. 222–233.
- 17 Иванов-Разумник. Русская литература в 1913 году // Заветы. 1914. № 1. С. 87–88.
- 18 Иванов-Разумник. «Полемика» и «критика» // Заветы. 1913. № 5. С. 142 (курсив мой. – Н.Н.).

УДК821.161.1–311.6.09/19/+929 [Мережковский +Тынянов+Алданов]

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКУМЕНТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА (МЕРЕЖКОВСКИЙ, ТЫНЯНОВ, АЛДАНОВ)

Т.И. Дронова

Саратовский государственный университет,
кафедра русской литературы XX века
E-mail: XXvek@info.sgu.ru

Статья посвящена осмыслению тенденции к «проблематизации» достоверности документа, наметившейся в отечественном художественно-историческом сознании первой трети XX в. (Д.С. Мережковский, Ю.Н. Тынянов, М.А. Алданов). Рефлексия данных авторов об ограниченности «правды» источника в силу его субъективного характера и текстовой (нарративной) структуры коррелирует с новаторским характером их историко-философских романов, воплотивших новое отношение к минувшему, сформировавшееся в полемике с позитивистски ориентированными учеными.

Ключевые слова: Мережковский, Тынянов, Алданов, документ, историко-философский роман, достоверность.

The Problem of Document Reliability in Historical-Aesthetic Consciousness in the First Part of the XX Century (Merezhkovsky, Tynyanov, Aldanov)

T.I. Dronova

The article traces the trend to «problematize» historical documents reliability that arose among Russian historical novelists in the first thirty years of the XX century. D.S. Merezhkovsky, Yu. N. Tynyanov and M.A. Aldanov's theoretical reflections on the limited nature of historical sources' «truth» is shown to correlate with the new quality of their writing in the genre of historical-philosophical novel, the genre that embodied their new attitude towards the past, the attitude developed in the polemics with positivist scholars.

Key words: Merezhkovsky, Tynyanov, Aldanov, document source, historical-philosophical novel, reliability.

Специфика исторического романа как тематической разновидности романного жанра состоит в

художественном осмыслении жизненной реальности, недоступной для непосредственного наблюдения. Выбор предмета изображения – прошлого, не существующего как наличная материальная и духовная субстанция, определяет особую роль текстов-посредников (исторических документов, научных концепций, фольклорных и литературных текстов, а также других видов искусства изображаемой эпохи) в процессе его постижения. Постановка вопроса о мере достоверности документа, о границах и формах художественно-исторического познания – необходимый этап в работе писателя, создающего романное повествование на материале далекого прошлого. Рефлексия авторов исторических произведений об отношении к документу не только приоткрывает их творческую лабораторию, но и фиксирует сдвиги, происходящие в художественно-историческом сознании эпохи, еще не ставшие объектом теоретического литературоведения.

Цель данной статьи – выявление тенденции к «проблематизации» достоверности документа, наметившейся в автометаописаниях и художественной практике Д.С. Мережковского, Ю.Н. Тынянова, М.А. Алданова.

Отказ от «презюмции достоверности» документа – результат переосмысления роли человеческого сознания в процессе исторического познания. Показательно, что «подрыв» статуса документа как «подлинного» свидетельства о прошлом ведется создателями философско-исторических повествований. Рефлексия о природе художественно-исторического познания – составная часть их эстетической и гносеологической позиций.

У истоков «проблематизации» достоверности документа – творчество Д.С. Мережковско-го. В 1910-е гг., в период работы над трилогией «Царство Зверя» (1908-1918), писатель вступает в спор с историком великим князем Николаем Михайловичем Романовым по вопросу о путях исторического познания. В статье «В защиту Александра I», полемизируя с той трактовкой религиозно-мистических исканий императора, которые были предложены ученым, Мережковский отстаивает путь интуитивного проникновения в суть документальных свидетельств: «Знание есть любовь. Не имея любви к предмету, можно иметь о нем сведения, но нельзя иметь знания <...> Знать о предмете можно только увидев *его изнутри*. Таким внутренним видением, ясновидением обладает сочувственный опыт, опыт любви. Нелюбовь – незнание, невежество, и ученое невежество – злейшее <...> Истинное знание есть дело не одного ума, но и воли, чувства, всех духовных сил человека. Совершенное знание – совершенная любовь, если это верно для других областей знания, то больше всего для истории»¹.

Писатель не отвергает документа как важнейшего источника исторических сведений, он акцентирует внимание на вариативности истолкования документа, на неизбежной гипотетичности интерпретации фактов историками. Цитируя научное кредо великого князя: «Мы вообще не признаем в исторической науке догадок и предположений, которые уместны разве в романах, а предпочитаем опираться на факты, засвидетельствованные документами», Д.С. Мережковский парирует: «Где же, однако, история без догадок обходится? «Опыт» (имеется в виду труд великого князя. – Т.Д.) самого автора наполнен догадками, и притом весьма неудачными <...> Тщетно доказывает автор то, чему противятся все документы»². Д.С. Мережковский не ставит под сомнение истинности документа как такового. Писатель полемизирует с историком, претендующим на «подлинность» своих концептуальных построений, но предлагающим лишь одну из интерпретаций исторических свидетельств. Характерно, что Мережковский не противопоставляет историю как науку и историческое искусство. Напротив, в самих исторических исследованиях, по мнению писателя, «догадка» играет не меньшую роль, чем в художественном произведении, а образы исторических персонажей являются версией ученого, своего рода его «легендой»³.

Исторические исследования воспринимаются писателем как «художественные» повествования. По Мережковскому, процесс исторического познания ведет не к воссозданию, а пересозданию прошлого, благодаря творческой активности познающей личности. Д.С. Мережковскому была «свойственна особая, интеллектуальная интуиция (используя терминологию Н.О. Лосского). Она находит свое проявление и в подходе художника к

факту, документу, и в отношении к мифу, легенде, в их отборе и интерпретации»⁴.

Недостаточность для историка сугубо рационального осмысления источников Д.С. Мережковский объясняет спецификой предмета исследования – его отдаленностью от современного человека «бездной времени»: «Предметы всех других знаний современны познающему; предмет истории отделен от него временем. А бездна времени глубже и безвозвратнее всех бездн пространства <...> Бездна времени – бездна смерти <...> Предмет истории – то, что жило и умерло и будет снова жить вечно, воскреснув в нашем познании. История – есть *воскрешение мертвых* – последнее чудо знания, чудо любви (выделено автором. – Т.Д.)»⁵. Таким образом, целью историка писатель считает «воскрешение мертвых», а «средством» – «чудо любви». Авторская метафора «воскрешения мертвых» свидетельствует о его вере в возможность преодоления «бездны времени – бездны смерти» энергией познающего духа. «Объективному» (рациональному) познанию противопоставляется «субъективное» («подлинное») постижение истории, которое не только не исключает, но, напротив, предполагает активную роль познающего.

Позиция Д.С. Мережковского близка представлениям Н.М. Бахтина о «роковой неадекватности» осознания прошлого, сформулированным, видимо, не без влияния идей писателя и высказанным в статье «Мережковский и история» (1926): «Всякое осознание былого (равно в плане личном и историческом) роковым образом неадекватно. Есть какая-то коренная недоступность и невыразимость того, что раз совершилось и отошло в прошлое. Память, как Дельфийский Бог, «не скрывает, не открывает, но лишь знаменует». Поэтому воссоздание прошлого – не обманчиво, конечно, – а символично, условно по своей природе»⁶.

Автор трилогий «Христос и Антихрист» и «Царство Зверя» стремится преодолеть «тленность» времени, сделать «чужое» прошлое «своим», приблизив его к духовному миру современного человека и дав, тем самым, минувшему не только новую, но и вечную жизнь, благодаря запечатлению в слове. Мережковский-романист широко вводит документы в структуру произведений, выявляя не только их познавательный, но и эстетический потенциал. Функции документов в его романах многообразны: они формируют фабулу, выступают в качестве одного из языков описания ушедшей реальности, являются знаками эпохи, обретающими в контексте романа символическое значение и др. При этом писатель поверяет документы (официальные и частные), концепции историков, тщательно изучаемые им, другими источниками – народными легендами⁷, литературным свидетельствами эпохи, живописными артефактами, также активно включаемыми в повествование. Писатель, с одной стороны, предельно расширяет права документа

в пространстве художественного текста (насыщая художественную ткань своих произведений многочисленными фрагментами подлинных исторических документов и вымышленными текстами «под документ», деталями быта, афоризмами, шутками знаменитых людей эпохи, поэтическими строфами, цитатами из модных книг, реминисценциями из неопубликованных, но бывших на слуху произведений), с другой – ограничивает права документа, лишает их привилегированного положения в тексте, прибегая к приему «перепутанных цитат»⁸ и функционально уравнивая исторические документы с легендами и артефактами. Мережковский эстетизирует процесс исторического познания, относится к документу не как ученый, а как художник.

В структуре романов Мережковского документ, даже точно процитированный, выполняет по преимуществу эстетическую (нарративную) функцию. Коррелируя с действительно звучащим в повествовании голосом автора-повествователя, осмысляющего прошлое с позиции своей религиозно-философской концепции, документ создает иллюзию достоверности, необходимую историческому романисту для диалога с читателем, распространяя ощущение подлинности на все пространство повествования⁹.

Еще более радикально, чем Д.С. Мережковский, высказывается по поводу относительности исторического знания Ю.Н. Тынянов. В отличие от старшего современника, он относится к документу как историческому свидетельству, а не как повествовательному средству. Писатель подходит к осмыслению меры достоверности документа с последовательностью ученого. Его рефлексия содержит «глубочайшее недоверие» к источнику. Причины этого «недоверия», коренящиеся в самой природе документальных свидетельств, аналитически обнажаются автором. Предложенное Ю.Н. Тыняновым рассмотрение разных типов документов (официальных и частных) является, на наш взгляд, автометаописанием, воссоздающим характер работы с документами в процессе создания исторических романов.

Выявляя зоны недостоверности в источниках, Ю.Н. Тынянов предлагает художнику стать исследователем, идти путем анализа и сомнения, приближающим к постижению реальности, стоящей за документом: «Есть документы парадные, и они врут, как люди. Не верьте, дойдите до границы документа, продырявьте его. И не полагайтесь на историков <...>»¹⁰. Исследователь предостерегает от доверчивого отношения к интерпретациям документов историками, которые, по его мнению, лишь «обрабатывают материал», «пересказывают его», т.е. по сути беллетризуют, превращают в нарратив. Столь же опрометчивым, с его точки зрения, является доверие к мемуарным источникам: «Представление о том, что вся жизнь документирована, ни на чем не основано: бывают годы без документов, кроме того, есть такие

документы ... человек не говорит главного, а за тем, что он сам считает главным, есть еще более главное»¹¹. Именно исходя из глубокого понимания природы документального свидетельства (его значимости и одновременно его ограниченности), Тынянов-художник избирает сферу познания прошлого, в которой благодаря интуиции, научной и художественной, может «договорить» то, что не договаривает прототип его персонажа. Знаменитый тыняновский афоризм: «Там, где кончается документ, там я начинаю»¹² – предполагает искусственность исследователя, а отнюдь не пренебрежение документом.

Для автора «Кюхли» (1925), «Смерти Вазир-Мухтара» (1927), «Пушкина» (1932–1943) равно неудовлетворительны две ситуации, на первый взгляд кажущиеся полярными: ситуация недостаточного выхода за пределы документа и «неодождения» до него «за его неимением»: «Я чувствую угрызения совести, когда обнаруживаю, что недостаточно далеко зашел за документ или не дошел до него за его неимением»¹³.

В тыняновских произведениях доминирует авторская лирическая интонация, преобладает принцип прересоздания «реальности». Свою задачу художник видит в том, чтобы «дать людей эпохи, не археологически их реконструировав <...> а как бы влезая в их положение»¹⁴. Документ включается Ю. Тыняновым в повествовательную структуру романов весьма избирательно. Но отличие Тынянова-художника от его ближайшего предшественника Мережковского не только в отборе и характере использования документального знания, но и в структурной функции документа. По убедительному свидетельству Б. Эйхенбаума, «документы <...> появились в романе вовсе не потому, что документировать события необходимо: на фоне взволнованного авторского стиля эти документы звучат как контрастный стиль, как литература, как осуществление нового «конструктивного принципа», сталкивающего противоположные элементы, сопярягающего «далековатые» лексические ряды»¹⁵. В то же время исследовательский подход к имеющимся источникам позволяет писателю сделать ряд открытий, лишь в последующую эпоху подтвержденных исторической наукой¹⁶.

Итак, эстетический итог тыняновской «проблематизации» документа – отказ писателя от демонстрации документального плана повествования¹⁷, акцентирование роли авторского пересоздающего начала. Отсутствие в романе Ю. Тынянова традиционных атрибутов исторического романа (развернутых описаний бытовых, культурных, политических и других фактов эпохи, столь характерных для Мережковского) является, на наш взгляд, своеобразным «минус-приемом» (термин Ю.М. Лотмана) по отношению к читательским ожиданиям, ориентированным на жанровую традицию¹⁸, средством деавтоматизации читательского восприятия.

Известно, что опыт Мережковского-романиста полемически осмыслился Ю. Тыняновым¹⁹. Оценивая рассказ Б. Пильняка о Петре, он констатирует: «К сожалению, в истории у Пильняка плохие источники – например, ни в коем случае нельзя считать авторитетом исторической науки Мережковского, а в «Кнеeb Piter Kommondor» Пильняк его пересказывает»²⁰. Думается, негативные тыняновские оценки романов Д. Мережковского в немалой степени обусловлены тем «смещением» жанров исторического исследования и романного повествования, которые допускает писатель как на уровне творческой рефлексии, так и в структуре художественного повествования²¹. В творческом наследии Ю. Тынянова форма романа предстает как альтернатива историко-литературному исследованию. В «Автобиографии» писатель объясняет свой переход от науки к литературе недовольством историей литературы, «которая скользила по общим местам и неясно представляла людей, течения, развитие русской литературы»²². Но отличается художественная литература «от истории не “выдумкой”, а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них»²³. В отличие от Д.С. Мережковского, уподоблявшего историческое исследование романному повествованию, Ю.Н. Тынянов противопоставляет их: «Эта книга, – пишет он о романе «Пушкин», – не биография. Читатель напрасно стал бы искать в ней точной передачи фактов, точной хронологии, пересказа научной литературы. Это – не дело романиста, а обязанность пушкиноведов <...> Научная биография этим романом не подменяется и не отменяется. Я хотел бы в этой книге приблизиться к художественной правде о прошлом <...>»²⁴. Таким образом, разные формы познания в творчестве писателя не отменяют друг друга, но обретают собственную идентичность в структуре культуры как целого в диалоге друг с другом.

В свете рассматриваемой нами тенденции к «проблематизации» достоверности документа позиция М.А. Алданова²⁵ – автора шестнадцати исторических романов, посвященных русской истории в контексте общеевропейской, интересна тем, что писатель подходит к проблеме относительности исторического познания, в первую очередь с философской точки зрения. Вторая особенность данного автора состоит в то, что он включает рефлексии о субъективном характере документальных свидетельств не только в свою философскую публицистику («Ульмская ночь. Философия случая») и в предисловия к романам (например, к «Девятому Термидора»), но и в структуру своих исторических повествований.

Уже в предисловии к первому роману тетралогии «Мыслитель» (1921–1927) – «Девятое Термидора» – автор ставит вопрос о границах «так называемой исторической достоверности»: «Для своего толкования исторических событий и характеров исторических лиц я имею, разумеется,

«оправдательные документы». Но никакие документы и ничье толкование обязательной силой не обладают. Именно на той таинственной драме, которой посвящена настоящая книга, особенно ясно видишь пределы понятия так называемой исторической достоверности» (курсив мной. – Т.Д.)²⁶.

В книге «Ульмская ночь. Философия случая» (1953) М. Алданов размышляет о правах исторического романиста на создание особой художественно-исторической романной реальности. Главной составляющей метода исследования и изображения исторических событий, репрезентируемого автором «Ульмской ночи», является принцип абсолютного (для него – декартовского. – Т.Д.) сомнения. В публицистическом и художественном творчестве М. Алданова проявления относительности исторического знания предстают как частный случай относительности человеческого познания в целом, а позиция писателя – как восходящая к гносеологии Платона и Декарта, воспринятых через призму неклассической философии XX столетия.

И в публицистике, и в художественном творчестве М. Алданов говорит о субъективности восприятия (а значит, и искажения) любого факта, в том числе и исторического, т.е. о подмене факта образом, субъективно созданным сознанием человека. Но именно специфика этого образа приоткрывает тайны человеческой природы, проявляющейся в различные эпохи: «Не пользуясь мемуарами, можно знать историю большого события, но понимать его невозможно»²⁷. Автор приходит к выводу о том, что воспроизведение исторических событий сродни творчеству писателя, преобразующего внешнеположную ему действительность в образную реальность художественного произведения: «<...> как говорил не без основания Тэн: “надо быть большим писателем, для того чтобы быть историком”»²⁸.

Восприятие М.А. Алдановым труда историка как одного из видов искусства, создающего иллюзорную реальность, обманывающую своей «подлинностью» наивного читателя, по сути дела сближает его с Д.С. Мережковским. Но отношение к данному явлению у него принципиально иное. Если Д.С. Мережковский в своих романах стремится к достижению художественной иллюзии достоверности, то М.А. Алданов постоянно ее разрушает, вводя в свои произведения рефлексии о границах подлинности исторических свидетельств. Подобно авторам модернистских романов, включающим в структуру текстов рефлексии о процессе создания текста и тем самым акцентирующим внимание на условности литературного произведения, М. Алданов насыщает свои исторические романы размышлениями философствующих персонажей (в некотором смысле являющихся alter ego автора) о невозможности постижения подлинного смысла реальности, в том числе исторической. Писатель вводит данную

проблему в качестве предмета споров героев, представляющих альтернативные точки зрения: «– Именно нам, современникам, трудно судить о событиях и о людях революции. Мы слишком пристрастны. Надо отойти на расстояние от того, что происходит. Все выяснит суд истории.

– Нет суда истории, – сказал Пьер Ламор. – Есть суд историков, и он меняется каждое десятилетие <...>» (1, 189–190).

Еще одним способом введения в структуру романов рефлексии по поводу меры достоверности документа являются воспоминания рядовых людей о великих исторических событиях, участниками которых они были. Автор демонстрирует субъективный характер и неизбежную неполноту исторического знания современников, на основе свидетельств которых ученые вынуждены впоследствии реконструировать прошлое.

Так, в романе «Заговор» рассказ об убийстве Павла I передоверен Юлию Штаалу – одному из рядовых участников события. Герой, находящийся в состоянии аффекта, оказывается неспособен объективно воспринимать происходящее. Писатель выявляет не только характер переживания события, но и психологию воспоминания и рассказа о нем в последующем, анализирует механизм работы памяти: «Штааль всю жизнь помнил вечер в квартире Талызина. Но мучительно-волнующее впечатление это в его памяти навсегда осталось бессвязным. Позже, в рассказах, он не раз (как и многие другие) пытался воссоздать картину того, что было. Но это ему не удавалось. Запечатлелись навсегда в его памяти лишь отдельные мгновения, и они через долгие годы вспоминались так же ярко, как на следующий день» (2, 279).

Автор вводит в роман два рассказа героя об убийстве Павла I: один по свежим следам события, более правдивый и искренний, другой – уже эстетически выстроенный: «Штааль нехотя принялся рассказывать и почувствовал, что рассказывает не без удовольствия, хоть для приличия он морщился при некоторых подробностях, показывая, как ему было тяжело “убивать человека”. Роль его в деле была достаточно опасна, можно было не приукрашивать рассказа. Но как только Штааль сообщил, что в самом убийстве не принимал участия, по выражению лица Иванчука он понял, что этого было лучше не рассказывать» (1, 293). «Во второй раз рассказ Штаала вышел эффектнее, чем в первый. Он не говорил прямо, что принимал участие в царевубийстве, но сцену в спальне изложил с такими подробностями, что в выводе не могло быть сомнения» (2, 300).

История для М.А. Алданова – семиотическая реальность, создаваемая многими людьми: учеными на основе документов, которые являются отражением сознания современников и свидетелей того или иного исторического факта.

Рефлексия по поводу познавательного потенциала документа приводит Д.С. Мережковского, Ю.Н. Тынянова, М.А. Алданова к осознанию

границ/пределов достоверности источников, к открытию нарративного характера исторических исследований, к поиску новых способов воплощения духовно-нравственной атмосферы изображаемой эпохи в ее связи с современностью. Представляется, что названные писатели (при всей разности их позиций) в своем анализе структуры документа и способов художественно-исторического познания оказались ближе к философам и культурологам, с семиотической точки зрения осмысляющим данные проблемы, нежели к современным им историкам-позитивистам, убежденным в возможности постижения «правды» истории при полноте освоения документальных свидетельств.

Среди ученых вопрос о знаковом характере исторического познания одним из первых поставил Г.Г. Шпет. В работе «История как предмет логики» (1917, опубли. 1922) ученый обнаруживает ее специфику в словесном характере источника и высказывает мысль о семиотической природе исторического познания²⁹. Во второй половине XX столетия Ю.М. Лотман еще более усложняет представление о характере исторического познания за счет введения категории текста. Он исследует текстовый характер документа, с которым имеет дело историк. Тот факт, что «историк обречен иметь дело с текстами», по мнению ученого, «коренным образом меняет научную ситуацию <...> в других науках исследователь начинает с фактов, историк получает факты как итог определенного анализа, а не в качестве его исходной точки». «Извлечение из текста факта, из рассказа о событии – события представляет собой операцию дешифровки. Таким образом, сознавая или нет, историк начинает с семиотических манипуляций со своим исходным материалом – текстом»³⁰.

Рассмотренная нами тенденция, определившая вектор осмысления проблемы достоверности документа в творчестве Д.С. Мережковского, Ю.Н. Тынянова, М.А. Алданова и в семиотических исследованиях XX в., отнюдь не означает отказа от изучения исторических источников ни историками, ни писателями. Как бы ни менялись состав, формы работы с документами, функции, отводимые им в структуре художественного текста, именно их присутствие и взаимодействие с вымышленными элементами повествования служит источником жанровой энергии, создает необходимое для исторического романа динамическое напряжение. В тех же случаях, когда оно исчезает, романы выходят из-под «юрисдикции» исторического жанра. Пограничным случаем являются современные постмодернистские тексты, в которых осознание нарративного характера исторических документов определяет условия игрового диалога автора с читателем. В центр повествования, как правило, «помещен (псевдо)исторический текст, прочтение и восприятие которого собственно и составляет сюжетную линию произведения»³¹.

Но при всех трансформациях представлений о природе исторического познания, которыми

отмечено XX столетие, документ продолжает оставаться основным объектом исторического познания, интерпретации и оценки как в науке, так и в искусстве.

Примечания

- ¹ Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001. С. 115.
- ² Там же. С. 123.
- ³ С негодованием реагируя на предложенную великим князем трактовку личности Александра I, Мережковский оценивает ее как неудачную легенду: «Когда подсовывают нам вместо живого человека деревянную куклу, которая на ногах не стоит, – это ведь тоже легенда, и притом самая невероятная» (Мережковский Д.С. Было и будет. С. 123).
- ⁴ Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000. С. 242.
- ⁵ Мережковский Д.С. Было и будет. С. 115.
- ⁶ Бахтин Н.М. Мережковский и история // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 363.
- ⁷ «Легенды не история, как облака не горы; но иногда за легендой – высшая правда истории, как за облаками – вершины гор» (Мережковский Д.С. Было и будет. С. 123).
- ⁸ См. об этом: Мельгунов С.П. Роман Мережковского «Александр I» // Голос минувшего. М., 1914; Мицз З.Г. Комментарии // Мережковский Д.С. Христос и Антихрист. М., 1989. Т. 4; Пономарева Г. Заметки о семантике «перепутанных цитат» в исторических романах Д.С. Мережковского // Классицизм и модернизм: Сб. статей. Тарту, 1994 и др.
- ⁹ О данной функции документа в структуре художественного текста см.: Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2005. С. 105: «Даже непосредственная “сырая” действительность – документ, вмонтированный в художественную прозу <...> “материально” оставаясь неизменным, функционально меняет свою природу коренным образом: распространяя на другие участки текста вызываемое ею ощущение подлинности, она получает от контекста признак “сделанности” и становится воспроизведением самой себя».
- ¹⁰ Тынянов Ю.Н. Как мы пишем // Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966. С. 196.
- ¹¹ Там же. С. 197.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Из письма Ю. Тынянова М. Горькому от 21 февраля 1926 года // Лит. наследство. М., 1963. Т. 70. С. 455–456.
- ¹⁵ Эйхенбаум Б. Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б. О прозе. Л., 1969. С. 398.
- ¹⁶ См. об этом: Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966.
- ¹⁷ Чрезвычайно важным представляется суждение А. Беллинкова о том, что «для исторического писателя, в творчестве которого отбор фактов так же идеологиче-
- ски значителен, как и освещение их <...> исключение писателем какого-то материала может быть так же эстетически значимо, как и использование. Исключение материала, несомненно, является осознанным поступком и несет определенную эстетическую функцию» (Беллинков А. Юрий Тынянов. М., 1965. С. 162).
- ¹⁸ «Художественный эффект “приема” – всегда отношение (например, отношение текста к ожиданию читателя, эстетическим нормам эпохи, привычным сюжетным и иным штампам и жанровым закономерностям). Вне этих связей художественный эффект просто не существует <...> Особенно наглядно проявляется это при использовании отрицательных приемов – “минус-приемов”» (Лотман Ю.М. Об искусстве. С. 102).
- ¹⁹ См., напр., суждение современного литературоведа о том, что повесть Ю. Тынянова «Восковая персона» по отношению к роману Д. Мережковского «Петр и Алексей» «<...> выступила фактом переадресованной пародии, явление которой описано Ю. Тыняновым в работе “О пародии” (Плешакова О.И. Повесть Ю.Н. Тынянова «Восковая персона» в аспекте теории литературной эволюции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. С. 13).
- ²⁰ Тынянов Ю.Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 163.
- ²¹ Один из современников Мережковского – историк А. Корнилов считал, что «стремление к полной исторической точности» приближает роман «Александр I» «к типу художественно написанных монографий» (Корнилов А. Исторический роман Д.С. Мережковского «Александр I» // Современник. СПб., 1913. № 2. С. 184).
- ²² Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. С. 20.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 90.
- ²⁵ О полемическом характере диалога М. Алданова с Д. Мережковским см.: Дронова Т.И. Д. Мережковский и М. Алданов: динамика философско-исторического повествования // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Саратов, 2008. Вып. II.
- ²⁶ Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т. 1. С. 38. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страниц в тексте.
- ²⁷ Алданов М.А. Ульмская ночь. Философия случая. Нью-Йорк, 1953. С. 39, 44.
- ²⁸ Там же. С. 43, 62.
- ²⁹ См.: Шпет Г. История как предмет логики // Историко-философский ежегодник – 88. М., 1988.
- ³⁰ Лотман Ю.М. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 353–354, 353.
- ³¹ Каневская М. История и миф в постмодернистском русском романе // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59, № 2. С. 37.

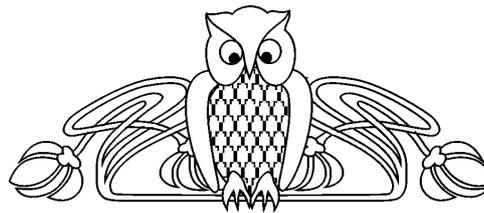

УДК 821.161.1–1.09+929 Тарковский

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНОМ ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ В ПОЭЗИИ А. ТАРКОВСКОГО

С.В. Кекова

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра истории культуры и искусства
E-mail: kekova@yandex.ru

В статье рассматривается принцип преображения как эстетико-религиозный принцип искусства, который получил своё обоснование в трудах русских религиозных мыслителей (В. Соловьёв, В. Вейдле, Б. Вышеславцев и др.). В свете этого принципа анализируется творчество поэта Арсения Тарковского, раскрывается, что в его творчестве принцип преображения является одним из основных смыслообразующих и текстообразующих начал.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, В. Соловьёв, поэзия, русская религиозная философия, принцип преображения.

Understanding the Basic Aesthetic-Religious Principle of A. Tarkovsky's Poetry

S.V. Kekova

The article considers transfiguration as the aesthetic-religious principle, which was grounded in the works by Russian religious philosophers (V. Solovyov, V. Vejdle, B. Vishslavtzev). The poetic works of A. Tarkovskiy are analyzed from this viewpoint, showing that the principle of transfiguration makes one of its central meaning- and text-generating principles.

Key words: Arsenii Tarkovsky, V. Solovyov, poetry, Russian religious philosophy, transfiguration principle.

В. Соловьёв в своей статье «Общий смысл искусства» говорит о произведении искусства как о «превращении физической жизни в духовную»¹, причём художественное произведение есть «... изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира...»² (курсив наш. – С.К.). Эта афористически выраженная мысль Соловьёва даёт нам своеобразную формулу искусства как преображения. В этой же статье мы находим ещё более высокое представление о задаче искусства в его предельном развитии: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, – должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь»³. Формула искусства как преображения и пресуществления является основополагающей и в концепции искусства В. Вейдле. В книге «Умирание искусства» Вейдле пишет: «Художественное творчество есть своего рода пресуществление даров...»⁴.

На концепции искусства В. Вейдле стоит остановиться подробнее, поскольку она даёт

ключи к пониманию соотношения духовного и эстетического, религиозного и художественного модусов существования искусства. Одна из центральных идей в разных работах Вейдле⁵ – мысль о том, что искусство есть язык религии. Вейдле пишет: «Логика искусства есть логика религии. Искусство её принимает, как условие своего бытия; религия её даёт, как раскрытие, в пределах доступного человеку, сокровенной своей сущности. При этом искусство не только тяготеет к религии, вроде того, как тяготеет к математике современное естествознание, да и вся современная наука, <...> но и реально коренится в ней, будучи в своей глубине с нею соприродно. Вот почему искусство ещё не гибнет, когда отделяется от церкви, когда художник перестаёт исповедовать внутренне ещё живущую в нём веру. <...> Гибнет искусство после того, как погибает стиль, хотя бы не религиозный, но утверждающий, в силу самого своего существа, сверхразумный, коренящийся в религии смысл искусства. Окончательно разрушает этот смысл удушающие, рационализирующие силы, удушающие всякий зародыш художественного творчества. Механическим сложением распавшихся частиц духа не воплотить, мира не преобразить, антиномической ткани художественного произведения не создать и целостной вселенной не построить. Последняя отторженность от религии, от религиозного мирозерцания и миропостроения (заменяемого расщепленным мироразложением) не то что отдаляет искусство от церкви, делает его нерелигиозным, «светским»; она отнимает у него жизнь»⁶.

Вейдле замечает, что понятия искусствознания в широком смысле этого слова коренятся в религиозной мысли, главные термины литературоведения заимствованы у богословия. Прежде всего это относится к терминам «воплощение» и «преображение». Характеризуя внутреннюю, сокровенную сущность этих терминов, Вейдле пишет: «Преображение не есть операция вычисляющего рассудка, оно есть чудо, и воплощение – чудо, ещё более чудесное. Их истинный смысл открывается не в философии, не в самом искусстве, а только в мифах и таинствах религии. Из религии исходит и в религию возвращается всякое искусство, не только в смысле историческом или индивидуально-психологическом, но в силу

собственной своей логики или металогики, зависящей от неотъемлемой его природы»⁷.

Связь эстетической категории преобразования с её религиозным коррелятом является одной из тем книги Б. Вышеславцева «Этика преображённого Эроса», где понятие «преобразования» рассматривается в контексте реализации этой категории в рамках Закона и в рамках Благодати.

Пристальный интерес вызывает у Вышеславцева понятие «сублимация», получившее широкое распространение после работ З. Фрейда. В философских построениях Фрейда и его последователей искусство рассматривается как сублимация низших инстинктов человека. Вышеславцев, однако, показывает, что смысл истинной сублимации (т.е. возведения «низшего» к «высшему» Фрейду и его последователям недоступен, ибо, «чтобы понять это возведение, нужно иметь систему категорий бытия, нужно иметь иерархию ценностей»⁸. Вышеславцев пишет: «Фрейд <...> не понимает сублимации. Он не видит, что высшая форма есть нечто абсолютно новое, новая, высшая категория, в которой низшая в каком-то смысле “уничтожена”, в каком-то “сохранена”, а главное – “поднята” на новую, высшую ступень... Иначе говоря, сублимирована, *преобразена*, пресуществлена»⁹ (курсив наш. – С.К.).

Таким образом, доказывая невозможность обоснования подлинной сублимации в теории Фрейда, Вышеславцев разрабатывает теорию сублимации как этики Благодати, т.е. проблема сублимации, а следовательно, и преобразования как основы художественного творчества, предстает в свете христианского учения.

Исходя из вышесказанного, необходимо показать «онтогенез» эстетического термина «преобразование», т.е. раскрыть его религиозное содержание.

Само слово «преобразование» имеет в русском языке два значения. Первое указывает на некое изменение формы, вида, образа к лучшему. Второе связано с евангельским событием, ежегодно празднуемым впоследствии как один из двенадцатых праздников.

В Своем преобразении Иисус Христос явил Свою божественную природу и показал, какой будет Плоть Его после смерти и воскресения. Такой же преображённой, по вере Церкви, будет и плоть человека. Но и весь мир преобразится – в нём не будет смерти и тления. Это преобразование мира совершится в человеке и через человека, так же как и падение мира произошло в человеке и через него. В ознаменование грядущего преобразования мира в праздник Преображения Господня в храмах совершается особая служба, в которой благословляются и освящаются все дары земные – виноград, злаки, яблоки (недаром в народе этот праздник зовётся Яблочным Спасом), хлеб, вода. Вещество, материя зримого нами мира как бы отделяется в таинстве освящения от тления, разрушения и смерти и отдаётся «в собственность Богу, и Богом

приемлется, и в Боге уже теперь, зачаточно, поистине делается новой тварью»¹⁰. Именно поэтому, согласно православному богословию, человек должен особым образом относиться к материальному миру, ко всему видимому, осязаемому, осязаемому. Митрополит Антоний (Сурожский) так объясняет это богословие материи: «Праздник Преображения раскрывает перед нами славу Богом созданной твари. Не только Христос явился в славе Отчей, в славе Своей Божественной в этот день перед Своими учениками: Евангелие нам говорит, что Божественный свет струился из Его *физического тела* и из той *одежды*, которая Его покрывала, *изливался на всё, что окружало Христа*» (курсив наш. – С.К.)¹¹.

Таким образом, понятие Преображения связано не только с конкретным Евангельским событием, не только с праздником Церкви, – это важнейшее понятие христианского богословия в целом. Одним из аспектов этого понятия является аспект эсхатологический: в день Преображения мы видим, какой славой и светом призван воссиять материальный мир в конце времён. Другой аспект этого понятия – антропологический. Можно сказать, что вся христианская антропология своим основанием имеет понятие преобразования или обожения человеческой природы.

Ещё один аспект интересующей нас проблемы затрагивает архимандрит Софроний (Сахаров). В своём «Слове на Преображение» он пишет: «Преобразование Господне является твёрдым основанием нашей надежды на преобразование всей нашей жизни, исполненной ныне труда, болезней, страха, – в жизнь нетленную, богоподобную. Однако восхождение сие на высокую гору Преображения связано с великим подвигом... Память о том, что в жизни нашей должно повториться по подобию всё то, что свершилось в жизни Сына Человеческого, освободит нас от всякого страха и малодушия <...>. Если Господь был искушён, то мы непременно должны пройти через огонь искушений; если Господь был преследуем, и мы тоже будем гонимы от тех же сил, которые гнали Христа; если Господь страдал и был распят, и мы неизбежно должны страдать и также будем распяты, хотя, быть может, и на невидимых крестах <...>. Если Господь преобразился, и мы преобразимся, и ещё здесь на земле, если уподобимся Ему во внутренних стремлениях своих»¹².

Можно сказать, что основой большинства стихотворений А. Тарковского служит память о том, что в подлинной человеческой жизни *по подобию* происходит то же, что происходило с Христом. В наиболее явственном виде мы встречаемся с этой памятью в стихотворении «Как Иисус, распятый на кресте»¹³.

В первых двух строках стихотворения мы сталкиваемся с неожиданным сравнением: «зубец горы» сравнивается с Распятием на кресте Христом. Как кажется на первый взгляд, этот образ имеет чисто зрительную природу, а не ожи-

данность сопоставления «снимается» тем, что перед нами – реальность сна. Дальнейшее развитие сюжета стихотворения – своего рода «распространение» этой реальности, которое дано в категориях земного и небесного начал. Но логика сна приводит к прямому отождествлению горного пика и креста, как центра мира: по кресту «поднимается солнце», а у подножия его – всё человечество. Вторая часть стихотворения переводит действие из плана внешней действительности, как бы увиденной со стороны, в план внутренний. Тарковский говорит о таинстве своей жизни, своей души, которая «по подобию» переживает то же, что переживал Господь в Своем распятии.

Но такое восприятие собственной души есть её преобразование: именно поэтому появляется во второй части стихотворения образ «слепительного горя». Митр. Антоний в одной из своих проповедей пишет: «...бывает, что предельный ужас боли, горя пробивается до самых недр человека и сияет обратно светом, когда это горе, эта боль не соединяются ни с горечью, ни с мстительностью, а остаются в чистоте *распятием* человека, ужасом, который его обдал. Из этих образов мы можем понять, что случилось на Фаворской горе, когда Христос стоял между Моисеем и Илией – один представлял Закон, другой – всех пророков – и беседовал с ними о том, чему надлежит быть, о том, что идёт Он теперь на смерть, на распятие по любви божественной и по своей человеческой отдаче для спасения мира. В этот момент *пробился божественный свет, охватил всё Его естество, и ответно воссияла Его человеческая природа, отдавшаяся до конца Живому Богу на смерть*»¹⁴ (курсив наш. – С.К.). Толкование митр. Антония позволяет раскрыть соотношение божественного и человеческого пути, явленного нам в стихотворении Тарковского.

Все многочисленные образы мучительного расставания с самим собой, перерождения души связаны в творчестве Тарковского именно с таким пониманием преобразования.

В поэтическом языке Арсения Тарковского довольно часто мы встречаемся с употреблением самого слова «преобразование», его производных и синонимов. В первом стихотворении цикла «После войны» возникает образ метаморфозы телесного облика человека, аналогичный росту и распространению дерева в пространстве; в результате меняется, преобразуется опыт дыхания: «Лёгкие мои / Наполнил до мельчайших альвеол / Колючий спирт из голубого кубка, / И сердце взяло кровь из жил, и жилам / Вернуло кровь, и снова взяло кровь, / И было это как преображенье / Простого счастья и простого горя / В прелюдию / Фугу для органа» (1, 140).

В стихотворении «Первые свидания» преобразуется «вседневный человеческий словарь» (1, 217). Понятие преобразования может выражаться и другими словами. В стихотворении «Малютка-жизнь» труд поэта, как и в стихот-

ворении «Новогодняя ночь» – это воплощение человека в слово: «Я жизнь люблю и умереть боюсь. / Взглянули бы, как я под током бьюсь / И гнусь, как язь в руках у рыбакова, / Когда я перевоплощаюсь в слово» (1, 173).

Ещё один синоним преобразования – превращение. Именно так называется одно из стихотворений Тарковского («Превращение» – 1, 231), где преобразование человека связано со стремлением его соединить в себе небо и землю, а результат преобразования – превращения выглядит так: «Лежу, – а жилы крепко сращены / С хрящами придорожной бузины». Эти строки ставят перед исследователем творчества Тарковского вопрос: как соотносится принцип метаморфозы, свойственный античному искусству и, безусловно, используемый поэтом, с принципом преобразования, о котором мы говорим. Для ответа на этот вопрос необходимо пристально рассмотреть не только стихотворение «Превращение», но и другие стихи Тарковского, в которых так или иначе представлено явление метаморфозы. Третья строфа стихотворения «Когда под соснами, как подневольный раб» (1, 319) отсылает читателя к метаморфозе, которая происходит в греческом мифе с Гелиадами – дочерьми бога солнца Гелиоса и сёстрами Фаэттона, который погиб, не справившись с колесницей своего отца. В мифе говорится о том, что, оплакав Фаэттона, его сёстры превращаются в тополя, а их слёзы – в янтарь. Две последние строки стихотворения («Земля глотает кровь, и сёстры Фаэттона / Преображаются и плачут янтарём» (1, 319)) как раз и напоминает нам греческий миф. Здесь слово «преображаются», на первый взгляд, обозначает простую метаморфозу. Но целью Тарковского совсем не является пересказ мифа, тем более что мифологический слой открывается только в третьей строфе, и после её прочтения необходимо вернуться к началу стихотворения, чтобы увидеть мифологическую подоплёку первых двух строф. Тарковский как бы «накладывает» собственную судьбу на греческий миф, отождествляя себя с Фаэттоном, падающим на землю, соединяющимся с землёй. Поэт пересоздаёт миф: новый Фаэтон, падая на землю, входит в неё своим огненным составом («И разве это я ишу сгоревшим ртом / Колен сухих корней...»), проникает в плоть земли («Земля глотает кровь») и тем самым пересоздаёт, преобразует её. Знаком этого преобразования становятся сосны (они упоминаются и в первой, и во второй строфе, в мифе же никаких сосен нет), которые «плачут янтарём». Тарковский соединяет «реальный» план бытия (источником янтаря является окаменевшая смола сосен), древнегреческий миф и собственный миф о Фаэттоне в одно целое. В результате происходит своеобразная «обратная метаморфоза»: не Гелиады превращаются в тополя, а сосны превращаются в сестёр Фаэттона. Причина же их преобразования – вхождение «небесного» в «земное», и совершается

оно благодаря жертвенному страданию, смерти Фаэтона-поэта.

В стихотворении «О, только бы привстать, опомниться, очнуться» мы встречаем подобный же лирический сюжет: вхождение (будущее) человека в стихию земли должно привести к особому её преображению: она должна обрести дар речи, стать продолжением жизни поэта: «Дай каплю мне одну, моя трава земная, / Дай клятву мне взамен – принять в наследство речь, / Гортанью разрастись и крови не беречь, / Не помнить обо мне и, мой словарь ломая, / Свой пересохший рот моим огнём обжечь» (1, 209).

Можно сказать, таким образом, что понятие преображения – одно из важнейших понятий художественного мира Тарковского. Целый пласт творчества Тарковского даёт возможность увидеть преображённый мир, живущий по законам любви и красоты. Такие стихи, как «Первые свидания», «Белый день», «Словарь», «Я учился траве, раскрывая тетрадь», «Ода», «Посредине мира», «Шиповник» пропитаны светом преображения, который бросает свой отблеск на всё его творчество. Преображённый мир явлен поэту в трёх состояниях: в переживании любви, в воспоминаниях о детстве, в творчестве.

В стихотворении «Шиповник» перед читателем тоже встаёт образ преображённого мира. Мы встречаемся здесь с образом замкнутого пространства – сферы, шара, внутри которого, как дивное повторение гармонии вселенной, – куст цветущего шиповника. Образ шиповника разворачивается в символах и метафорах, связанных прежде всего с явлениями света и музыки. В первой строфе мы читаем: «Я завещаю вам шиповник, / Весь полный света, как фонарь» (1, 228). Шиповник полон света, и, возможно, здесь перед нами скрытая отсылка к библейской Неопалимой купине – Кусту, который горел, но не сгорал (этот образ встречается также в стихотворении «До стихов», что говорит о его значимости для поэта). Во второй строфе возникает музыкальный мотив. В цветущем кусте, несмотря на кажущийся звуковой разнотон, спрятано стройное, гармонически организованное музыкальное начало («Едва калитку отворяли, / В его корзине сам собой, / Как струны в запёртом рояле, / Гудел и звякал разнотон») (1, 228).

В третьей строфе перед нами разворачивается удивительное действие: сонм снующих насекомых в световом луче превращается (преображается) в нисходящих и восходящих по лестнице ангелов. Самого слова «ангел» в стихотворении нет, но присутствует образ лестницы – лестницы («ступени светотени») и слово «видение», которые и отсылают нас к видению Иакова из Книги Бытия: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят на неё. И вот Господь стоит на ней и говорит...» (Быт., 28, 12–13). Видение

насекомых-ангелов окутано радужным сиянием, а радуга служит в Библии знаком Завета Бога и мира. В книге Бытие после потопа появляется радуга, и Господь говорит: «Я полагаю радугу мою в облаке, чтобы она была знамением вечного завета между мною и между землёю» (Быт., 9, 13). Кстати сказать, с точки зрения оптики в реальном плане бытия радуга сама по себе – «преображение» белого цвета. Характерно, что и сам белый цвет, как в православной иконографии, у Тарковского может соотноситься с образом рая. Так, в стихотворении «Белый день» даже трава приобретает несвойственный для неё цвет, потому что она – в «райском» саду детства: «В цветку серебристый тополь, / Центифолия, а за ней – / Вьющиеся розы, / Молочная трава. / Вернуться туда невозможно / И рассказать нельзя, / Как был переполнен блаженством / Этот райский сад» (1, 302).

Возвращаясь к «радуге видений», снующей «вдоль и поперёк луча», из стихотворения «Шиповник», мы должны напомнить о двойном смысле этого образа. Это и образ, имеющий библейские корни, и реальный образ переливающихся разными цветами крыльев бабочек и мотыльков. Радужное «сплетенье линий, лепет пятен» – воплощение любви, которой пропитан весь воздух стихотворения.

Куст шиповника, явленный в стихотворении А. Тарковского, – это ещё и весть, послание читателю, благая весть о рае. Перед нами мир в его преображённом состоянии.

Примечания

- ¹ Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 82.
- ² Там же. С. 145.
- ³ Там же. С. 89.
- ⁴ Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001. С. 75.
- ⁵ См. работы В. Вейдле «Умирание искусства», «Искусство как язык религии», «Письма об иконе», «О том, что такое культура», «Религия и культура» и др.
- ⁶ Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001. С. 75.
- ⁷ Там же. С. 75.
- ⁸ Вышеславцев Б. Этика преображённого эроса. М., 1994. С. 111.
- ⁹ Там же. С. 111.
- ¹⁰ Митрополит Антоний Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Проповеди. Клин, 1999. С. 42.
- ¹¹ Там же. С. 41.
- ¹² Архимандрит Софроний (Сахаров). Рождение в Царство Непокоримое. М., 2001. С. 198.
- ¹³ См.: Тарковский А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 70. Далее стихотворения А.Тарковского цитируются с указанием в тексте тома и страницы.
- ¹⁴ Митрополит Антоний Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Проповеди. С. 45.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321.015

НОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ

И.И. Кузнецов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: politbum@mail.ru

В статье рассматривается становление и развитие новых политических институтов в России. Исследуются тенденции и противоречия политического развития страны в 2000 – 2008 гг., фиксируются тенденции эволюции внеконституционных органов власти в РФ (Государственного совета РФ, полномочных представителей президента в федеральных округах, Совета по приоритетным национальным проектам, Общественной палаты). Автор обозначает проявления политического аутсорсинга в российской политической системе как индикатор ее дисфункций.

Ключевые слова: государственная власть, политические институты, современные политические процессы России, параконституционализм, субституты политической системы, политический аутсорсинг.

New Institutions in the Russian Federation State Power System: the Tendencies and Contradictions of Development

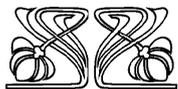
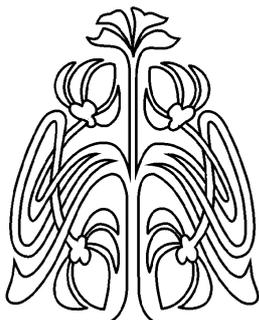
I.I. Kuznetsov

In the article the formation and development of new Russian political institutions are considered. The tendencies and contradictions of the country's political development during 2000–2008 years have been studied; the tendencies of extra-constitutional bodies' evolution in the RF (Council of State of the RF, plenipotentiaries of the President in the federal districts, the Council of the priority national projects and the Public Chamber) are fixed. The author denotes the manifestations of political auto sourcing in the Russian political system as an indicator of its dysfunctions.

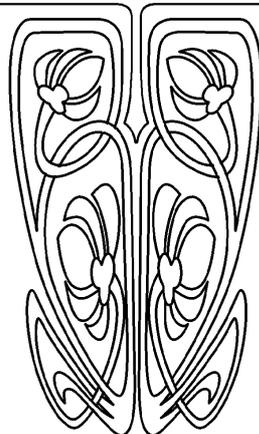
Key words: state power, political institutions, modern political processes in Russia, par constitutionalism, substitutes of political system, political auto sourcing.

В политической жизни России наблюдается заметная динамика, связанная с институтами государственной власти, которая существенно влияет на развитие государства и общества. Конфигурация российской власти существенно изменилась за последние несколько лет. Период с 2000 по 2008 г. характеризовался появлением целой группы новых политических институтов (Государственный совет, полномочные представители президента в федеральных округах, Общественная палата РФ и другие). Кроме того, изменились и ранее существовавшие политические и государственные институты: партийная система, избирательная система, процедура избрания на должность глав регионов. Все эти изменения реализованы как на уровне законодательства (специальными актами), так и на уровне иных нормативных актов (Указов Президента РФ, Постановлений Правительства РФ и др.). Таким образом, можно констатировать, что при сохранении основных параметров конституционной модели государственной власти произошла существенная коррекция всей системы государственной власти и управления.

Для того чтобы рассмотреть динамику новаций в формировании новых институтов власти, необходимо очертить хронологические рамки данного процесса. На наш взгляд, в течение 2000–2008 гг. прослеживается как минимум *три волны таких новаций*.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Первая из них связана с вступлением в должность Президента РФ В.В. Путина и берет свое начало с июня 2000 года. Именно тогда были изданы указы главы государства о разделении страны на семь федеральных округов во главе с полномочными представителями президента, изменен порядок формирования Совета Федерации Федерального собрания РФ, появился Государственный совет. Таким образом, была реализована система мероприятий по усилению воздействия федерального центра на политику регионов и концентрации полномочий.

Вторая волна, хронологические рамки которой можно определить как 2004–2006 гг., может быть соотнесена с событиями, которые последовали после бесланской трагедии в сентябре 2004 г. Выступление Президента В.В. Путина после штурма школы в г. Беслане (Северная Осетия) 13 сентября 2004 г. перед российской общественностью содержало, кроме прочего, и ряд конкретных институциональных новаций, позднее оформленных как целостные законопроектные предложения. Президент предложил изменить существовавшую избирательную систему и перейти к избранию депутатов Государственной думы только по партийным спискам. В этот же период вписываются такие президентские новации, как создание Общественной палаты РФ и переход к новой схеме избрания/назначения губернаторов. Кроме того, на фоне развернувшейся в течение второй половины 2003 г. информационной кампании по «борьбе с олигархами», пиком которой стало «дело ЮКОСА», возникает и оформляется в конкретные институциональные формы идея создания госкорпораций.

Осенью 2005 г. был создан Совет по реализации приоритетных национальных проектов (далее ПНП), призванный координировать всю работу по заявленным четырем масштабным направлениям президентских инициатив (здравоохранение, образование, жилищное строительство, сельское хозяйство). Контроль за ходом реализации проектов был возложен на руководителя Администрации Президента РФ Д.А. Медведева (в статусе главы Президиума Совета ПНП) с последующим его административным перемещением на должность первого вице-преьера Правительства РФ¹. Потенциал влияния данного органа определяется, на наш взгляд, двумя важными параметрами. Во-первых, Совет фактически распоряжается бюджетом ПНП в размере более 4,5 млрд долларов. Кроме того, схема реализации мероприятий ПНП представляется совершенно новой (особенно в части организации конкурсного отбора и софинансирования регионами части программ проектов). Во-вторых, Совет по реализации ПНП объединил более четырех десятков высоких государственных чиновников исполнительной и законодательной власти (министры, полпреды Президента РФ в федеральных округах, главы палат парламента).

Стоит отметить, что Совет по реализации ПНП несколько понизил авторитет премьер-министра. Стратегическое управление ПНП и их оперативное сопровождение допускало директивные отношения данного Совета с профильными министрами. Кроме того, в Совете участвуют представители законодательной власти наряду с чиновниками из власти исполнительной, что в некоторой степени нарушает реализацию принципа разделения властей. Получается, что парламентские деятели, призванные контролировать эффективность проведенных правительством расходов, стали наряду с исполнительной властью делить ответственность не за результат конкретных мероприятий ПНП, а за соблюдение графиков выполнения планов, технические особенности их реализации.

Третья волна институциональных новаций хронологически определена периодом 2007–2008 гг. Это изменения в системе государственной власти, связанные де-юре с перераспределением функций между Президентом РФ и Правительством РФ, а де-факто – между бывшим главой государства В.В. Путиным и новым – Д.А. Медведевым. Важнейшим политическим событием этого периода, на наш взгляд, является реализация инициативы Д.А. Медведева (выраженной в Послании к Федеральному собранию РФ 5 ноября 2008 г.) о корректировке некоторых положений российской Конституции. Решение о конституционной реформе, провозглашенное Д.А. Медведевым, имеет весьма слабую аргументацию: необходимость увеличения сроков полномочий главы государства и Государственной думы обосновывается «требованиями момента» – обеспечением срока достаточного для реализации заявленных программных установок. Отсутствие всестороннего обсуждения данной новации, скоротечная законодательная процедура в парламенте по реализации предложений президента – все это свидетельствует о непубличном характере принятия важнейшего политического решения, следовательно, о высоком риске возможных его последствий. Одним из главных итогов данного решения, на наш взгляд, является снятие негласного табу на правку Основного закона.

Распределение полномочий между действующим Президентом России и главой Правительства осуществляется на основании действующей Конституции, регулирующей основные вопросы их компетенции. Есть и значимые политические факторы – распределение контроля и ответственности за деятельность важнейших в российской политике структур – крупных экономических холдингов и силовых ведомств. В настоящее время в РФ создаются крупные компании, получающие значительные материальные активы и бюджетные средства на развитие – «Ростехнологии», «Роснано», авиа- и судостроительная корпорации. Вопрос заключается в том, как будет организовано государственное участие в управле-

нии их развитием? Открытым остается вопрос о том, как будет осуществляться представительство государственных интересов в этих компаниях – с опорой на руководство Правительства или через Администрацию Президента. Столь же сложным и пока без четкого ответа остается вопрос о российских силовых структурах. Внешние проявления кризисных тенденций в данной сфере связаны с информационными кампаниями вокруг двух актуальных сюжетов. Первый – реформа прокуратуры и выделение из ее состава специального органа – Следственного комитета РФ, подчиненного напрямую главе государства. Второй сюжет – обострение взаимоотношений ФСБ России и ФСКН (Госнаркоконтроль) в связи с уголовным делом в отношении генерал-лейтенанта начальника Департамента оперативного обеспечения ФСКН А. Бульбова². Не касаясь существа конкретных противоречий в данных сюжетах, отметим, что сама ситуация институционального конфликта в силовых структурах опасна в силу неопределенности их политического статуса (в рамках действующего законодательства все силовые структуры подчиняются напрямую Президенту РФ, но сценарий с «наследованием» поста главы государства, по-видимому, предполагает наличие важных неформальных договоренностей на высшем уровне государственной власти). Как отмечает эксперт Центра политических технологий А. Макаркин: «Идеологическая близость между отдельными участниками путинской команды не означает, что в аппаратной борьбе они выступают союзниками. Более того, если их компетенции близки или даже пересекаются, то они могут стать и конкурентами»³.

Рассмотрим основные тенденции и противоречия развития системы государственной власти в РФ. Одной из самых заметных тенденций политической жизни России последнего времени является сокращение возможностей проявления политической активности *практически всех политических акторов*. Население страны утратило возможность голосовать непосредственно за конкретных депутатов в связи введением пропорциональной избирательной системы. Также утрачена возможность голосования «против всех» кандидатов. В совокупности с отменой порога явки на выборах это резко сократило возможности публичной политики вообще и, главное, снизило интерес к ней в широких массах. Этой же тенденции «способствовало» усложнение процедуры создания и режима функционирования политических партий. Переход на пропорциональную систему был одним из этапов многоступенчатого процесса, который в целом характеризуется как рост «входных» барьеров на рынок политической конкуренции⁴.

Изменилась роль глав субъектов РФ. Этот процесс начался с их фактического «выдавливания» из состава Совета Федерации (2000 г.) и введением института полномочных представителей

Президента РФ (2000 г.) и закончился изменением процедуры их назначения. В настоящее время даже в тех немногих регионах, где персона губернатора осталась прежней (среди «долгожителей» те, кто возглавлял «губернаторскую оппозицию» в конце 1990-х гг. – М.Ш. Шаймиев, Ю.М. Лужков, М.Г. Рахимов, А.М. Тулеев), политическая роль их стала существенно иной. Губернаторы сейчас контролируются, возможно, недостаточно эффективно, но значительно плотнее со стороны главы государства. Ранее они были практически полновластными хозяевами в своих регионах, что давало возможность увидеть уровень социальной поддержки проводимой ими политики. Сейчас же губернаторы стали частью «вертикали власти», пусть высокопоставленными, но все же в большей мере чиновниками, чем политиками. Соответственно теперь их интересы заключаются в том, чтобы послушно выполнять распоряжения сверху, зачастую несколько не задумываясь об их эффективности и возможных последствиях (весьма красноречиво об этом свидетельствуют практические промахи в реализации Федерального закона № 122 «О замене льгот»). И если раньше губернаторы, избранные каждый в своем регионе населением, могли нейтрализовать возникающие протесты, не транслируя их на федеральный уровень (в чем-то даже стимулируя участие граждан в принятии политических решений), то теперь под возможный удар подставлена вся «вертикаль власти»⁵. В результате она вынуждена искать какие-то нетривиальные механизмы оценки эффективности деятельности глав регионов⁶, балансировать между различными региональными политическими группировками при подготовке и проведении ключевых кадровых назначений.

Сокращение возможностей активного политического влияния коснулось и сектора НКО. Данный сектор в течение достаточно продолжительного времени (1990-е – начало 2000-х гг.) развивался в нашей стране под влиянием двух тенденций. Первая заключалась в том, что определенной частью политической элиты России, а также значительным числом граждан (в основном либеральной политической ориентации) развитие гражданского общества рассматривалось как необходимая предпосылка постсоветской трансформации, условие становления демократического режима. В некоторой степени концепт «гражданское общество» стал частью общей политической стратегии антикоммунистической мобилизации, идеологической основой формирования новой системы власти. Другая тенденция стала ярко проявляться относительно недавно, в начале 2000-х гг., а главной ее чертой стала обеспокоенность многих политиков и экспертов в том, что гражданские группы играют роль намного меньшую, чем ожидалось в сфере политического процесса в целом и обеспечении гражданского контроля за властью, в частности. Серьезным испытанием для развития НКО в России стало использование ведущими по-

литическим акторами такого аргумента – российские общественные организации некоммерческого сектора представляют собой не классические низовые структуры, возникшие вследствие самоорганизации и инициативы граждан, а скорее институты, сформированные благодаря внешним факторам – содействию демократизации и продвижению принципов гражданского общества со стороны Запада. Особенно острым в данной связи выглядит вопрос финансовой помощи такому институциональному строительству из-за рубежа⁷. Учитывая, что иностранные доноры зачастую оказывались для российских НКО единственным источником финансирования, нетрудно видеть основания для весьма неконструктивной позиции общественников в отношении и к Российскому государству и к российскому бизнесу.

После ряда информационных кампаний против организаций, финансирующих деятельность общественного сектора в России (Британский совет и др.), изменился налоговый режим, модернизированы правила регистрации таких организаций.

Еще одной видной тенденцией развития государственной власти в России стало *повышение роли корпораций в пространстве публичной и теневой политики*. Этот процесс связан с получением значительных экономических преференций крупными государственными компаниями, менеджмент которых близок правящей политической элите. Такие холдинги как Газпром, РЖД, Рособоронэкспорт, Транснефть, Роснефть и др. имеют сегодня мощное политическое влияние, которое многократно превышает воздействие общественных организаций и политических партий. Эти компании, имеющие готовые команды менеджеров, большие финансовые и административные ресурсы, хорошо оснащены медиа-структурами, политологическими экспертными центрами и выступают как вполне самостоятельные политические игроки. Они активно продвигают свои кадры на посты глав регионов, участвуют в избирательных кампаниях, формируют стратегические планы развития территорий, опираясь, прежде всего, на свои интересы. Примечательно, что именно корпорации, а не политические партии или общественные движения выступают инициаторами разработки перспективных программ и проектов, привязывая формулирование стратегии развития России к своему инвестиционному циклу.

Силовые структуры государства – армия, ФСБ, МВД, Генеральная прокуратура и др. – выступают так же, как корпорации, имеющие серьезные политические амбиции и влияние, которое непублично и имеет собственную внутреннюю логику. Пресловутая тема борьбы с коррупцией, которая стала одной из важнейших в общенациональной повестке дня, показала, как возможна резкая эскалация административной конкуренции: ведомства выдвигали свои планы борьбы с этим социальным злом, фиксируя ту перспективную

роль, которую могли бы выполнить только они. Видимо понимая это, президент не отоблагодарили ни одно из ведомств на данный фронт работы – был создан Совет по борьбе с коррупцией при главе государства. Таким образом, сложилась аналогичная назначению губернаторов ситуация – президент выступает главной инстанцией при решении всех практических вопросов, адресованных к властной системе, замыкает на себя всю ответственность по борьбе с коррупцией.

Ключевой тенденцией политического развития современной России, на наш взгляд, является *развитие «параллельных функций» между «старыми» (то есть функционирующими как конституционные в России с 1993 г.) и «новыми» политическими институтами*. Так, очевидно, что Общественная палата РФ стала местом, где постоянная дискуссия – норма жизни, где подвергаются пристальному анализу вносимые в парламент законопроекты, обсуждаются актуальные политические события, затрагивающие жизненные интересы граждан. В то же время Государственная дума, которая, по меткому выражению ее председателя Б.В. Грызлова, – «не место для дискуссий», при сократившемся количестве представляющих общество политических партий, стала голосовать консолидированно, практически во всем поддерживая действующий курс правительства. Получается, что Общественная палата стала выполнять представительские функции российского общества, в чем-то заменяя, по сути, функционал Государственной думы.

Государственный совет, созданный по инициативе президента как уступка губернаторам за запрет их участия в работе Совета Федерации, получил такой формат назначения президиума, который позволяет манипулировать повесткой дня заседаний и существенно сдерживать амбиции региональных лидеров. Совет Федерации значительно теряет свои политические позиции, превращаясь в «палату лордов», мало связанных с интересами региона, который они представляют. В Совете Федерации уже нет таких дискуссий, как ранее (трудно представить сейчас повторение ситуации конца 1990-х гг., когда сенаторы отказывали главе государства в поддержке его кадровых назначений). Параллельно конституционно сформированному Совету Федерации действует сейчас не только Государственный совет, созданный по Указу Президента РФ, но и так называемый Совет законодателей, объединивший с 2001 г. глав законодательных собраний всех российских регионов. Таким образом, наблюдается стремление федерального центра держать региональных руководителей на контроле, в том числе и через их участие в работе таких консультативно-совещательных органов, которыми, по сути, и являются Госсовет и Совет законодателей.

Деятельность Правительства РФ как высшего органа исполнительной власти в стране отчасти также дублируется. Это касается работы

Совета по ПНП, который помимо собственно разработки идеологии и планов ПНП осуществляет непосредственное руководство мероприятиями в таких социально значимых сферах, как здравоохранение, образование, жилищное строительство и сельское хозяйство. Кроме того, наряду с данным советом динамику выполнения ПНП контролирует Президиум Госсовета РФ, дополняя, таким образом, механизм обратной связи с регионами.

Отмеченная выше тенденция свидетельствует о значительном институциональном смещении в системе государственной власти России, связанном с появлением значительного количества внеконституционных органов, которые получили широкие возможности влияния на принятие политических решений. Это дает основание некоторым политологам указывать на неэффективность существующей конституционной системы власти, ограничение реальных возможностей парламента, снижение публичности и прозрачности в российской политике в целом. Так, например, известный британский политолог, профессор Ричард Саква полагает, что в современной России сложился особый тип режима, характеризующийся противоречием между принципами конституционного государства и административного режима. При этом «доминирующие нормы параконституционного поведения формально не противоречат букве конституции, но подрывают дух конституционализма»⁸. Появление и функционирование таких институтов, как Госсовет, Совет по ПНП, Общественная палата, федеральные округа, он рассматривает как создание системы суррогатов, определяющих функционирование теневой сферы параконституционализма. Тандем бывшего президента В. Путина и действующего главы государства Д. Медведева он определяет как параконституционную инновацию, которая в дальнейшем значительно изменит реальное соотношение сил: «Россия формально останется президентско-парламентской республикой, но фактически управлять страной будут как парламентской республикой»⁹.

Это мнение разделяет и российский политолог Н. Петров, который использует иной термин, определяющий процесс появления новых внеконституционных институтов власти, – «субституционализация»¹⁰. По его мнению, эти субституты, будучи суррогатами конституционных, не обладают собственной легитимностью и своим существованием обязаны только президенту. Это делает их чрезвычайно уязвимыми с позиции статуса и неполноценными с точки зрения их функциональности. Общий вывод сторонников данной позиции сводится к тому, что такие «субституты» или «параконституционные» дополнения к Конституции не повышают ее эффективность (как это, возможно, предполагалось изначально авторами подобных инициатив), а наоборот, тормозят развитие устойчивого консти-

туционного строя, появление живой гражданской культуры и гражданского общества.

В заключение хотелось бы отметить наметившиеся противоречия в системе российской государственной власти в связи с появлением и развитием новых институтов. Во-первых, происходит усиленная бюрократизация текущей деятельности как исполнительной, так и законодательной власти. Дополнительные согласования и новые процедуры взаимодействия между ведомствами, увеличение времени прохождения документов и др. – все это создает мощную основу для «разбухания» аппаратов и неэффективного использования ресурсов (особенно примечательна в этом отношении параллельная работа Правительства РФ и Совета по ПНП, а также Государственной думы и аппарата Общественной палаты). Во-вторых, явно прослеживается «размывание» ответственности конкретных ведомств и должностных лиц за формулирование стратегии конкретных политических мероприятий и их реализацию (об этом свидетельствуют такие функциональные сбои, как массовые социальные протесты в результате непродуманной монетизации в 2005 г., «алкогольный» кризис 2006 г. с введением новой системы маркировки и учета алкогольной продукции и др.). В результате расширения институциональных возможностей ухода от ответственности увеличивается риск некорректных решений большого масштаба. В-третьих, отсутствие конституционного статуса новых институтов ведет к тому, что они выступают как дополнительные и, возможно, не имеющие большого политического будущего. Это дает основание некоторым политическим акторам в России и за рубежом рассматривать их как «подпорки» реальных институтов представительной и исполнительной власти.

Однако, на наш взгляд, есть в данном процессе и некоторые положительные моменты. Появление и активная деятельность Общественной палаты привлекли внимание к правозащитной деятельности, дали возможность представителям гражданского общества выступить с твердой позицией по ряду социально значимых сюжетов («дело рядового А. Сычева», «дело водителя О. Щербинского» и др.). Совет по ПНП продемонстрировал реальные возможности по выстраиванию долгосрочных стратегий развития с опорой на новый менеджерский инструмент – проектное управление. Государственный совет, функционирующий на регулярной основе, позволил укрепить региональную политику федеральной власти, обеспечить вовлечение в общенациональный процесс стратегирования региональные элиты. Таким образом, можно предположить, что новые политические институты выполняют некоторые функции, возложенные на конституционные институты власти, акцентируя «обратную связь» с объектами управления (обществом в целом, НКО, региональными руководителями, отраслевой бюрократией и корпорациями). В этом прослеживается своеобразный *политический*

*аутсорсинг*¹¹ – специально сформированным политическим институтам передаются функции конституционно закрепленных институтов с тем, чтобы полнее использовать потенциал конкурентной среды и добиться эффективности политических процессов. Главная угроза стабильного существования этих новых институтов и системы государственной власти в целом – переход к полному замещению функций конституционных органов власти, повышение конфликтности в их взаимодействиях. Все это ведет к нестабильности и разрушению государственного строя. Поэтому сейчас весьма актуально наряду с расширением возможностей новых политических институтов развивать и закреплять условия реальной конкуренции: в электоральном процессе, в экономических отношениях, в сфере социально-политических взаимодействий общественных структур.

Примечания

- ¹ Данное кадровое решение становится более понятным в ретроспективной логике реализации схемы «преемничества» в течение 2007–2008 гг. Выбор Д.А. Медведева в качестве кандидата на пост главы государства и укрепление его реального политического веса возможностями контроля масштабных по затратам и социальной значимости государственных программ продемонстрировало политической элите основные административные и кадровые ориентиры команды В.В. Путина.
- ² См.: *Карачева Е.* Ночь на размышление // *Время новостей*. 2008. 11 нояб. № 208.; *Ирин Ю.* Генерал Бульбов готов застрелиться, если следствие докажет незаконные прослушки // *Коммерсантъ*. 2008. 1 нояб. № 201(3777).
- ³ *Макаркин А.В.* Российские элиты и кремлевские атомы // *Pro et contra*. 2007. № 4–5(38). С. 25.
- ⁴ Хронологически этот процесс выглядит так: «2001 г. – закон о партиях, вводящий монополию партий на участие в выборах по спискам; повышение отсекающего барьера (2002 г., но с отложенным вступлением в силу); запрет на участие в избирательных объединениях общественных организаций (2003 г.); второе повышение минимальной численности партий (2004 г.); запрет на участие в избирательных объединениях общественных организаций (2003 г.); второе повышение минимальной численности партий (2004 г.); запрет депутатам выходить из фракций (2004 г.); отказ от одномандатных округов и запрет боков на выборах в Госдуму (2005 г.), а также в региональные собрания; изменение порядка регистрации партий и кандидатов, выразившееся в уже-

- сточении требований к сбору подписей и фактическом повышении суммы избирательного залога (2005 г.)». (*Макаренко Б.И.* Новый закон о выборах и эволюция режима // *Pro et contra*. 2006. № 1(31). С. 100–101).
- ⁵ Протесты против монетизации льгот продемонстрировали, что, несмотря на попытки некоторых федеральных чиновников перевести стрелки на региональные власти, граждане, согласно социологическим опросам, сочли виновными в своих бедах в большей степени Москву, а уж потом своих местных начальников. См.: *Петров Н.В.* Корпоративизм vs регионализм // *Pro et contra*. 2007. № 4–5(38). С. 89.
  - ⁶ Указ Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» № 825 от 28 июня 2007 г.
  - ⁷ 22 января 2006 г. на телеканале РТР была показана авторская программа А. Мамонтова «Шпионы», которая «объяснила» логику изменения законодательства о регистрации и деятельности НКО в России. Принятый Федеральный закон РФ № 18-ФЗ «О внесении изменения в некоторые законодательные акты РФ» существенно усложнил порядок функционирования НКО в России. См.: *Гнездилова О., Звягина Н.* Свобода ассоциаций в России. До 18 апреля 2006 года и после // *Вестн. публичного права*. 2006. № 16. С. 7–11.
  - ⁸ *Саква Р.* Подотчетность, конституционализм и некоторые модели власти в посткоммунистической России // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2008. № 2(63). С. 68–69.
  - ⁹ Там же.
  - ¹⁰ «Субституты – Госсовет и больше десятка консультативных советов при президенте, Совет безопасности, Общественная палата, полпреды президента в федеральных округах и их администрации, спецпредставители президента, общественные приемные и др. – не могут играть самостоятельной роли и служить каркасом политической системы, структурировать ее, обеспечивать стабильность» (*Петров Н.* Субституты институтов // *Отечественные записки*. 2007. № 6(40). С. 66).
  - ¹¹ Аутсорсинг (от англ. *outsourcing* – внешний источник) – передача организацией определенных бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области. В отличие от услуг сервиса и поддержки, имеющих разовый, эпизодический, случайный характер и ограниченных началом и концом, на аутсорсинг передаются обычно функции по профессиональной поддержке бесперебойной работоспособности отдельных систем и инфраструктуры на основе длительного контракта (не менее 1 года).

УДК 32.01

ЯВЛЕНИЕ «ПОЛИТИЗАЦИИ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

М.В. Данилов

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: super9999@yandex.ru

В статье рассматривается сущность политизации и деполитизации общественных отношений. Автором предложено оригинальное видение причин, субъектов и механизмов реализации этих процессов и обозначены перспективы исследования данной проблемной области современной политической науки.

Ключевые слова: политика, политизация, политический процесс, субъекты политики.

**Phenomenon of «Polarization» in the Modern Society:
research problem setting**

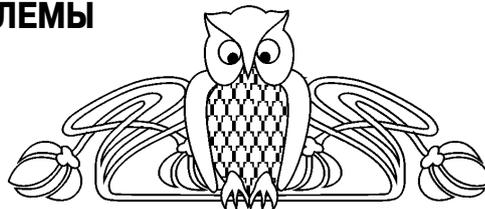
M. V. Danilov

This article considers the essence of polarization and depolarization of public relations. The author offers an original interpretation of the reasons, subjects and mechanisms of these processes' realization and denotes the perspectives in the study of this problem-solving area of the modern political science.

Key words: politics, polarization, political process, political subjects.

Политология, будучи наукой относительно молодой, характеризуется помимо прочего еще и неполной определенностью своей предметной области. Дискуссии о том, что может и должен изучать политолог, какими методами ему пользоваться, ведутся довольно активно и в российской, и в зарубежной политической науке¹. Традиционно считается, что генетическим предметом политологии являются вопросы власти, а объектная область ограничена собственно политической сферой жизни общества. И на первый взгляд это выглядит логичным и естественным. Однако изменчивость таких базовых категорий политологии, как «политика» и «власть», ставит вопрос о новом понимании сферы компетенции политолога. Что считать политикой и властью в современном мире, пронизанном информационными потоками и разделенном на массу всевозможных сегментов? Можно ли к политике сегодня подходить с той же меркой, что и десятилетия назад? Все это позволяет говорить о необходимости расширения предметно-объектной области политологии и поиска новых объяснительных моделей.

Современное общество представляет собой совокупность взаимно пересекающихся и взаимно дополняющих друг друга сфер человеческой практики. Для каждой сферы общества характерны процессы освоения какого-либо идеального или материального пространства. Широкое рас-

пространение получили разнообразные теории социализации (в том числе и политической). Суть их сводится к тому, что в процессе становления человеческой личности индивид осваивает разнообразные навыки жизни в обществе, тем самым социализируясь. Аналогичные процессы протекают и в экономической подсистеме, когда отношения между людьми по поводу производства, распределения и потребления различных благ обретают характер общественно значимых, мы имеем дело с новыми экономическими явлениями, входящими в сферу экономики новых, ранее не наблюдавшихся феноменов. Культура как особая сфера общественной жизни также подвержена постоянным структурным трансформациям, когда одни явления окружающей действительности получают первостепенное звучание в различных произведениях искусства, а другие – отходят на второй план или вовсе «забываются».

В политической сфере мы тоже постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда те или иные проблемы получают особо острое, актуальное звучание, а другие, напротив, деактуализируются, теряют свою остроту. При этом проблемы, обретающие политическую актуальность или теряющие ее, не берутся из ниоткуда, из «безвоздушного» пространства, и не исчезают бесследно. Следовательно, можно предположить, что в политику эти проблемы привносятся из иных сфер жизни общества (социальной, экономической, культурной), и в них же «выдавливаются». Таким образом, мы можем, вероятно, говорить о том, что имеет место процесс политизации общественных отношений и обратный ему – процесс деполитизации.

По нашему мнению, политизация представляет собой процесс обретения политического статуса проблемами и явлениями, изначально таковыми не обладавшими. Политизируются экономические, культурные, правовые, административные, религиозные, нравственные и иные феномены, то есть политизация означает, по сути, перетекание проблемы из какой-либо иной социальной сферы в политическую. Политический статус проблемы означает ее наивысший накал, обостренную общественную значимость и актуальность, неспособность субъектов принятия решений справиться с ней с помощью привычных методов и практик.

Наиболее очевидным примером может служить обретение политического статуса явлениями

и феноменами, имеющими первоначально чисто экономическую природу. Тяжелая экономическая ситуация, которая имела место в нашей стране в 1990-х гг., связанная с невыплатами заработной платы, резкими колебаниями курса национальной валюты, скачкообразным удорожанием основных товаров, галопирующей инфляцией, практически никогда не рассматривалась как чисто экономическая. Неспособность власти решить эти и многие иные проблемы традиционными для экономической сферы инструментами, заинтересованность контрагентов в ослаблении позиций властвующей элиты привели к тому, что экономический кризис обрел статус политического и его преодоление возможно исключительно в политическом поле. Также очевидно обретение целым рядом конфессиональных, этнических, лингвистических и иных ситуаций политического статуса в тех обществах, где они используются как факторы давления на власть.

Наличие «политизации» как свойства политического означает, что и сама «политика», политическая сфера, круг политических проблем – явление конкретно-историческое. В различные периоды развития цивилизации сфера политики могла приобретать разнообразные очертания как по набору актуальных проблем, так и по своему масштабу – расширяться или сужаться. Длительное время сфера политики включала в себя главным образом отношения суверена и подданного. Описанию этих интеракций посвящены труды мыслителей древности, но основной вклад внесли, безусловно, античные философы. Представления Платона и Аристотеля о природе политического и границах сферы политики открывают как бы первый этап, условно говоря, «государствостранский», в длительной эволюции воззрений на политику. Аристотель достаточно четко проводит идею о том, что политика это, прежде всего, государство, а сфера политического есть сфера государственных отношений («государственного общения», общения между «политическими людьми» по поводу ведения общественных дел) и государственного управления. Взгляды политических мыслителей Древней Греции во многом были связаны с неразвитостью самой политической сферы, в которой, естественно, отсутствовала еще сложность и разветвленность современной политической системы, включающей и систему разделения властей, и сложную партийную, и избирательную системы, наднациональные структуры и т.д.

Следующий период в эволюции (условно говоря, переходный от «государствостранства» к «социоцентризму») представлений о политике связан с некоторым смещением центра внимания с собственно внутригосударственных отношений и институтов на анализ взаимодействия государства и гражданского общества. С XVII по XIX в., от Б. Спинозы и Дж. Локка до Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, взаимное влияние государства и гражданского общества в различных вариациях

находится в центре проблемного поля политики. Уже в XVIII в., кроме негосударственных, экономических и социальных факторов детерминации политики, Ш.-Л. Монтескье вводит в оборот анализа в своей книге «О духе законов» также и внесоциальные условия политики, расширяя тем самым диапазон ее видения и понимания (географические, климатические, демографические и др.) Природа основных политических форм и режимов у него, таким образом, зависит от размеров территории, то есть от пространства распространения государственной власти: республика требует небольшой территории, иначе она не удержится; монархическое государство должно быть средней величины, а обширные размеры империи есть предпосылка для деспотического управления. Р. Арон считает, что анализ природы политики у Ш.-Л. Монтескье выходит далеко за институциональные рамки, приобретая в этом смысле социологический характер, поскольку политическая сфера у него подчиняется законам и принципам физического, социального и морального порядка².

К более современным, сохраняющим свою актуальность и поныне определениям политического следует отнести марксистскую и веберовскую парадигмы. Концепция политической сферы (или «политической надстройки») в классическом марксизме исходит, главным образом, из идеи «экономической редукции», то есть в основном из сведения базовых механизмов функционирования политики к ее экономическим детерминантам, например, к материальным интересам людей, участвующих в процессе производства и обмена. Помимо идеи экономического детерминизма, марксизм, как известно, исходил из того, что политика – это борьба классов, между которыми существуют антагонистические противоречия. Формация – особая конфигурация политической сферы. Формационный тип политического во многом закрыт для инноваций, не допускает реформ. В условиях антагонистического общества основой осуществления политической власти становится организованное насилие³. В результате, масса потенциально политического, но насильственно неактуализированного материала становится критической. Происходит революция, являющаяся, по сути, ускоренной политизацией. Выражаясь в терминах более поздних исследователей, в формации базис и надстройка – суть те же подсистемы. А выражаясь в терминах настоящей статьи, смена одной формации другой – результат деполитизации одних общественных явлений и политизации иных. Хотя время от времени в политической жизни могут случаться неожиданные инверсии. Казалось бы, исторически похороненное рабство на заре феодализма, ставшее деполитизированным общественным явлением, вновь политизировалось в американском варианте, став причиной и гражданской войны, и иных политических конфликтов.

Крупнейшая по размаху и одна из наиболее известных в XX в. концепций политики как сферы деятельности человека и общества, повлиявшая впоследствии практически на все основные разработки современных моделей политической жизни, связана с трудами М. Вебера. Как и классики марксизма, М. Вебер считает, что политика – это область общественных отношений по поводу власти, «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»⁴. Наиболее существенная идея веберовской теории состоит в том, что политика является особым видом человеческой деятельности (так же, как и экономика, которая связана с хозяйственной деятельностью), представляя собой, с одной стороны, предприятие, аппарат легитимного господства, а с другой – специфическую профессиональную деятельность, пронизывающую всю общественную жизнь.

Концепции анализа политики в XX в. исходили из бихевиоральных и коммуникативных предпосылок, основывались на теории рационального выбора и постмодернистских установках. Например, Т. Парсонс рассматривал общество как глобальную систему, совокупность социальных действий всех людей, элементы которой обладают специфическими функциями и статусами. Общественная система, по его мнению, состоит из четырех подсистем, каждая из которых выполняет определенную функцию: 1) экономика – адаптации к внешней среде; 2) политика – целедостижения; 3) право – интеграции и 4) культура – «латентного» поддержания стереотипов и образцов. Согласно этой хорошо известной и ставшей практически классической схеме, политика, как и остальные подсистемы, с одной стороны, является обособленной частью человеческой жизни, а с другой – включена в сложный ансамбль общественных отношений. Т. Парсонс обозначил специфику политической подсистемы через ее главную задачу – благодаря своей опоре на власть, политика обеспечивает организацию людей для эффективного коллективного действия с тем, чтобы достигать общих целей⁵. В соответствии с парсонсовской интерпретацией политической подсистемы общественной жизнедеятельности «место индивида, группы или института в социальной иерархии, с одной стороны, и выполняемые ими функции, с другой, определяют их поведенческие установки, ориентиры и цели деятельности в обществе. Изучение ролей и их изменений позволяет далее раскрыть процесс принятия решений, т.е. понять механизм функционирования власти в обществе»⁶. Впоследствии идеи Т. Парсонса о политике как относительно автономной подсистеме общественной жизни легли в основу системного анализа политической жизни и теории политической системы, принципы которых были разработаны в трудах Д. Истона,

создавшего научную традицию рассмотрения политики через «прямые» и «обратные» связи и взаимодействия политсистемы с «внешней» социальной средой. Представление об обществе как совокупности подсистем – одна из идеально типических моделей социума. В реальной жизни подсистем в чистом виде не существует, а потому между ними нет и не может быть четкой границы. По всей видимости, существуют целые буферные зоны, в которых смешивается политическое с экономическим, экономическое с правовым, правовое с культурным и т.д. Результат буферизации – отфильтрация проблем, часть из которых переходит из одной подсистемы в другую.

Этот небольшой теоретический этюд необходим нам, чтобы зафиксировать довольно примечательную картину, которая оставалась вне исследовательского внимания как в классических политических текстах, так и в современных работах. Речь идет не только о вполне очевидной «прозрачности» границ между общественными подсистемами, что позволяло авторам констатировать постулат об их взаимном влиянии. Более фундаментальный вывод может заключаться, на наш взгляд, в том, что влияние на уровне механизмов взаимодействия общественных подсистем меняет суть самих подсистем. Изменчивость сфер общественной жизни как раз и дает возможность быть перманентно актуальным гуманитарным наукам. Если бы политическая сфера была бы изолирована, то и надобность в политической науке отпала бы еще на этапе античности, так как все уже было описано еще тогда. Свою задачу мы видим в том, чтобы проанализировать именно причины, механизмы и субъекты изменения объема политической сферы.

Здесь мы встаем перед, пожалуй, одним из самых фундаментальных вопросов всей политической науки: существует ли собственный круг вопросов политики? Или она «питается» лишь за счет других сфер? Как пишет К. Шмитт: «Политическое может извлекать свою силу из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения. Реальное разделение на группы друзей и врагов бытийственно столь сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отодвигает на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: “чисто” религиозные, “чисто” хозяйственные, “чисто” культурные – и оказывается в подчинении у совершенно новых, своеобразных

и с точки зрения этого исходного пункта (т.е. “чисто” религиозного, “чисто” хозяйственного или иного) часто весьма непоследовательных и “иррациональных” условий и выводов отныне уже политической ситуации»⁷.

Конкретное наполнение политической сферы проблемным содержанием преходяще и меняется даже в масштабах одного избирательного цикла, то есть непроцедурные, содержательные моменты политики являются конкретно-историческими, политизированными или деполитизированными. Чтобы увидеть, как меняется круг политических вопросов даже в краткосрочной перспективе, достаточно сравнить предвыборные программы и агитационные материалы по двум соседним по времени избирательным кампаниям. Несмотря на то, что их отделяют друг от друга всего четыре-пять лет, неизменной сохраняется лишь небольшая по объему «ядерная» часть, формулирующая идеологические принципы. «Периферийная» же составляющая подвержена политической конъюнктуре и пытается дать ответы на наиболее злободневные на тот или иной момент времени проблемы. Всего несколько лет назад в программах российских партий первостепенное внимание уделялось вопросам приватизации, путям перехода от плановой к рыночной модели экономического хозяйства. Сейчас же эти проблемы вновь «ушли» в сферу экономики, стали предметом обсуждения круга специалистов. Зато статус политических обрели такие экономические темы, как стабилизационный фонд и раздел природной ренты.

Затрагивая проблемы политизации и деполитизации, мы не можем обойти стороной вопрос о причинах этих явлений. Причинами политизации можно назвать следующие. Во-первых, невозможность решения проблемы традиционными способами (экономическими, административными, правовыми). Это происходит тогда, когда общество сталкивается с явлением, доселе не известным, для которого не выработаны управленческие процедуры. Как правило, для таких явлений отсутствует соответствующая нормативно-правовая база, и оно оказывается в режиме полуправового или нелегального функционирования. Принятие решения о заполнении правовых или бюрократических лакун само по себе становится фактом политической жизни. В публично-политическую сферу привносятся идеи о необходимости регулирования тех или иных общественных отношений, в обществе разгораются дискуссии по этому поводу, конкурирующие партии и отдельные лидеры предлагают свое видение решения проблем.

Во-вторых, высокая общественная значимость проблемы, которая выводит ее сразу на политический уровень, минуя генетически предназначенную ей сферу жизни общества. Все дело в масштабности происходящих событий. В частности, факты коррупции в среде государственной бюрократии становятся обыденным

делом, которое лежит в правовой плоскости. Но то же самое дело, связанное с именем крупного государственного деятеля, – явление политическое. Техногенные катастрофы и природные катаклизмы, девальвация валюты и банковский кризис, банкротство крупнейшего телеканала и этнические столкновения – все то, масштаб чего переходит привычные рамки обыденности обретает политический статус.

В-третьих, искусственная политизация, вызванная усилиями различных социально-политических субъектов, которые выводят на политический уровень проблемы, по сути своей не обладающие необходимым политическим «зарядом», но выгодные с точки зрения получения политических дивидендов. В отличие от предыдущих двух причин, которые можно обозначить как органические или спонтанные, при искусственной политизации имеется рациональная цель перевода проблем из неполитических сфер в политическую. Искусственная политизация может стать эффективным методом лоббирования тех или иных интересов, создания «дымовой завесы», маскируясь которой достигаются истинные цели.

Аналогичным образом можно попытаться сформулировать и причины деполитизации. К ним мы относим следующие. Во-первых, нахождение эффективных средств решения проблем на уровне иных социальных подсистем. Это происходит, когда вырабатываются эффективные способы реагирования на происходящие события, адаптируется нормативно-правовая база, совершенствуется правоприменительная практика, нарабатывается достаточный опыт решения аналогичных проблем административными средствами. Так, потеряла свое политическое звучание систематическая невыплата заработной платы, которая будоражила российское общество в 1990-х гг. Во многом это произошло благодаря тому, что была устранена сама проблемная ситуация.

Во-вторых, потеря проблемой своей актуальности и высокой общественной значимости, несмотря на то, что по существу она так и не была решена. Это может иметь место в результате сезонности и цикличности политического развития или появления гораздо более острых вопросов общественного развития, на фоне которых все остальное кажется малозначительным. Проблемы с отоплением населенных пунктов, которые нередко приобретают статус политических с наступлением холодов, теряют таковой с окончанием зимы. При этом ни один из субъектов, принимающих решения, мог не предпринимать особых усилий. В данном случае мы имеем дело с откладыванием, переносом проблемы в будущее. Это довольно опасная стратегия поведения политических акторов.

В-третьих, сознательная или искусственная деполитизация, при которой важная и нерешенная политическая проблема «изгоняется» из политики, низводится до уровня чисто правовой,

экономической, культурной или иной сферы. Так, нередко громкие и общественно резонансные преступления низводятся до чисто юридической сферы, целенаправленно не давая им политической оценки, не усматривая связи между ними и функционирующим политическим режимом, особенностями политической системы, которые могли стать глубинными причинами событий. Например, дело М.Б. Ходорковского сознательно деполитизировалось российскими властями, позиционировалось как исключительно уголовно-экономическое событие. Хотя очевидно, что причины и последствия данного уголовного дела выходят далеко за рамки как правовой, так и экономической сферы, и, по сути, знаменуют собой новую политическую модель взаимодействия власти и бизнеса в России.

Исходя из обозначенных причин политизации и деполитизации, достаточно четко вырисовываются и линии, по которым протекают данные процессы. Эти линии обозначают условную связь политики с иными сферами и областями социальной активности: политика – экономика, политика – право, политика – культура, политика – мораль, политика – религия, политика – администрация и т.д. То есть мы можем говорить о таких явлениях, как политизация экономических проблем, политизация проблем профессиональных отношений и т.п.

Субъектами политизации, вне зависимости от того, рациональны ли их действия или нет, является целый ряд акторов. К ним могут быть причислены, в зависимости от масштабов рассматриваемых явлений, мировое сообщество, социальные группы и слои внутри данного общества, политические элиты, бюрократия, церковь, а также иные группы, активно участвующие в «перегонке» проблемного поля из неполитических сфер в политику и обратно. Субъекты политизации участвуют в этом процессе посредством использования разнообразных механизмов и инструментов политизации. Отличие механизма от субъекта политизации, по нашему мнению, заключается в зависимом, функциональном характере первого от второго, то есть механизм своего рода функция в руках субъекта политизации общественных

отношений. К числу инструментов политизации мы относим политические партии, средства массовой информации, PR-акции, прямые действия населения.

Таким образом, мы рассматриваем политизацию как привнесение в процедурные аспекты политики некоего содержательного контента. Политизация наполняет рутинные политические процедуры, такие как партийные съезды, выборы, политическую конкуренцию, реальным содержанием. Политизация выполняет важнейшую общественную функцию – позволяет политике и политикам оставаться актуальными и адекватными обществу. Соответственно, изучение процессов политизации и деполитизации, их механизмов и агентов представляется важной научной политологической задачей. Тем самым, традиционные предметно-методологические размежевания политологии с иными общественными дисциплинами могут быть подвергнуты пересмотру и корректировке. Интересы политолога должны включать в себя и околополитические области, которые могут перейти из состояния потенциально политического в актуально политическое.

Примечания

- ¹ В этом смысле весьма показательны материалы международной интернет-конференции, проходившей в 2001 г. на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru. «Политическая Россия: предмет и методы изучения».
- ² См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 36.
- ³ См.: Маркс К. Немецкая идеология // Собрание сочинений. М., 1970. Т. 3.
- ⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения, М., 1990. С. 646.
- ⁵ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
- ⁶ Медушевский А.Н. Идея разделения властей: история и современность // Социс. 1994. № 1. С. 63.
- ⁷ Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. № 1. С. 20.

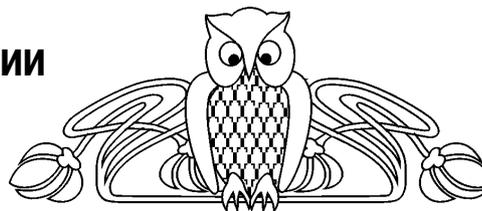
УДК 329.059470+571

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР КРИЗИСА ПРАВЫХ ПАРТИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: govlochenkoav@mail.ru

В статье рассмотрена роль идеологического фактора в деятельности ВР-ДВР-СПС и «Яблока» как двух ведущих партий правого спектра, дана оценка их особенностям, проанализированы основные причины несостоявшегося

объединения и постоянного снижения уровня электоральной оценки.

Ключевые слова: идеологический фактор, либерализм, правые партии, либеральные ценности, эволюция партий.

экономической, культурной или иной сферы. Так, нередко громкие и общественно резонансные преступления низводятся до чисто юридической сферы, целенаправленно не давая им политической оценки, не усматривая связи между ними и функционирующим политическим режимом, особенностями политической системы, которые могли стать глубинными причинами событий. Например, дело М.Б. Ходорковского сознательно деполитизировалось российскими властями, позиционировалось как исключительно уголовно-экономическое событие. Хотя очевидно, что причины и последствия данного уголовного дела выходят далеко за рамки как правовой, так и экономической сферы, и, по сути, знаменуют собой новую политическую модель взаимодействия власти и бизнеса в России.

Исходя из обозначенных причин политизации и деполитизации, достаточно четко вырисовываются и линии, по которым протекают данные процессы. Эти линии обозначают условную связь политики с иными сферами и областями социальной активности: политика – экономика, политика – право, политика – культура, политика – мораль, политика – религия, политика – администрация и т.д. То есть мы можем говорить о таких явлениях, как политизация экономических проблем, политизация проблем профессиональных отношений и т.п.

Субъектами политизации, вне зависимости от того, рациональны ли их действия или нет, является целый ряд акторов. К ним могут быть причислены, в зависимости от масштабов рассматриваемых явлений, мировое сообщество, социальные группы и слои внутри данного общества, политические элиты, бюрократия, церковь, а также иные группы, активно участвующие в «перегонке» проблемного поля из неполитических сфер в политику и обратно. Субъекты политизации участвуют в этом процессе посредством использования разнообразных механизмов и инструментов политизации. Отличие механизма от субъекта политизации, по нашему мнению, заключается в зависимом, функциональном характере первого от второго, то есть механизм своего рода функция в руках субъекта политизации общественных

отношений. К числу инструментов политизации мы относим политические партии, средства массовой информации, PR-акции, прямые действия населения.

Таким образом, мы рассматриваем политизацию как привнесение в процедурные аспекты политики некоего содержательного контента. Политизация наполняет рутинные политические процедуры, такие как партийные съезды, выборы, политическую конкуренцию, реальным содержанием. Политизация выполняет важнейшую общественную функцию – позволяет политике и политикам оставаться актуальными и адекватными обществу. Соответственно, изучение процессов политизации и деполитизации, их механизмов и агентов представляется важной научной политологической задачей. Тем самым, традиционные предметно-методологические размежевания политологии с иными общественными дисциплинами могут быть подвергнуты пересмотру и корректировке. Интересы политолога должны включать в себя и околополитические области, которые могут перейти из состояния потенциально политического в актуально политическое.

Примечания

- ¹ В этом смысле весьма показательны материалы международной интернет-конференции, проходившей в 2001 г. на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru. «Политическая Россия: предмет и методы изучения».
- ² См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 36.
- ³ См.: Маркс К. Немецкая идеология // Собрание сочинений. М., 1970. Т. 3.
- ⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения, М., 1990. С. 646.
- ⁵ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
- ⁶ Медушевский А.Н. Идея разделения властей: история и современность // Социс. 1994. № 1. С. 63.
- ⁷ Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. № 1. С. 20.

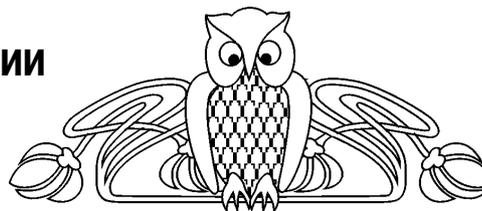
УДК 329.059470+571

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР КРИЗИСА ПРАВЫХ ПАРТИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: govlochenkoav@mail.ru

В статье рассмотрена роль идеологического фактора в деятельности ВР-ДВР-СПС и «Яблока» как двух ведущих партий правого спектра, дана оценка их особенностям, проанализированы основные причины несостоявшегося

объединения и постоянного снижения уровня электоральной оценки.

Ключевые слова: идеологический фактор, либерализм, правые партии, либеральные ценности, эволюция партий.

Ideological Factor in the Right Parties' Crisis in the Post-Soviet Russia

V.I. Golovchenko

In the article the role of the ideological factor in the activity of the two leading parties of the Rights in Russia is considered. The estimation of their peculiarities is given, and the main reasons of their merging failure, as well as the continuing decline in the public opinion polls.

Key words: ideological factor, liberalism, the Right parties, liberal values, parties' evolution.

Одним из злободневных вопросов современного политического развития России является судьба либерализма как мировоззрения, идеологии, общественно-политического течения и соответствующего партийного спектра. Общеизвестно, что, пережив определенный подъем в 1990-е гг., либерализм во всех своих ипостасях пошел на спад и сегодня переживает период системного кризиса¹. Главной причиной отсутствия социальной поддержки либеральных партий называют, прежде всего, разочарование большинства населения негативными последствиями реформ постсоветского периода. В массовом сознании они воспринимаются как либеральные, в результате чего создается социально-психологический барьер отторжения всего спектра правых партий, хотя с самого начала они характеризовались достаточно существенными отличиями².

Сегодняшний российский либерализм вырос из неоднородного общественно-политического движения конца 80-х – начала 90-х гг. XX века. Общим для большинства групп была та или иная степень оппозиционности КПСС и позиционирование себя в качестве «демократов». Они выступали (с различной степенью радикализма) за демонтаж советской системы, отмену шестой статьи Конституции, введение многопартийности, прав и свобод личности, рыночные реформы. Наиболее известными организациями были «Демократическая Россия», Демократическая партия России, «Демократический Союз». После 1991 г. главным маркером позиционирования правых партий стал социально-экономический фактор.

Для «правительственного» либерализма, олицетворяемого партией «Выбор России» (ВР) и ее последователями, был характерен взгляд на реформы как самодостаточный процесс, главной целью которого стала ломка старого и установление принципиально нового политического и социально-экономического строя в стране. Поэтому акцент они делали на обеспечении индивидуальных прав и свобод и, прежде всего, свободы предпринимательской деятельности. На практике это привело к тому, что в российской экономике огромную роль стали играть криминальные и полукриминальные элементы. Впоследствии именно этот факт стали вменять в вину «либералам-реформаторам» как слева, так и со стороны «чистых либералов».

Для представителей последних в лице, прежде всего партии «Яблоко», была характерна социал-либеральная направленность. Она включает в себя российскую версию адаптации кейнсианского опыта государственного регулирования в области экономики и в социальной сфере, большее внимание к вопросам экологии и всему спектру социальных прав личности. Исходя из такого понимания либерализма, сторонники партии «Яблоко» резко критически оценивали последствия политических и социально-экономических реформ, негативно оценивая и программы «Выбора России», а впоследствии и «Союза правых сил» (СПС).

По мнению Г.А. Явлинского, «эти квазиреформы состояли всего лишь из двух элементов – финансовой стабилизации и квазиприватизации, которые имеют мало общего с реальной приватизацией. Произошло просто перераспределение монопольной собственности с использованием ваучеров, что, кроме ощущения обмана, ничего не породило. В этом смысле реформы не решили ни одной из фундаментальных и принципиальных задач общества»³.

Несмотря на то, что реально программы ДВР, а затем и СПС явно эволюционировали в сторону «социального либерализма» и фактически сближались с программой «Яблока» (особенно на выборах 2003 и 2007 гг.), Явлинский и его сторонники не шли на объединение и продолжали конкурировать на одном и том же электоральном пространстве. Это стало одной из причин существенного снижения результативности их участия в избирательных кампаниях. На выборах 1993 г. партии либеральной ориентации, прошедшие в Государственную думу, в совокупности получили около 29% голосов избирателей («Выбор России» – 15,51%; Блок Явлинский-Болдырев-Лукин – 7,86; Демократическая партия России – 5,52%). В 1995 г. «Яблоко», как либеральная оппозиция существующему курсу, получило 6,89% голосов («Демократический выбор России – объединенные демократы» – 3,86%). В 1999 г. «Союз правых сил» получил 8,52%, а «Яблоко» – 5,93% голосов. Это был последний успех либеральных партий на выборах в Государственную думу. Прохождение СПС в значительной степени было обусловлено их достаточно очевидной поддержкой В. Путина, который в этот период стремительно набирал политический рейтинг. Однако уже на выборах 2003 г. «Яблоко» получило 4,3%, а «Союз правых сил» – 3,97%. В 2007 г. обе партии не набрали и 2,5% («Яблоко» – 1,59%; «Союз правых сил» – 0,96%).

Какую же роль сыграл идеологический фактор в кризисе либерально ориентированных партий?

Не последнее место среди различных аспектов восприятия либерализма в России занимает социокультурный фактор. Суть его заключается в том, что для российской политической культуры

характерны сильные традиционалистские и патерналистские традиции и соответственно ослаблена роль либеральных традиций. По мнению исследователей, «сторонники частной собственности и рыночных отношений ориентировались на ценности классического либерализма (и прежде всего индивидуализма и правового государства), не учитывая, что их введение в обществе патерналистского типа и с гигантским общественным экономическим сектором и социальной инфраструктурой неизбежно вызовет серьезное социальное противостояние и отторжение этих ценностей»⁴. Кроме того, в данной субкультуре внутренний ценностный кризис был предопределен тем, что для одних сторонников либерализма на первом месте были ценности политических прав и свобод, а для других – экономических (реализовавшихся в борьбе за легализацию теневых капиталов, за приватизацию общенародной собственности и быстрое сверхобогащение, за свободу внешнеэкономической деятельности и т.д.). Отдельные исследователи видят в нем оригинальный, самостоятельный феномен, принципиально отличающийся от западных аналогов⁵.

Определенную роль сыграла и «личностная» составляющая – разногласия между Г.А. Явлинским, Е.Т. Гайдаром и А.Б. Чубайсом, которые были заложены еще в период «перестройки» и впоследствии повлияли прямо и косвенно на амбиции лидеров политических партий. Пиком идеологического противостояния стал 2003 г., когда вышел программный труд Г.А. Явлинского «Периферийный капитализм»⁶. В этой работе лидер «Яблока» попытался обосновать необходимость синтеза либеральных и социал-демократических ценностей в современной России, без которого невозможно успешное демократическое развитие страны. Но для этого необходимо отмежеваться от радикальных либералов, которые под прикрытием «либерально-демократической фразеологии» реализовывали «наиболее реакционные положения марксистско-большевистской парадигмы о том, что первоначальное накопление капитала всегда преступно, и что “базис” (то есть неважно как и кому распределенная в частное владение собственность) сам, автоматически когда-нибудь определит адекватную надстройку»⁷.

В программе «Яблока» акцент делается на «европейском выборе»⁸ России и формировании социального государства. Выделено понимание «социального либерализма», суть которого в том, что он ориентирован на «проведение реформ в интересах всех без исключения граждан России, а не преуспевающего меньшинства». Перераспределение национального дохода с помощью государственных механизмов объявлено не менее важной целью, чем поощрение и раскрепощение частной инициативы⁹. При этом полностью отвергается парадигма «авторитарного соблазна», которую лидеры «Яблока» назвали путем в «третий мир». В программе «Яблоко» объявляет себя партией

патриотов и государственников, отстаивающих формирование «сильного государства на службе у граждан»¹⁰.

В том же году А. Чубайс озвучил идею «либеральной империи»¹¹, которая вызвала широкую дискуссию. Суть предложения сводилась к реабилитации имперской идеи, воплощавшейся в жизнь Россией на всех этапах ее истории. Но теперь, по мнению Чубайса, эта концепция должна была базироваться на распространении либеральной идеологии на пространстве бывшего СССР. «Россия – единственный и уникальный естественный лидер на всем пространстве СНГ и по объему своей экономики, и по уровню жизни своих граждан... она может и должна всемерно наращивать, усиливать и укреплять свои лидирующие позиции в этой части планеты в следующие 50 лет»¹². Пытаясь усилить тем самым государственнические и державно-патриотические основы программы СПС, А. Чубайс вызвал достаточно резкую критику всего либерального лагеря. Поэтому сама концепция «либеральной империи» в силу своей очевидной эклектичности и неэффективности с электоральной точки зрения не вошла в предвыборные документы СПС. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что патриотические ценности уже давно активно использовались оппозиционной КПРФ, лидеры которой легко могли напомнить населению о том, что саму ответственность за развал СССР во многом несут именно либерально ориентированные демократы, и Чубайс прежде всего. Кроме того, государственнические и державно-патриотические лозунги стали ключевыми в деятельности «Единой России», т.е. на данном электоральном сегменте становилось слишком тесно, и СПС явно уступал своим конкурентам.

В целом СПС акцентировал внимание на тех же самых моментах, что и «Яблоко», говоря о недопустимости авторитаризации общества. В политической сфере главными целями были названы углубление сотрудничества с ЕС, реформа государственной службы, сокращение количества функций государственных органов, обеспечение независимости судов. В экономической области предлагалось снижение налоговой нагрузки на бизнес и граждан, стимулирование частных пенсионных накоплений, стимулирование укрупнения кредитных организаций, либерализация режима деятельности сельскохозяйственных предприятий, укрепление прав собственности¹³. Особо отмечалась объединительная роль либерализма, его полезность и выгодность всем гражданам России: «Демократия, реформы и либерализм выгодны каждому гражданину нашей страны»¹⁴.

В предвыборных программах 2007 г. партии постарались осветить вопросы, связанные с проблемой преодоления сложившейся системы власти, которую они оценивали резко негативно.

Г.А. Явлинский сформулировал стоящие перед обществом задачи в форме преодоления «семи

главных бед современной России»: 1) авторитарной, кланово-олигархической, коррумпированной власти; 2) сырьевой зависимости; 3) консервации всеобщей бедности; 4) массового бесправия; 5) продолжения криминальной приватизации; 6) перспективы непреодолимой отсталости и ухода в третий мир; 7) угрозы коллапса государства. Основные положения программы преодоления этих проблем посвящены ужесточению контроля над государственным аппаратом, инвестированию рентных доходов от природных ресурсов в социальные программы, борьбе с монополизмом, реформе заработной платы и трудовых прав¹⁵.

Такую же форму построения программы выбрал и «Союз правых сил», выделив даже идентичное с «Яблоком» количество основных угроз. Однако акцент делался на произволе государственной власти и отсутствии демократического контроля: 1) сырьевая ориентация экономики; 2) излишняя централизация власти; 3) ослабление гражданского контроля над властью; 4) отсутствие должного контроля над правоохранительными органами; 5) невнятная позиция государства по национальному вопросу; 6) слабость парламента; 7) политический монополизм «Единой России»¹⁶. В программе признается дискредитированность демократических и либеральных идей, однако партия не только не намерена от них отказываться или каким-то образом их камуфлировать, но и декларировала, что нынешний экономический рост – производное от непопулярных либеральных реформ 1990-х гг. Лидеры СПС утверждали, что «предстоит длительная и тяжелая борьба за либеральные и демократические ценности, за утверждение свободы и прав человека в России»¹⁷. При этом в программе нашлось немало места для критики Президента РФ Путина и проводимой им линии за отказ от либеральных реформ, что ведет к сужению сферы свободы в России.

Крах обеих партий на выборах 2007 г. привел к тому, что в июне 2008 г. Г.А. Явлинского на посту председателя «Яблока» сменил С. Митрохин¹⁸. «Союз правых сил» пошел еще дальше. После оживленной внутрипартийной дискуссии партия заявила о самороспуске. Ее председатель Н.Ю. Белых вышел из состава партии и вскоре принял предложение занять пост губернатора Кировской области. Б. Немцов после выхода из партии примкнул к демократическому движению «Солидарность». Е.Т. Гайдар остался в общественном движении «Демократический выбор России». Новое руководство партии заявило о том, что оно будет сотрудничать с исполнительной властью в деле построения «системной» оппозиции на правом фланге и вместе с «Гражданской силой» и Демократической партией России приняло участие в формировании партии «Правое дело», официально заявившей о своей принадлежности к «системной оппозиции».

О характере данной оппозиционности, на наш взгляд, красноречиво говорит, например, обраще-

ние сопредседателей политической партии «Правое дело» Г.Г. Бовта, Л.Я. Гозмана, Б.Ю. Титова к Президенту Российской Федерации по поводу того, что в январе 2009 г. обеими палатами Федерального собрания РФ был одобрен Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов», который предусматривает отмену избирательного залога. Лидеры новой партии заявляют: «Принципиально поддерживая необходимость совершенствования и модернизации действующего избирательного законодательства, считаем, что реализация этой задачи посредством введения упомянутой отдельно взятой меры не только не улучшит условия выборной деятельности для малых партий, а даже ограничит их возможности по участию в выборах. ... Как представляется в условиях современной политической системы, когда количество действующих политических партий, прошедших непростую процедуру регистрации, свидетельствующую о наличии у них поддержки достаточного количества избирателей, существенно сократилось, уже назрела необходимость не только снижения количества собираемых ими подписей, но и перехода к полному отказу от этой нормы для всех официально зарегистрированных партий»¹⁹.

Среди причин кризиса правых партий следует отметить также общую тенденцию уменьшения роли идеологического фактора в условиях «информационного общества», когда для информирования населения о властных решениях и мобилизации электората уже нет нужды прибегать к полномасштабной идеологической индоктринации, достаточно «облегченных» форм медиавоздействия (создание информационных «поводов», «позитивная информация», компромат на оппонентов, работа с имиджем кандидатов и прочим, т.е. все то, что называется «политической рекламой»). Поскольку, как показывают социологические исследования, значительная часть российских избирателей не имеет устойчивых политических ориентаций, наличие «хорошей идеологии», по справедливому мнению О.Ю. Малиновой, отнюдь не обязательно ведет к успеху на выборах. Не удивительно, что многие кандидаты предпочитают не делать ставку на трудоемкие и не слишком эффективные избирательные технологии, построенные на работе с программой²⁰. Не случайно, например, что в 2007 г. у СПС была одна из самых продуманных, целостных и логичных программ среди всех партий, участвующих в выборах в Государственную думу, а результат был одним из самых низких.

Сыграло свою роль и то обстоятельство, что «Единая Россия» открыто заимствовала многие либеральные постулаты и ценности, дополнив их патриотическими, традиционалистскими ценностями. В партии достаточно серьезно прорабатывался вопрос о формировании левой и правой фракций,

которые должны были привлечь избирателей соответствующих электоральных сегментов.

В целом, несмотря на уход с политической арены СПС и достаточно очевидно прогнозируемую кончину «Яблока» (его «реинкарнация» с помощью О. Митволя вряд ли состоится), можно констатировать, что идеологический вклад данных партий в демократическое развитие постсоветской России можно оценить выше, чем их политические успехи. Многие либеральные ценности, отражающие различные права и свободы граждан, прочно вошли в программы не только действующих парламентских партий, но и в массовое сознание всего спектра электората. Степень их усвоения и понимание содержания могут отличаться достаточно существенно, но сам факт повсеместного признания их социальной значимости позволяет надеяться, что создается единый фундамент демократической плюралистической культуры.

Примечания

- 1 Примечательно, что во время недавнего круглого стола по обсуждению проблем демократии в современной России акцент на либеральных аспектах сделал только один С.Л. Чижков. См.: Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: Материалы совместного круглого стола ИФ РАН, журналов «Полис» и «Политический класс» // Полис. 2008. № 5. С. 55–73.
- 2 См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006; Романов Б. Становление многопартийной системы в постсоветской России // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 29–42.
- 3 Явлинский Г.А. О российской политике. М., 1999. С. 179.
- 4 Вилков А.А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С. 163–164.
- 5 См.: Зайцева Т.И. В защиту русского либерализма // Полис. 2006. № 1. С. 175.
- 6 См.: Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. М., 2003.
- 7 Там же. С. 124.
- 8 Программа Российской демократической партии «Яблоко» «Демократический манифест». Устав Политической партии «Российская демократическая партия «Яблоко». М., 2002. С. 14.
- 9 Там же. С. 9–10.
- 10 Там же. С. 15.
- 11 См.: Чубайс А. Построение либеральной империи – миссия России в XXI веке. Изложение выступления Председателя РАО «ЕЭС России» в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете 25 сентября 2003 г. М., 2003.
- 12 Там же. С. 14.
- 13 Предвыборная программа политической партии «Союз правых сил». Принята на Съезде СПС 8 сент. 2003 г. (<http://www.sps.ru/?id=205834>); Российский либеральный манифест. 14 дек. 2001 г. (<http://www.sps.ru/?id=214522&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>).
- 14 Там же.
- 15 См.: Явлинский Г. Семь шагов к равенству возможностей // <http://www.yavlinsky.ru/said/documents/index.phtml?id=3342>. 19.06.2007.
- 16 См.: Горизонт 2007–2017. Вернуть России будущее. Программа политической партии «Союз правых сил» на 10 лет // <http://www.sps.ru/?id=219334&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>
- 17 Там же.
- 18 Явлинский уходит с поста председателя Яблока // <http://lenta.ru/news/2008/06/21/yabloko1/>. Просмотр 21.06.2008.
- 19 Партия «Правое дело» предлагает Президенту отменить сбор подписей для участия в выборах зарегистрированными политическим партиями // http://www.pravoedelo.ru/novosti_ Просмотр 13.02. 2009.
- 20 См.: Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С. 100.

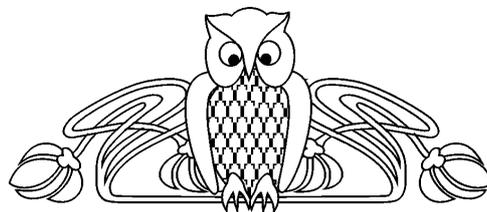
УДК 32.130.3

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ: ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПОДХОДА

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории государства и права
E-mail: FILATOVNN@info.sgu.ru

В статье анализируются особенности и последствия невнимания участников модернизационного процесса на современном его этапе к концептуальному определению пространственных характеристик демократических реформ в России.

Ключевые слова: политическое пространство, российская модернизация, политические процессы, концептуальные основания политики.

которые должны были привлечь избирателей соответствующих электоральных сегментов.

В целом, несмотря на уход с политической арены СПС и достаточно очевидно прогнозируемую кончину «Яблока» (его «реинкарнация» с помощью О. Митволя вряд ли состоится), можно констатировать, что идеологический вклад данных партий в демократическое развитие постсоветской России можно оценить выше, чем их политические успехи. Многие либеральные ценности, отражающие различные права и свободы граждан, прочно вошли в программы не только действующих парламентских партий, но и в массовое сознание всего спектра электората. Степень их усвоения и понимание содержания могут отличаться достаточно существенно, но сам факт повсеместного признания их социальной значимости позволяет надеяться, что создается единый фундамент демократической плюралистической культуры.

Примечания

- 1 Примечательно, что во время недавнего круглого стола по обсуждению проблем демократии в современной России акцент на либеральных аспектах сделал только один С.Л. Чижков. См.: Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: Материалы совместного круглого стола ИФ РАН, журналов «Полис» и «Политический класс» // Полис. 2008. № 5. С. 55–73.
- 2 См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006; Романов Б. Становление многопартийной системы в постсоветской России // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 29–42.
- 3 Явлинский Г.А. О российской политике. М., 1999. С. 179.
- 4 Вилков А.А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С. 163–164.
- 5 См.: Зайцева Т.И. В защиту русского либерализма // Полис. 2006. № 1. С. 175.
- 6 См.: Явлинский Г.А. Периферийный капитализм. М., 2003.
- 7 Там же. С. 124.
- 8 Программа Российской демократической партии «Яблоко» «Демократический манифест». Устав Политической партии «Российская демократическая партия «Яблоко». М., 2002. С. 14.
- 9 Там же. С. 9–10.
- 10 Там же. С. 15.
- 11 См.: Чубайс А. Построение либеральной империи – миссия России в XXI веке. Изложение выступления Председателя РАО «ЕЭС России» в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете 25 сентября 2003 г. М., 2003.
- 12 Там же. С. 14.
- 13 Предвыборная программа политической партии «Союз правых сил». Принята на Съезде СПС 8 сент. 2003 г. (<http://www.sps.ru/?id=205834>); Российский либеральный манифест. 14 дек. 2001 г. (<http://www.sps.ru/?id=214522&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>).
- 14 Там же.
- 15 См.: Явлинский Г. Семь шагов к равенству возможностей // <http://www.yavlinsky.ru/said/documents/index.phtml?id=3342>. 19.06.2007.
- 16 См.: Горизонт 2007–2017. Вернуть России будущее. Программа политической партии «Союз правых сил» на 10 лет // <http://www.sps.ru/?id=219334&PHPSESSID=2db1730ef66064b6a15bc309878592a7>
- 17 Там же.
- 18 Явлинский уходит с поста председателя Яблока // <http://lenta.ru/news/2008/06/21/yabloko1/>. Просмотр 21.06.2008.
- 19 Партия «Правое дело» предлагает Президенту отменить сбор подписей для участия в выборах зарегистрированными политическим партиями // http://www.pravoedelo.ru/novosti_ Просмотр 13.02.2009.
- 20 См.: Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С. 100.

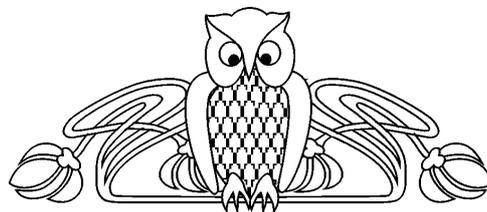
УДК 32.130.3

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ: ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ПОДХОДА

Н.Н. Филатов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории государства и права
E-mail: FILATOVNN@info.sgu.ru

В статье анализируются особенности и последствия невнимания участников модернизационного процесса на современном его этапе к концептуальному определению пространственных характеристик демократических реформ в России.

Ключевые слова: политическое пространство, российская модернизация, политические процессы, концептуальные основания политики.

The Democratic Reform's Area Definition: Peculiarities of the Russian Approach

N.N. Filatov

In the article the peculiarities of the modernization process and the consequences of its participants' inattention to the conceptual characteristics of democratic reforms in Russia in the current situation are analyzed.

Key words: political area, Russian modernization, political processes, conceptual foundation of politics.

В современной политологической литературе принято деление пространства российской политики на общегосударственное и региональное. Это деление основано на представлении о различиях в масштабах и динамике многих политических процессов. Но ведь любой политический процесс, в своих масштабах и динамических характеристиках, изначально зависит от того, насколько его ресурсный потенциал, его структура, последствия были осмыслены и просчитаны теми политическими субъектами, которые его в свое время инициировали. С этой точки зрения все общегосударственные и региональные политические процессы могут быть поделены на две группы по иному признаку. Можно говорить о процессах, под осуществление которых их инициаторами изначально была подведена непротиворечивая в своих основаниях теоретическая база и соответственно данный политический процесс имел изначально непротиворечивый концептуальный посыл к развитию. В случае, если процесс пошел в нежелательном для общественных интересов русле, правомерно говорить о том, что его вектор изменили некие внешние обстоятельства, которые инициаторы этого процесса просто не могли предвидеть.

И есть другая, в российских условиях гораздо более многочисленная группа политических процессов с неразработанным или противоречиво разработанным теоретическим основанием, про которые можно сказать, что они изначально развивались в условиях отсутствия у их инициаторов четкого представления о целях и ресурсах развития. Это процессы, которые начинались потому, что у инициировавших их субъектов появлялось понимание того, что «надо что-то делать, так больше жить нельзя». Такое различие процессов, основанных на непротиворечивых и противоречивых теоретических посылах, имеет сугубо научный, политологический смысл, потому что с политической точки зрения развитие любого политического процесса зависит от властной воли и ресурсов властвования. Науке же часто, по ходу политики, или задним числом, приходится давать обществу и элитам разъяснения по поводу причин, по которым процесс, для реализации которого были в наличии и властная воля, и властные ресурсы, не пришел к изначально запланированным результатам.

Наука может выявить то обстоятельство, что ожидаемый результат был изначально сформулирован для всех участников политического процесса таким образом, что ожидать какого-либо однозначного результата просто было невозможно. Может быть так, что сама формулировка цели политического процесса в силу внутренней противоречивости активизирует разногласия в рядах его участников, и эта борьба переводит вопрос о целях развития из области фундаментальной стратегии в область текущей политической тактики. Происходит такое принципиальное изменение смысла процесса, так меняются субъективные условия его восприятия обществом и элитами, что у граждан возникают закономерные сомнения: а все тот же процесс имеет место, или внутри известной формы уже сложилось иное, противоположное по смыслу содержание. Это философия, но она имеет очевидный практический смысл для политического анализа. Это, в сущности, один из механизмов утраты обществом веры в политику как рациональную общественную практику, подлежащую рациональной критике. Для демократической политики такая вера жизненно необходима и утрата ее особенно значима.

В свое время демократия получила исторический приоритет перед авторитаризмом в развитии европейской цивилизации за счет того, что предложила европейским обществам, обладавшим для этого необходимым культурным и материальным потенциалом, не принимать на веру незыблемость правил политической жизни. Устами своих теоретиков она предложила эти правила критически осмыслить и усовершенствовать, ориентируясь не на религиозные предписания, а на «естественные» свойства человеческой природы. С того времени способность к самокритике, к постоянной переоценке своего опыта остается тем качеством, которое и сегодня привлекает общественные симпатии к демократической политике. Потому что рядовым гражданам это дает надежду, что жизнь, наконец, наладится при очередной смене властвующих демократических элит, критикующих друг друга за некомпетентное политическое управление, и на эту смену рядовой гражданин может прямо повлиять своим электоральным участием. Это одно из важных оснований современной общественной «веры в демократию», как в инструмент обеспечения социального прогресса.

В России эта «вера» в течение всего периода демократических преобразований систематически подвергалась серьезным испытаниям экономическими кризисами и военными конфликтами. Авторы масштабного социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН, утверждают: «... вступление в эпоху демократических преобразований и рыночных отношений, которая, казалось бы, должна была раскрепостить россиян, предоставить им новые права, свободы и возможности, привело к прямо противоположному результату. Последние

17 лет развитие не только России и Запада, но и России и Японии идет в диаметрально противоположных направлениях. ... В этой связи нельзя не вспомнить приводившиеся выше данные о распространенности среди наших сограждан чувства невозможности повлиять на происходящее вокруг них, чувства, которые часто или иногда испытывают около 90% при том, что почти 80% всех россиян хотя бы иногда ощущают, что дальше так жить нельзя¹. И далее: «Именно ощущение тщетности стремлений изменить неприемлемые обстоятельства жизни во многом объясняет и то, что традиции патернализма по-прежнему доминируют в сознании большинства россиян»².

Данный факт, как представляется, может быть объяснен не только особенностями российского менталитета, невосприимчивого, как часто утверждает публицистика, к либеральным ценностям. Это закономерный результат устойчиво невнимательного отношения интеллектуальных и политических элит к тому, как подать обществу пространственные характеристики намечаемых и проводимых преобразований и соответственно обозначить тот рубеж, по которому можно было бы судить, состоялся реформационный процесс или нет.

То, что современная научная и публицистическая критика опытов либерального развития России задается вопросом «А состоялся ли демократический транзит и где его конечный рубеж?», является вполне закономерным. Теоретический поиск ответа на этот вопрос ведется в направлении критики родовых свойств самой либеральной доктрины, в направлении критики российской политической культуры.

К поиску ответа на этот вопрос можно подойти и с другой стороны. Изначально, когда этот транзит только еще начинался и речь шла даже не о либеральной демократии, а об усовершенствовании советской модели демократии, были ли теоретически осмыслены пространственные и временные границы этого реформационного процесса? По сути, может быть, наше сегодняшнее непонимание того, пришел ли демократический транзит к окончанию, есть следствие того нечеткого понимания начала.

В данном случае хотелось бы выделить одно, как представляется, наиболее существенное противоречие в структуре и качестве идеи «перестройки», предопределившее ее политико-культурную функциональность и проявившее тот самый момент невнимания организаторов процесса к теоретически непротиворечивому определению его границ, о котором говорилось выше. Противоречие в определении границ состояло в том, что по содержанию и форме ее подачи идея эта имела определенный идеологический смысл. Она выглядела заявкой со стороны советской элиты, настроенной на реформаторский лад, на комплексное усовершенствование системы советской демократии, на изменение всей стратегии

социально-политического прогресса в соответствии с новыми мировыми тенденциями. «Перестройка» преподносилась как программа новых политических отношений «для нашей страны и для всего мира». Однако в то же самое время она преподносилась и как масштабное, но сугубо тактическое решение наиболее острых и наболевших вопросов функционирования советской системы, связанных с недостатками собственно советской системы экономического и социального развития, не затрагивающее принципиальных основ ее организации, то есть идеологии этой системы, и, по большому счету, не имеющее отношения к проблемам остального мира. Возникла ситуация, в которой возможно было понимание перестройки элитами и обществом и как долгосрочной, почти цивилизационной стратегии развития нашей страны, и как одной из множества «реформ сверху», которыми так богата отечественная история. В этом противоречии, возможно, заключено объяснение того, почему ни элиты, ни общество не оказали, пользуясь формулировкой современного французского политолога Анн де Тенги, «сопротивления перестройке». Примечательно, что редакция журнала «Полис», дала в перепечатке публикации французского автора к этому месту такой комментарий: «Было бы, по меньшей мере, странно ожидать сопротивления этому процессу от государства, верховный руководитель которого лично провозгласил соответствующий курс своим главным политическим приоритетом, а значительная часть элиты которого связывала с “курсом на перестройку” свои стратегические интересы»³.

Дело, по-видимому, не только в российской психологии отношений «масса-лидер». Трудно, в принципе, что-либо возразить против политической программы, масштаб реализации которой, пространственный и временной, в принципе не ясен, когда не ясно, имеешь ли дело со стратегией (идеологией) развития социально-политической системы или только с вынужденным тактическим отступлением от прежних правил политики.

Даже если бы некий активный сторонник «перестройки» принципиально определил для себя, что имеет дело с цивилизационной стратегией, он имел повод для сомнений в ее продуктивности на основании того, как для этой стратегии были теоретически установлены пространственные границы. Показательна структура раздела «Современный мир: основные тенденции и противоречия» в политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду, озвученном М.С. Горбачевым⁴. Изменение внешнеполитических и международных экономических условий развития СССР в докладе преподносилось в качестве ключевого аргумента, подчеркивавшего объективную необходимость «перестройки» в нашей стране, в качестве принципиальных границ, к которым следует двигаться всей социально-политической системе. В этом разделе доклада основные проблемные позиции были расставлены в соответствии с основными

советскими идеологическими императивами. Утверждалось, что «Мировой социализм – мощное международное образование ...», что «Ход социального прогресса тесно связан с антиколониальными революциями ...», что «Общественный прогресс находит свое выражение в развитии международного коммунистического и рабочего движения ...», что важнейшее для судеб противоречие в мировой политике связано с «отношениями между государствами двух систем, двух формаций ...», что налицо множество подтверждений углубления «общего кризиса капитализма». В докладе давалась выдержанная в советских идеологических традициях оценка противоречий между «трудом и капиталом», «межимпериалистических противоречий», противоречий между «империалистическими и развивающимися странами». Говорилось о том, что капитализм несет всем народам «обеднение культуры». И после такого «идеологически выдержанного» анализа положения дел в современном мире, в мире господства капитала и империализма, утверждалось, что надо стараться быть к этому миру ближе, быть более открытыми для его влияния. Утверждалось, что складывается «взаимозависимый, во многом целостный мир». Подчеркивалось при этом, что: «Ход истории, общественного прогресса все настоятельнее требует налаживания конструктивного, соиздательного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты».

В тексте доклада это противоречие подавалось советским гражданам как противоречие диалектическое и потому с научной точки зрения естественное, как сочетание тенденций к противоборству и взаимозависимости двух мировых систем. Но это было сугубо философское решение противоречия. Реально же данное противоречие рождало вопрос: способна ли советская система, исторически за годы советской власти сориентированная в своем развитии на весь вышеприведенный традиционный комплекс идеологических императивов, с таким идеологическим багажом практически интегрироваться в тот «целостный мир», где доминируют либеральный идеи и ценности, не нарушая его целостности и не разрушая саму себя?

Идея перестройки, оформленная в виде политического лозунга и расшифрованная в виде ряда практических мер, подразумевающих изменения в порядке экономической, социальной, административной и партийной жизни, по сути своей должна была дать понятный общественному сознанию ответ на вопрос, каким образом все это сближение двух систем будет осуществляться на практике и как будет преодолеваться основное диалектическое противоречие. В Политическом докладе эти основные позиции перестройки были прописаны с вполне достаточной четкостью, были обозначены направления перемен в экономике, советском управлении, партийной жизни, культуре.

За исключением одного принципиального момента, который никак не был теоретически

обозначен, что сделало идею перестройки нефункциональным основанием для критического переосмысления советского демократического опыта. Не были четко определены масштаб и глубина перемен в базовых элементах и связях советской экономической и социально-политической систем. Требование «перестроиться», обращенное к политическому субъекту и облеченное в форму новой идеологии, требовало как минимум конкретизации критериев оценки того, кто перестроился, а кто нет. Получалось же так, что определение этого критерия отдавалось на волю «политически сознательных граждан» и активных поборников «перестройки» в рядах партийных и государственных советских элит. Тем самым были созданы условия для появления вольных интерпретаций идеологической по своему статусу идеи «перестройки», соответствующих политическим интересам конкретного субъекта или социальной группы и, с другой стороны, для неопределенности теоретических позиций, с которых можно было бы осуществлять научную критику опыта развития советской демократии и прогнозирование возможностей ее совершенствования. Впоследствии именно это обстоятельство, как представляется, потребовало введения в дискурс критики недостатков советской демократии и в обоснование возможности ее совершенствования формулы «углубление перестройки». Формула эта мало помогла теоретическому и практическому решению проблемы потому, что также не содержала в себе четких и понятных массовому сознанию ориентиров возможной и необходимой глубины перемен.

Такие ориентиры были необходимы как минимум по двум причинам. Первая, условно говоря «историческая», причина состояла в том, что система советской демократии, как и любая демократическая система в принципе, изначально была очень чувствительна именно к вопросам пространственного самоопределения. Эту чувствительность последовательно отражали стратегические установки на «мировую революцию», на «построение социализма в отдельно взятой стране», на формирование «социалистического лагеря», а также устоявшийся принцип деления всех участников мировой политики на «прогрессивное человечество» и «империалистические силы». Дополнительная причина этой чувствительности состояла в том, что советская модель демократии должна была отвоевывать себе место в пространстве европейской и мировой политики, в котором все основные сферы влияния и ресурсы изначально были задействованы в историческом конфликте авторитаризма и либеральной демократии, а к XX в. оказались сосредоточены в руках либеральной демократии.

Советская демократия в этих условиях выглядела нарушением правил политической игры, покушением в равной степени и на авторитарные традиции европейской и мировой политики,

и на либеральные начала жизни современных гражданских обществ и правовых государств, на изменение свойств пространства мировой политики. Советские властные элиты этот момент осознавали и фиксировали в советской идеологии, тогда как их либеральные оппоненты фиксировали те же претензии на антисоветских идеологических конструкциях. Исторически сложился баланс идеологически осмысленных границ советской и антисоветской политики, который «перестройка» объективно нарушала, не определяя четко новых пространственных границ политического взаимодействия двух систем.

Воспроизводилось традиционное для советской эпохи смешение научного и идеологического дискурсов, при котором у публицистов и ученых, критикующих опыт советской демократии и доказывающих возможность ее перестройки, появлялась возможность в научных оценках прямо обращаться к идеологическим аргументам, а идеологические вопросы подавать в виде научных проблем, подлежащих широкому и свободному обсуждению. Рядовой гражданин или ученый-аналитик у нас в стране и за рубежом видел критический настрой «перестроечных» элит, связывал этот настрой с процессом демократизации, но имел разумные основания сомневаться в том, понимают ли сами теоретики этого процесса достаточно ясно, куда они ведут общество, будет ли обновленная на неизвестно какую глубину советская демократия лучше или хуже прежних, доперестроечных ее состояний, действительно ли «перестройка» повлияет на весь мир, или же останется проблемой только для СССР.

В основе «веры» рядовых граждан в обновленную советскую демократию средствами научных и публицистических дискуссий, причем на самом высоком уровне, закладывалось сомнение в смысле надвигающихся перемен. То сомнение, которое в дальнейшем будет использовано сторонниками либеральной модели демократического развития России для критики советской демократии как таковой и всех попыток ее перестроить. Ключевой тезис этой критики, согласно которому «перестройка» как идея и практика изначально была обречена на провал, в свете отмеченных выше обстоятельств действительно становился значимым и понятным для массового сознания.

Факт, что многое повторяется не только в самой политике, но и в том, как ее участники смотрят на ее теоретические основания. Сегодня идея «суверенной демократии» по внутренней своей сути и месту в политическом дискурсе также имеет вид стратегической заявки со стороны ныне действующих политических элит на изменение масштабов и свойств пространства, в котором реализуются их политические интересы и возможности. И важной является конкретизация границ политического пространства, в котором демократическое участие будет суверенным, а за его пределами перестает быть таковым. Актуален и вопрос о том, по каким

правовым, экономическим, культурным и административным основаниям может быть выверен суверенитет политического субъекта в условиях, когда российской политической системе в условиях глобализации вновь надо адаптироваться к меняющимся свойствам мирового политического пространства и встраиваться в систему мировой политики. На это сегодня еще мало обращают внимание, но со временем уровень понимания концепта «суверенная демократия» так же определит вектор самокритики российской демократии на последующих этапах ее развития. Сегодня этот концепт в теоретических исследованиях подается в качестве «политической философии России», в контексте диалектических противоречий в развитии современного глобализующегося мира⁵. Практические же (политические, идеологические административные) границы действия идеологического императива «суверенитет» не определены. По сути, речь идет о новом концептуальном основании российской модернизации, но пространственные характеристики этого основания столь же размыты. Как справедливо отмечает В. Иноземцев: «Хотя власть официально провозгласила курс на модернизацию, никто не пытается строго научным образом определить это понятие, а политики и эксперты, говоря о ней, обычно указывают на мало-значительные или вообще не имеющие отношения к делу обстоятельства. Часто приходится слышать, что модернизация нереализуема без демократизации и политических реформ; утверждается, будто она должна быть постиндустриальной и ее судьба в конечном счете решится в сфере инновационных технологий; подчеркивается, что о модернизации нечего рассуждать, если на первый план не поставлено развитие науки и образования. Все эти красивые слова, увы, не проясняют ни целей, которые мы перед собой ставим, ни ближайших шагов, которые могут превратить модернизацию из досужей мечты в повседневную реальность»⁶. Соответственно не определен и тот пространственный и временной рубеж, к которому должна прийти политическая практика. И остается, таким образом, не освоенным теоретически вопрос о политическом потенциале данной идеи, оптимальной ее функциональности. Остается и основание для воспроизводства в массовом сознании «неверия» в демократию.

С некоторой долей условности можно сказать, что в структуре российской политической культуры наряду с многочисленными и своеобразными ментальными установками, на которые исследователи обычно обращают внимание в первую очередь, существует и некое устойчивое пренебрежение к свойствам пространства иницируемых политических процессов. Оно рождает невнимание и к их итогам. В результате вся история России предстает взгляду стороннего наблюдателя чередой незавершенных модернизаций и пугающей рядового гражданина перспективой новых, неопределенных по времени и пространству перемен.

Примечания

- ¹ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Ч. 2. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян // Полис. 2008. № 2. С. 86–87.
- ² Там же. С. 88.

УДК 32:070:004:056

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: ie57@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей средств массовой коммуникации. Анализируются инновационные характеристики традиционных СМИ и новые каналы, механизмы массовой политической коммуникации, порождаемые развитием информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, средства массовой информации, Интернет, интернет-СМИ, медиа, интернет-пространство.

Modern Tendencies of the Mass-Media Development

A.V. Rossoshansky

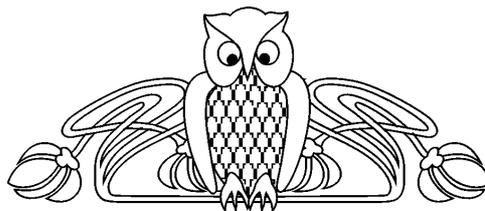
The article is devoted to the consideration of the Mass-Media peculiarities. The innovation features of the traditional Mass-Media and new channels, as well as the mechanisms of mass political communication, that are given birth by the information-computer technologies, are analyzed.

Key words: Mass-Media, the means of mass information, the Internet, the Internet-Media, Media, virtual Internet reality.

Стремительное развитие науки и техники за последние два десятилетия привело к появлению новых цифровых и информационно-компьютерных технологий, которые активно и успешно внедряются по многим направлениям общественной жизни, в том числе и в сфере коммуникации. Их использование привело к изменению традиционных средств массовой коммуникации (СМК) и способствовало появлению новых, ранее не существовавших каналов распространения информации.

Под средствами массовой коммуникации принято понимать каналы, способы, материальные носители, «приспособления» для фиксации, хранения и распространения информации для, через или от массовой аудитории¹. СМК связаны не только с техническим процессом получения, хранения и передачи информации, но и с технологиями представления и распространения информа-

- ³ Тенги А. де. Выход из империи: тяжелое наследство // Полис. 2008. № 6. С. 58.
- ⁴ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1986. С. 26–42.
- ⁵ См.: Третьяков В. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина // PRO суверенную демократию. М., 2007. С. 7–12.
- ⁶ Иноземцев В. Призыв к порядку // Свободная мысль. 2008. № 10. С. 57.

ции. Основными СМК в современном обществе, являются СМИ – это газеты, радио, телевидение. Информационная революция изменила их, а также формы и содержание медиапродукции и медиасреды, способствовала появлению принципиально нового канала коммуникации – Интернета.

Исторически первым средством массовой коммуникации была печатная пресса, которая долгое время являлась лидером по популярности и масштабам распространения из всех масс-медиа. Даже изобретение радио не изменило статус-кво в этой сфере. Ситуация стала стремительно меняться с появлением телевидения. На заре новостного телевидения новостные сюжеты выходили в эфир с 2, 3-дневной задержкой. Однако с появлением цифровых камер и спутников связи новости стали передаваться гораздо быстрее. Сегодня уровень технологий таков, что журналистам не надо обрабатывать свой материал, а достаточно иметь аппаратуру с выходом на спутниковую передачу информации. Наступили времена новостей в режиме реального времени, или, как еще говорят, «живых новостей»². Сидя у экранов телевизоров, можно узнавать о событиях абсолютно в то время, когда они происходят в той или иной точке мира. Телезрители становятся фактически очевидцами событий.

Однако технологическое развитие электронных СМИ продуцирует возникновение ситуаций информационных рисков для органов власти всех уровней, которые лишились монополии на производство и распространение информации. Поскольку сегодняшние новости распространяются мгновенно и доходят до самых отдаленных уголков страны, у властей подчас попросту не остается времени на принятие взвешенных решений, им приходится иметь дело с такими ситуациями, в которых их оппоненты получают информацию быстрее органов власти. Особенно это актуально в

Примечания

- ¹ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Ч. 2. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян // Полис. 2008. № 2. С. 86–87.
- ² Там же. С. 88.

УДК 32:070:004:056

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: ie57@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей средств массовой коммуникации. Анализируются инновационные характеристики традиционных СМИ и новые каналы, механизмы массовой политической коммуникации, порождаемые развитием информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, средства массовой информации, Интернет, интернет-СМИ, медиа, интернет-пространство.

Modern Tendencies of the Mass-Media Development

A.V. Rossoshansky

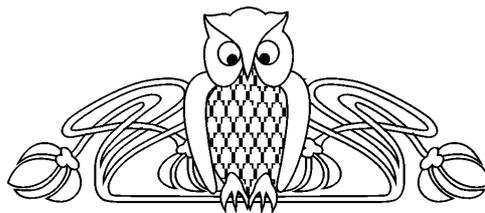
The article is devoted to the consideration of the Mass-Media peculiarities. The innovation features of the traditional Mass-Media and new channels, as well as the mechanisms of mass political communication, that are given birth by the information-computer technologies, are analyzed.

Key words: Mass-Media, the means of mass information, the Internet, the Internet-Media, Media, virtual Internet reality.

Стремительное развитие науки и техники за последние два десятилетия привело к появлению новых цифровых и информационно-компьютерных технологий, которые активно и успешно внедряются по многим направлениям общественной жизни, в том числе и в сфере коммуникации. Их использование привело к изменению традиционных средств массовой коммуникации (СМК) и способствовало появлению новых, ранее не существовавших каналов распространения информации.

Под средствами массовой коммуникации принято понимать каналы, способы, материальные носители, «приспособления» для фиксации, хранения и распространения информации для, через или от массовой аудитории¹. СМК связаны не только с техническим процессом получения, хранения и передачи информации, но и с технологиями представления и распространения информа-

- ³ Тенги А. де. Выход из империи: тяжелое наследство // Полис. 2008. № 6. С. 58.
- ⁴ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1986. С. 26–42.
- ⁵ См.: Третьяков В. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина // PRO суверенную демократию. М., 2007. С. 7–12.
- ⁶ Иноземцев В. Призыв к порядку // Свободная мысль. 2008. № 10. С. 57.

ции. Основными СМК в современном обществе, являются СМИ – это газеты, радио, телевидение. Информационная революция изменила их, а также формы и содержание медиапродукции и медиасреды, способствовала появлению принципиально нового канала коммуникации – Интернета.

Исторически первым средством массовой коммуникации была печатная пресса, которая долгое время являлась лидером по популярности и масштабам распространения из всех масс-медиа. Даже изобретение радио не изменило статус-кво в этой сфере. Ситуация стала стремительно меняться с появлением телевидения. На заре новостного телевидения новостные сюжеты выходили в эфир с 2, 3-дневной задержкой. Однако с появлением цифровых камер и спутников связи новости стали передаваться гораздо быстрее. Сегодня уровень технологий таков, что журналистам не надо обрабатывать свой материал, а достаточно иметь аппаратуру с выходом на спутниковую передачу информации. Наступили времена новостей в режиме реального времени, или, как еще говорят, «живых новостей»². Сидя у экранов телевизоров, можно узнавать о событиях абсолютно в то время, когда они происходят в той или иной точке мира. Телезрители становятся фактически очевидцами событий.

Однако технологическое развитие электронных СМИ продуцирует возникновение ситуаций информационных рисков для органов власти всех уровней, которые лишились монополии на производство и распространение информации. Поскольку сегодняшние новости распространяются мгновенно и доходят до самых отдаленных уголков страны, у властей подчас попросту не остается времени на принятие взвешенных решений, им приходится иметь дело с такими ситуациями, в которых их оппоненты получают информацию быстрее органов власти. Особенно это актуально в

конфликтных ситуациях. Эффект живых новостей может обернуться тем, что политики могут начать реагировать на общественное мнение, а не на суть проблемы и менять политику там, где изменять ее, может быть, и не стоило бы.

В последнее время в деятельности СМИ нарастает тенденция замены традиционного «широкого вещания» на «узкое вещание». Благодаря широкому распространению цифровых технологий, цифрового, кабельного и спутникового телевидения стало возможным загрузить сотни каналов и обеспечить их передачу на любой домашний телеприемник. Цифровые технологии позволяют передавать и хранить в несколько раз больше информации, чем старые аналоговые формы. К тому же цифровой формат делает возможным интеграцию или конверсию сжатой информации в компьютерные системы и их приложения. На основании этого мы можем присоединиться к мнению о том, что будущее принадлежит «узкому вещанию», то есть все более глубокой специализации телеуслуг. Это подтверждается многими факторами. Уже сегодня, например, для любителей спорта функционирует не один канал. Такими эфирными каналами являются «Спорт» и «7-TV», кабельными – «EUROSPORT», «EUROSPORT2». Эффективно работает эфирный круглосуточный информационный канал «Вести». Цель создания канала, входящего в холдинг ВГТРК, – представлять зрителям самую оперативную информацию из всех регионов страны и из-за ее пределов 24 часа в сутки. В эфире представлены главные мировые новости, информация о жизни в России в виде включений программ региональных государственных телерадиокомпаний и отдельных материалов, а также новости спорта, культуры, высоких технологий, специальные репортажи и собственные расследования. Круглосуточный канал можно смотреть в системе НТВ-Плюс, на кабельных и эфирных каналах в России, странах СНГ и за рубежом.

Инновационность современного телевидения проявляется в возникновении не свойственных ему ранее функции. Сегодня с помощью телевидения можно выбирать и покупать различные товары. Так, например, существует специализированный канал «Телемагазин» («TV-sale»), где рекламируют и наглядно, на конкретных примерах, демонстрируют возможности различных предметов обихода, тренажеров, устройств, которые можно приобрести.

Характеристики новых технологий позволяют нам выйти за пределы традиционной массовой коммуникации. Эту новую область называют транзактной медийной коммуникацией³. Транзактная означает смену ролей – переход к таким межличностным коммуникационным отношениям, в которых каждая сторона может по очереди выступать в роли получателя или передатчика информации. Другими словами, коммуникационными транс-действиями могут обмениваться много

пользователей. Любой человек или организация могут обращаться к множеству других людей.

К новым медиатехнологиям относится интерактивное телевидение, появившееся в результате сближения телевизора и компьютера. Наиболее активно и успешно эти технологии развиваются в США и Японии. Новые возможности позволяют зрителям щелкать по так называемым «иконкам» в течение телевизионной программы для голосования или, например, получения дополнительной информации по спортивной статистике или биографическим данным. Телезрители могут в реальном времени участвовать в игровых шоу. Другие интерактивные технологии позволяют кинозрителям выбирать сюжетные линии и концовки фильма. Интерактивные кабельные системы позволяют спортивным болельщикам выбирать различные ракурсы камер, показывающих спортивные соревнования.

Еще большими возможностями для двухсторонней коммуникации обладает Интернет. Как принципиально новое средство массовой коммуникации, он обладает такими характеристиками, как интерактивность, открытость, отсутствие временных и пространственных ограничений, виртуальность.

С технологической точки зрения интерактивность представляет собой двухстороннее, диалоговое взаимодействие в режиме реального времени. С позиций теории коммуникации интерактивность выделяется как один из трех (коммуникация, интеракция, перцепция) взаимосвязанных аспектов общения. При этом коммуникативная сторона состоит в обмене информацией между общающимися индивидами; интерактивная сторона заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, то есть в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями; перцептивная сторона общения означает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания⁴.

Идея интерактивности означает отказ (по крайней мере, декларируемый публично) от понимания коммуникации в терминах отношений «субъект–объект». В интерактивной коммуникации получатель сообщения является таким же полноправным участником коммуникации, как и отправитель сообщения.

Можно сказать, что Интернет представляет собой не просто канал, а целую коммуникационную среду, которая носит открытый для всех характер.

Открытость означает, что Интернет разрушает монополию медиаиндустрии, обеспечивая прямой и немедленный доступ к политической и прочей информации, открывает перед общественностью и перед каждым человеком возможность создавать информацию, использовать и обмениваться ее свободно и открыто, с учетом своих собственных интересов. В Интернете отсутствует

цензура. Государство никак не регламентирует правила и ограничения для размещения информации в Интернете.

Другая важная характеристика – это масштабность, или безграничность. Коммуникационная среда не имеет пространственных границ и, объединяя информационные поля различных государств, является мировой средой общения. Множество людей могут взаимодействовать независимо от своего местоположения, мгновенно устанавливая контакты с разных уголков планеты. Собственно, мгновенность получения и распространения информации является еще одной важной характеристикой этой среды коммуникации.

Отсюда вытекает еще один важный аспект. Так как для обмена сообщениями, несущими определенное смысловое содержание, людям не обязательно находиться вместе, то это означает, что Интернет позволяет осуществить массовый перенос людьми своей информационной активности, а также и информационных взаимодействий из среды, создаваемой традиционными коммуникационными технологиями, в виртуальную среду сети, т.е. в он-лайн⁵. Виртуальность – это еще одна характеристика новой коммуникационной среды.

Новая коммуникационная среда породила новые средства массовой коммуникации – интернет-СМИ, блоги, электронную почту, чаты.

Центральное место в интернет-пространстве занимают интернет-СМИ. Они занимают собственную нишу среди других информационных ресурсов сети, таких как библиотеки и базы данных, справочники, презентационные материалы, каталоги и поисковые машины. Они обладают всей совокупностью классических признаков, необходимых для отнесения их к разряду СМИ⁶.

Во-первых, они имеют свою социальную нишу, которая отличается от аудитории «старых» СМИ по ряду параметров (в количественном отношении она существенно меньше, при этом моложе, более состоятельна и образованна, имеет некоторые особенности информационного поведения).

Во-вторых, в Интернете у СМИ появились новые возможности в скорости и оперативности обновления своей информации, при более гибком подходе к фиксированной периодичности.

В-третьих, интернет-СМИ имеют особый ареал распространения, их информация распространяется по новым информационно-коммуникационным каналам, которые глобальны по своей природе, т.е. глобальны по широте охвата аудитории и при этом локальны по возможностям доступа к малым социальным группам, рассредоточенным по интересам и территориям.

В-четвертых, зоны информационного внимания этих СМИ отличаются как универсализмом, так и предельной специализацией, обслуживающей интересы определенных сегментов аудитории.

В-пятых, в Интернете расширяются содержательные возможности СМИ для выполнения таких функций, как информационная и развлекательная.

При этом они обладают оригинальными, только им присущими особенностями, выделяющими их из всей медиасистемы:

во-первых, гипертекстуальностью, которая предоставляет уникальные возможности как производителям, так и потребителям медиапродукта. Первым – повысить качество информации, а именно ее полноту и достоверность, вторым – читать текст не только линейно, как на бумаге, но также просматривать его вглубь, воспользовавшись альтернативными источниками, самостоятельно участвовать в интерпретации фактов;

во-вторых, мультимедийностью, т.е. возможностью передачи сообщений в разных знаковых системах – вербальной, графической, звуковой, фото, видео, анимационной. Пока использование мультимедиа имеет серьезные ограничения из-за низкой пропускной способности каналов;

в-третьих, интерактивностью, т.е. многосторонним информационным обменом с потребителем, причем как с отдельными представителями, так и с аудиторией в целом.

Наиболее многочисленными интернет-СМИ являются электронные газеты. Их бывает два вида: издания, существующие только в Интернете (например, www.gazeta.ru), и издания, имеющие как традиционную, так и веб-версию. Их объединяют следующие особенности⁷: они постоянно и очень быстро обновляются, хорошо иллюстрированы и в них нет, как правило, законченных статей. Материал заканчивается тогда, когда заканчивается событие. Кроме того, электронные газеты представляются в формате гипертекстовой разметки, которая позволяет быстро находить различные материалы. Сегодня все крупные и центральные газеты имеют свое представительство во Всемирной коммуникационной сети. Это, например, «Московский комсомолец» (www.mk.ru), «Аргументы и факты» (www.aif.ru), «Комсомольская правда» (www.kp.ru). Из саратовских – «Саратовская панорама» (www.s-panorama.ru), «Богатей» (www.bogatej.ru), «Саратовский расклад» (www.rasklad.ru), Саратовские вести (www.sarvesti.ru) и другие.

Серьезное место в медийном интернет-пространстве занимают информационные агентства. В Саратовской области крупнейшими информационными агентствами являются «Саратов-БизнесКонсалтинг» (www.sarbc.ru), «Саратовские новости» (www.saratoff.ru), «Саратовинформ» (www.sarinform.ru), «Взгляд-Инфо» (www.vzsar.ru).

Они позволяют пользователю получать в свое распоряжение все виды информации – аудиовизуальную и текстовую. Классифицируют ее по рубрикам, предоставляют доступ к другим общественно значимым электронным ресурсам губернии.

Сравнительно новым явлением в российском медийном интернет-пространстве являются телевизионные интернет-каналы. Телевизионные интернет-каналы представляют собой как самостоятельные, существующие только в сети проекты (это в основном спортивные каналы), так и интернет-аналоги эфирным каналам (например, www.ren-tv.com) и передачам (например, www.vesti-moscow.ru). Преимущество интернет-каналов в том, что они предоставляют возможность не только прочтения на компьютере телевизионных новостей, но и просмотр фотографий и видеосюжетов.

В Саратовской области успешно работает филиал Всероссийской государственной телерадиокомпания – ФГУП «Государственная телерадиовещательная компания «Саратов»». В структуру компании входит первая в России региональная редакция Государственного интернет-канала «Россия». На этом сайте все новости структурируются на шесть блоков: «государство», «политика», «экономика», «общество», «происшествия» и «в мире». Кроме того, существует интернет-версия программы «Вести-Саратов». Разработана система поиска по сайту. Представлена региональная информация об органах власти, экономике, культурных особенностях Саратовской области.

Еще одно инновационное явление в области СМИ – это веб-радио. По мере распространения Интернета в обществе веб-версии радиостанций начинают создавать конкуренцию традиционному радио. Достоинства радиовещания для Интернета в том, что глобальная сеть дает возможность проникнуть туда, куда радиосигнал не доходит, или трансляция этого сигнала стоит настолько дорого, что экономически не оправданно. Интернет позволяет создать виртуальный клуб поклонников радиостанции, дает возможность обсуждать различные темы. Наиболее популярным стало веб-радио, работающее в информационно-развлекательном формате. Такой сайт позволяет слушать радио в прямом эфире, содержит звуковые архивы, интерактивный инструментальный, новости и рекламу.

Помимо возможностей для массового распространения информации, Интернет открывает большие возможности для коллективной коммуникации, для оперативного обсуждения широкого круга тем и актуальных проблем. Разделение новостей на тематические группы привело к созданию интерактивных электронных конференций (дискуссионных групп), доступных массовому пользователю и позволяющих поддерживать тематическую переписку между участниками. Одна из разновидностей такой формы коммуникации

называется блогом. Он представляет собой доступную для всех желающих личную страничку пользователя Интернета. Ее содержимое – это регулярно добавляемые заметки по темам, формируемым автором блога. Политическая тематика в них доминирует, привлекая внимание большого числа пользователей сети.

Другой формой коллективной коммуникации является IRS (Internet Relay Chat) – интерактивная система, которая поддерживает дискуссии в режиме реального времени. С помощью IRS в одной дискуссии могут участвовать одновременно десятки людей из разных уголков мира, не планируя заранее свое время.

В заключение можно сделать следующие выводы, относительно современных тенденций развития СМК.

1. Техническую основу современных СМИ составляют цифровые и компьютерные технологии, в результате изменяется их социально-политическая функциональность. Их работа осуществляется в режиме реального времени и по принципу «узкого вещания», то есть все более глубокой специализации.

2. Массовое распространение Интернета породило новые формы массовой политической коммуникации, которые характеризуются глубокой интерактивностью, открытостью, отсутствием пространственных и временных ограничений.

3. Наряду с традиционными СМИ широкое распространение и популярность получают интернет-СМИ: интернет-газеты, интернет-телевидение, интернет-радио. Сегодня налицо тенденции увеличения объема сектора интернет-СМИ в медийном пространстве политики.

Примечания

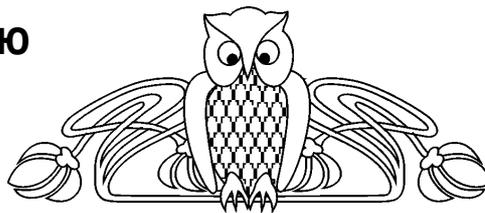
- 1 См.: Фомичева И.Д. Социология СМИ. М., 2007. С. 22.
- 2 См.: Медиа / Под ред. А. Бригза, П. Кобли. М., 2005. С. 233.
- 3 См.: Брайт Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М., 2004. С. 396.
- 4 См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2000. С. 82.
- 5 См.: Корытничкова Н. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социс. 2007. № 2. С. 91.
- 6 См.: Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета. М., 2005. С. 43–86.
- 7 См.: СМИ России / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2006. С. 33.

Слово молодым политологам

УДК 323.232

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.Н. Жильцова

Международный юридический институт при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва
менеджер отдела международных связей
E-mail: mui@astranet.ru

Автор исследует современные подходы к оценке результатов административных преобразований. В статье предлагается оригинальное видение практических подходов по формированию правил и процедур оценивания конкретных реформистских практик в современной России. В частности, указывается на взаимную обусловленность состояния массового сознания и интенсивности политико-административных изменений.

Ключевые слова: административная реформа, политические и социальные последствия административного реформирования, оценка эффективности власти, демократический контроль за властью.

Theoretical Approaches to the Definition of Social Consequences of Administrative Reforming in Modern Russia

O.N. Zhiltsova

The author studies modern approaches to the administrative reforming and its results estimation. In the article the original interpretation of the practical approaches to the rules and procedures of estimation of concrete reforming practice in modern Russia is offered. In particular, the mutual conditionality of mass consciousness and the intensity of political-administrative changes are shown.

Key words: administrative reform, political and social consequences of administrative reforming, estimation of power' efficiency, democratic power control.

Моменты единообразия в демократической организации современных европейских социально-политических систем придают устойчивую актуальность вопросу о том, по каким критериям определять эффективность их функционирования. Эффективность функционирования социально-политической системы по природе своей есть величина относительная. Социальная значимость и все правовые и экономические преимущества либеральной демократии в свое время, в предшествующие три столетия, всегда теоретически обосновывались европейской политической мыслью посредством сравнения с экономическими, правовыми и социокультурными недостатками авторитарно организованных систем¹. Иначе говоря, исторически сложилось так, что неэффективность авторитаризма служила

критерием эффективности демократии. При этом разнообразие форм и приемов демократического общежития в разных европейских странах позволяло использовать этот общий принцип сравнительной оценки для определения эффективности работы собственной государственной системы в сравнении с недостаточно высокой или же более высокой эффективностью работы государственной машины у соседей, даже если обе системы были демократическими².

Тенденция к унификации принципов и форм организации европейской демократичности лишает властвующие элиты возможности апеллировать к внешним образцам политического творчества как источнику примеров, указывающих гражданским обществам насколько эффективно или недостаточно эффективно действуют их собственные государственные системы, в первую очередь в сфере административного управления. Решающим в этой ситуации оказывается то, как само себя оценивает государство и в какой мере общество готово разделить эту оценку, а значит, и меру ответственности за состоявшиеся административные решения. Возникает ситуация, когда согласие между основными субъектами политики, государством и обществом, или есть, или его нет. Но в обоих случаях администрирование объективно вытесняет политику³, которая по определению является процессом поиска компромиссных позиций.

Представляется, что именно в силу этих обстоятельств современные отечественные политологи все чаще склонны говорить о политизации сферы административного управления и употреблять термин «административно-политическое управление». В общем плане именно такое синтетическое административно-политическое управление сегодня рассматривается политической наукой в качестве современной нормы функционирования развитой демократической государственности.

По каким показателям можно сегодня в России, например, измерить уровень и характер общественной отзывчивости на усовершенствование государством своих принципов и механизмов администрирования? Теоретически можно допустить, что в силу тотального характера связи политической и административной практик государства со всем кругом социальных практик в

современных демократиях, потенциально любая подвижка в массовом сознании в направлении изменения отношения к ценностям демократии к правовым нормам, к экономическим аспектам повседневности, к принципам и формам трудового участия (в госсекторе, например) может быть интерпретирована в качестве реакции (положительной либо отрицательной) на управленческие действия государственной элиты. Но для большей точности измерения необходим ряд приоритетных показателей, отражающих в аккумулярованном виде социально-политический результат административных преобразований, тот самый уровень готовности общества разделить с государством ответственность за состояние политических дел, о котором говорилось ранее, и готовность государства переложить эту ответственность на общество.

Следует заметить, что самым распространенным в современных политологических исследованиях способом замера эффективности работы административных механизмов в российских регионах, например, являются те, которые переносятся в научные тексты из текстов публицистических. В различных интервью СМИ с представителями региональных администраций обычно фигурируют ссылки на прирост регионального ВВП, улучшение инвестиционного климата, укрепление банковского сектора и т.д. как на свидетельства растущей эффективности административных усилий⁴. Причем эти показатели одинаково используются и для замеров эффективности административных структур регионального уровня, и для замеров их эффективности на федеральном уровне. Преимущества этих показателей в том, что они, действительно, наиболее объективно характеризуют результативность административных усилий. Но эффективность в экономическом, а не социальном измерении. Это то, что есть на самом деле. Но это не то, что в сознании общества квалифицируется как «политика» и из чего общественное сознание исходит при оценке эффективности деятельности управленческих структур, а также при определении характера своего дальнейшего взаимодействия с ними. Эта экономическая оценка предельно объективна, но именно поэтому недостаточно эффективна при общей оценке состояния социально-политических систем. Точнее, она будет достаточно эффективна только в одном конкретном случае, а именно когда политический анализ основан на представлении, что в основании всего процесса нынешней модернизации сферы государственного управления лежит процедура согласования интересов политических элит и бизнес-элит, благодаря чему сама современная российская политика предстает как специфическое проявление бизнеса⁵.

Одним из таких приоритетных показателей можно считать состояние институтов и культурных императивов развития гражданского общества в России. За последнее десятилетие связка

понятий «гражданское общество» и «правовое государство» стала устойчивым структурным элементом в научных рассуждениях, идеологических текстах и публицистике. В какой-то мере она стала и обязательным элементом в структурах массового сознания⁶. Во всяком случае исследования показывают, что для массового сознания трансформация всего государственного механизма, и в первую очередь административных практик, в плоскости усиления правовой и социальной детерминированности всех властных решений выступает ключевым условием перехода самого общества в гражданское состояние. Иначе говоря, граждане современной России готовы включиться в деятельность институтов гражданского общества, принять определенные правила политической, экономической и юридической «игры», именуемой либеральной демократией, но рассматривают эту готовность как обусловленную готовностью самого государства играть по тем же правилам.

В этом смысле административное реформирование системы государственного управления, хотя проблема ни в прикладном, ни в теоретическом ракурсах, напрямую и не связано вроде бы с проблематикой гражданского общества, на деле оказывается с ней в жесткой смысловой связке. Государство, осуществляя правовое и структурное совершенствование своей административной сферы как сферы непосредственного взаимодействия с гражданами и социальными группами, фактически предлагает этим гражданам и группам некие новые условия политической «игры». Эти условия, которые выглядят максимально совершенными с точки зрения самих административных элит, на взгляд общества, могут таковыми и не быть⁷.

А это означает, что спланированный результат административной реформы – приведение общества в состояние большей управляемости со стороны государства при минимизации затрат ресурсов самого государства на достижение такой управляемости – не будет достигнут. Административная перестройка совершится и государственный ресурс будет затрачен, но эффективность этих затрат будет в данном случае проблемой, подлежащей обсуждению. И уже самый факт такого обсуждения данного вопроса в обществе будет говорить об их, затрат, недостаточной эффективности. Административное решение потому и является административным, и в этом плане принципиально отличается от решения политического, что по природе своей не подразумевает какого-либо обсуждения, тем более обсуждения своей эффективности. Обсуждаемое на предмет эффективности административное решение объективно приобретает свойства решения политического, а потому не обязательного для всех участников политического процесса.

Парадоксальность данной ситуации состоит в том, что вся эта готовность общества и государства

к взаимодействию на общей почве принципов и правил, по сути своей, замешана на убежденности в равной степени общества и его элит в том, что поведение партнера по политическому процессу всегда априорно неэффективно, особенно когда партнер заступает на «чужую территорию»⁸. Для политики, особенно демократической, такая убежденность очень значима и конструктивна по своему смыслу. Она, как представляется, отражает момент осознания административно-политическими элитами и общественными структурами своей автономной политической субъектности. Осознание этой субъектности как сущностного качества, благодаря которому она может превзойти другую сторону по эффективности политического или административного действия.

Иначе говоря, государство готово администрировать по согласованным с обществом правилам, но исходя при этом из того, что само по себе общество не в состоянии решить каких-либо серьезных своих задач. И общество, посредством своего участия в создании и деятельности институтов гражданского общества, также демонстрирует свою готовность играть с государством политическую игру по согласованным правилам, но, руководствуясь устойчивым для массового сознания представлением, что само по себе государство всегда «хочет как лучше, а получается как всегда».

Важным показателем, аккумулирующим разные проявления общественного отношения к проходящим административным преобразованиям, является состояние сферы труда и капитала. Реакции капитала на попытки государственной элиты в современной России усовершенствовать административные рычаги взаимодействия с ним обычно носят достаточно очевидный и организованный характер. Административные шаги государства обычно получают четкую оценку со стороны различных бизнес-сообществ и оценка эта может быть выявлена и верифицирована путем анализа информационного продукта, распространяемого СМИ, в частности путем контент- и интент-анализа материалов различных интервью представителей бизнес-сообщества.

Реакция со стороны «труда» имеет более опосредованный характер и требует определенных принципов и процедур выявления. Стабилизация экономического развития, которая, в частности, наблюдалась в последнее десятилетие и в России, не способствует, например, распространению открытых конфликтных форм общения труда и капитала в виде забастовок, митингов и других акций протеста, которые в большей степени характерны для периодов социально-экономического кризиса. Даже если подобные инциденты случаются, они не афишируются при помощи СМИ. В нынешних условиях использование такого показателя для оценки эффективности работы административного механизма по обеспечению управления социально-экономической сферой было бы

неоправданным с точки зрения репрезентативности привлекаемого фактического материала и трудностей с его верификацией. Такой показатель в большей степени характеризовал бы уровень разбалансированности социально-политической системы, а не эффективность административных институтов как таковую. Тем более что переговорные процессы, всегда сопутствующие открытым трудовым конфликтам, в которых административный аппарат почти всегда выступает ключевой фигурой в посредничестве между «капиталом» и «трудом», обычно скрыты от глаз стороннего наблюдателя и об их реальном содержании часто можно судить лишь по истечении длительного времени.

Сегодня наиболее заметными проявлениями такой реакции «сферы труда и капитала» на совершенство или несовершенство администрирования являются трудовые миграции и миграции капитала, а также сопровождающее их формирование в общественном сознании устойчивых представлений о связи труда, богатства и бедности как производном от проводимой государством политики, в том числе административно-реформаторской.

Миграции по своей интенсивности, пространственной и временной конфигурации наиболее непосредственно отражают моменты эффективности и неэффективности различных административных и политических решений. «В современных условиях социальная мобильность, – пишет исследовательница-социолог Е.Е. Немерюк, – стихийна, не организована и не обеспечивается трудовыми ресурсами, для части миграционных потоков экономический аспект перестал быть решающим фактором миграции. ... каждый мигрирующий индивид, помимо перехода в другую социальную группу, стремится найти на новом месте лучшие экономические, политические или социальные условия существования. Иными словами, процесс миграции оказывает большое влияние на социально-трудовую мобильность. Сегодняшнее положение вынужденных мигрантов на региональных рынках труда в значительной мере связано не с экономическими реалиями, а с продолжающимся административным регулированием перемещений населения и соответственно функционирования рынков. Этим регулированием переселенцы вытесняются в сельскую местность, где возникающие проблемы принимают гораздо более острые формы, чем в больших и средних городах. ... Проблема видится в том, что ... вопросами занятости вынужденных переселенцев целенаправленно не занимаются ни Минтруда, ни ФМС России»⁹.

Миграционные потоки обычно направляются туда, где административными усилиями создается наиболее благоприятный правовой, политический, социальный климат для реализации индивидами гражданских и частных функций, в первую очередь – трудовой функции. Следует, однако, заметить, что такая зависимость не имеет линейного

характера. «Миграционный приток из новых независимых государств замедляется, – подводит итог своему исследованию российского рынка труда Е.Е. Немерюк, – хотя миграционный потенциал в ряде стран еще очень значительный. Однако такое сдерживание является внеадаптивным, не связанным с улучшением ситуации в большинстве стран оттока. Причем ситуация в странах выезда дополняется сейчас углубляющимся экономическим кризисом. Людям приходится выбирать между плохим и худшим»¹⁰.

В порядок миграционных потоков вмешиваются самые различные обстоятельства природного и культурного характера, а также геополитические и региональные конфликты. В последние десятилетия наблюдается отчетливая направленность, например, миграционных потоков из Китая в регионы российского Дальнего Востока. Они отчасти есть следствие благоприятной для развития китайского бизнеса административной ситуации в этом регионе. Но в не меньшей степени они отражают и некоторые специфические интересы Китая, как одного из ключевых субъектов в геополитической конкуренции в масштабах Юго-Восточной Азии и в мировом масштабе, а также направленность внешнеполитических намерений этого государства.

Само понятие «благоприятный климат», употребленное здесь как некая обобщающая характеристика сочетания различных региональных факторов, обладает известной полисемантичностью. Особенно в контексте анализа эффективности работы административной системы. В последние десятилетия довольно активно в Россию, например, направлялись миграционные потоки из кавказских государств, Белоруссии, Украины, государств Средней Азии. Можно интерпретировать эту ситуацию таким образом, что она отражает эффективность работы российского административного механизма, создающего благоприятные условия для притока дешевой рабочей силы в отечественную экономику. Но допустимой является и противоположная по смыслу интерпретация, а именно то, что в этом административном механизме достаточно много «прорех» управленческого, правового, коррупционного характера, снижающих эффективность административного контроля за миграциями как таковыми. Этим и пользуются те граждане новых суверенных государств, которые не находят своей экономической и социальной ниши на родной земле. Так что административный климат в России, конечно, более благоприятен для обеспечения миграций, но эта благоприятность не тождественна эффективности администрирования и не позволяет прямо судить о том, насколько верно выбран вектор преобразований административного сектора.

Бедность есть категория относительная, по смыслу своему производная от общей оценки обществом не столько своего нынешнего материального состояния, сколько тех перспектив

повышения или понижения этого благосостояния, которые вырисовываются в свете государственной политики вообще и административной политики в первую очередь. В этой относительности и подвижности данной ключевой для общественного сознания самоидентификации как раз заключена возможность ее корреляции со стратегическими и тактическими новациями в развитии административной сферы. Администратор, государственный чиновник, принятое административное решение в большинстве конфликтов, особенно на муниципальном уровне, предстают благодаря стараниям российских СМИ главным источником или, в лучшем случае, условием бедственного положения рядовых граждан. Такой подход имеет место и в научных исследованиях. «Проблему повышения уровня жизни для 50 млн человек (чиновники, депутаты всех уровней, работники правоохранительных органов, суда, прокуратуры, служащие банков, бирж, страховых компаний, управляющие нефтяной, газовой, металлургической, энергетической и других монополий) решили, – пишет один из отечественных аналитиков, – подняв зарплату более чем на порядок и сохранив при этом все льготы. Другие же граждане, госбюджетники, пенсионеры, многодетные и неполные семьи, безработные, учащаяся молодежь, рабочие предприятия различных форм собственности, труженики села, уличные торговцы, научные работники, включая преподавателей, занятые в сфере культуры и многие другие, которых порядка 90 млн человек, оказались за чертой бедности»¹¹. Данная цитата, как представляется, отражает общий настрой, свойственный массовому сознанию государственно организованного общества, видеть в административной системе государства одновременно и источник всех проблем, и главный инструмент их решения. И массовое сознание в данном случае реагирует на то, как по ходу административных реформ изменяется баланс функциональности административной системы: решает эта система больше общественных проблем, чем создает, или, напротив, создает обществу проблемы, мало что решая. Оценка эффективности преобразований в административной сфере может, таким образом, быть выстроена по линии учета того, как этот баланс складывается в массовом сознании.

Примечания

- ¹ Сегодня эту классическую тенденцию продолжает, например, американский историк Р. Пайпс (см.: *Пайпс Р.* Собственность и свобода. М., 2000).
- ² Классическим примером эффективности такого научного подхода может послужить известная книга А. де Токвиля «Демократия в Америке» (см.: *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1992), см. также: *Кирк Р.* Какая форма правления является наилучшей для счастья человека // *Полис.* 2001. № 3. С. 139–148. Современным образцом сравнения демократических

- систем с демократическими же системами можно считать известную книгу К. Коукера (см.: *Коукер К. Сумерки Запада*. М., 2000).
- ³ «Граница, за которую государственной власти, по представлениям и либералов, и демократов, ступать не положено, и где, по идее, должны господствовать “права человека” – пишут Е.С. Алексеенкова и В.М. Сергеев, – снова исчезает, и возникает “беспредельная власть”. Снова, как и в период абсолютизма, внутри государства формируются непрозрачные зоны, попадая в которые, человек сталкивается с неведомыми ему механизмами властвования и практиками взаимодействия индивида и государства – неинституционализированными сферами политики, где власть фактически не имеет предела... Опыт XX в. показал, что возможность реализации идеи создания прозрачного либерально-демократического государства оказывается значительно ограниченной прежде всего потому, что такое государство не является первичной, а, следовательно, наиболее естественной формой властвования» (*Алексеенкова Е.С., Сергеев В.М. Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности)* // Полис. 2008. № 3. С. 150.
  - ⁴ Показательна в этом плане та стратегическая оценка потенциала и перспектив развития Саратовской области, которую дал губернатор П. Ипатов (см.: *Петрова Е. Пошаговая стратегия* // *Общественное мнение: Обществ.-полит. и экон. журн. Саратов*, 2008. № 10(108). С. 12–13).
  - ⁵ Доктор исторических наук С.П. Перегудов пишет по этому поводу: «... взаимодействие бизнеса и бюрократии, олицетворяющих наиболее влиятельные структуры соответствующих подсистем, происходит, в основном, по линии распределения и перераспределения собственности <...> переход от одной фазы перераспределения собственности к другой ведет к изменению не только характера взаимодействия “игроков”, но и их состава <...> В результате большой бизнес и госуправленческие кадры сплачиваются не только как заинтересованные друг в друге стороны, но и как функционально родственные элементы целого, кое-где сливаясь воедино и образуя тот самый “правлящий класс”, который вершит делами страны от имени (как бы) всего общества» (*Перегудов С.П. Конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути?* // Полис. 2008. № 1. С. 99).
  - ⁶ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналит. докл. Рабочая группа Ин-та социологии РАН. Ч. 2. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян // Полис. 2008. № 2. С. 81–104.
  - ⁷ *Губогло М.Н.* К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России. Замысел, методология и инструментарий исследования // *Отечественная история*. 2002. № 6. С. 123.
  - ⁸ «Задача государства, – писал классик либеральной германской политической философии Людвиг фон Мизес, – как ее видит либерал, заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом. Правительство, которое вместо выполнения этой задачи стремится зайти так далеко, что фактически посягает на личную безопасность жизни и здоровья, свободу и собственность, будет, разумеется, отрицательным явлением. <...> К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть» (*Мизес Л. фон Либерализм*. Челябинск, 2007. С. 77–78.).
  - ⁹ *Немерюк Е.Е.* Миграция и рынок труда в современном российском обществе: социологический анализ. Саратов, 2006. С. 285–286.
  - ¹⁰ Там же. С. 286.
  - ¹¹ *Цимбалов И.П.* Бедность и богатство в рыночной экономике (социально-экономическое исследование). Саратов, 2006. С. 4.

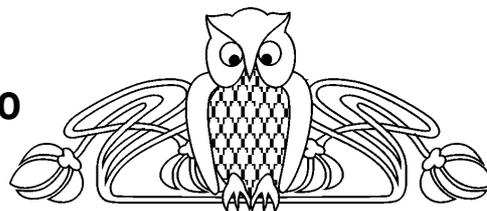
УДК [327:070] (470+571+73+479.22)

ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И США (по материалам «Российской газеты» и «The Washington Post»)

А.А. Казаков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: champy@yandex.ru

Автором анализируются посвященные грузино-югоосетинскому противостоянию статьи «Российской газеты» и «Вашингтон Пост», опубликованные в августе 2008 года. В центре авторского

внимания находятся общая содержательно-фактологическая картина конфликта; термины, эпитеты и метафоры, используемые указанными изданиями в отношении самого противостояния и участвующих в нем сторон; наиболее типичные виды заголовков и способы завершения статей, а также применявшиеся методы воздействия на читательскую аудиторию.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационное взаимодействие, Россия, США, средства массовой информации, политические технологии.

- систем с демократическими же системами можно считать известную книгу К. Коукера (см.: *Коукер К. Сумерки Запада*. М., 2000).
- ³ «Граница, за которую государственной власти, по представлениям и либералов, и демократов, ступать не положено, и где, по идее, должны господствовать “права человека” – пишут Е.С. Алексеенкова и В.М. Сергеев, – снова исчезает, и возникает “беспредельная власть”. Снова, как и в период абсолютизма, внутри государства формируются непрозрачные зоны, попадая в которые, человек сталкивается с неведомыми ему механизмами властвования и практиками взаимодействия индивида и государства – неинституционализированными сферами политики, где власть фактически не имеет предела... Опыт XX в. показал, что возможность реализации идеи создания прозрачного либерально-демократического государства оказывается значительно ограниченной прежде всего потому, что такое государство не является первичной, а, следовательно, наиболее естественной формой властвования» (*Алексеенкова Е.С., Сергеев В.М. Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности)* // Полис. 2008. № 3. С. 150.
  - ⁴ Показательна в этом плане та стратегическая оценка потенциала и перспектив развития Саратовской области, которую дал губернатор П. Ипатов (см.: *Петрова Е. Пошаговая стратегия* // *Общественное мнение: Обществ.-полит. и экон. журн. Саратов*, 2008. № 10(108). С. 12–13).
  - ⁵ Доктор исторических наук С.П. Перегудов пишет по этому поводу: «... взаимодействие бизнеса и бюрократии, олицетворяющих наиболее влиятельные структуры соответствующих подсистем, происходит, в основном, по линии распределения и перераспределения собственности <...> переход от одной фазы перераспределения собственности к другой ведет к изменению не только характера взаимодействия “игроков”, но и их состава <...> В результате большой бизнес и госуправленческие кадры сплачиваются не только как заинтересованные друг в друге стороны, но и как функционально родственные элементы целого, кое-где сливаясь воедино и образуя тот самый “правлящий класс”, который вершит делами страны от имени (как бы) всего общества» (*Перегудов С.П. Конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути?* // Полис. 2008. № 1. С. 99).
  - ⁶ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналит. докл. Рабочая группа Ин-та социологии РАН. Ч. 2. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян // Полис. 2008. № 2. С. 81–104.
  - ⁷ *Губогло М.Н.* К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России. Замысел, методология и инструментарий исследования // *Отечественная история*. 2002. № 6. С. 123.
  - ⁸ «Задача государства, – писал классик либеральной германской политической философии Людвиг фон Мизес, – как ее видит либерал, заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом. Правительство, которое вместо выполнения этой задачи стремится зайти так далеко, что фактически посягает на личную безопасность жизни и здоровья, свободу и собственность, будет, разумеется, отрицательным явлением. <...> К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть» (*Мизес Л. фон Либерализм*. Челябинск, 2007. С. 77–78.).
  - ⁹ *Немерюк Е.Е.* Миграция и рынок труда в современном российском обществе: социологический анализ. Саратов, 2006. С. 285–286.
  - ¹⁰ Там же. С. 286.
  - ¹¹ *Цимбалов И.П.* Бедность и богатство в рыночной экономике (социально-экономическое исследование). Саратов, 2006. С. 4.

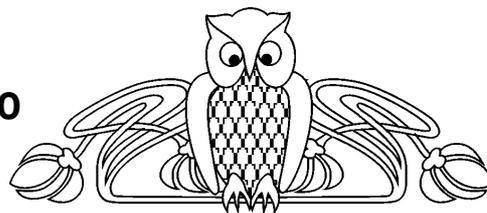
УДК [327:070] (470+571+73+479.22)

ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И США (по материалам «Российской газеты» и «The Washington Post»)

А.А. Казаков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: champy@yandex.ru

Автором анализируются посвященные грузино-югоосетинскому противостоянию статьи «Российской газеты» и «Вашингтон Пост», опубликованные в августе 2008 года. В центре авторского

внимания находятся общая содержательно-фактологическая картина конфликта; термины, эпитеты и метафоры, используемые указанными изданиями в отношении самого противостояния и участвующих в нем сторон; наиболее типичные виды заголовков и способы завершения статей, а также применявшиеся методы воздействия на читательскую аудиторию.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационное взаимодействие, Россия, США, средства массовой информации, политические технологии.

Georgian and South Ossetia Conflict: the Problem of Political and Information Cooperation of Russia and the USA (from "The Rossiyskaya Gazeta" and "The Washington Post")

A.A. Kazakov

In this paper the articles from the Rossiyskaya Gazeta and the Washington Post, devoted to the Georgian and South Ossetia confrontation are analyzed. In the centre of the author's attention there is the whole picture of the conflict as well as separate facts of it; the terms, epithets and metaphors used by the above-mentioned newspapers towards the confrontation as it is and towards the sides taking part in it; the most typical kinds of headlines and conclusions, and also the applied methods of influence over the readers.

Key words: political communication, information influence, Russia, the USA, Mass-Media, political technologies.

Разразившийся в начале августа грузино-югоосетинский конфликт заметным образом повлиял на содержание и характер всей системы международных отношений. Военное противостояние практически сразу же перешло с локально-территориального на глобально-политический уровень, а в его орбиту оказались включены не только стороны – непосредственные участники конфликта, но и другие государства, в том числе Россия и США, от позиции которых в сегодняшнем мире традиционно зависит очень многое. Однако в рамках данной статьи в фокусе нашего внимания находятся не действия, предпринятые российскими и американскими властями для нормализации ситуации на Кавказе, а лишь один из аспектов информационно-коммуникационного взаимодействия указанных государств в обозначенном вопросе. А именно характер и особенности освещения августовских событий «Российской газетой» и «Вашингтон Пост», по праву считающимися одними из самых авторитетных печатных изданий в России и США.

Объектом нашего исследования стали посвященные грузино-югоосетинскому противостоянию статьи указанных газет, опубликованные в августе 2008 г., когда конфликт переживал так называемую «горячую» фазу, и к нему было приковано наибольшее внимание общественности и СМИ. Всего за отчетный период в рассматриваемых изданиях вышло 60 удовлетворяющих заявленной теме материалов (41 – в «Российской газете» и 19 – в «Вашингтон Пост»). Средний объем материалов, посвященных кризису на Кавказе, составил 5370/5460 знаков, или 750/740 слов (в «Российской газете» и «Вашингтон Пост» соответственно), что может говорить о достаточно большом внимании, уделяемом изданиями интересующей нас проблематике.

Предметом проведенного анализа являлось: 1) общая содержательно-фактологическая картина конфликта, представленная в «Российской газете» и «Вашингтон Пост»; 2) термины, эпитеты и метафоры, используемые изданиями в отношении

самого противостояния и участвующих в нем сторон; 3) наиболее типичные виды заголовков и способы завершения статей; 4) применявшиеся методы воздействия на читательскую аудиторию. В ходе исследования чаще всего нам приходилось использовать такие методы, как сравнение, умозаключение по аналогии, контент-, ивент- и дискурс-анализ. В своей совокупности они позволили проанализировать и обобщить достаточно большой объем несистематизированной информации, найти сходства и различия в освещении конфликта двумя изданиями.

Осуществленная подобным образом систематизация позволила нам составить общее представление об отношении «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» к рассматриваемому конфликту, его причинам и значению. Кардинальные различия в позициях изданий становятся очевидными уже на стадии выявления инициаторов конфликта. Так, по мнению авторов «Российской газеты», войну при негласной поддержке США развязал президент Грузии Саакашвили. Вашингтон знал о готовящихся боевых действиях, но предпочитал держать это в тайне. Более того, разразившееся противостояние во многом было выгодно американцам, взявшим на вооружение метод дистанционного ведения войны против России – силами армейских подразделений третьей стороны¹. Задача формулировалась достаточно просто: дожидаться эскалации напряженности в этом регионе, обвинить базирующихся в нем российских миротворцев в том, что они не справляются со своими обязанностями, и потребовать их замены на западных военных².

В отличие от своих российских коллег, корреспонденты «Вашингтон Пост» единственным инициатором и виновником конфликта считали Россию, мечтающую, по их мнению, о том, чтобы отстранить Саакашвили от власти, заменить его российской марионеткой, включить Абхазию и Южную Осетию в состав РФ и осуществить «финляндизацию» Грузии. Реализация подобного замысла, во-первых, позволит русским контролировать трубопровод «Баку – Тбилиси – Джейхан» и, во-вторых, предостережет ее бывших «сателлитов» от чрезмерного сближения с Западом³.

Разумеется, такое поведение «бывшей империи» не должно остаться без соответствующей реакции со стороны Запада. Анализ публикаций «Вашингтон Пост» позволяет сделать вывод о том, что потенциальный консолидированный ответ западного мира нашей стране должен включать в себя действия, направленные непосредственно против нее: отказ во вступлении в ВТО, исключение России из «Большой восьмерки», приостановление работы Совета «Россия – НАТО», американо-европейский бойкот Олимпиады в Сочи, юридическое преследование В. Путина и бизнесменов из «его команды»⁴.

Необходимо также отметить, что, по сравнению со своими заокеанскими коллегами, журна-

листы «Российской газеты» значительно больше внимания уделяли информационному «фронту» противостояния России и Запада (на страницах «Российской газеты» гораздо чаще появлялись выдержки из европейских и американских газет по поводу конфликта, публиковались интервью отечественных политиков зарубежным СМИ, рассматривались варианты повышения эффективности позиционирования страны на мировой арене и т.п.) и вопросы функционирования международных институтов (прежде всего ООН и властных структур ЕС), от деятельности которых во многом зависит решение данного конфликта.

Именно так с содержательной точки зрения августовские события на Кавказе виделись корреспондентам «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». Однако, помимо этого, в сферу нашего внимания входили также и методы, при помощи которых издания формировали у собственной читательской аудитории подобное видение реальности. При этом одним из действенных механизмов влияния на сознание читателя нам представляется использование авторами статей специфических слов и выражений, несущих вполне определенные – как правило, необходимые газете – коннотации и эмоциональную нагрузку. Все многообразие отобранных по такому принципу дефиниций мы сочли уместным разделить на несколько блоков.

Первый из них – самый обширный по составу – посвящен участникам конфликта. В «Вашингтон Пост» больше всего эпитетов, метафор и сравнений было адресовано России. Если формировать свое мнение о нашей стране, базируясь исключительно на материалах этого издания, то получится, что Россия – это «вознесшийся в небеса» «возрождающийся гигант», «нация, помешанная на завоеваниях», пытающаяся за счет «энергетической экспансии» реабилитироваться за «годы политической незначительности» и не скрывающая при этом своих «имперских амбиций». В политическом плане это «смесь политической автократии с коррупцией» или же «гротескно-коррупцированный авторитарный режим» с «громоздким аппаратом безопасности», где у власти находится «клика» «чекистов-олигархов» и «приспешников» Путина. Выражаясь же образно, можно сказать, что Россия – все тот же пресловутый «медведь», не способный распорядиться «бесхозными боеголовками».

Журналисты же «Российской газеты» в центр собственных словесных острот чаще всего помещали Михаила Саакашвили – «ставленника» и «протезе» американцев, «проект Белого дома», «бесноватого» «незрелого политика», «грузинского Муссолини» или «Прометейя», «мальчика со спичками», «настоящего фашиста», проводящего «импульсивную и безумную политику» и при этом нередко прибегающего к «открытой лжи».

На этом фоне любопытно взглянуть на то, какими наиболее типичными словами и выражениями издания характеризуют Грузию. На страницах

«Вашингтон Пост» она чаще всего предстает в виде «имеющей малочисленную армию» «небольшой кавказской республики», «крошечной соседки России» и просто «прекрасной страны», в которой функционирует «демократически избранное правительство». Управляет же ею «обладающий огромными талантами» «маяк свободы», «бесшабашный друг Америки» (порой, правда, и «грузинский прислужник Буша»), «прозападный модернизатор страны», «демократический президент» Михаил Саакашвили.

Совершенно противоположными эпитетами наделяют эту страну обозреватели «Российской газеты». Для них Грузия – это всего лишь «южный хомут» для Европы, «американский будильник», «второй штат Джорджия» или же «заморская территория» США.

Помимо характеристик участников конфликта, обращает на себя внимание и то, каким образом – с использованием каких слов и выражений – описываются произошедшие в первой половине августа события. На наш взгляд, чтобы окончательно убедиться в том, чью сторону в конфликте занимает «Вашингтон Пост», достаточно просто перечислить варианты лексических обозначений действий России в отношении Грузии, используемые на страницах данного издания: «не имеющая оправдания агрессия» «фальшивых российских миротворцев», «разорение и уничтожение инфраструктуры», «нападение», «вторжение», «оккупация», «массовая резня мирных жителей Грузии», «провокация», «буйство», «грабеж», «балканизация Кавказа» и «непростительное избиение соседней страны». А все это вместе – не что иное, как «гангстерское поведение России», «грязная маленькая война» с использованием «метода большой лжи», «пятно на репутации» и, вообще, – «гадкий факт» и «горькая правда» из истории России!

По-иному видятся произошедшие в августе события журналистам «Российской газеты»: «страшная трагедия», «война», «агрессия Грузии», «геноцид югоосетин», «кавалерийская атака Белого дома», за которой последовала «вспышка расизма против России на Западе». Как и в случае с характеристиками участников конфликта, на наш взгляд, можно констатировать то, что, с точки зрения интенсивности использования ярких, образных слов и выражений, материалы «Российской газеты» выглядят менее эмоциональными и более сдержанными, нежели публикации «Вашингтон Пост». Причем это становится особенно очевидным, если учесть более чем двукратное превосходство «Российской газеты» над «Вашингтон Пост» по количеству касающихся грузино-югоосетинского конфликта статей.

Другой составной частью предмета нашего анализа стали используемые «Российской газетой» и «Вашингтон Пост» типы заголовков и способы завершения статей. Говоря о том, каким образом авторы рассматриваемых изданий чаще

всею предпочитают озаглавливать свои материалы, необходимо отметить следующее. Главной функцией заголовка как структурного элемента любой газетной статьи является привлечение внимания читателя. Другими словами, необходимо, чтобы, бегло прочитав название публикации, человеку захотелось познакомиться с ее основным содержанием. В этом плане посвященные кризису в российско-грузинских отношениях материалы «Российской газеты» и «Вашингтон Пост», по нашему мнению, в большинстве своем соответствуют общей теории журналистского дела.

Так, заголовки лишь малой части из проанализированных нами статей могут быть отнесены к категории нейтральных: например, «Сложное не лежит на поверхности», «Шесть новых заповедей», «О конфликте в Грузии» и т.п. Названия же остальных материалов с полным правом можно считать не столько методами простого информирования читателя о каком-либо факте, сколько способом воздействия на сознание аудитории с определенной целью – прежде всего, формирования того или иного отношения к описываемому событию.

Вместе с тем, на наш взгляд, имеет место очевидное различие в характере применяемых для этого средств. Так, в 12 из 19 статей «Вашингтон Пост» используются так называемые «заголовки-вопросы» (например, «Новая опасная доктрина России?», «Кто заставил Россию пойти в наступление?», «Что может сделать Запад?» и т.п.) или «заголовки-оценки» (например, «Грузинская бесшабашность», «Путин – не Гитлер», «Война в Грузии демонстрирует “слабость” России» и т.п.). В «Российской газете» же, напротив, преобладают «заголовки-констатации» (например, «Обама назначил “вице”», «Все козыри в руках Кремля» и т.п.) и «заголовки – образные слова или выражения» (например, «Геностыд», «Мы имдали», «Мальчик со спичками», «Операция “Маккейн”» и т.п.).

Схожее деление на виды можно применить и к концовкам статей. В части проанализированных нами публикаций просто подводятся итоги и делаются выводы по какой-либо поднятой проблеме. Это, своего рода, «концовки-констатации/фиксации». Особенно широко данный способ завершения статей распространен в «Российской газете» – встречается в каждой четвертой публикации⁵. Подавляющее же большинство статей «Вашингтон Пост» – 13 из 19 – заканчиваются выражением надежд или советами/призывами к подразумеваемому адресату: «Пора убедить его (Путина. – А.К.) в обратном!»⁶, «Бросить вызов такому положению дел – стратегическая необходимость»⁷, «Нельзя допустить, чтобы Грузию раздавили!»⁸

На наш взгляд, анализ наиболее типичных для рассматриваемых изданий способов озаглавливания и завершения статей позволяет предположить следующее. Видя в качестве потенциальных адресатов своих материалов как

рядовых граждан Америки, так и представителей действующей власти, «Вашингтон Пост» не только осуществляет функцию информирования и выступает в качестве посредника между социумом и властью, но и попутно пытается воздействовать на сознание собственной аудитории, влиять на принятие политических решений. «Российская газета» же в большинстве случаев предпочитает ограничиваться простым информированием своих читателей о произошедших событиях, оставляя им право самостоятельно делать соответствующие выводы.

Помимо специфически подобранных слов и выражений, а также определенным образом построенных заголовков и способов завершения статей, формированию у читательской аудитории нужных изданию представлений и мнений о кризисе на Кавказе способствуют и вполне конкретные методы воздействия на сознание человека, применяемые в газетах. Спектр подобных механизмов – точнее, тех из них, которые нам удалось распознать, – достаточно широк. Остановимся на них подробнее.

Наиболее популярным среди авторов «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» является такой способ когнитивного воздействия, как цитата. Можно предположить, что применение этого механизма направлено на решение задачи по приданию большей видимой объективности публикуемых материалов – за счет апелляции к мнению, по сути, внешних для самого издания, но, как правило, авторитетных персон. Так, довольно часто приводятся слова различных экспертов по международной политике в целом и российско-грузино-американским отношениям, в частности. Нередко присутствуют ссылки и на мнения компетентных в этой области общественных и политических деятелей России и США⁹.

Совсем немного уступает цитатам такое средство воздействия на аудиторию, как проведение исторических аналогий. Чаще всего авторы статей в «Вашингтон Пост» предпочитают напоминать читателям о волнениях в Чехии в 1968 г., в Венгрии в 1956 г. и о захвате Гитлером Судетской области в 1938 г. Подтекст подобных экскурсов очевиден: действия России в грузино-югоосетинском конфликте приравниваются к действиям «агрессора» в вышеперечисленных случаях. В противовес признанию независимости Абхазии и Южной Осетии нередко упоминается ситуация, сложившаяся в Чечне: по мнению аналитиков «Вашингтон Пост», эта республика в данном отношении ничем не отличается от «мятежных грузинских анклавов»¹⁰.

Свои «коронные» исторические аналогии есть и у авторов материалов «Российской газеты». Например, ситуация с признанием независимости Косово рассматривается как прецедент, который вполне можно использовать применительно к Южной Осетии и Абхазии. Достаточно часто упоминаются также и действия США по «насаждению демократии» в Афганистане и Ираке¹¹.

В качестве других методов воздействия корреспондентами «Вашингтон Пост» довольно широко используется драматизация/преувеличение. Примером этому могут служить высказанные на страницах данного издания обвинения России в вынашивании планов по применению ядерного оружия против Польши и Украины, аннексии Южной Осетии и Абхазии¹² или провоцированию восстания в Грузии против Саакашвили¹³. Зачастую все эти размышления оказываются одобренными применением различных лексических механизмов, повышающих степень эмоциональности и образности статьи. Среди них можно отметить юмор, стереотипизацию, упрощения и повторы.

В материалах же «Российской газеты» наиболее распространенными методами воздействия на аудиторию следует признать использование повторов, образных слов и выражений, создающих вполне определенный эмоциональный и когнитивный фон. Причем повторения применяются изданием двояко. Так, один и тот же факт может упоминаться в статье (или в разных статьях) несколько раз, либо же сами статьи могут переходить из номера в номер. При этом различия между ними зачастую могут быть минимальными. Очевидно, что тем самым издание пытается обратить особое внимание своей аудитории на материалы, в которых содержатся наиболее важные, по его мнению, факты и информация.

Подводя итог исследованию характера и особенностей освещения августовских событий на Кавказе в «Российской газете» и «Вашингтон Пост», необходимо отметить следующее. Во-первых, анализ представленной в изданиях содержательной части конфликта позволяет сделать вывод о том, что «Вашингтон Пост» в целом занимает в этом вопросе прогрузинскую позицию. Действия России трактуются им не иначе, как ошибочные, безнравственные и нарушающие всякие международные правовые нормы. «Российская газета», в свою очередь, полностью поддерживает политику властей РФ и уделяет конфликту на Кавказе значительно большее внимание, чем «Вашингтон Пост». Свое отражение это находит не только в количестве посвященных грузино-югоосетинскому конфликту статей, но и в спектре затрагиваемых в связи с ним аспектов: в отличие от «Вашингтон Пост», «Российскую газету», помимо фактологической стороны противостояния, интересуют также вопросы информационного противоборства России и Запада и деятельность международных организаций по нормализации ситуации на Кавказе.

Во-вторых, очевидно, что для пропагандирования собственной позиции оба издания используют широкий набор методов воздействия на аудиторию: определенным образом сконструированные заглавия и окончания статей, использование ярких и образных слов и выражений, цитат, исторических аналогий, драматизации, стереотипизации, повторов, упрощений и т.д.

Наконец, в-третьих, анализ характера и набора используемых изданиями методов воздействия на читательскую аудиторию позволяет говорить о том, что, по сравнению с «Российской газетой», «Вашингтон Пост» стремится более активно воздействовать как на своих рядовых читателей, так и на представителей власти, по возможности оказывая влияние на процесс принятия политических решений. В этом плане американская газета явно претендует на то, чтобы с полным правом считаться неотъемлемым элементом гражданского общества, и активно позиционирует себя как реальную власть – пусть и четвертую. «Российская газета», напротив, чаще всего ограничивается простым информированием читателей о происходящих событиях, не акцентируя особое внимание на «истинности» собственной позиции. На наш взгляд, подобная «скромность» отечественного СМИ, при условии, что она была присуща большинству российских изданий, вполне могла являться одной из причин имевших место неудач России в информационном противостоянии с Западом в августе 2008 года.

Примечания

- 1 См., напр.: *Шестаков В.* Мальчик со спичками // Рос. газ. 2008. 11 авг.; *Воробьев В.* Геностыд // Там же. 11 авг.
- 2 См.: *Воробьев В.* Грузинам разрешили прекратить насилие // Рос. газ. 2008. 6 авг.
- 3 См.: *Краутхаммер Ч.* Как остановить Путина // Вашингтон Пост. 2008. 14 авг.
- 4 Там же.; *Рамос-Мрозовски К., Ривкин-мл. Д.* Ударить Кремль по карману // Вашингтон Пост. 2008. 27 авг.
- 5 См., напр.: *Макарычев М.* Точка невозврата // Рос. газ. 2008. 9 авг.; *Ильин А.* Справиться с катастрофой // Там же. 2008. 12 авг.; *Прокофьев В.* Никола Саркози прошептал послов // Там же. 29 авг. и др.
- 6 См.: *Перлстайн С.* Удар России демонстрирует силу трубопровода // Вашингтон Пост. 2008. 13 авг.
- 7 См.: *Ривкин-мл. Д.* Ударить Кремль по карману // Вашингтон Пост. 2008. 27 авг.
- 8 См.: *Кесслер Г.* Война в Грузии демонстрирует «слабость» России // Вашингтон Пост. 2008. 28 авг.
- 9 См., напр.: *Шестаков Е.* Плохая связь // Рос. газ. 2008. 15 авг.; *Моск М.* Пока советник консультировал Маккейна, его фирма вела лоббирование в пользу Грузии // Вашингтон Пост. 2008. 14 авг.; *Доббс М.* Путин – не Гитлер // Там же. 17 авг. и др.
- 10 См., напр.: *Козн Р.* Насколько важна для нас Осетия? // Вашингтон Пост. 2008. 19 авг.; *Доббс М.* Путин – не Гитлер // Там же. 17 авг. и др.
- 11 См., напр.: *Шестаков Е.* Легенды Белого дома // Рос. газ. 2008. 27 авг.; *Юрьева Д.* Разногласия, но не «холодная война» // Там же. 28 авг. и др.
- 12 См.: *Ривкин-мл. Д.* Ударить Кремль по карману // Вашингтон Пост. 2008. 27 авг.
- 13 См.: Отступление дается нелегко (редакционная статья) // Вашингтон Пост. 2008. 19 авг.

УДК [329:330](470+571)

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФПГ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Е.И. Казакова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: kazakovaei@list.ru

Статья посвящена анализу специфики участия экономических элит в политике на региональном уровне через взаимодействие финансово-промышленных групп с политическими партиями. С одной стороны, показана заинтересованность бизнеса в такой активности, а с другой – очевидные выгоды для партий.

Ключевые слова: финансово-промышленные группы (ФПГ), экономическая элита, политические партии, региональная бизнес-элита, партии власти.

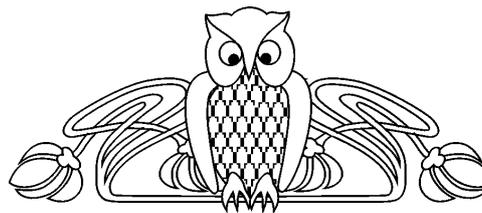
Regional Aspects of Interaction of Business Groups and Political Parties

E.I. Kazakova

The article is devoted to the analysis of the specificity of economic elite participation in the regional politics. In particular, it considers the interaction of financial and industrial groups and political parties. This paper proves not only business's interesting in such activity, but clear benefit to parties too.

Key words: financial and industrial groups (FIG), economic elite, political parties, regional business-elites, the party in power.

Проблемам взаимоотношения бизнеса и политической власти, возможности влияния крупных корпоративных структур на политические процессы в последние десятилетия уделяется пристальное внимание политических мыслителей, государственных и общественных деятелей, ученых-обществоведов. Нам представляются очевидными причины такого интереса. Начиная с первой половины 90-х гг. XX в., в российской экономике активно развиваются общенациональные олигархические гиганты и региональные финансово-промышленные группы (ФПГ), которые с каждым годом только усиливают свои позиции. Следствием возрастающих финансовых ресурсов становятся политические амбиции. ФПГ лоббируют свои интересы в областных парламентах, региональных администрациях, стремясь делать это не только легальными способами, но и проводя собственных представителей в органы власти. По мнению исследователя Б.И. Зеленко, «политическое влияние большинству ФПГ необходимо для достижения ряда стратегических целей – преуспеть в конкурентной борьбе и за счет этого сохранить и приумножить капитал, обеспечив надежное развитие своего бизнеса»¹. В то же время расширение экономического влияния

ведет к появлению у ФПГ нового, более широкого круга политических интересов. Непременными условиями достижения как экономических, так и политических целей является доступ к государственным ресурсам – административным, финансовым, коммуникационным и прочим.

Подобные процессы серьезно влияют на многие сферы жизнедеятельности общества, требуя своего осмысления и анализа. Так, многие общие вопросы взаимовлияния экономических и политических элит на общероссийском и региональном уровнях хорошо изучены отечественными исследователями², но некоторые частные аспекты деятельности локальных бизнес-групп в большинстве случаев остаются за рамками научных публикаций. Нам представляется возможным несколько уточнить один из таких моментов (насколько позволяют строго ограниченные рамки статьи) – взаимодействие ФПГ и политических партий на уровне региона.

Деятельность крупной финансово-промышленной группы, связанная с извлечением прибыли, и деятельность политической структуры, связанная с осуществлением власти (в том числе и с борьбой за нее), не так далеки друг от друга, как это может показаться на первый взгляд. В конечном итоге именно власть является инструментом перераспределения прибыли. Соответственно партии, участвуя во власти так или иначе задействованы в процессе перераспределения доходов ФПГ на всех уровнях государственного и местного управления. Вот почему вопросы партийной конкуренции находятся в центре внимания не только многих финансово-промышленных групп федерального масштаба, но и масштаба регионального.

В России на уровне регионов важнейшим пространством партийной борьбы стали региональные парламенты. Наряду с исполнительными органами власти они являются теми структурами, где принимаются значимые для многих отраслей экономики решения. Логично, что подавляющему числу ФПГ важно довести свою точку зрения до депутатов местных парламентов в расчете, что большинство будет учитывать её при принятии решения, либо данные интересы будут выражать заинтересованное меньшинство, активно оппонировав большинству. Чтобы получить подобную поддержку, бизнес активно сотрудничает с политическими партиями, оказывая некоторым из них финансовое или иное содействие.

Руководство региональных ФПГ давно осознано необходимость влияния на исполнительную власть субъекта Федерации, проявляя инициативу ради установления и поддержки «особых» отношений с чиновниками. Здесь на первый план выходит оперативно-тактический уровень принятия важных для бизнес-элит постановлений (а не стратегический, более связанный с законотворчеством парламента). В том числе просматривается заинтересованность ФПГ в «нулевых» (то есть не принятых) негативных для определенных компаний решений.

На наш взгляд, в настоящий момент исполнительная власть постепенно уходит от ситуации, когда партийное представительство и индивидуальное членство в политической партии не имеет существенного значения. Вступление в «партию власти» или иную достаточно сильную на уровне Федерации или региона партию значительно повышает шансы вхождения во власть (например, через выборы главы города). Таким образом, усиливается взаимовлияние партий и исполнительной власти.

В числе адресатов корпоративных инициатив очень часто оказывается руководство представленных в законодательных органах региона партий. Причем очевиден интерес не только к «партии Президента», но и к другим (проправительственным или оппозиционным) партиям, сколько-нибудь влиятельным на местном уровне. Фактически, ФПГ могут серьезно усилить влияние непопулярной партии в регионе, оказав ей существенную поддержку на выборах: яркий пример – феномен «Зеленых» на выборах в Самарскую областную думу 2007 г., когда эта партия впервые сумела преодолеть семипроцентный барьер и получить один депутатский мандат³. По нашему мнению, очевидно, что ФПГ стремятся таким образом влиять и на стратегический уровень управления регионом. Каковы основания для подобного интереса?

Иногда контакты устанавливаются с целью получения дополнительной инсайдерской информации о политической ситуации в регионе, о ближайших законодательных инициативах и решениях, либо для повышения собственного престижа. Топ-менеджеры многих финансовых групп, являясь профессионалами в определенных областях экономики (промышленность, финансы, управление), могут претендовать на тот или иной пост в исполнительной власти в будущем при условии усиления влияния поддерживаемой партии. «Дружеские» отношения между ФПГ и партией могут поддерживаться и на основе личных симпатий владельца компании к политическому деятелю (что практически всегда подкреплено и другими интересами).

Хотя некоторые партии никогда не были у руля исполнительной власти в регионе, они не раз демонстрировали способность оказывать очень серьезное сопротивление и давление на

нее, благодаря значительному представительству в областном парламенте. Поэтому «особые» отношения даже с этими партиями могут принести серьезные дивиденды ФПГ.

Со своей стороны, аналитики крупной ФПГ могут системно оценить риски и ради их минимизации поддержать ту политическую силу, деятельность которой максимально соответствует этой задаче.

Практика последних выборов в местные парламенты показывает, что крупный региональный бизнес уже во многом убедился в сужении возможностей грубого лоббизма в рамках органов исполнительной власти⁴. Вопросы все чаще ставятся именно в законодательной плоскости, то есть там, где деятельность партий приобретает заметный вес. В связи с этим интересной становится тенденция делегирования представителей ФПГ в состав партийных списков и впоследствии фракций в законодательных органах регионов. Очевидно, что в связи с серьезными изменениями в партийном и выборном законодательстве возможность сотрудничества с непартийными депутатами сведена почти к минимуму. Вероятной кажется и перспектива приведения местной системы выборов исключительно к партийным спискам без одномандатных округов (как это сделано на выборах в Государственную думу РФ), что еще более усиливает стремление бизнеса к активному взаимодействию с партиями на уровне региональных отделений.

Параллельно встает и другой вопрос: почему партии заинтересованы в ФПГ? На этот вопрос можно ответить, проанализировав ситуацию с нескольких сторон.

Наиболее очевидным и лежащим на поверхности ответом на вопрос нам представляется финансовая поддержка бизнесом политических партий. Выборы любого уровня предполагают серьезные затраты партий на политическую рекламу: оплаченные выступления на телевидении, публикации в прессе, печатная реклама, организация работы агитаторов, техническое обеспечение работы избирательного штаба и многое другое. Открытое, или «негласное», финансирование может существенно повысить шансы партии на прохождение в органы законодательной власти региона или победу кандидата от партии на выборах мэра крупного города, хотя ничего не гарантирует. В обмен на подобную поддержку бизнес получает возможность ввести своих представителей в «команду» нового мэра или серьезно влиять на те или иные инициативы партийных депутатов. Подобный вариант взаимодействия наиболее характерен в настоящее время, но все же он, как нам представляется, не является единственным.

Далеко не всегда речь идет о банальном желании той или иной партии приблизить к себе некоторые бизнес-структуры в качестве финансовых спонсоров. Тем более что сегодня в России крупные группы компаний рассматриваются

отдельными партиями уже не только в качестве финансовых спонсоров, но и в качестве спонсоров кадровых.

Как справедливо отмечает С.Ю. Наумов, собственно вопрос финансирования не имеет для партии абсолютного значения, если финансовый ресурс рассматривается исключительно как ресурс трансформации в политический, а не как ресурс личного обогащения тех или иных лиц, причастных в рамках партии к его распределению⁵. Если у партии существуют немонетарные способы роста политического влияния на интересующую ее ситуацию, она будет их оценивать также высоко, как и финансовые инвестиции. Речь может идти о заинтересованности в других ресурсах, которые может предоставить «дружественная» ФПГ. Например, любая политическая партия нуждается в широком присутствии в информационном пространстве области, особенно в предвыборный период. Соответственно если компания располагает такими ресурсами (например, контролирует деятельность региональных телеканалов, финансирует выпуск газет и так далее), они тоже могут быть предметом интереса со стороны партии. В качестве примера обладания и активного использования ресурсов СМИ можно привести значительный потенциал самарской ГК «СОК» на медиарынке: в их собственности находятся два региональных телеканала – «СКАТ» и «Терра» (каналы активно продвигали партию «Зеленых» на последних выборах в Самарскую областную думу в 2007, хотя ГК «СОК» и не афишировала свое участие), компания «Самарасвязьинформ», а также несколько региональных печатных СМИ. В Саратове же уже более пяти лет выходит еженедельник «Новые времена» (Леонид Фейтликер, владелец ГК «РИМ», свое участие в проекте также открыто не демонстрирует)⁶. Характерно, что указанные масс-медиа становятся своеобразными трибунами для некоторых «дружественных» политических партий в период выборов.

В ситуации, когда запрещено создавать партийные ячейки по производственному принципу, у партий нет другого выхода, кроме как неформально договариваться с руководством крупных компаний о допустимости политического рекрутинга. Дружественные чиновники также могут вписываться в систему обмена услугами, в том числе и в ситуациях, когда партии поддерживают те или иные инициативы чиновников по просьбе ФПГ.

Затронутая выше кадровая заинтересованность партии в ФПГ выражается в следующем: стремясь достичь роста своих рядов, а также роста авторитета, партии апеллируют к руководству компаний. Политические лидеры побуждают лидеров бизнеса вступить в партию лично либо публично выражать поддержку, чтобы своим авторитетом в тех или иных социальных группах лидеры бизнеса повысили политический авторитет партии в регионе в целом. Особенно такой вариант характерен для лидеров градообразующих пред-

приятий, крупнейших ФПГ региона (например, заместитель генерального директора ОАО «АвтоВАЗ» Евгений Юрьев вошел в первую тройку списка партии «Единая Россия» на выборах в Самарскую областную думу).

Здесь же уместно обратиться к вопросу численности партии. Вероятны ситуации, когда активная поддержка партии топ-менеджерами ФПГ стимулирует вхождение и рядовых сотрудников компании в эту партию либо хотя бы голосование за нее на выборах в региональные органы власти. Подобное влияние может быть и более чем «настойчивым», близким к принуждению (что весьма похоже на использование ресурсов административного давления «партией власти»). Численность партийных рядов, минимум которой установлен Федеральным законом «О политических партиях»⁷, является основанием не только для регистрации, но и для прохождения последующей проверки деятельности партии со стороны государства. Законодательство требует от каждой партии наличия представительств в большинстве регионов страны. Необходимость наличия региональных ячеек усиливает некоторую привязку партий к крупному бизнесу в субъектах Федерации.

Обращаясь к практике, можно привести несколько конкретных примеров подобного взаимодействия бизнеса и партий в регионах. Показательна практика саратовских выборов в городскую думу 2006 года. Вовлечение в избирательный процесс «партийных списков» неминуемо повлекло за собой серьезную трансформацию роли политических партий. Подавляющее большинство политических партий, принимающих участие в выборах в городскую думу, в той или иной степени оказались ангажированными местными финансово-промышленными группами. Из нескольких саратовских ФПГ, желавших провести своих представителей в городскую думу, лишь группа «Нарат» не использовала партийный ресурс. Все политические партии, связанные с бизнес-элитами, условно можно разделить на две большие группы: тех, которые обслуживают какую-либо одну определенную ФПГ, и тех, кто являются коллективным выразителем интересов нескольких бизнес-групп. К первой категории с полным основанием можно отнести КПРФ и ЛДПР. Следует отметить, что на выборах 2006 г. региональная организация КПРФ продемонстрировала свою максимальную независимость от своего «партнера» – ФПГ «Астэк». В партийный список КПРФ был внесен только один представитель группы – один из топ-менеджеров ТД «Центральный» – Лев Бейлин, который находился на 6-й позиции списка.

ЛДПР включила в свой список пять представителей ООО «Группа компаний РИМ», в том числе и ее президента Леонида Фейтликера, выступавшего и как кандидат по 14-му избирательному округу.

Саратовское отделение партии «Родина» на выборах было связано с тремя ФПГ: «Каштан» (включен С. Курихин и В. Карев), «Вита» и «Торговый центр». «Объединенный блок «Яблоко-СПС» включил в первую тройку, помимо депутата гордумы и лидера местной организации СПС Виктора Маркова, двух саратовских бизнесменов: С. Добрынина и С. Сурменова⁸.

Анализ показывает, что представители бизнес-элит, вошедшие в партийные списки или выступавшие по одномандатным округам, выстраивали свою избирательную политику таким образом, чтобы минимизировать политические столкновения с кандидатами от других ФПГ. Из 18 саратовских избирательных округов, к которым был отмечен интерес представителей бизнес-элит, лишь в шести наблюдались конкурентные отношения между кандидатами от упомянутых ФПГ. Это наводит на мысль о том, что избирательные округа в Саратове изначально были поделены между представителями бизнес-элит на основе закулисных «джентльменских» договоренностей.

В большей степени саратовские выборы показали именно финансовую привязку партий к ФПГ.

Несколько другие тенденции демонстрирует ситуация в Самаре на выборах в областной парламент 2007 года. Так, список «Единой России» стал концентрацией большинства влиятельных структур и отражением интересов различного бизнеса. В него были включены представители основных ФПГ области (ОАО «АвтоВАЗ», ФПГ «Волгопромгаз», ГК «СОК», ОАО «Волгабурмаш», ОАО «Новатэк», ГК «ВИД» и др).

Прямое или опосредованное присутствие бизнеса обнаруживается и в других партиях. К примеру, в списки «Справедливой России» также попали представители ГК «СОК», ОАО «Волгабурмаш», ФПГ «Волгопромгаз»⁹.

В Самаре очевидна тенденция, что одни и те же ФПГ участвуют в разных партиях, так как политика – многофакторный процесс, и такая ситуация наблюдается на всех выборах региона. На наш взгляд, подобную ориентацию компаний можно объяснить следующим образом: ФПГ необходимо взаимовыгодное выстраивание отношений с политическими силами, причем бизнес должен уметь договариваться с любой властью, чтобы получать прибыль. Для ФПГ в ситуации предвыборной неопределенности могут быть интересны все партии, которые имеют шансы на прохождение в региональные органы законодательной власти – «Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что у региональных финансово-промышленных групп

существуют вполне объективные причины стремиться в рамках реализации своих интересов устанавливать отношения с многими партиями, даже не имеющими рычагов реальной оперативной власти, но присутствующими в законодательных органах субъектов Федерации. Партии на местном уровне, в том числе и правящие, тоже отнюдь не избегают контактов с ФПГ. И их мотивы, как нам представляется, также вполне объективны и обусловлены реальной заинтересованностью в ресурсах бизнеса.

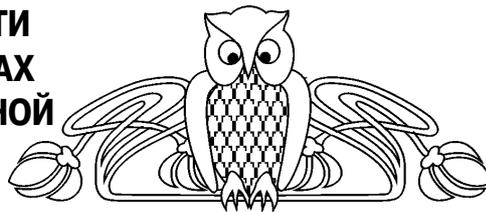
Примечания

- ¹ Зеленко Б.И. Финансово-промышленные группы в российском политическом процессе // Социс. 2004. № 5. С. 108.
- ² См.: Агапонов А.К., Игнатов В.Г., Понедельков А.В., Старостин А.М. Региональные административно-политические элиты и электоральные процессы (на материале Южного федерального округа). Ростов н/Д: Саратов, 2002; Ашин Г.К. Элитология. М., 1999; Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005; Латина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. М., 1999; Мухин А.А. Бизнес-элиты и государственная власть: Кто владеет Россией на рубеже веков? М., 2001; Перегудов С.П. Группы интересов и российское государство. М., 1999; Попонов Д.В. Проблемы оптимизации системы регионального элитообразования в современной России. Саратов, 2006; Проскурин О.П. Бизнес-элиты в структуре региональной власти. Саратов, 1998.
- ³ См.: Попова О. Экологически чистые выборы // Эксперт Волга. 2007. № 10. 12 марта (www.expert.ru/printissues/volga/2007/10/vyborgy_v_samare/).
- ⁴ Подробнее о вопросах лоббирования ФПГ см.: Княкин А.А. Финансово-промышленный лоббизм в России и Германии // Актуальные проблемы политологии: Сб. науч. работ студ. и аспирантов Рос. ун-та дружбы народов / Отв. ред. проф. В.Д. Зотов. М., 2001. С. 50.
- ⁵ Наумов С.Ю. Бизнес и партии // <http://www.stratagama.org/lobbizm.php?nws=10952338246779557296> от 15.09.2004.
- ⁶ Крутов А. «Новые времена» – новые размышления // Богатей. 2005. № 21(300), 2 июня.
- ⁷ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2006 г.) «О политических партиях» (принят Государственной думой 21.06.2001 г.).
- ⁸ Крутов А. Битва групп за думу // Богатей. 2006. № 8(338). 10 марта.
- ⁹ Малеева Д. Самарский пирог. ФПГ делят места в предвыборном списке партий // <http://sampressa.ru/?section=2&newsid=13288>.

УДК 32.019.51

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (на примере г. Казани)

Э.М. Гареева

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В данной статье анализируются внешние и внутренние факторы, детерминирующие особенности связей с общественностью на местном уровне власти.

Ключевые слова: коммуникация, связи с общественностью, местное самоуправление, институционализация связей с общественностью в органах местной власти, PR-служба.

The Peculiarities of the Organization of Public Relation Activity in the Autonomous Bodies in Modern Russia (in Kazan)

Е.М. Gareeva

In the following article you will see the analysis of the internal and external factors, determining the PR peculiarities in the local authorities level.

Key words: communication, public relations, autonomous bodies, institutionalization of public relations in the autonomous bodies, PR-service.

Связи с общественностью – деятельность в сфере управления, обеспечивающая эффективную коммуникацию субъекта с общественностью на основе принципов правдивости, двухстороннего обмена информацией, достижения баланса интересов и взаимной выгоды. Местное самоуправление – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций¹. Такое видение местного самоуправления накладывает и на понимание природы связей с общественностью на данном уровне власти. Во-первых, связи с общественностью выполняют политические функции: обеспечение демократического процесса (в избирательный период PR становятся важным легальным инструментом представления кандидатов), формирование политической элиты, выражение общественного мнения, разрешения политических конфликтов². Во-вторых, связи с общественностью осуществляются в рамках структурного подразделения органов местного самоуправления, а значит, являются частью муниципального управления и означают следование нормам муниципальной службы. В-третьих, учитывая социальный характер

деятельности органов местного самоуправления, связи с общественностью призваны осуществляться с учетом социальной ответственности, что также раскрывает морально-нравственную компоненту связей с общественностью в органах местного самоуправления.

Современное развитие связей с общественностью в органах местного самоуправления России обусловлено внешними и внутренними факторами. Внешние факторы могут быть представлены четырьмя группами: транзитный период российской политической системы, реформа местного самоуправления в Российской Федерации, территориальная обусловленность реализации местной власти, институционализация связей с общественностью.

Транзитный период функционирования российской политической системы означал провозглашение принципов демократии, появление элементов политического плюрализма, что, в свою очередь, предполагало отход от директивной формы воздействия на общественное сознание, переход к диалогу при взаимодействии власти с обществом. Например, к моменту избрания в Казани жителями муниципального образования депутатов городской думы был сформирован определенный опыт участия в избирательных кампаниях (участие в выборах Государственной думы в 4 созывах, в выборах Президента РФ).

Несмотря на то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти и в рамках своих полномочий самостоятельны, местная власть осуществляет политику, которая является общегосударственной, то есть отчасти логическим продолжением федеральной государственной власти. Например, осуществление PR-кампаний по реализации приоритетных национальных проектов: «Здоровье», «Образование», «Доступное жилье».

Реформа местного самоуправления в Российской Федерации началась с 1990-х гг. Конституция РФ гласит: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти»³. Следующий этап реформы характеризуется принятием целого ряда нормативно-правовых документов, регулирующих местное самоуправление (Федеральные зако-

ны «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О финансовых основах местного самоуправления», «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» и «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации»). В 1998 г. Россия ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления⁴.

Принятие Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2003 г. стало переломным этапом в развитии местного самоуправления в России. В новом законе были определены принципиальные черты местного самоуправления. В муниципальном образовании г. Казани впервые выборы представительного органа в соответствии с новым законодательством местного самоуправления прошли в октябре 2005 г. по пятидесяти округам. Данный процесс не был завершён с окончанием избирательного процесса, поскольку именно выборный механизм формирования власти обеспечивает использование коммуникаций во взаимодействии власти и общества на протяжении всего срока полномочий.

Территориальная обусловленность реализации местной власти. Данный фактор указывает на приближенность местной власти к народу, по сравнению с федеральной и даже региональной властью. Решения местных властей, их претворение в жизнь затрагивают практически каждого жителя города (посёлка и т.д.), поэтому органы местного самоуправления постоянно находятся в зоне критического внимания общественности. В данном случае городские и региональные средства массовой информации становятся одним из важных каналов, связывающих жителей больших городов и местную власть. Преимущественную долю в связях с общественностью в органах местного самоуправления занимает взаимодействие со СМИ.

Институционализация связей с общественностью. Связи с общественностью в России стали профессиональной сферой деятельности. В государственных, коммерческих организациях функционируют департаменты, отделы по связям с общественностью, где становятся востребованными специалисты в данной отрасли. В вузах действуют факультеты и кафедры по связям с общественностью (так, образование по специальности «Связи с общественностью» можно получить в таких ведущих казанских вузах, как КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, КГТУ им. А.Н. Туполева (КАИ), КГЭУ, Академия социального образования (КСЮИ)). Активно действуют ассоциации по связям с общественностью (РАСО, АКООС, РАССО, IPRA, CERP, CERP Students Russia, APCO, АКАР и многие другие).

Помимо внешних факторов, следует также выделить внутренние условия, обеспечи-

вающие развитие связей с общественностью в органах местного самоуправления. Одним из них является структурное оформление данного вида деятельности. Как правило, PR в органах местного самоуправления осуществляется в рамках информационно-аналитических отделов, пресс-служб, отделов по связям с общественностью.

Сухотерин и Юдинцев отмечают, что именно специалисты по информационной работе, а не другие менеджеры непосредственно сталкиваются не с органом государственной власти как таковым, а с его образом, складывающимся в массовом сознании⁵. Данное представление справедливо отнести и к публичным рилейшнз в системе органов местного самоуправления.

Следующим внутренним фактором является цель связей с общественностью в деятельности органов местного самоуправления. На наш взгляд, на практике цель PR сводится к осуществлению задуманного политического дискурса, то есть к созданию своеобразной специально сконструированной «картины», которая складывается в общественном сознании относительно деятельности местной власти.

В соответствии с процессом осуществления связей с общественностью, основываясь на положении об отделе по связям с общественностью и средствам массовой информации мэрии г. Казани и используя практический опыт, мы имеем возможность выделить следующие противоречия связей с общественностью в органах местного самоуправления г. Казани:

1) полностью отсутствует «конкуренция» органам местной власти, то есть сходной организации, осуществляющей аналогичные функции. Не имея конкурентов в своей области, PR-деятельность в органах муниципальной власти обладает ещё одной ключевой особенностью. Осуществление PR-коммуникации посредством средств массовой информации в органах МСУ преимущественно осуществляется бесплатно. В отличие от PR-деятельности коммерческих организаций, основной задачей которых является получение прибыли и увеличение материальной базы, PR в органах муниципальной власти, прежде всего, направлены на достижение социально значимых результатов, в том числе информирование, предупреждение о решениях, планах, мероприятиях, услугах структур органов местного самоуправления для жителей муниципального образования, создание условий для общественного участия в подготовке, принятии, реализации решений органов МСУ, снятие социальной напряжённости в условиях кризисной ситуации, мотивирование жителей на социально значимое поведение и т.д.;

2) связи с общественностью встроены в систему муниципальных органов власти, что значит не только взаимодействие со всеми элементами системы, но и отражение на связях с общественностью любых изменений в системе. Необходимо

иметь в виду, что любой организации свойственна тенденция бюрократизации. Тем более это свойственно сложной структуре муниципалитета, где представлено более 40 структурных подразделений и работает более 1,5 тысяч чиновников (МО г. Казани). Деятельность, связанная с информацией, предполагает высокую оперативность, поскольку одна из основных ее характеристик – актуальность. Поэтому в системе органов местного самоуправления, в которых связи с общественностью подчинены бюрократии, оперативность поступления сведений недостаточна, и, как следствие, воздействие малоэффективно;

3) наличие административного ресурса, который свойствен всей системе органов местного самоуправления, а также бюрократического аппарата со всеми вытекающими последствиями;

4) связи с общественностью в органах МСУ направлены преимущественно на «внешнюю среду» системы, функции внутри системы сводятся к подготовке результатов мониторинга СМИ, аналитических справок, публичных выступлений, меньше внимание уделяется формам и механизмам, поддерживающим внутрикорпоративный дух и неформальные взаимоотношения;

5) предполагается возможность выстраивания событийного ряда, создания цепочки информационных поводов, а значит, влияния на содержание новостных программ местных и региональных телеканалов и других видов СМИ;

6) преимущественным каналом коммуникации являются средства массовой информации, отчасти игнорируются другие формы связей с общественностью;

7) преобладание информационной функции – подготовка, распространение информации о деятельности структурных подразделений и руководителей.

Благодаря деятельности служб по связям с общественностью органы муниципальной власти и управления становятся и механизмом формирования гражданского общества (общества инициативных, законопослушных граждан, знающих свои права и умеющих их отстаивать), и неотъемлемой его частью. Эта позиция основывается на том, что посредством служб по связям с общественностью осуществляется диалог представителей органов управления и населения, который нацелен не только на обмен информацией – в ходе его осуществляется обсуждение и выбор оптимальной с точки зрения всех участников диалога стратегии социального развития, которая должна реализовываться в конкретной тактике управления местной администрации. Поэтому PR-коммуникации органов муниципальной власти могут стать возможностью осуществления гражданами конституционных прав по принятию общественно значимых решений, что позволяет наполнить идею народовластия реальным содержанием.

Особенности функционирования PR-структур в органах муниципального управления определя-

ются противоречивым, двойственным характером связей с общественностью в государственных и муниципальных структурах. Именно в этой двойственности кроется разгадка многих противоречивых черт, присущих связям с общественностью в муниципальных органах власти. С одной стороны, чиновник муниципальной структуры подчиняется требованиям регламента, предписаниям, вытекающим из закона о муниципальной службе и нормативам своего учреждения, а с другой – творческая, креативная личность, выступает представителем профессии, предполагающей небанальные, подчас неожиданные приемы и формы общения, своеобразные, часто основанные на интуитивных решениях, действия. Добиться сбалансированного соотношения этих векторов поведения бывает очень непросто⁶. Во имя сохранения принятых «правил игры», «чести мундира» PR-специалист в органах МСУ лишен возможности проявления нетривиальности мышления и действия, что не может не сказаться в деятельности служб PR в органах СМИ. Специалисту PR-структуры в органах муниципального образования приходится очень осмотрительно и аккуратно действовать, руководствуясь, прежде всего, одномоментным влиянием различных факторов. Опираясь на практический опыт, делается предположение, что в органах муниципального самоуправления службы PR приживаются непросто. У специалистов в ходе PR-деятельности слишком велик соблазн опереться на чисто административные средства управления – распоряжения, приказы, указания. Власть потому и власть, что имеет возможность побуждать людей к тому или иному типу поведения, контролировать их действия и поступки. Однако связи с общественностью во властных структурах посредством коммуникативных механизмов позволяют создать условия достижения гармонии общественных потребностей и интересов властных структур. Благодаря чему службы по связям с общественностью в органах МСУ становятся опосредованной специальной структурой, призванной профессионально и грамотно осуществить взаимодействие с целевыми группами.

Рассмотренные элементы связей с общественностью в деятельности органов местного самоуправления позволяют сделать выводы, что современное состояние связей с общественностью обусловлено общегосударственными изменениями, состоянием политической системы, нормативно-правовыми условиями организации местного самоуправления, сущностью и структурно-функциональным содержанием органов местного самоуправления, процессами, происходящими на данном уровне власти. Несмотря на процессы институционализации связей с общественностью на местном уровне власти существует потребность в определении коммуникационной модели, учитывающей специфику организации органов местного самоуправления,

нормы муниципальной службы, одновременно основанной на принципах, присущих идеальной модели PR: диалоговая коммуникация, творческий подход, оперативность, учет мнений и интересов целевых групп.

Примечания

¹ ФЗ № 131 от 06.10.2003г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» М., 2004. П. 2 ст. 1.

² Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 2002, С. 165.

³ Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ст. 12.

⁴ Финансы, денежное обращение и кредит / Под ред. В.К. Сенчагова, А.И. Архипова. М., 2005. С. 351.

⁵ Сухотерин Л., Юдинцев И. Информационная работа в государственном аппарате. М., 2007. С. 324.

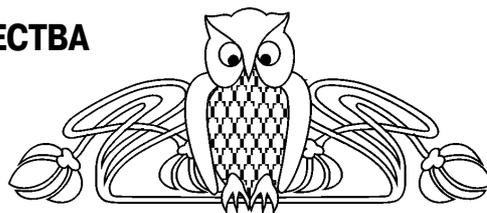
⁶ Комаровский В.С. Государственная служба и СМИ. Воронеж, 2003. С. 86.

УДК 323.3

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.С. Горелик

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: m838om@mail.ru

В статье представлены и проанализированы теоретические подходы к понятию правовой культуры. Дана оценка уровня правового сознания российского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, правовая культура, правосознание.

Legal Culture in the Civil Society

D.S. Gorelik

In the article theoretical approaches to the concept of legal culture are represented and analyzed. The estimation of legal consciousness state in the Russian society is given.

Key words: civil society, legal state, legal culture, legal consciousness.

Эволюционное развитие многих стран свидетельствует о том, что определённые гарантии прав и свобод человека создаются на основе развитости институтов гражданского общества и демократического правового государства. В российском обществе продолжается процесс формирования новой государственности, становления правового государства и открытого гражданского общества. Изменения произошли и в правовой системе, и в правовой культуре российского общества. В связи с изменившимися социально-политическими условиями требуется качественно новая правовая культура граждан, темпы формирования которой не соответствуют современному состоянию общественно-политической системы. Данное обстоятельство требует научного осмысления тех трансформаций, которые происходят в правовой и политической сферах общественной жизни.

Правовая культура общества – это составная часть созданных им духовных ценностей. Среди значимых элементов данной категории можно

назвать и определённый уровень правового сознания, и развитую правовую систему, и эффективное независимое правосудие, надёжные гарантии прав и свобод гражданина, прочные правовые традиции, юридическую грамотность граждан и многие другие факторы, которые определяют правовую жизнь государства.

Правовая культура выступает как социальное явление, имеющее ярко выраженную целевую направленность, охватывающее всю совокупность наиболее значимых ценностных компонентов правовой реальности. Она является неотъемлемым компонентом цивилизованности общества, взаимосвязанности правового государства и гражданского общества.

Гражданскому обществу, как отмечают исследователи¹, соответствует такая духовно-ценностная система, в которую включены гражданские права и свободы демократической ориентации: личная свобода, справедливость, неприкосновенность и безопасность граждан, право свободного существования и функционирования независимых объединений и др. Эта ценностная система способна функционировать в современном обществе, основанном на индивидуалистических принципах социального бытия. Для российского же общества характерно наличие принципа коллективизма, который является мощным духовным элементом социума. Данное противоречие не позволяет принять в качестве жизнеполагающих принципов основные положения гражданского общества. И если в эпоху политических и экономических трансформаций активно действующие субъекты – государство, политические партии, элиты – понимают и принимают необходимость правовых ценностей гражданского общества, то российское общество в основной своей массе ещё не готово к изменениям.

нормы муниципальной службы, одновременно основанной на принципах, присущих идеальной модели PR: диалоговая коммуникация, творческий подход, оперативность, учет мнений и интересов целевых групп.

Примечания

¹ ФЗ № 131 от 06.10.2003г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» М., 2004. П. 2 ст. 1.

² Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 2002, С. 165.

³ Конституция Российской Федерации. М., 1993. Ст. 12.

⁴ Финансы, денежное обращение и кредит / Под ред. В.К. Сенчагова, А.И. Архипова. М., 2005. С. 351.

⁵ Сухотерин Л., Юдинцев И. Информационная работа в государственном аппарате. М., 2007. С. 324.

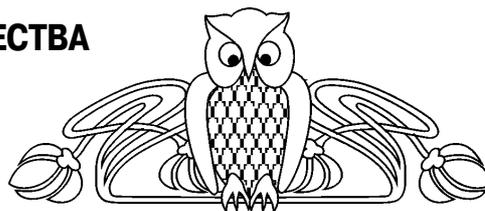
⁶ Комаровский В.С. Государственная служба и СМИ. Воронеж, 2003. С. 86.

УДК 323.3

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.С. Горелик

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: m838om@mail.ru

В статье представлены и проанализированы теоретические подходы к понятию правовой культуры. Дана оценка уровня правового сознания российского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, правовая культура, правосознание.

Legal Culture in the Civil Society

D.S. Gorelik

In the article theoretical approaches to the concept of legal culture are represented and analyzed. The estimation of legal consciousness state in the Russian society is given.

Key words: civil society, legal state, legal culture, legal consciousness.

Эволюционное развитие многих стран свидетельствует о том, что определённые гарантии прав и свобод человека создаются на основе развитости институтов гражданского общества и демократического правового государства. В российском обществе продолжается процесс формирования новой государственности, становления правового государства и открытого гражданского общества. Изменения произошли и в правовой системе, и в правовой культуре российского общества. В связи с изменившимися социально-политическими условиями требуется качественно новая правовая культура граждан, темпы формирования которой не соответствуют современному состоянию общественно-политической системы. Данное обстоятельство требует научного осмысления тех трансформаций, которые происходят в правовой и политической сферах общественной жизни.

Правовая культура общества – это составная часть созданных им духовных ценностей. Среди значимых элементов данной категории можно

назвать и определённый уровень правового сознания, и развитую правовую систему, и эффективное независимое правосудие, надёжные гарантии прав и свобод гражданина, прочные правовые традиции, юридическую грамотность граждан и многие другие факторы, которые определяют правовую жизнь государства.

Правовая культура выступает как социальное явление, имеющее ярко выраженную целевую направленность, охватывающее всю совокупность наиболее значимых ценностных компонентов правовой реальности. Она является неотъемлемым компонентом цивилизованности общества, взаимосвязанности правового государства и гражданского общества.

Гражданскому обществу, как отмечают исследователи¹, соответствует такая духовно-ценностная система, в которую включены гражданские права и свободы демократической ориентации: личная свобода, справедливость, неприкосновенность и безопасность граждан, право свободного существования и функционирования независимых объединений и др. Эта ценностная система способна функционировать в современном обществе, основанном на индивидуалистических принципах социального бытия. Для российского же общества характерно наличие принципа коллективизма, который является мощным духовным элементом социума. Данное противоречие не позволяет принять в качестве жизнеполагающих принципов основные положения гражданского общества. И если в эпоху политических и экономических трансформаций активно действующие субъекты – государство, политические партии, элиты – понимают и принимают необходимость правовых ценностей гражданского общества, то российское общество в основной своей массе ещё не готово к изменениям.

Таким образом, формирование и развитие правовой культуры гражданского общества должно способствовать повышению активности участия граждан в формировании властных структур, законодательном процессе.

Однако демократические реформы в России повлияли не только на изменения в политической системе государства, но и на общественное правосознание. Как справедливо отмечает Л.Е. Лапаева, «многовековой опыт авторитаризма и государственного произвола породил правовой нигилизм у абсолютного большинства россиян»².

Очевидно, что построение гражданского общества немислимо без правового государства и развитого правосознания. Это подтверждают и результаты многочисленных социологических опросов. Так опрос, проведённый в октябре 2006 г. в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, подтвердил, что наиболее важными демократическими ценностями для россиян являются закон, порядок, справедливые суды³. Такие важные для демократии ценности, как свободные и честные выборы, свобода слова и независимая пресса уступили место желанию иметь в стране справедливую судебную систему.

УДК 329 (47)

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О.В. Андронов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара,
кафедра связей с общественностью
E-mail: m838om@mail.ru

В статье представлены и проанализированы основные направления развития некоммерческого сектора. Сделан вывод о том, что неправительственные организации как институты общественного движения должны стать главной опорой российского гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, участие граждан, неправительственные организации, некоммерческие организации.

Nongovernmental Organizations as the Factor of Political Development of Russia at the Modern Stage

O.V. Andronov

In the article the main directions of the non-commercial sector development are represented and analyzed. The conclusion has been drawn that nongovernmental organizations being the institutions of public movement have to become the main support to the Russian civil society.

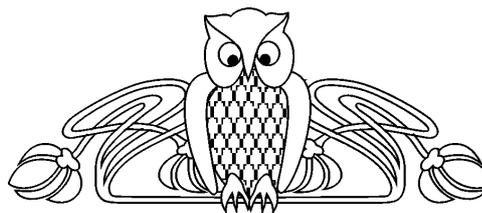
Key words: civil society, citizens' participation, nongovernmental organizations, non-commercial organizations.

Вместе с тем исследование показало, что в обществе отсутствует уважение к закону. Наличие значительных групп населения, готовых преступить закон, – это показатель кризиса правосознания, правовой культуры, который фиксируются учеными более десяти лет. Данные факты крайне отрицательно сказываются на состоянии всего общества. Поэтому курс на продолжение политических реформ в российском обществе актуализирует проблему утверждения реальных демократических ценностей.

Вопросы правовой культуры должны стать основой для создания условий роста и значимости права в жизни формирующегося гражданского общества в России.

Примечания

- ¹ См.: Кудряшова М.С. К вопросу о перспективах гражданского общества в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. 2001. № 1.
- ² Лапаева Л.Е. Достоинство личности и закон в государстве Российском // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 78.
- ³ Козырева П.М. Правовое сознание и доверие // Полис. 2008. № 4. С. 86.

Прошедшее десятилетие для современной России ознаменовано глубокими переменами в политике. Однако масштабность изменений не позволила посткоммунистическому государству достичь универсальных демократических стандартов. Бурное обсуждение поправок к закону о некоммерческих организациях¹ (НКО) вновь актуализировало дискуссии о судьбах российской демократии и гражданского общества. Исследователи отмечают, что общество разочаровалось не столько в самой демократии, сколько в своём политическом выборе, сделанном в начале 1990-х гг.².

Таким образом, можно констатировать, что теоретическим фундаментом развития гражданского общества в России должна стать демократия участия, предполагающая гарантированную возможность граждан избирать власть на всех уровнях государственного управления, контролировать процессы властеосуществления, а также проявлять гражданские инициативы в создании и реализации законов, публично значимых политических программ, проектов управленческих решений. О значимости такого участия граждан сказал в своём первом ежегодном Послании Президент

Таким образом, формирование и развитие правовой культуры гражданского общества должно способствовать повышению активности участия граждан в формировании властных структур, законодательном процессе.

Однако демократические реформы в России повлияли не только на изменения в политической системе государства, но и на общественное правосознание. Как справедливо отмечает Л.Е. Лапаева, «многовековой опыт авторитаризма и государственного произвола породил правовой нигилизм у абсолютного большинства россиян»².

Очевидно, что построение гражданского общества немислимо без правового государства и развитого правосознания. Это подтверждают и результаты многочисленных социологических опросов. Так опрос, проведённый в октябре 2006 г. в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, подтвердил, что наиболее важными демократическими ценностями для россиян являются закон, порядок, справедливые суды³. Такие важные для демократии ценности, как свободные и честные выборы, свобода слова и независимая пресса уступили место желанию иметь в стране справедливую судебную систему.

УДК 329 (47)

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О.В. Андронов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара,
кафедра связей с общественностью
E-mail: m838om@mail.ru

В статье представлены и проанализированы основные направления развития некоммерческого сектора. Сделан вывод о том, что неправительственные организации как институты общественного движения должны стать главной опорой российского гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, участие граждан, неправительственные организации, некоммерческие организации.

Nongovernmental Organizations as the Factor of Political Development of Russia at the Modern Stage

O.V. Andronov

In the article the main directions of the non-commercial sector development are represented and analyzed. The conclusion has been drawn that nongovernmental organizations being the institutions of public movement have to become the main support to the Russian civil society.

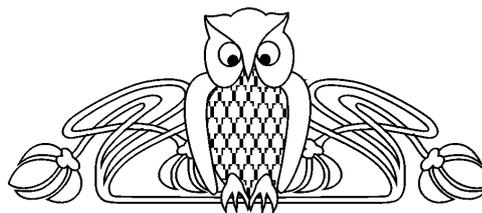
Key words: civil society, citizens' participation, nongovernmental organizations, non-commercial organizations.

Вместе с тем исследование показало, что в обществе отсутствует уважение к закону. Наличие значительных групп населения, готовых преступить закон, – это показатель кризиса правосознания, правовой культуры, который фиксируются учеными более десяти лет. Данные факты крайне отрицательно сказываются на состоянии всего общества. Поэтому курс на продолжение политических реформ в российском обществе актуализирует проблему утверждения реальных демократических ценностей.

Вопросы правовой культуры должны стать основой для создания условий роста и значимости права в жизни формирующегося гражданского общества в России.

Примечания

- 1 См.: Кудряшова М.С. К вопросу о перспективах гражданского общества в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. 2001. № 1.
- 2 Лапаева Л.Е. Достоинство личности и закон в государстве Российском // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 78.
- 3 Козырева П.М. Правовое сознание и доверие // Полис. 2008. № 4. С. 86.

Прошедшее десятилетие для современной России ознаменовано глубокими переменами в политике. Однако масштабность изменений не позволила посткоммунистическому государству достичь универсальных демократических стандартов. Бурное обсуждение поправок к закону о некоммерческих организациях¹ (НКО) вновь актуализировало дискуссии о судьбах российской демократии и гражданского общества. Исследователи отмечают, что общество разочаровалось не столько в самой демократии, сколько в своём политическом выборе, сделанном в начале 1990-х гг.².

Таким образом, можно констатировать, что теоретическим фундаментом развития гражданского общества в России должна стать демократия участия, предполагающая гарантированную возможность граждан избирать власть на всех уровнях государственного управления, контролировать процессы властеосуществления, а также проявлять гражданские инициативы в создании и реализации законов, публично значимых политических программ, проектов управленческих решений. О значимости такого участия граждан сказал в своём первом ежегодном Послании Президент

страны Д.А. Медведев³. Более того, глава государства предложил предусмотреть дополнительные меры для привлечения к законотворческому процессу представителей неправительственных организаций.

Неправительственные организации как институты общественного движения должны стать главной опорой отечественного гражданского общества. В связи с этим важнейшей задачей политической науки и практики представляется разработка политико-правового механизма межсекторного взаимодействия личности, общества и государства.

Одна из основных проблем при изучении третьего сектора в отечественной политической науке сводится к разработке единой методологии изучения. Большинство ученых считают, что сфера взаимоотношений общественности с госструктурами составляет окружающую среду третьего сектора, поэтому, как нам представляется, исходной методологической предпосылкой осмысления НКО является анализ взаимоотношений государства и гражданского общества⁴.

Изучение позиций исследователей по данной проблематике дало возможность сделать вывод о том, что оптимальным режимом функционирования неправительственных организаций является демократия участия. Кроме того, их эффективная деятельность способствует реализации принципов демократического правового социального государства.

НКО выступают в виде комплексного компонента гражданского общества. Значение деятельности неправительственных организаций как основной гражданообразующей силы в эпоху постмодерна неуклонно возрастает. Индивидуализм и свобода экономической деятельности, составляющие базовые ценности западного гражданского общества, на современном этапе продемонстрировали свою неспособность консолидировать общество. Поэтому преодоление кризиса либеральной модели возможно только путем обогащения данной концепции за счет таких ценностей, как коллективизм, патриотизм, чувство идентичности индивида с социальной группой и государством.

Как показали результаты массовых социологических опросов, проведенных на региональном уровне – в г. Саратове весной 2007 г. – подавляющее большинство респондентов ратуют за демократию с сильной государственной властью⁵. Эти же параметры присутствуют и в итогах опросов на всероссийском уровне⁶.

Принимая во внимание традиционно огромную роль государства в жизни нашего социума, учитывая неразвитость политических институтов, можно считать, что именно НКО могут стать в нашей стране важнейшим институтом политического участия народа. Именно они будут играть решающую роль в демократизации общественно-государственных отношений,

являясь показателем развитости гражданского общества.

НКО – это относительно новый феномен, появившийся в социально-политической системе США и европейских стран лишь в 50-х гг. прошлого века, а позже – в так называемых западных демократиях. Их быстрое развитие стало следствием целого ряда социально-политических факторов.

Необходимо отметить, что происходит опережающий рост запросов личности по сравнению с возможностями их адекватного удовлетворения, предлагаемыми со стороны государства. Эти запросы растут очень быстрыми темпами. Информационная революция привела к увеличению в среднем классе числа людей, которые не удовлетворены существующими возможностями самовыражения не только в экономической, но и политической сферах.

Кризис двух ведущих концепций XX в. – социализма и государства всеобщего благоденствия – стимулировал поиск нового «направления развития». Последние два десятилетия демонстрируют своеобразный «кризис государства», который выразился в серьезных претензиях к традиционной государственной системе социальной защиты во многих странах. Крах социалистического эксперимента, проводившегося в странах Центральной и Восточной Европы, а также растущая обеспокоенность в связи с ухудшающимся состоянием окружающей среды и повсеместно возникающей в связи с этим угрозой здоровью и безопасности человека, также стали показателями неэффективности государственного управления.

Таким образом, стала очевидной несостоятельность утверждения о том, что только государственно-политическое управление способно эффективно решать все назревшие проблемы.

Именно неправительственные организации выступают сегодня на политической арене как опосредованный субъект властеосуществования, влияющий на процесс инициирования, разработки и реализации государственной политики, трансформируя сферу государственной монополии в область публичного управления. Трудно не согласиться с мнением экономиста всемирного банка Дж. Стиглица о том, что «потенциал государства определяется не только экономической политикой, но и уровнем развития общественных организаций в стране»⁷.

Разочарование в возможностях государства и рынка обеспечить полноценность человеческой жизни и, одновременно, успехи социальных движений привели к тому, что внимание и надежды многих сегодня сфокусированы на деятельности неправительственных организаций – самоорганизующихся институтах гражданского общества. Несмотря на то, что данный феномен является частью современных демократий, системного теоретического обоснования он пока не получил.

Поскольку НКО возникли из общественных движений, то первый научный подход к их осмыслению сложился в рамках социологии, раздел которой – социология общественных движений – изучает доинституциональную природу общественных объединений: социально-психологические мотивы, причины и стимулы объединения индивидов, стереотипы коллективного поведения⁸.

Возникнув как социальное явление, по мере институционального оформления неправительственные организации приобретают всё большую значимость в политике. Соответственно такие вопросы, как определение статуса НКО, выявление их роли и функций в политической системе должны стать объектом изучения политической науки.

Однако такого системного политологического осмысления феномен НКО в России пока не получил, хотя все возрастающий объем публицистической литературы по этой тематике свидетельствует о неподдельном интересе политологов к данному явлению. В западной политологии дефиниции, статус, роль, место и функции НКО четко регламентированы, но интерпретация этого материала в отечественной науке вызывает массу сложностей, связанных со спецификой генезиса данного феномена в России и его восприятия исследователями.

Так, если на Западе некоммерческие организации были основаны по инициативе граждан «снизу» как результат демократических завоеваний общественности и потому развивались как общественно-государственные институты, то в России, учитывая исторически сложившееся доминирование государства над обществом, большая часть этих организаций была инициирована властью.

Кроме того, диссидентское движение 60–80-х гг. прошлого века в нашей стране придало негативную оценку процессам общественной самоорганизации. Не случайно поэтому первыми переводами англоязычного термина «nongovernment organizations» стали термины «неформальные» или «негосударственные», а иногда и как «антигосударственные».

Эталоном политологического осмысления НКО считается международно признанный термин «неправительственные организации» – структуры третьего сектора, сфера и направление деятельности которых ограничена социальными параметрами⁹.

В отличие от бизнеса третий сектор (некоммерческие организации), как правило, вообще не стремится к извлечению прибыли, а если она и имеется, то тратится на общественно полезные дела, для которых и созданы НПО¹⁰.

Так, общественные объединения, определяемые как добровольные, самоуправляемые, некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан на основе общности интересов для реализации общих целей¹¹, являются един-

ственными легитимизированными Конституцией РФ организациями третьего сектора (ст. 30). В то же время как по международной классификации, так и российским законодательством они признаны лишь частью организационно-правовой формой НКО¹².

Сегодня очевидна необходимость создания условий, при которых жизненная энергия, направленная на личностную самореализацию, сочеталась бы с вовлечением молодежи в общественную жизнь. И здесь перед неправительственными организациями встают следующие задачи.

Прежде всего, они создаются для генерации человеческого капитала, который заставляет демократию работать. Деятельность неправительственных организаций направлена на создание формальной и неформальной сети коммуникаций между государственно-политической системой и гражданским обществом. Такой подход к сути НКО соответствует концепции позднего модерна и постмодерна, когда гражданское общество рассматривается через взаимодействие личности и властных структур государства.

Именно неправительственные организации являются тем уникальным и мобильным механизмом вовлечения личности в процессы политического и гражданского участия. Они организуют общественность в мощные группы, способные влиять на государственную политику.

Деятельность неправительственных организаций должна быть направлена на снижение социальной напряженности в обществе. Участвуя в деятельности НКО, граждане снижают уровень своей депривации и реализуют свои потребности и интересы.

Неправительственные организации способствуют установлению баланса между правами и обязанностями гражданина, оптимального соотношения свободы и ответственности личности в рамках демократии.

Вступая в НКО, как подчеркивал К. Ясперс, каждый в той или иной степени определяет свою политическую, социальную, гражданскую и индивидуальную ответственность за правовой порядок в государстве и мире¹³, или, по ёмкому выражению Ю. Хабермаса, «индивидуально осваивает гражданскую позицию»¹⁴.

Как правило, неправительственные организации артикулируют наиболее острые социальные, политические, правовые, экономические проблемы, реально существующие в социуме.

Кроме того, они оказывают помощь государству в улучшении качества предоставляемых социальных услуг. НКО в состоянии взять на себя часть функций государства по обеспечению достойного уровня граждан.

Наконец, оценивая социально-экономический аспект роли объединений граждан в современном демократическом правовом государстве, нельзя не упомянуть об их исключительно важной роли в государствах с переходной экономикой.

Здесь роль НКО еще более важна, что объясняется неразвитостью рыночных отношений, крайней ограниченностью ресурсов государства, сложностью социально-экономических вопросов переходного периода. В результате объединениям граждан частично приходится решать задачи, традиционно выполняемые государством в рыночной экономике. НКО обретают, таким образом, новую роль, дополняя традиционно государственные функции. Тем самым границы между властью и институтами гражданского общества становятся взаимопроникающими.

Вместе с тем необходимо отметить, что формирование и развитие гражданского общества в нашей стране происходит в неблагоприятных условиях. Гражданское общество и его организации не располагают равными правами и возможностями по сравнению с двумя другими компонентами, а именно государственным и коммерческим секторами. Будучи добровольным и «независимым», третий сектор часто рассматривался как нечто второстепенное по сравнению с остальными, особенно в условиях зарождающейся демократии.

Неправительственным организациям действительно не хватает потенциала в области анализа, управления, работы в единой сети и в вопросах мобилизации ресурсов. К тому же они не обеспечивают достаточную отчетность перед своими членами. Если экономический аспект их деятельности поддается оценке, то оценить эффективность их деятельности в социальной сфере очень сложно ввиду отсутствия методик. Часто правовая основа и директивные документы, регулирующие деятельность этих организаций, носят ограничительный характер. Поэтому крайне необходимо системное опосредованное государственное регулирование и стимулирование деятельности неправительственных организаций в России. Это поможет НКО стать равноправными эффективными партнерами власти по решению общественно – значимых проблем в государстве.

УДК 32:316.325:004

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

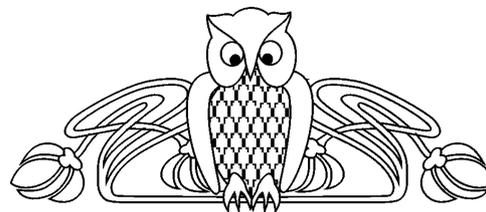
Ю.М. Алексеев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: alekseev-yura@mail.ru

В статье показана роль Интернета в общественно-политическом развитии современного общества. Анализируются возможности и

Примечания

- ¹ См.: О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. ФЗ от 26.11.1998 г., 08.07.1999 г., 21.03.2002 г., 28.12.2002 г., 23.12.2003 г., 10.01.2006 г., 02.02.2006 г., 03.11.2006 г., 30.12.2006 г., 30.12.2006 г.) М., 2007.
- ² См.: *Петухов В.В.* Демократия участия в современной России (потенциал и перспективы развития) // *Общественные науки и современность*. 2007. № 1. С. 79.
- ³ См.: Российская газета. 2008. 6 ноября.
- ⁴ См.: *Баталова Ю.В.* Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами государственной власти: Автореф. ... канд. полит. наук. М., 2004.
- ⁵ См.: *Вилков А.А., Данилов М.В., Шестов Н.И.* Общественное мнение в преддверии избирательного цикла: глубинные основания и конъюнктурные проявления // *Известия Сарат. ун-та. Новая серия*. 2007. Сер. Социология. Политология. Т. 7, вып. 2. С. 79.
- ⁶ См.: *Петухов В.В.* Указ. соч. С. 5.
- ⁷ Цит. по: О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. М., 1999. С. 67.
- ⁸ См.: *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 108–109.
- ⁹ *Isagani, Serrano R.* Civil Society in Asia-Pacific Region. Washington, 1994. P. 138–143.
- ¹⁰ См.: *Кутейников А.Е.* Самоорганизация российского социума, третий сектор и общественная экспертиза // *Гражданское общество и местное самоуправление в России: Материалы Гражданского форума – 2003*. СПб., 2003. С. 180–181.
- ¹¹ Ст. 2 п. 3 Федерального закона от 12 янв. 1996 г. «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ.
- ¹² Ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ (М., 2005).
- ¹³ См.: *Яснерс К.* Вопрос виновности // *Знамя*. 1994. № 1. С. 151.
- ¹⁴ См.: *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М., 1995.

перспективы изменения механизмов представительной демократии, насколько это реалистично и какие существуют проблемы.

Ключевые слова: политические интернет-технологии, интернет-голосование, виртуальные народные собрания, интернет-сообщества, электронное правительство, электронная демократия.

Здесь роль НКО еще более важна, что объясняется неразвитостью рыночных отношений, крайней ограниченностью ресурсов государства, сложностью социально-экономических вопросов переходного периода. В результате объединениям граждан частично приходится решать задачи, традиционно выполняемые государством в рыночной экономике. НКО обретают, таким образом, новую роль, дополняя традиционно государственные функции. Тем самым границы между властью и институтами гражданского общества становятся взаимопроникающими.

Вместе с тем необходимо отметить, что формирование и развитие гражданского общества в нашей стране происходит в неблагоприятных условиях. Гражданское общество и его организации не располагают равными правами и возможностями по сравнению с двумя другими компонентами, а именно государственным и коммерческим секторами. Будучи добровольным и «независимым», третий сектор часто рассматривался как нечто второстепенное по сравнению с остальными, особенно в условиях зарождающейся демократии.

Неправительственным организациям действительно не хватает потенциала в области анализа, управления, работы в единой сети и в вопросах мобилизации ресурсов. К тому же они не обеспечивают достаточную отчетность перед своими членами. Если экономический аспект их деятельности поддается оценке, то оценить эффективность их деятельности в социальной сфере очень сложно ввиду отсутствия методик. Часто правовая основа и директивные документы, регулирующие деятельность этих организаций, носят ограничительный характер. Поэтому крайне необходимо системное опосредованное государственное регулирование и стимулирование деятельности неправительственных организаций в России. Это поможет НКО стать равноправными эффективными партнерами власти по решению общественно – значимых проблем в государстве.

УДК 32:316.325:004

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

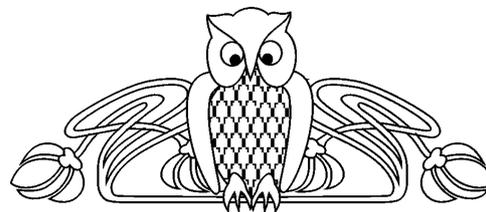
Ю.М. Алексеев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: alekseev-yura@mail.ru

В статье показана роль Интернета в общественно-политическом развитии современного общества. Анализируются возможности и

Примечания

- 1 См.: О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. ФЗ от 26.11.1998 г., 08.07.1999 г., 21.03.2002 г., 28.12.2002 г., 23.12.2003 г., 10.01.2006 г., 02.02.2006 г., 03.11.2006 г., 30.12.2006 г., 30.12.2006 г.) М., 2007.
- 2 См.: Петухов В.В. Демократия участия в современной России (потенциал и перспективы развития) // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 79.
- 3 См.: Российская газета. 2008. 6 ноября.
- 4 См.: Баталова Ю.В. Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами государственной власти: Автореф. ... канд. полит. наук. М., 2004.
- 5 См.: Вилков А.А., Данилов М.В., Шестов Н.И. Общественное мнение в преддверии избирательного цикла: глубинные основания и конъюнктурные проявления // Известия Сарат. ун-та. Новая серия. 2007. Сер. Социология. Политология. Т. 7, вып. 2. С. 79.
- 6 См.: Петухов В.В. Указ. соч. С. 5.
- 7 Цит. по: О взаимодействии организаций третьего сектора (НКО) с государственными органами в сфере социальной политики. Международный опыт. М., 1999. С. 67.
- 8 См.: Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993. С. 108–109.
- 9 Isagani, Serrano R. Civil Society in Asia-Pacific Region. Washington, 1994. P. 138–143.
- 10 См.: Кутейников А.Е. Самоорганизация российского социума, третий сектор и общественная экспертиза // Гражданское общество и местное самоуправление в России: Материалы Гражданского форума – 2003. СПб., 2003. С. 180–181.
- 11 Ст. 2 п. 3 Федерального закона от 12 янв. 1996 г. «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ.
- 12 Ст. 5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ (М., 2005).
- 13 См.: Яценер К. Вопрос виновности // Знамя. 1994. № 1. С. 151.
- 14 См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М., 1995.

перспективы изменения механизмов представительной демократии, насколько это реалистично и какие существуют проблемы.

Ключевые слова: политические интернет-технологии, интернет-голосование, виртуальные народные собрания, интернет-сообщества, электронное правительство, электронная демократия.

Internet Technologies as a Factor of the Representative Democracy Mechanisms Transformation

Y.M. Alekseev

In the article the role of the Internet in the social-political development of the modern society is shown. The possibilities and perspectives of the representative democracy mechanisms changes and surrounding problems are analyzed.

Key words: political Internet technologies, Internet voting, virtual public meetings, Internet societies, e-government, e-democracy.

Сегодня Интернет все масштабнее внедряется в общественно-политическую жизнь, изменяет традиционные представления и способствует появлению новых форм коммуникации. Его возможности воодушевили многих исследователей поверить в возможность возрождения идей прямой демократии, аналогично тому, как широкое распространение телевидения послужило появлению и популяризации идей «теледемократии». Как показывает время, все это остается на уровне теоретических конструкций. Вместе с тем, нельзя отрицать того факта, что новые информационно-коммуникативные технологии изменяют традиционные механизмы представительной демократии. Конечно, некоторые из них являются идеализацией наметившихся тенденций, но значительная их часть – это реально-функциональные механизмы, потенциал которых, правда, сегодня реализован не полностью.

Сложно осуществимым на практике, по ряду причин, является механизм непосредственного народного правления через виртуальные народные собрания на уровне государства. По своему замыслу, виртуальные народные собрания мыслятся как орган власти, объединяющий весь «народ», но не требующий схода, присутствия всех граждан в одном месте. Людям, желающим принять участие в таком собрании, даже не обязательно покидать свои дома. С помощью Интернета они могут общаться на расстоянии, моментально связавшись друг с другом. Эти сообщества могут действовать постоянно, что позволяет гражданам в любой момент включиться в непрерывный процесс принятия публично-властных решений. Граждане могут и должны не просто участвовать в голосовании, но и формировать повестку дня народных собраний и детально обсуждать поставленные проблемы, используя средства коммуникации. Что касается самого голосования, то оно не должно сводиться к «за» и «против». На голосование должны ставиться также предложения о принятии законопроекта в первом и последующих чтениях, о необходимости его доработки, о рассмотрении альтернативных проектов, о доверии правительству и т.д.¹

На первый взгляд это выглядит вполне реалистично, формально переход от коммуникационной схемы «один ко многим» к схеме «многие ко многим» сделал подобную форму общения

теоретически осуществимой. К тому же виртуальные собрания обладают такими преимуществами, как значительно меньшая степень зависимости от размера политической единицы, мгновенность коммуникации, отсутствие временных ограничений. Следует добавить, что сегодня уже имеется реальный опыт организации и проведения электронных народных собраний. Участие граждан в электронном обсуждении местных проблем широко распространено, в частности в Финляндии, а в США еще в начале 1990-х гг. метод «народного парламента» был использован в масштабах целого штата (Орегон).

Основная проблема здесь в том, насколько эффективен будет такой орган и будет ли он способен обеспечить стабильность политической системы. Как известно по опыту афинской демократии, она существовала в полисах кратковременные периоды и, как правило, заканчивалась установлением тирании. При этом не стоит забывать, что она была всегда демократией малых общностей. При увеличении численности собрания до десятков тысяч человек (масштаб крупного города или региона) эффективно обсуждать общественно важные вопросы – вникать в их суть, вносить предложения, знакомиться с мнением других – крайне проблематично. Кроме этого реализации идей прямой демократии в информационном обществе препятствуют такие факторы, как цифровое неравенство и сравнительно небольшой объем политической аудитории Интернета.

Более реалистичной является такая форма демократического политического участия, как виртуальные кружки или своеобразные митинги, на которых обсуждаются актуальные общественно-политические проблемы. Фактически это тоже народное собрание, но с совершенно другой компетенцией. Таких собраний может быть самое разное количество и их организаторами может стать каждый желающий. Если в первом случае это своеобразные представительные ассамблеи, деятельность которых регулируется законом, то в данном случае их аналогом, например, может служить собрание людей в каком-либо месте, по какому-либо значимому для них поводу.

Подобные кружки являются основой для формирования интернет-сообществ, объединяющих людей по самым разным признакам: по убеждениям, интересам, общим проблемам. Из них могут складываться виртуальные, охватывающие весь мир коалиции, объединяющие единомышленников и тех, кто ставит перед собой идентичные цели. Их члены помогают друг другу, обмениваясь информацией, разрабатывая или реализуя на деле стратегию действий. Рассеянных по миру одиночек превращает в мощную коалицию не географическая близость их проживания, а очень конкретные и узкие цели.

Одним из популярных интернет-механизмов создания подобных объединений является блог. Он представляет собой доступную для всех же-

лающих личную страничку пользователя сети Интернет. Ее содержимое – это регулярно добавляемые заметки по темам, формируемым автором блога. Политическая тематика в них является одной из доминирующей, привлекающей внимание большого числа пользователей сети.

Наряду с народными собраниями, неотъемлемым атрибутом современных демократий является состязательность политических партий за голоса избирателей. Развитие и массовое внедрение в общество интернет-технологий открыли новое пространство для партийной коммуникации. Уже сегодня большинство российских партий имеют свое представительство в сети, где можно ознакомиться с ее деятельностью, уставом, программой партии, стать ее членом или добровольцем-помощником для проведения отдельных акций. Они стали полноправными акторами виртуального пространства сети, не имеющего реальных пространственных ограничений. Это открывает новые возможности для участия граждан в партийной жизни. Так, чтобы быть членом партии и участвовать в различных мероприятиях, не нужно выходить из дома, достаточно иметь компьютер с выходом в Интернет.

В нашей стране имеются успешные примеры создания виртуальных партий. Так, в 1998 г. Б. Немцовым в Рунете было создано правопоцентристское движение «Россия молодая», получившее в дальнейшем регистрацию в Минюсте. Стать его членом можно было, заполнив анкету на одноименном сайте. В результате получилось объединение, имеющее членов во всех регионах России. Еще дальше в деле виртуального партийного строительства пошел С. Киреенко, не только создавший с помощью «электронной подписки» движение «Новая сила», но и организовавший первый в российской истории «виртуальный съезд» осенью 1999 г.²

Интернет является средой коммуникации большого количества людей. Это среда обладает целым набором характеристик, которые делают ее привлекательной для публичной политики. К ним относятся: оперативность публикации информации при практически неограниченных объемах и малых издержках на распространение, доступность для пользователя, мультимедийные возможности, визуализация и интерактивность. Все это открывает большие возможности для различных политических технологий. Так, в период избирательных кампаний Интернет используется в формировании имиджа политиков, в агитационной деятельности. Более того, Интернет являлся активным участником всех политических скандалов в стране. Любое заметное и политически значимое событие в стране обязательно сейчас сопровождается возникновением либо специализированных проектов в рамках крупных серверов Рунета, либо вообще отдельных интернет-проектов. Как это было, например, со «Страной.ру», создавшей особые проекты по трагедии с подлодкой «Курск»

и по Чечне. Интернет-издание «Грани.ру» (спонсируемое, как известно, Борисом Березовским) после взрывов жилых домов в Москве сделало специальный сайт Terrog99.ru, а после захвата заложников в театральном центре на Дубровке – ресурс Zalozhniki.ru. В результате событий в «Норд-Осте» появился также сайт «Важно.ру». К парламентским выборам 2003 г. был создан специальный веб-проект «Урна.ру», который функционирует и по сегодняшний день.

Возможности Интернета таковы, что он изменяет традиционный механизм демократии – голосование. С его помощью можно сделать свой выбор, не ходя на избирательный участок, достаточно просто иметь компьютер с выходом в сеть. Впервые интернет-голосование было применено на предварительных выборах Демократической партии США в одном из штатов в марте 2000 г., где более 40% от всех участников голосовали через Интернет. В ноябре того же года, в рамках Федеральной программы содействия выборам (Federal Voting Assistance Program), с использованием Интернета проголосовали 84 избирателя, находившихся за границей. Эта форма голосования получает развитие в разных странах мира. В 2003 г. в Великобритании интернет-голосование применялось на выборах в органы местного самоуправления³.

В октябре 2008 г. первый эксперимент по голосованию через Интернет состоялся и в нашей стране. На выборах в г. Новомосковске Тульской области электронное голосование проводилось на некоторых избирательных участках (№ 550-554) одномандатного избирательного округа № 3. В эксперименте смогли принять участие граждане Российской Федерации, достигшие возраста восемнадцати лет, из числа внесенных в списки избирателей на этих участках. Каждому, кто приходил на эти участки и голосовал, выдавали компьютерный компакт-диск, который содержал индивидуальный код доступа на специальный сайт. В результате избиратель с помощью этого диска мог проголосовать в тестовом режиме с любого компьютера, подключенного к сети Интернет⁴.

Несмотря на то, что голосование через Интернет является наиболее развивающимся направлением, главные проблемы – это сохранение тайны голосования и минимизация возможности применения «грязных технологий», а также идентификация избирателя. Кроме того, необходима разработка законодательной базы интернет-голосования.

По сути, внедрение интернет-голосования является одним из направлений государственной стратегии стимулирования политического участия граждан, в первую очередь молодежи. Еще одной стратегией вовлечения граждан в политику, повышения легитимности политических институтов демократии является концепция «электронного правительства» (e-Government). Ее смысл состоит

во внедрении в деятельность органов государственного управления современных технологий, в том числе и интернет-технологий, в результате чего должна повыситься эффективность взаимодействия как внутри органов власти, так и с общественностью. Основной целью создания электронного правительства является решение основных проблем власти. Это, во-первых, введение электронного документооборота, который позволит уменьшить бюрократические проволочки и ускорить принятие решений; во-вторых, трансформация в электронную форму коммуникаций граждан и бизнеса с властью; в-третьих, дебиюрократизация власти, прозрачность государственного и муниципального управления.

В западном восприятии «электронное правительство» состоит из трех основных модулей: правительство правительству (G2G, government to government); правительство бизнесу (G2B, government to business); правительство гражданам (G2C, government to citizens) и включает в себя многочисленные прикладные элементы: свободу доступа граждан к государственной информации, перевод государственных органов на безбумажное делопроизводство, установление для всех государственных органов показателей эффективности работы на год и регулярный их контроль, введение в государственных органах пластиковых карт для идентификации госслужащих, перечисление им зарплаты, расчетов за командировки, перенесение в сеть большинства стандартных транзакций между государством и гражданами или бизнесами и т.п.

Концепции электронного правительства и электронной демократии находят свое реальное выражение в политике различных государств. В настоящий момент национальная программа США по информатизации правительственных учреждений реализуется в рамках проекта FirstGov, имеющего целью создание внутренней (правительственной) и внешней (взаимодействующей с гражданами и организациями) сетевой информационно-коммуникационной инфраструктуры, поддерживающей процесс выполнения федеральными органами исполнительной власти своих функций в обществе. В Великобритании ре-

ализуется программа «E-citizen, e-business, e-government. A strategic framework for public service in the Information Age». В 2001 г. в России началась разработка федеральной целевой программы «Электронная Россия на 2002–2010 годы», которая охватывает все сферы информатизации, в том числе и вопросы «электронного правительства»⁵.

При всех возможностях Интернета в современной политике он не способен породить новую форму демократии, принципиально отличающуюся от существующей сегодня представительной. Скорее, можно говорить о преобразованиях традиционной модели представительной демократии в более совершенную форму, так называемую «электронную демократию». Новая форма демократии предполагает гораздо более высокий уровень вовлечения граждан, не в процесс выработки и принятия публично-властных решений, как отмечают многие специалисты, а в политические акции, организуемые основными субъектами политического процесса. Фактически, будущее демократии в соединении различных стратегий вовлечения граждан в политику. На новом информационном пространстве, создаваемом Интернетом, конкурируют партийные информационные стратегии, стратегии политических лидеров, государственных структур, групп интересов.

Примечания

- ¹ Руденко В.Н. Новые Афины или электронная республика // Полис. 2006. № 4. С. 10.
- ² См.: Соленикова Н.В. Политический Интернет в российских избирательных кампаниях // ОНС. 2007. № 5. С. 69.
- ³ См.: Ермолов С.В. О выборах в Интернете и новинках избирательной практики Великобритании. М., 2007. С. 24.
- ⁴ http://www.gazeta.ru/news/lenta/2008/10/12/n_1281887.shtml
- ⁵ См.: Сморгунюв Л.В. Электронное правительство: этапы становления и сравнение опыта // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Тр. V Всерос. объединенной конф. М., 2008. С. 302–305.